

ЕВГЕНИЯ ШТОЛЬЦ

ДЕМОНОЛОГИЯ САНГОМАРА

ХОЗЯЕВА СЕВЕРА

фэнтези

МИО

Граф Тастемара с детьми Йевой и Леонардом покидают замок, чтобы сопроводить Уильяма на суд старейшин в древний город Йефаса. Близится зима, и путникам противостоит не только скверная погода, но и свирепые существа, обитающие в лесах Севера. Вместе с тем Уилл замечает, как близкие по очереди отстраняются от него: граф Филипп становится непривычно холоден, а Йева все чаще не может сдержать слез. Тогда Уильям понимает, что за судом кроется какая-то тайна, о которой ему никто не расскажет до самого последнего дня...

- [Евгения Штолыц](#)

- -
 -
 - [Глава 1. На суд](#)
 - [Глава 2. Малый Уплиш](#)
 - [Глава 3. Тарантон, мой дивный конь](#)
 - [Глава 4. Корвунт](#)
 - [Глава 5. Горная река](#)
 - [Глава 6. Суд](#)
 - [Глава 7. Малый зал](#)
 - [Глава 8. Западный тракт](#)
 - [Глава 9. Второй суд](#)
 - [Глава 10. Новая жизнь](#)
 -
 - [Над книгой работали](#)
-

Евгения Штольц

Демонология Сангомара. Хозяева Севера

Штольц, Евгения

Демонология Сангомара. Хозяева Севера / Евгения Штольц. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2024. – (Демонология Сангомара).

ISBN 978-5-00214-252-1

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Евгения Штольц, 2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

*Пред тем, как чистоту предать,
Подумай над итогом.
Ведь с сердца грязь убрать
Куда сложнее, чем с порога...*

Небо над Брасо-Дэнто было затянуто свинцовыми тучами. Беспреданно лил сильный дождь. Изредка он прекращался, давая жителям короткую передышку, а после начинал лить с новой силой, отчего вниз по улицам устремлялись настоящие реки. И горе тому, кто оказывался на их пути! Лишь благодаря уклону город оставался незатопленным, пока в других областях Солрага все плыло: переполненные водоемы выходили из берегов, а сели спускались с гор, разрушая все на своем пути.

За этой тоскливой панорамой Уильям наблюдал из окна спальни. Он вспоминал мамушку, брата и его жену, а также соседей из Больших и Малых Вардов. У мамышки вот-вот должны начаться приступы болезни. Значит ли это, что она не переживет грядущую зиму? Ведь готовить травяные отвары больше некому. Вспоминалась ему и черноволосая Линайя, чей серебряный браслетик покоился в холщовом кошелье. Однако ее образ, эти смеющиеся глаза, в которых плясали чертята, становился все более размытым, а браслет доставался из кошелье все реже. Любил ли он Лину? Или она просто заменила ему Вериятель?

Так он и дальше вспоминал бы свое прошлое, но его размышления прервал стук в дверь. Отворив, Уильям увидел графа.

– Пойдем со мной, – сказал тот и сделал приглашающий жест. – Выдвигаемся утром. Перед долгой дорогой следует поесть.

Они пошли по коридорам, где колыхался мрак. Замок вздрагивал, будто не от стихии, а от энергичных шагов графа. Тот был в походном костюме. Сквозь шнуровку стеганого балахона, доходящего до колен, проглядывала кольчуга, а с левого бока свисала небольшая сума, где лежали письма, печати и кольца. Уильям и Филипп спустились по мокрым от подземных вод ступеням и прошли общее отделение, на удивление почти пустое. Там сидели всего трое дрожавших от сырости заключенных.

– А почему так пусто? – удивился Уильям.

– Во-первых, мы уезжаем надолго, и здесь остается не так много вампиров. А во-вторых, осенью это отделение тюрьмы подтапливает – и людей косит лихорадка, – ответил ему граф.

Перед входом в черный коридор, где располагались камеры-комнаты, как обычно, дремал охранник. Услышав приближающиеся энергичные шаги, он живо распознал в них хозяина, поэтому подскочил и отвесил глубокий поклон.

– Сколько там? – спросил Филипп.

– Осталось трое, в дальней! – ответил стражник.

Филипп и Уильям прошли коридор до самого конца, ступая сапогами по тонким лужам.

Граф откинул засов и распахнул обитую ржавым железом дверь. Изнутри пахло заплесневелой влагой и человеческим духом. Это было все то же узилище, где прежде находилась троица братьев-насильников, и, как тогда, вдоль стен на подстилках сидели трое мужчин в кандалах.

– Лугос? Право, не ожидал вас здесь увидеть, – удивился граф, вглядываясь в угол.

Пожилой мужчина, которого назвал граф, вскинул голову и тяжело поднялся с лежанки. Его плечи укрывал дорогой плащ из синего сукна, который выдавал в нем весьма состоятельного человека.

– И вам здравствуйте, господин Тастемара.

Понимая, что такому обеспеченному горожанину здесь не место, Филипп вернулся в коридор, где достал из-за прикрепленной к стене доски сырой пергамент.

– Ах вот оно что... – произнес он, вчитываясь. – Как же вы так, уважаемый Лугос, не смогли сдержать себя в руках?

– Я и не собирался держать себя в руках, – мрачно буркнул купец, смахивая лишь ему видимые пылинки с плеча. – Узнай вы о том, что ваша жена изменяла вам пару десятков лет с вашим торговым компаньоном, а потом еще и понесла от него, выдав рожденного ублюдка за вашего сына, – вы б не закололи ее?

– Кто знает. Но мальчика-то за что?

– Потому что он не мой сын! Угробить двадцать лет, чтобы одеть, обуть, уму-разуму научить и купить дом у Вороньего камня. Да кому! Сыну того, кого называл другом! А я ведь верил этой блуднице, хотя и видел, что Обрахам не похож на меня ни капли! Эти женщины – подлые существа!

– Ох, Лугос, Лугос... – пробормотал задумчиво Филипп, вкладывая сырой лист бумаги обратно в деревянный карман. – С таким талантом к торговле, с таким умом и дальновидностью – и столь недалновидно окончить свою жизнь в тюрьме, убив собственную жену, сына, пусть и неродного, и зарубив торгового компаньона...

– Будь у меня выбор, я бы убил их всех снова! Одного не понимаю, – и купец нахмурился, – почему моя голова до сих пор не скатилась с плахи? Смертный приговор должны были привести в исполнение два дня назад. Я обращался к тюремщику, но он глух и туп. А когда вы явились сюда, я уж было решил, что оправдан вами, своим покровителем... Но, кхм, оказалось, вы даже не в курсе, что я заточен здесь... Так почему я еще жив?

– Это мы сейчас поправим, – вполголоса заметил граф.

Потом обернулся к своему подопечному.

– Уильям, бери правого! – показал он на одного узника, а сам направился к другому.

Дальше Уильяму осталось лишь вздрогнуть, потому что в движениях графа не было промедления. Едва различимый глазу в этом мраке, он в мгновение оказался рядом с ничего не понимающим заключенным, хищно выкинул вперед руку – и тот тут же отдал Ямесу душу. Смерть пришла тихо, расчетливо, и, быть может, это было лучшим ее даром. Филипп притянул к себе не успевшую даже вскрикнуть жертву, чья голова неестественно свесилась, и так же неестественно навис над ней. Его почерневшие глаза укрылись за седыми волосами. Пил он без промедления, не находя за свою столь долгую жизнь в этом уже ни игры, ни сладкого удовольствия, а только сухую необходимость.

В узилище стояла тишина.

Лишь позже Уильям сообразил, что для человеческого глаза все происходившее осталось незамеченным. Узники удивленно глядели на две странно застывшие во тьме

фигуры, пока до них наконец не дошло, что происходит. Купец Лугос сдержанно смолчал, смертельно побледнев, а второй истошно и протяжно завыл от страха, как чувствующая гибель собака, – и этот вой показался Уильяму оглушающе неприятным. Будто он прокатился по всему замку, залетел в каждую комнату, вылетел в окно и полетел в город, рассказывая обо всех ужасах, что творятся в подвалах. Желая заглушить этот страшный звук, Уильям в замешательстве кинулся к воющему и попытался вслед за графом принести узнику такую же скорую смерть. У него вышло лишь отчасти, и в конце концов, после непродолжительной, но неуклюжей борьбы, он все-таки присоединился к трапезе, невольно впитывая вместе с кровью и воспоминания.

Остался только один Лугос. Вжавшись спиной в стену, он в безмолвии наблюдал за действиями двух вампиров. У него дрожали руки, по лбу стекал холодный липкий пот, но вздрогнул он лишь тогда, когда тело первого простолюдина шлепнулось на солому. Бледный, с окровавленным ртом граф повернулся к нему и глянул из-под бровей.

– Я давно полагал, что ваше долголетие... это результат сделки с демоном Граго... – дрожащим голосом проговорил купец, но продолжил стоять ровно, стараясь не показать страха. – С тем демоном, который дает золото, бессмертие, любовь или еще что-нибудь в обмен на душу. Теперь я вижу, что вы и сами демон... Полагаю, я следующий?

– Да, вы следующий, – сказал граф. Достав платок, он вытер кровь с губ. – Но это сделаю не я...

На пол упал второй крестьянин, иссушенный до последней капли. Шатающийся Уильям привычно вытер губы рукавом, стараясь не глядеть на графа и уж тем более на оставшегося Лугоса, который упоительно пах кровью.

– Он твой, – негромко сказал Филипп.

– Я сыт, господин Тастемара... – неуверенно ответил Уильям.

– Нет, одного тебе мало, потому что мы сможем поесть лишь через неделю в поселении рядом с границей Глеофа, – качнул головой Филипп. – К тому моменту, если сейчас не напиться, ты начнешь недобро посматривать в сторону моих гвардейцев. А мне это не нужно. Пей!

Уильям и Лугос переглянулись. Чувствуя, как в узилище пахнет кровью, как поднимается приятное чувство ненасытной жажды, Уилл сделал все быстро. Ему понимающе поддались... Купцу стоило отдать должное... Попытки помешать начались, когда человеческие выдержка и храбрость уступили мимолетной надежде ухватиться за последний выступ жизни, нависающий над пропастью забвения. Однако Лугос не смог долго противиться, как бы того ни желал... Его обессиленные пальцы разжались – и он рухнул во тьму...

* * *

Чуть позже граф протянул идущему за ним вампиру чистый платок. Они возвращались. Уильям начал замечать, что эти подвалы все меньше пугают его и все более становятся неприятно привычны.

– Ты видел воспоминания? – спросил граф, когда они вдвоем поднимались по ступенькам назад.

– Видел.

– И как ты считаешь, Лугос был прав, когда убил трех людей?

– Тяжело сказать, господин. То, что он узнал, стало для него таким большим ударом, что потребовало неотвратимого наказания. Он верил, что поступает справедливо, причем верил всем сердцем.

– А что думаешь ты? – слегка улыбнулся Филипп. – Как сторонний наблюдатель?

– Похоже, я стал бездушным, – грустно вздохнул Уильям. – В этой плохой истории мне жалко только сына. Он же не виновен в том, что был рожден от другого отца. А в глазах купца он один из негодяев! Это все так непонятно, господин... Даже те бунтари, которые думали, что делают как лучше, сами обрекли на смерть от виселицы множество крестьян... Мир оказался таким... – Он замялся, не зная, как объяснить. – Таким, что, наблюдая его глазами других, я обнаруживаю, что белое видится некоторым черным, а черное – белым.

– Это не бездушие, – тепло посмотрел на рыбака Филипп. – Просто тебе открывается, что мир действительно весьма непросто. Что ты мог узнать о мире в своих Вардцах, кроме предрассудков? Ровным счетом ничего. Пару месяцев назад ты бы отчаянно жалел всех жертв Лугоса только потому, что они жертвы. А сейчас ты уже пытаешься добраться до истины, пусть и неуклюже. Ох, помнится, старина Гиффард всегда мог мастерски растолковать любую ситуацию.

Уильям промолчал. Он шел позади старого графа и касался сочащихся влагой стен. В голове мелькали воспоминания двух убитых, и рыбак от этого вздыхал.

– Знаете, господин... Я много думал о том, зачем Гиффард так поступил. Ну, передал дар...

– И?

– Я не могу ничего понять. Разве не нашлось кого-то поблагороднее? Ведь он мог постараться отползти, скрыться, раз уж бессмертен, и передать бессмертие кому-то другому. Но отдать дар мне, простому рыбаку не из благородного рода... Кажется, он пытался мне что-то объяснить. Но я так жалею, что не услышал все до конца, – сказал Уильям, отчего-то чувствуя стыд.

– Я тоже постоянно думаю о том, что сделал Гиффард... – признался Филипп, а затем перевел неудобный разговор в другое русло: – Ну, если ты теперь глядишь на некоторые ситуации иначе, скажи-ка мне: будь у тебя возможность все изменить, ты оставил бы мать и убежал от вурдалаков, пока те тебя не истрепали?

– Нет! – последовал резкий ответ.

– Почему? Разве твоя жизнь, жизнь молодого мужчины, если смотреть объективно, не важнее жизни старой женщины, которой и так осталось от силы пару лет? Попробуй порассуждать об этом здраво. – Филипп развернулся и посмотрел Уиллу в глаза.

– Это же семья, господин! – пробормотал в ужасе Уильям. – Как можно даже рассуждать о том, чтобы предать своих близких ужасной смерти? Что это, как не предательство?

Граф Тастемара ничего не ответил и зашагал дальше. Вскоре ступеньки кончились, и двое вампиров поднялись из подвала. Брасо-Дэнтто еще не тронул рассвет, и дождь продолжал заливать город, утопающий во мраке. Залы замка были пусты, многие слуги спали в своих постелях, и лишь конюхи заботливо готовили коней для господ.

Внизу собралась вся прислуга.

Пока остальные прятались в глубинах зала от проникающего между приоткрытых створок ветра, Уильям переминался с ноги на ногу около двери. На нем был надет черный гамбезон – длинная, до колен, и очень плотная верхняя одежда из нескольких слоев ткани. Увидев графскую дочь, он коснулся пояса, где были подвязаны пустые ножны, и тихо засмеялся:

– Не пойму, зачем мне ножны, если не дали меча.

– Тебе просто выдали один из перешитых под тебя костюмов отца. Снова эта воронья вышивка. Ну и ножны в придачу, – натянуто улыбнулась Йева.

– А почему ты тоже одета как в дорогу?

– Я поеду с вами, – опустила глаза девушка.

– Так это же замечательно! – обрадовался Уильям.

– Да... но погода совсем скверная. Может, лучше сейчас не ехать... Может, и не нужно ехать вообще... – Она прикусила язык, оборвала разговор и ушла.

Уильям непонимающе смотрел, как Йева отошла к своему брату и встала рядом, с наигранным интересом следя за Таки-Таки – ворон сипло каркал и требовал тепла.

В зал бодрым шагом вошел сэръ Рэй Мальгерб. С него ручьями стекала вода. Снаружи продолжал биться в неистовстве ливень, пытаясь затопить замок, и многие присутствующие радовались, что остаются. Поприветствовав кого следует, рыцарь заметил обвитуую плащом фигурку дочери графа и устремился к ней. Он со страстью припал губами к ее ручке.

– Откуда в вас столько сил? – с теплотой поинтересовалась Йева.

– Увидел вас, госпожа, сразу силы и появились! – Лицо рыжеволосого мужчины озарила улыбка, сверкнули белоснежные ровные зубы. – А до этого был как мокрая рыбина, которую выбросило на берег! Но отчего вы сами в таком печальном расположении духа? Неужто из-за неподобающей погоды?

– Да, погода не располагает к поездке...

– Не располагает, дочь моя, но мы заложники ситуации, – сказал спускающийся по лестнице граф. – Сэръ Рэй, все готово?

– Конечно, господин! – поклонился рыцарь, гремя доспехами. – Двенадцать гвардейцев, включая меня и моего оруженосца, готовы к отправлению!

Наступило время отправиться в путь.

Граф строго оглядел всю прислугу.

– Надеюсь, вы не развалите замок за время моего отсутствия, – обратился он к своим помощникам, хотя его синие глаза улыбались.

– Господин, да как вы так можете говорить про нас?! Мы ваши глаза и руки, а когда они вас подводили? – шутливо возмутился казначей Бромгот и снял с себя смешную шапочку с пером ворона.

– Я присмотрю за своим внуком... Сколько смогу... – старик Него скромно вышел вперед.

Филипп смерил взглядом бывшего управителя и вслушался в его трепыхающееся, как у воробья, сердце. Него Натифуллус дышал с большим трудом и за пару дней сильно иссох: глаза и рот ввалились, скулы заострились, придав ему печальное сходство с трупом. Грустно улыбнувшись, граф подошел к старику и ласково приобнял его, погладив по спине. Толпа вокруг замерла в непонимании.

– Спасибо тебе за все, мой друг, – хрипло произнес граф.

– Все вы знаете и чувствуете, мой господин. – Измученная улыбка тронула губы Него. – Прощайте, господин. Я был рад служить вам!

Держась за поданную руку внука, бывший управитель отошел от графа и смахнул набежавшую слезу. Все поняли, о чем шла речь, и опечалились. Филипп развернулся и быстро ступил под дождь, а за ним последовали его дети и длинноногий Уильям. Понимая, что больше не увидит доброго старика, Йева не выдержала и мягкосердечно, по-женски расплакалась.

В большом дворе отряд из девятнадцати человек, семеро из которых были не совсем людьми, принялись взбираться на лошадей. Вороной конь графа, пугающий своими размерами, возбужденно бил копытом по земле, и Уильям настороженно косился на него. Но, к счастью, к нему подвели уже оседланную серую кобылку, самую спокойную из всех, отчего он выдохнул с облегчением.

– Сэр Рэй, выдайте нашему гостю оружие, – вспомнил уже восседающий в седле Филипп. – Негоже с пустыми ножнами отправляться в путь!

– Да-да, вы правы, запамятовал! – извинился рыцарь и передал замотанный в ткань меч из оружейной палаты замка.

Уильям растерянно развернул мокрый сверток и осторожно вынул меч за рукоять, будто змею за хвост. Только со второго раза он смог попасть в тугие ножны, отчего всадники вокруг заулыбались. Все заметили его неумелость.

Сэр Рэй нахмурился.

– Вы что, впервые держите меч в руках? – спросил он. – Клинок рядом с гардой обычно не затачивают, так что могли бы спокойно взяться за лезвие.

Леонард громко рассмеялся. Он поправил притороченный к седлу лук и воскликнул, чтобы перекрыть шум дождя и донести до всех:

– Он больше по удочкам, сэр Рэй!

В толпе солров послышались грубые смешки.

– Довольно! – рявкнул граф и направил коня к воротам, где охрана уже поднимала железную решетку.

– Да, я раньше никогда не держал меч, – смущенно пробормотал Уильям и мягко подтолкнул кобылку пятками.

Длинная вереница всадников покинула внутренний двор замка. И хотя по улицам зло устремлялись ливневые потоки, а черепичные крыши гремели от дождя, некоторые горожане выбегали на улицу наспех одетыми. Темно-зеленая попона с распростершим крыльями вороном украшала графского мерина, и когда люд узнавал ее, то по всей толпе прокатывался восторженный гул.

В авангарде двигались шесть человек сопровождения вместе с сэром Рэем и его оруженосцем. В центре был старый граф, за ним – его сын, а еще дальше, почти поравнявшись, ехали Йева и ерзающий в седле Уильям. Замыкали хвост гвардейцы и слуги: Эметта и двое замковых поваров.

Косой дождь лил без остановки, и отряд кутался в плащи, предчувствуя тяготы долгого пути. Резко налетевший ветер, разыгравшийся на равнине, как конь на воле, срывал капюшоны, поэтому приходилось их придерживать. Под копытами бурлили грязевые потоки. Отряд проехал по мощеной Парадной улице и покинул город. Всем открылся врытый сбоку от высоких ворот тотем Ямеса – выдолбленное в камне старческое лицо, грозно сдвинувшее брови.

Неумело управляя лошадкой, Уилл с любопытством взгляделся в это недовольное лицо, а затем заторопился, чтобы не мешать едущим позади. Всех остальных тотем мало интересовал.

Они двинулись по широкой дороге, пролегающей между жмущихся друг к другу поселений, через бесчисленные поля, где уже давно сняли урожай. Жирная черная земля сливалась с небом, и все вокруг выглядело уныло. Прижимаясь к гриве пыхтящей кобылки, Уильям кое-как разглядывал гвардейцев. Высокие, крепкие как на подбор, они облачались в сияющие нагрудники поверх подлатников, закрывающих колени. Головы их защищали легкие конусообразные шлемы в виде полумаски, а плечи – несколько пластин, крепленных друг к другу внахлест. Поверх доспехов были надеты плащи черного цвета. Питая особую любовь к символу своих земель, ворону, воины украшали смоляными перьями все подряд, в том числе уздечки своих коней. Крепленные к седлам сбоку круглые зелено-черные щиты тоже несли на себе символ этой мудрой, по мнению солров, птицы.

Видя повсюду перья своих собратьев, ворон, ехавший под плащом Леонарда, недовольно закаркал:

– Перья! Негодяи!

Все вокруг рассмеялись, и ненадолго тягостное ощущение от непогоды рассеялось, чтобы вскоре сгуститься вновь. Обернувшись на удаляющийся город, Уильям вздохнул в предчувствии скорого разрешения своей судьбы. Несмотря на дождь и слякоть, он воодушевленно представлял, сколько же всего его ждет в пути. И вот, поерзав в седле с непривычки, он приготовился к долгой дороге.

* * *

Отряд находился в пути весь день. Дождь поутих только ближе к ночи. Гора, у которой лежал Брасо-Дэнтто, осталась далеко позади, на северо-западе, а ее мрачный силуэт терялся в сгущающихся красках наступающих сумерек. Перекусившим ячменными лепешками воинам хотелось нормально поужинать, покормить коней и улечься спать, поэтому на ночлег все остановились в попутном Ферранте. Наутро все, выспавшись, набрали в Ферранте провизию и отправились дальше по размытому тракту.

Уильям вывел свою серую кобылку из денника. Совершенно не умеючи, кое-как он оседлал ее и перебросил седельную суму через заднюю луку.

Из небольшого города они попали на широко раскинутый луг – из-за разлива реки он превратился в пойму. Из разговоров гвардейцев, которые часто выезжали с графом и потому знали все ближайшие окрестности, Уильям понял, что на протяжении нескольких дней им придется ночевать под открытым небом. День постепенно истончался, а тучи иной раз расходились – и тогда можно было скинуть капюшон и осмотреться. Впрочем, смотреть было особо не на что. Кони брели по приподнятой над землей дороге, а справа и слева от них раскинулись озерца, в которых отражались хмурые тучи.

Когда стало темнеть, сэр Рэй подъехал к графу.

– Господин, впереди Белая Бетса, – сказал капитан. – Затем мост, а перед ним – высокий холм. Давайте остановимся на ночлег на этом холме, чтобы не спать в луже.

Граф не отвечал, рассматривая мутные речные воды.

– Если нет, то можно устроиться на ночлег и за мостом, – продолжил капитан, думая,

что господина что-то не устраивает.

– Ждите здесь, – после минутных раздумий ответил Филипп. Затем он направился к волочащемуся в хвосте Уильяму. – Ну как, освоился в седле?

Уильям довольно кивнул.

– Хорошо, следуй со мной.

Без лишних слов Филипп движением пяток ускорил коня, который сошел с дороги и побрел по жухлой мокрой траве, порой проваливаясь по колено в грязную жижу. Чтобы не отставать, его спутнику пришлось ласково поторопить свою серую кобылку, и она, повинувшись, затрусила следом. Чем ближе они подъезжали к реке, тем беспокойнее граф вглядывался в окрестности.

– Вы чем-то встревожены? – спросил Уильям.

– Это старая дорога, – ответил Филипп. – И осенью мало кто по ней путешествует, так что нужно быть настороже.

– Но в чем опасность, если нет людей?

– Тебе ли не знать, Уильям, – сказал граф, едва улыбаясь. Он подъехал к берегу реки и остановился. – Там, где нет людей, обязательно будет кто-нибудь другой. Многие демоны предпочитают первородные земли. Им не по нраву города и поля, а также наши сады. Нужно убедиться, что ничто или никто не выскочит на нас из реки.

Уильям тоже оглянулся. Они остановились на грязевом берегу крупной из-за паводков реки, которая обычно имела белую воду, за что ее и называли Белой Бетсой. Сейчас же вода была мутна из-за грязи, песка и ила, а вокруг раскинулись бескрайние равнины, где местами возвышались одинокие и чахлые деревца. Помимо скудной природы, здесь ничего не было, а если бы и было, то точно не осталось бы незамеченным.

– Вроде ничего страшного, – тихо заметил Уильям.

– Вроде да... – пристально взглянул на него граф.

Они начали возвращаться к поджидающей группе, и граф дал добро на бивуак. Пока гвардейцы занимались обустройством, Йева и Леонард, понимающие, зачем их отец отправился к Белой Бетсе в сопровождении рыбака, смотрели на него с нетерпением. Тот незаметно для молодого Уильяма пожал плечами: кельпи не появилась.

* * *

Ближайшие куцые деревья срубили, прислуга достала утварь и, с трудом разведя огонь на сильном ветру, поставила котелок на треножник. Внутри полетели лук, зерно для похлебки. Сидевшая на лежанке Эметта подшивала оторвавшуюся с плаща Леонарда фибулу, недовольно поджав губки: ветер трепал ее работу, зло раскидывал длинные мышинные волосы. Йева сидела на берегу на камешке и любовалась закатом – скудным и унылым из-за далекой тучи, перекрывающей солнце. Туча стремительно приближалась, всем своим видом грозя затяжными дождями.

Уильям расседлал серую кобылку и тоже глядел на горизонт, не находя себе занятия. Здесь, в отряде, каждый знал свое дело, и лишняя помощь могла оказаться помехой. Вскоре к нему подошел сэр Рэй, который остался в красном подлатнике и даже без доспехов напоминал медведя.

– Вы вроде рыбак? – осторожно спросил он, поскольку поначалу считал, что Уильям

вырос в зажиточной семье, но шутка графского сына заставила его усомниться.

– Да.

– Пойдемте со мной.

Когда они пришли к берегу, рыцарь показал на удочку.

– Я сказал прислуге взять удочку, чтобы мы не жрали в дороге одни лепешки да вяленое мясо, – принялся бурчать он. – Но что я делаю не так, а? Чертову наживку прикрепил. Что этой треклятой рыбе еще нужно?

– Хм... – задумался Уилл. – Врать не буду, в таких спокойных водах я ничего не ловил и не ведаю, какая рыба здесь водится. Но предположу, что ее неплохо было бы подкормить.

– Чем? Или скорее как? Видите, как далеко приходится кидать удочку, – у берега слишком мелко из-за разлива!

Попросив капитана немного подождать, Уильям побежал к поварам. Осмотревшись на месте стоянки, он подобрал холщовый мешочек из-под лука, затем полез к котлу, над которым колдовали двое слуг, споря насчет приправ. Прислуга почтительно расступилась. Молодой спутник графа взял из рук одного деревянный черпак, нагреб в мешочек немного разваренной пшеницы, затем скрутил его.

Вернувшись к капитану, Уилл передал ему импровизированную прикормку.

– А я как-то и не додумался... – Рыцарь почесал затылок.

Мешочек со шлепком плюхнулся в реку.

Чуть погодя, после разрешения рыбака, сэр Рэй закинул удочку в указанное ему место. Мужчины нахмурили брови и настойчиво глядели в воду, как охотники, поджидающие добычу.

Прошло несколько минут. Наконец удочка дернулась, и рыцарь резко потянул на себя. На крючке извивалась серебристая толстотелая рыба.

– Давайте еще! – сказал Уильям.

– Сколько же их там! – азартно воскликнул рыцарь. Чуть дальше по течению бурлила вода – рыба поела прикормку.

Пока решивший развлечься капитан и Уильям вылавливали одну рыбку за другой, забавляясь, за ними внимательно следили. Стоящий на отдалении, на пригорке, Филипп задумчиво переводил взор то на темную реку, то на рыбака. К нему изящной походкой подошел сын и презрительно ухмыльнулся:

– Ну и где его хваленая кобылица?

– Еще не вечер, Леонард, – заметил граф Тастемара. – В любом случае мы живы и целы, так что если он и сказал правду, то вряд ли нам что-нибудь угрожает. А если соврал... что же, тогда нам тем более ничего не угрожает.

Между тем сумерки сгущались.

– Ничего себе, – восхищенно говорил рыцарь, доставая уже седьмую по счету рыбку. – Нужно будет в Брасо попробовать так половить – на зерно.

– Там течение стремительное. Оно быстро унесет прикормку, – улыбнулся Уильям такому понятному, на его взгляд, факту. – В горных реках вода прозрачная, и рыба там сильная... быстрая. Если она увидит опасность, может не взять наживку. Ловить ее нужно иначе.

– Целиком согласен! – Сэр Рэй подскочил с корточек и сгреб пойманную рыбу. – Похоже, сегодня с наваристой ухой мы припозднились, но вот завтра нас с вами ждет славный завтрак.

– Похоже на то, – улыбнулся Уилл, готовый уйти.

– Подождите, подождите, не торопитесь! Послушайте, если у вас будет желание, то я могу поучить вас фехтовать. – Рыцарь замялся, не зная, как бы деликатнее объяснить. – Все-таки путь предстоит тяжелый – и всякая дрянь может произойти.

– Я буду благодарен вам, сэр Рэй. Правда, боюсь... это будет скорее не учебой, а посмешищем.

– Понял вас! Тогда предлагаю тренироваться где-нибудь за холмами.

– Хорошо, спасибо...

– На здоровье! Начнем прямо с завтрашнего вечера.

Покидав рыбу в мешок, капитан присел на лежак подле трещавшего искрами костра. Оруженосец передал ему деревянную миску с похлебкой, и сэр Рэй быстренько с ней разделался. Закусывал он ячменными лепешками и вяленным мясом, взятыми из Брасо-Дэнто.

В потемках все громко стучали ложками по дну посуды, выгребая и выпивая все досуха. Только Филипп, его дети, Уильям и трое слуг сидели, укутавшись в плащи, и смотрели на голодных воинов. К еде они не притронулись. Затем со стороны сытых гвардейцев послышались традиционные молитвы и восхваления Ямеса за предоставленный ужин.

Свалив посуду в кучу, все разошлись по лежанкам, укрылись плотными стегаными льяниками и тут же провалились в сон. Слуги перемыли в реке деревянные миски с ложками, вычистили чугунный котелок и присоединились к спящим. Только два дозорных, расхаживая, караулили отдыхающий отряд. Леонард и Эметта лежали подле друг друга под одним широким льяником, а Йева свернулась калачиком на соседней с графом подстилке. Один Уильям бросал тоскующие и долгие взгляды в сторону реки. Время от времени ему казалось, что на него смотрит бодрствующий Филипп, но в конце концов и граф решил подремать, укрылся льяником и вроде бы впал в забытие.

* * *

Уильям выждал, поднялся, бесшумно переступая через спящих вокруг затухающего костра людей, и покинул лагерь... Затем он спустился с холма и зашел за другой, покряжистее, чтобы исчезнуть из поля зрения часовых.

Вдоль бережка он неспешно шагал четверть часа, пока не остановился. Ночь дышала сырой осенью. Тихая гладь разлившейся из-за паводков реки была сродни зеркалу, и ничто не нарушало красоту отражающихся луны и звезд. Лишь изредка налетал хозяйничающий на этих просторах ветер – и тогда по воде пробегала недолгая мелкая дрожь, однако спустя миг красота разравнивалась и вновь застывала.

– Вериатель, – шепотом позвал мужчина.

Где-то у берега вдали плеснула рыба.

Тишина.

– Вериателюшка... – позвал Уилл чуть громче.

Он начал беспокоиться, что кельпи не явится. Его угнетала эта долгая разлука. Разочарованный Уильям хотел уже было подняться с валуна и вернуться в лагерь, как в середине реки забурлило.

Из сомкнутых вод, будто по ступеням, выбралась темно-мышастая кобыла.

Она медленно побрела к берегу, качая большой головой из стороны в сторону. Кельпи шла по лунной дорожке; ее глаза тоже светились желтой луной, хвост подрагивал, а копыта касались воды, словно земли. Наконец она сошла на каменистый берег, повернула к зовущему морду, и на него уставились ясно-голубые глаза.

Уильям словно вернулся в детство. Счастливый, он подбежал и обнял морду кобылы, поцеловал ее в красивый лоб, погладил по бархатистой шее.

– Ты не представляешь, как я скучал! – ласково произнес он, прикрыв глаза. Он вдыхал илистый теплый запах, что был для него таким родным.

Вокруг него задрожал воздух.

Шею рыбака обвили вечно холодные ручки, отчего его гамбезон сразу же отсырел. Уильям открыл глаза и увидел смеющееся лицо Вериятели. Он приобнял ее за худенькую талию, и тут даже его рукава сделались мокрыми от серого платишка, которое никогда не было сухим. Истосковавшись по ней за долгие полгода, он ласково посмотрел на нее и поцеловал – на губах остался привкус тины.

– Ты знаешь, – начал рыбак. – Столько всего произошло с той поры, когда ты спасла меня у озера!

От этого Вериятель рассмеялась и с фырканием вырвалась из сплетенных вокруг нее объятий. Вскидывая ножки, на которых красовались сандалии с ленточками, она весело заплясала. Еще некоторое время кельпи совершала свой дикий, необузданный, никому не понятный танец, по которому ее избранник понял: она радуется. Затем Вериятель так же резко замерла. Довольно потрянув черными как смоль волосами, словно это шелковистая грива, она обернулась.

Гладь реки вновь заволновалась, и из воды на поверхность стали подниматься другие кельпи. Удивленный Уильям наблюдал, как сначала одна лошадь, юная, с лоснящимися черными боками и длинной гривой, подставилась под звезды. За ней показалась вторая, белоснежная и крупная, – жеребец, – он последовал за кобылой. Потом из темных глубин возникла третья голова, четвертая и, наконец, пятая. Грациозно покачиваясь, пять лошадей выбрались на берег и двинулись в сторону пары. Они шли немного боком, склонив головы, и глядели на чужака подле их сестры, а в их умных глазах так же призрачно светила желтая луна.

Уильям сделал шаг назад. Но Вериятель удержала его за руку, и он остановился, потому что доверял ей.

Прекрасные кони, все как на подбор величавые и гордые, подошли и стали обнюхивать рыбака, не касаясь его. Юная кобыла, черная как ночь и только вышедшая из возраста жеребенка, приблизилась и потрянула мордой. Она шумно втянула воздух, потом чуть приподняла хвост и наострила уши. Затем радостно-весело заржала. Сделав еще шаг вперед, кобыла потерлась о ладонь Уильяма. Затрещало, и в воздухе скользнула голубая искра – такая же, как много лет назад на Сонном озере... Уилл погладил эту кобылу за холкой, отчего она фыркнула и склонила шею.

Вериятель отчего-то довольно рассмеялась, словно эта встреча прилась ей по душе. Она прыгнула в сторону и в один миг перевоплотилась в темно-мышастую лошадь.

Остальные кельпи, которые растеряли всякий интерес к вампиру после обнюхивания, развернулись и стали медленно возвращаться к воде. Вороная и темно-мышастые кобылы, пританцовывая, заржали, попрощались, потрясли гривами и последовали за ними. Завороженный Уильям смотрел, как все кельпи перешли на грациозную рысь и поскакали

по глади реки дальше по течению. Время от времени какая-нибудь из них игриво ныряла в воду и выскакивала сбоку от другой лошади, обдавая брызгами, на что та отвечала веселым ржанием.

Тут же резко похолодало. Темная туча начала наползать на луну и россыпь звезд; поверхность реки почернела, и кельпи пропали где-то во мраке, который уже не мог раздвинуть даже взгляд бессмертного.

Уильям присел на каменистый берег и, потирая пальцы, задумался о вороной кобыле. Неожиданно за спиной что-то тихо хрустнуло...

Рыбак резко обернулся. На вершине холма, пригнувшись, стоял старый граф Тастемара. Возвращаясь на бивуак, он по неосторожности наступил на ветку, скрытую сгнившей травой. Понимая, что раскрыт, он спустился по мокрой земле к Уильяму.

– Извини, не удержался, – как-то неловко, впервые за долгое время смутившись, произнес он. – Я знал, что ты пойдешь звать свою кельпи, и мне захотелось увидеть это собственными глазами.

– Но вы же спали... – широко улыбнулся Уильям.

– Это был тактический прием, – лукаво ответил Филипп и уселся рядом.

Они оба в молчании уставились на черную гладь реки, завернувшись в теплые плащи. Каждый размышлял о своем, никому не хотелось нарушать это мимолетное очарование увиденного, пока граф не произнес тихо:

– Я и не думал, что когда-нибудь увижу их еще... Такое чувство, будто вернулся в детство – в Алмас, к реке Брасо.

– Их раньше было больше? – спросил Уилл.

– Конечно! – ответил граф и принялся вспоминать. – Знаешь, Уильям, когда я был совсем мал, еще мальчишка, то часто видел их там, на горизонте огненного заката. Или в серой дымке утра, когда приходил на реку с удочкой, а они шумели в камышах. Их много было... И никто раньше не удивлялся тому, что из воды могла, например, вылететь рыбина и шлепнуть по лицу. Характер-то у кельпи вредный, своеобразный.

– Быть может, они и перебрались сюда из Алмаса.

– Не исключено, – согласился Филипп. – Тут на полдня пути ни одного поселения, зеленые пойменные луга и много рек. Им здесь раздолье.

– И все же странно, что Вериятелюшка слышала мой зов... – Уильям задумчиво сцепил пальцы под подбородком.

– Не стоит недооценивать их возможности. Мне кажется, в их власти появиться из любой реки, озера или даже дождя. Скорее всего, просто твоя кельпи была рождена вблизи Сонного озера. Впрочем, как и та вороная кобыла, самая юная из всех. – И граф хитро посмотрел в сторону резко раскрасневшегося Уильяма, увидел его обескураженное лицо и расхохотался.

– Да я... Ох... господин, это же вилами по воде...

– Да-да. – Филипп с задорным смехом толкнул его локтем.

– Честно признаться, – улыбнулся Уилл, – когда они вышли из воды, я уже мысленно простился с жизнью.

– Да я тоже с тобой попрощался, что уж говорить-то. – Филипп достал платок из подвязанного к поясу кошелья и вытер мокрые от смеха глаза. – Наемники с Юга. Высшие маги. Кельпи. Вторая кельпи! И все это за каких-то полгода! Ох, Уильям, откуда ты такой чудной свалился мне на голову? Из какой сказки пришел?

– Из Малых Вардцев, господин, – ответил тот, лукаво сощурив синие глаза.

Филипп вздохнул, набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул. Когда он успокоился, то крепко призадумался и, как показалось Уильяму, даже помрачнел. Чуть погодя граф встал с бережка, отряхнул плащ.

– Ладно, пойдем назад в лагерь, Уильям из Малых Вардцев, – произнес он насмешливо, но беззлобно и стал медленно подниматься по скользкой земле на холм.

Лагерь по-прежнему был погружен в сон, и лишь сменные часовые осоловело оглядывали унылые равнины, насколько хватало остроты их зрения. Они непонимающе взглянули на прогуливающихся в ночи господ, хотя виду не показали. Была б их воля, они бы уже спали без задних ног, а не стояли в карауле.

* * *

К рассвету черная туча полностью закрыла небо и извергла из себя дождь. Хлюпая по грязи, слуги заторопились водрузить навес над закипающей в котелках ухой. Два вампира-слуги – Чукк и Грон, – совершенно мокрые, получившие упрек от графа за несообразительность, но довольные, что спасли еду, теперь горячо спорили у полевой кухни.

– Брат мой, – упер руки в бока Чукк, – я тебе повторяю, в уху надо положить окимон!

– Тут рыба тиной пахнет, чувствуешь? А?

– Ну чую.

– Так окимон только обострит. Не клади его!

– Нет, он, наоборот, уберет запах, – возразил Чукк, подсыпая в кипящую уху травы.

– А вкус? – взмахнул руками Грон. – Вдруг вкус станет хуже, балбес! Ты в первый раз, что ли, готовишь рыбу из тихих илистых рек?

Между тем взбодренный утренним проливнем капитан подошел к котелку. Он потянул носом ароматный пар. В животе у него, как у всякого здорового мужчины, занятого делом на свежем воздухе, тут же громко заурчало. Увидев капитана, спорящие повара одновременно обратились к нему:

– Вот, сэра Рэй, не откажите нам в просьбе!

– Что такое? – спросил гулко рыцарь.

– Попробуйте уху... Вкус тины ушел? – спросил Чукк.

Сэр Рэй взял поданную ему поварешку и прихлебнул.

– Недурно, весьма недурно! Вкусный и наваристый супец выходит. Нет никакого вкуса тины, – ответил он медленно, потом развернулся к слугам. – А что вам самим мешает попробовать?

– У нас вкус приглушен после болезни.

– В детстве переболели, – оправдались в один голос братья.

Вскинув в удивлении свои рыжие брови, рыцарь пошел отдавать приказы, чтобы после завтрака все быстро выдвинулись в путь. Чуть позже из-под навеса послышался ожесточенный стук ложек – это гвардейцы с упоением выгребали уху из мисок, царапая деревянное дно. «О Ямес, прими наши благодарности за столь вкусный завтрак!» – доносилось до ушей Уилла. Он находился подле Йевы, помогая ей уместить разбухший льняник в седельную сумку. Поглядывая на слуг, он тихо спросил:

– Повара-вампиры – это такая шутка?

Графская дочь пряталась под капюшоном и беспомощно наблюдала, как мокнувший рыбак упаковывает ее вещи.

– Да, звучит странно, – слабо улыбнулась она, вздрагивая от порывов косого дождя. – Ты не поверишь, но Чукк и Грон готовят получше многих людей.

– Но они даже не могут попробовать то, что готовят! – Уилл наконец упаковал все вещи в седельную суму.

– Ну да... Это чудно. Отец тоже до сих пор удивляется!

Разобрав бивуак и взобравшись на лошадей, отряд двинулся дальше. Растянувшись вереницей, всадники ехали поодаль друг от друга, укрываясь под плащами. Зарычал гром; слепящая молния ударила в сухонькое дерево в ста васо от дороги, и оно вспыхнуло ярким костром. Йева вскрикнула, испуганно прижалась к лошади, которая, в отличие от своей наездницы, терпела непогоду стойко, спокойно.

Пользуясь случаем, к сэру Рэю подъехал его оруженосец.

– Господин, – обратился он. Это был невероятно неуклюжий и излишне прыщавый юнец.

– Да, Винсент, что такое?

Попавший в услужение совсем недавно, Винсент еще раз предусмотрительно огляделся. Поскольку все сильно растянулись, а ближайšie всадники были на расстоянии пятнадцати васо, он решил, что его заглушенный хлеставшим дождем вопрос никто не услышит.

– Господин, а вы заметили кое-что? – возбужденно спросил он. – Ведь ни граф Тастемара, ни его дети, ни тот высокий мужчина и даже слуги – они со вчерашнего вечера ничего не ели! А сегодня утром повара даже потребовали, чтобы вы попробовали уху, а сами к ней не прикоснулись. Все они просто смотрели, как мы сидим да жуем! Что уж там, они даже в отхожее место ни разу не отлучались!

– И что здесь такого?

– Неужели это не странно? – удивился мальчишка.

– Нет, – раздраженно ответил рыцарь.

– Но... Я слышал о графе тако-о-ое... – протянул последнее слово Винсент. – Что он не человек... Как и многие из его замка. Неужели это правда?

– А тебе так важно, кем является граф?

– Ну... да, господин. А как же иначе?

На это капитан только резко спросил:

– Винсент, твое брюхо когда-нибудь вспухало от голода?

Оруженосец даже опешил от такого неожиданного вопроса. Он быстренько помотал головой, причем так спешно, что с него слетел капюшон. Чувствуя, как стало заливать за шиворот, юноша торопливо нахлобучил его обратно.

– Знаешь, почему не вспухало? – продолжал капитан. – У нас самые богатые земли в этой области Севера, Винсент! Те, кто севернее, завидуют нашему благосостоянию и сытости. Наши земли постоянно принимают людей из Офурта, Филонеллона и прочих земель Крелиоса – они перебираются к нам со своими пожитками! И какая, демоны тебя побери, разница, кто нами правит? Пусть хоть сами приспешники Граго!

– Но... – попытался возразить Винсент.

– Никаких «но»! Не смей даже рот открывать с таким вопросом! Наше дело простое – служить тому, кто о нас печется. Тебе ясно, дурак? – И капитан подтвердил сказанное

грозным взглядом.

Оруженосец спешно закивал, придерживая рукой капюшон, и, покраснев от смущения, сразу отстал от рыцаря. Тут же он почувствовал, как горит его спина, обернулся – и заметил, что на него внимательно смотрит граф Тастемара, не отводя глаз. Между прочим, граф ехал довольно далеко от них всех и слышать ничего не мог, поэтому Винсент пугливо вздрогнул и втянул голову в плечи.

* * *

К обеду распогодилось, и туча лениво уползла на север. Люди в отряде скинули капюшоны, отряхнулись и облегченно вздохнули: эта сплошная и непрекращающаяся череда дождей всех утомила. Леонард, натянув поводья своего гнедого коня, сравнялся с Йевой. Сблизившись с ее кобылой так, что продетые в стремяна сапоги близнецов потерлись друг о друга, он довольно заметил:

– Я рад, что ты поехала со мной, сестра.

– Рады! Рады! – добавил сидящий на его наручах ворон.

– Да, спасибо отцу. Я хотя бы увижу Йефасу, о которой столько рассказывал Гиффард... – И Йева натянуто улыбнулась, закутавшись плотнее в плащ.

Леонард ответил на ее улыбку своей, более залихватской, умудряясь и не обнажать клыки, и демонстрировать белоснежный ряд передних зубов.

– Смотри, вон там, справа! – указал он пальцем и затем снял притороченный к седлу красивый резной лук. – Наконец-то опробую свой заказ! Три недели назад забрал в городе у Мартилона. Ну, ты его знаешь. Он сделал лук из составных частей, как это делают мастера-глеофяне: тут черный тис, рог и сухожилия. Вот, гляди.

Леонард достал из колчана стрелу. Едва прищурившись единственным глазом, он выждал, глубоко вздохнул и на выдохе спустил ее с тетивы. Подлетевший от этого ворон каркнул – то ли одобрительно, то ли гневно – и вернулся на кожаные наручи. Тетива тоненько зажужжала, и с победным вскриком Леонард направил мерина в сторону от тропы, где, выскользнув из седла, склонился к земле и поднял из гнилой травы жирного зайца.

– Смотри, какой жирок нагулял за лето и осень, а? – Заяц демонстративно был поднят ввысь, и по губам Леонарда скользнула самодовольная улыбка.

Воины Солрага с уважением переглянулись и поздравили графского наследника с удивительно метким выстрелом.

– У вас зоркий глаз и верная рука! – сказал сэр Рэй.

– Глаз! Вкусный глаз! – каркнул ворон.

– Спасибо, сэр Рэй, – ослепительно улыбнулся Леонард, щелкнув птицу по клюву. Где-то сзади, в конце отряда, выглядывала Эметта, пытаясь разглядеть, что происходит с ее любовником. – Мы же с вами родом из горного Филонеллона, а самые меткие лучники, по легендам, обитают именно там.

– Это чистая правда, соглашусь с вами, – хитро улыбнулся сэр Рэй, затем, кинув быстрый взгляд на графскую дочь, добавил: – А еще легенды гласят о том, что самые прекрасные девушки в мире, с глазами цвета изумруда и словно рожденными из пламени волосами, тоже родом из Филонеллона.

Услышавшая это Йева покрылась румянцем и отвернулась, покусывая нижнюю губу.

Комплименты рыцаря хоть и были просты, но всегда находили отклик в ее сердце.

Леонард закинул зайца в мешок.

– Как тебе выстрел, моя любимая сестра?

– Замечательный, Лео. Впрочем, как всегда. То, что ты будто рожден на коне и с луком в зубах, уже всем давно известно.

– Быть может, ты права... – Леонард на миг обернулся на рыбака. – Все мы рождены для чего-то и с чем-то. Кто-то с мечом, кто-то с луком, а кто-то и с удочкой, – расхохотался он и поправил повязку на глазу. – Кстати, как вам утреннее варево, сэр Рэй?

– Если не вдаваться в гастрономические нюансы, то недурно, – сдержанно улыбнулся тот. – Вчера был хороший улов.

– Ну конечно, как иначе! Рожденный с удочкой в руках никогда не оставит отряд голодным. – Леонард снова посмотрел в сторону рыбака, желая увидеть хоть что-нибудь на его лице.

Но Уилл ехал с невозмутимым видом, отстраненно разглядывая что-то в стороне, будто и не слышал. Тем не менее зоркий наблюдатель, например граф Филипп, который смотрел через плечо, вполне мог заметить некоторые выдающие тревогу признаки. Вцепившись побелевшими костяшками в поводья, черноволосый рыбак пытался не обращать внимания на поддевки. Он уже сталкивался с таким в детстве, но, понимая, зачем это нужно было деревенским юнцам, он не мог взять в толк, почему так же поступает взрослый сын графа. Чем он ему не угодил?

– Вообще-то рыбу ловил я, – вдруг заметил сэр Рэй.

Поначалу Леонард непонимающе уставился на капитана, а чуть позже к нему пришло осознание: то, что казалось остроумным пару мгновений назад, в свете новых обстоятельств выглядело нелепо. Важно кивнув, дабы не растерять достоинства, Леонард поддал пятками коня. В свою очередь, капитан, наоборот, замедлился и задумался. Почему к молодому фон де Аверину так относились, он понять не мог. Хотя и допускал, что слух, будто Уильям – незаконнорожденный сын графа, правдив. Тогда становится понятна эта ненависть Леонарда, а также то, что граф собрал полуэскадрон гвардейцев и выехал посреди ночи, чтобы спасти рыбака из рук солдат Райгара. Однако, вспоминая совет, который он сам же дал своему оруженосцу, сэр Рэй прервал размышления о том, что творится в семье господина. Не его это ума дело!

* * *

Пейзаж подернутых осенью равнин с редкими худыми деревьями, резвящимися речушками, коих хватало в этом крае, и жухлой травой продолжал преследовать путников. Дождь временно прекратился, но мрачное небо, еще затянутое облаками, давило сверху, будто приминая к земле. Все впали в какую-то общую апатию, ехали молча. Один только Леонард не унывал, а наоборот, чем дальше они отъезжали от Брасо-Дэнта, тем игривее и веселее он становился. Ближе к полудню он и вовсе достал серебристую флейту – и ветер разнес ее сладкоголосую песнь.

Филипп задумчиво смотрел на сына. В его взгляде читалась грусть. Порой, наблюдая за дочерью, он замечал и ее смятение от счастливого вида брата. Леонард еще не знал о том, что после суда граф планирует передать дар Йеве, а вовсе не ему. Опасаясь скандала,

Лео об этом не сообщили.

Филипп качнул головой самому себе.

Поначалу, когда Леонард был еще совсем юн, пылок и тщеславен, он видел в нем черты будущего правителя. Ему хотелось, чтобы сын превосходил его самого. Вспыльчивость, бахвальство – все списывалось на молодость в расчете, что со временем это сгладится. Однако Гиффард мнения своего товарища не разделял и, встретившись в последний свой визит с уже взрослым Леонардом, стал осторожно и мягко настаивать, что надо бы подумать о другом наследнике.

Граф перевел взгляд на свою дочь: мягкую, последовательную, лишенную тех тщеславных страстей, которые владели ее братом. Она неплохо справлялась с некоторыми поручениями, касающимися управления... но вот правителем не была. Прежде всего она была женщиной...

Послышался тихий вскрик.

Граф отвлекся от своих мыслей и обернулся. Это Уильям повис под брюхом серой кобылы на перевернувшемся седле и, силясь выбраться, досадно плюхнулся в грязь. Потерявшая наездника кобыла тут же встала. Выбравшись из лужи, похожий на болотного черта, у которых блестят одни лишь глаза, взъерошенный рыбак принялся стыдливо и безуспешно возвращать седло на место. Его седельные сумки, по которым прошлись копытами, были вдавлены в грязь, их содержимое испачкалось, а в ножны затекла вода.

Отряд неистово гоготал. Гвардейцы держались за животы, кто-то прикрывал рот, кто-то вытирал от смеха слезы. Громче всех предавался веселью Леонард, и даже Йева хихикала в руку. Еле сдерживаясь, чтобы не присоединиться к всеобщему хохоту, граф Тастемара уже было развернул коня, но его опередили. Капитан гвардии с широкой улыбкой принялся помогать несчастному бедолаге, готовому провалиться сквозь землю от стыда.

– Вы плохо затянули подпругу! – смеясь, сказал он и помог зафиксировать седло. – Вот так ее надо затягивать, чтобы не свалиться.

– Спасибо, – выдавил из себя пунцовый Уильям.

– Вы и верхом не ездили, да? – спросил сэр Рэй, видя, как гость графа неуклюже карабкается на лошадь с правой стороны. – Садятся всегда слева, чтобы не задеть меч. А вы каждый раз бьетесь об него ногой.

– Ездил два раза, недолго... – ответил смущенно Уилл.

– Понятно.

Отряд двинулся дальше. Уильям натянул поводья и остался в хвосте, пропустив даже едущих со всем хозяйственным скарбом слуг, смотревших на него с сочувствием и весельем одновременно. Пользуясь тем, что никто его не видит, бедняга пытался отжать грязь с длинных черных волос и привести в порядок сумки. Но вид у него остался запачканным и несчастным.

* * *

Ближе к вечеру отряд разбил лагерь у безымянной речушки, которая из-за дождей разлилась широко, далеко. Пока гвардейцы приводили в порядок коней, слуги установили навес и колдовали над котелками – иначе как колдовством их споры об ингредиентах и назвать нельзя было. Запахи вареной косули и тушеных зайцев, настрелянных графским

сыном, плыли над всей равниной, и нервно облизывающиеся воины постоянно оборачивались и глядели в сторону варева.

– Уильям, предлагаю уединиться, чтобы пофехтовать! – подошел сэр Рэй, тоже принюхиваясь к ароматам с кухни. – Иначе, во имя Ямеса, я сойду с ума! Есть такие подозрения, что наши графские кашевары ведают о южной магии... Еще не дав в руки миску, они уже превратили меня в захлебывающегося слюнями пса!

– Пойдемте, – ответил Уильям, похлопав Серебрушку – так он назвал свою серую лошадку.

Чтобы скрыться от любопытных глаз, они вдвоем обошли холм. Там сэр Рэй, до сих пор облаченный в доспех, ободряюще сказал: «Ну, начнем-с...» И пока Уилл поудобнее взялся за рукоять, опустив глаза к ножнам, и потянул ее, рыцарь уже стоял подле него с обнаженным клинком.

Сэр Рэй смотрел укоряюще, хотя его карие глаза смеялись.

– Кто ж вперивается в меч, когда напротив стоит противник? Вы должны, Уильям, делать это не глядя! Был бы вместо меня реальный враг, голова бы ваша уже катилась по земле. Еще раз!

Он вернулся на исходную позицию, и его сопернику только и оставалось, что судорожно следить за ним. Капитан двигался не то чтобы стремительно, но движения его были непредсказуемы, непонятны и ловки. Отразив один осторожный удар, Уилл неуклюже подставился под другой и запутался в собственных длинных ногах, будто они были чужими. Тут же он потерял равновесие и рухнул лицом в грязь, уронив меч, чтобы успеть выставить руки перед собой.

– Следите за ногами. У вас плохая опора! Любой удар – и вы мало того что открываетесь, так еще и заваливаетесь, – смеялся рыцарь. – Да, это будет сложнее, чем я думал... Ну, вставайте! О, Ямес, да не держите его, как женщину за зад, – это же меч!

Уильяма не ранили, с ним обращались осторожно – капитан был чрезвычайно умен. Но уже примерно через четверть часа рыбак, грязный от кувырков и совершенно обессиленный, сел на камень около речушки. Он часто дышал и смахивал с лица пот замызганной перчаткой. Рядом с ним примостился запыхавшийся, но по-прежнему бодрый рыцарь.

– Ну, меч умеете доставать. Уже хорошо!

– Уделали, как мальчишку, – усмехнулся Уилл.

– Ну так сравнили, ха, – хмыкнул капитан. – При рождении мне вложили в руку меч – в буквальном смысле. Позволь я вам достать меня, это было бы позором!

– Вы родились в семье воина?

– А то! Мой отец тоже был капитаном гвардии.

– И давно вы при графе?

– Так-с, мне сейчас тридцать шесть, а пошел на службу я в возрасте двенадцати лет... Был сначала младшим помощником командира двенадцатого эскадрона. Ну, это что-то типа оруженосца: рубахи стирать, коня чистить и прочее. А стал капитаном гвардии в возрасте тридцати лет, пройдя весь долгий путь самостоятельно... Ну, почти, – сэр Рэй стал загибать пальцы, – считайте, шесть лет.

– Отец вас не баловал? – Уильям смахнул пот с бровей.

– Он был строг, поэтому определил, куда надобно, а не куда хотел я. И за это я ему благодарен. А что с вашим отцом? – спросил рыцарь. – Кто он?

– Мой отец погиб, когда мне было десять. Он был служителем. Сгорел вместе с храмом.

– Кхм, сочувствую. А что же вы сами не служитель, а рыбак?

– Послушников Ямеса выбирают из самых набожных детей, обычно младших в семье.

А я был как раз младшим, да еще сыном нынешнего жреца. Но не срослось – учудил... – развел руками Уилл, и его синие глаза хитро блеснули.

– Что натворили?

– Разрисовал тотем Ямеса угольком из костра в пять лет. Ну, кхм, рожицу своего старшего брата накалякал... Не со зла, конечно, но в послушники выбрали не меня, а сына соседки – Робера.

Сэр Рэй Мальгерб рассмеялся и стал снимать с себя доспехи. Уилл уловил исходящий от него остро-кислый запах, заставляющий сморщить нос. Уже не в первый раз он замечал, что острое обоняние – это не всегда хорошо.

«Если его отец был служителем, значит, он не внебрачный сын нашего графа», – между тем подумал рыцарь, и от этого ему стало как-то спокойнее на душе.

– Не вы один такой бунтарь! – усмехнулся он. – Я тоже, Уильям, как-то от отца хорошо выхватил. Едва не потерял свое место на службе.

– Что же вы устроили?

– Когда получил сведения из дозора у южных границ с Глеофом о том, что там собираются войска, я решил, что на нас собираются нападать. Думал, нужно как можно быстрее доложить обо всем графу. Молодой был, дурной, чего там, – двадцать мне стукнуло.

– Ну и... – непонимающе посмотрел Уильям.

– Что «ну и»... Ну и поперся я напрямик в замок. Болваны на решетке меня пропустили, посчитав, что я записан на аудиенцию. Так я и бродил меж этажей, пока слуги не показали, где кабинет графа, куда я, собственно, и вломился!

Уильям рассмеялся, представив себе эту каверзную ситуацию.

– Да-да, господин внимательно меня выслушал, кивал, соглашался, потом спровадил со слугами, – гулко захохотал рыцарь. – Я думал, что все серьезно, – правда, он улыбался все время... А потом оказалось, что и не войска то были, а пара калек, таких же дозорных, бродили туда-сюда.

– Граф наказал вас?

– Нет, что вы. Ха-ха, меня наказали все, кроме графа! Отец по шее тогда вломил, мой командир разжаловать хотел. Но отмазали. А вот тех, кто донес неверную информацию, а еще охрану у замка – тех поменяли. Досталось им!

Оставшись в красном подлатнике, сэр Рэй снял вонючие сапоги, вытряхнул из них попавший туда сор и надел снова. Потом взглянул на Уильяма и заявил:

– На самом деле у вас весьма недурные задатки для меча!

– Шутите, – не поверил Уильям, счищая с себя прилипшую траву. Впрочем, безуспешно: тут нужно было идти окунаться в реку целиком, вместе с одеждой.

– Не шучу. Все сильнейшие фехтовальщики, которых я когда-либо видел, были высокими, длиннорукими, крепкого телосложения. А вы так-то повыше многих будете! С мой рост!

Уильям нахмурился, задумавшись. Потом его озарило.

– Это дает такое большое преимущество?

– Конечно! В фехтовании это решающий фактор. Даже опытному будет тяжело против новичка, если тот на полторы-две головы выше. Именно поэтому отбор в гвардию такой

жесткий. Я думаю, вы заметили, что тут все как на подбор рослые, крепкие мужики. Такие, что и копыто в грудь переживут. Задохликов не берем!

– Кстати, сэр Рэй, мой нос подсказывает мне, что повара закончили готовить, – принялся Уильям, и до него действительно донеслись запахи с полевой кухни. – Там уже вовсю стучат ложками, слышите?

– Хм. Ничего не чувствую и не слышу, – заявил капитан, потом покосился на собеседника. – Чуткий же у вас нос и острый слух, уважаемый Уильям. Тогда пойдете быстрее в лагерь! Я голоден, как демон Граго до душ!

– Пойдемте. Спасибо за уроки.

– Не благодарите – мне все равно нечем заняться. Быть может, по возвращении из Йефасы вы уже так приловчитесь, что станете достойным соперником. Ладно, – он спохватился, – не сказать что достойным, но хотя бы не безнадежным увальнем.

– Благодарю за откровенность! – улыбнулся Уильям.

– А вот за это всегда пожалуйста! – заторопился рыцарь, оскалившись белоснежными зубами.

И правда, в лагере сэр Рэй Мальгерб увидел, как его воины ожесточенно стучат ложками по дну мисок, выгребая все до последнего куска. Рыцарю не пришлось долго ждать, и, получив горячую порцию от оруженосца, он присоединился к трапезе. Уильям же стоял у края лагеря, чумазый и облепленный высохшей грязью, и рылся в седельном мешке в поисках чистой одежды. Читающий какую-то книгу граф время от времени кидал на него любопытные взгляды. Леонарда с Эметтой не было на месте, и, вполне возможно, они уединились где-то меж холмов.

* * *

Отыскав полный набор чистых вещей и холстину, Уильям побрел вдоль широко разлившейся реки. Иногда в стороне то тут, то там встречались вздыбившиеся к небу одинокие камни. Некоторые из них имели причудливые формы, что всегда в беспокойных умах посреди ночи рисует образы чудищ. Вон тот камень слева, высокий, тонкий, в полтора васо, изогнут так, будто готовится к хищному прыжку с холма.

Успокаивая себя, что он сам, в общем-то, чудовище и подобных ему теперь нет смысла остерегаться, Уильям подошел к кромке реки и оглянулся. А когда удостоверился, что опасности нет, разделся. Река в этом месте была глубока – быстро подступила выше груди. Вода холодила, и, стараясь как можно скорее закончить, Уилл окунулся, смыл грязь с волос. Все-таки, какими бы спокойными ни были равнины, что-то в них пугало... Они казались неживыми, демоническими, не желающими, чтобы посторонние топтали их землю своими ногами.

Тут о его ступню что-то потерлось. Он вздрогнул. Рыба? Нет, нечто провело по бедру, в паху, потом на миг скользнуло по спине. Ледяной страх сдавил его. Ничего не видя под собой из-за мути, Уильям уже изготовился броситься к берегу, но из воды показалась обрамленная черными волосами макушка – и на него взглянули немигающие голубые глаза демоницы.

– О Ямес, это ты!.. – схватился за сердце Уилл и шумно выдохнул, успокоившись. – Вериятелюшка, ты меня едва в могилу не загнала!

Ее нижняя половина лица оставалась в реке, отчего тинистая вода заливалась в ноздри, в приоткрытый рот. Уилл протянул руки, чтобы приобнять свою любимую демоницу, но та разогнулась и, обойдя его, вдруг резко толкнула в спину по направлению к берегу.

– Что такое?

Снова толчок.

– Да погоди. Я же не помылся до конца... Погоди, душа моя!

В ответ толчки только усилились, да так, что Уилл едва не рухнул в мутную воду, споткнувшись обо что-то. Препятствие, о котором он запнулся, неожиданно зашевелилось. Кто-то или что-то продолжало касаться ног, живота и спины. Побледневший рыбак уже сам ринулся из воды, высоко вскидывая ноги, пока Вериятель постанывала и рычала будто в никуда.

Выбравшись на берег, он обернулся и обнаружил, что его демоницы и след простыл. Зато чуть рябая от сильного ветра поверхность взволновалась. Река ожила. Что-то шевелилось в ней, бурлило, словно множество змей скользили друг по другу, сплетясь в клубок. И так по всей глади реки, куда доставал взор. Слева, в десяти васа, появилась то ли спина, то ли что-то еще: гладкое и черное, округлой формы. В то же мгновение оно скрылось от глаз, а темная вода вновь стала спокойно-безмолвной.

Уильям спешно оделся и с ворохом грязной одежды, босой, держа в руках сапоги, взлохмаченный и мокрый, бегом направился к лагерю.

На месте ночлега оживленный народ то штопал какие-то вещи, то чистил лошадей. Кто-то готовился ко сну, а кто-то увлеченно переговаривался меж собой.

– Ну и как водичка? – спросил капитан, завидев возвращающегося рыбака. – Можно обмыть ноги?

– Нет, не надо там купаться!

Мимо них к реке прошел слуга Чукк с котелком, чтобы вычистить его. Уильям кинулся к нему со словами: «Не ходите туда, стойте!» Все уставились на него, перепуганного. Своим видом он всем внушил тревогу. Даже ласково мурлыкающий со своей служанкой Леонард – и тот подскочил на ноги, вслушался. Филипп поднялся с лежанки, приблизился и разглядел, что прибывший не до конца обмылся, что глаза у него мечутся, а в руках он держит ком нестираных вещей вместе с обувью.

– Что там было? – резко спросил он.

– Не знаю... – ответил рыбак. – Что-то коснулось меня, а потом появилась *она*... вы знаете о ком я... *Она* выгнала меня из воды и, пока мы шли к берегу, все огрызалась и шипела. Река словно ожила и зашевелилась... или в ней что-то зашевелилось... либо большое, либо множество мелких...

– Собирайте лагерь! – тут же скомандовал всем граф. Потом обратился к капитану уже тише: – Кто-нибудь собирался к реке?

– Двое. Аурит и мой оруженосец, – хмуро ответил сэр Рэй.

– В какую конкретно сторону ушли? – затребовал граф.

Капитан показал пальцем вправо, в сторону, противоположную той, откуда вернулся рыбак. Тогда, схватившись за ножны, Филипп посмотрел на всех вокруг.

– Оставайтесь здесь! А ты, – сказал он Уильяму, – вот ты как раз пойдешь со мной. Сворачивайте лагерь, я сказал! Всем держаться вместе, выставьте охрану с оружием наготове, чтобы после моего возвращения тронуться в путь!

– Но как же вы одни... – сделал к нему шаг капитан.

– Я вам что приказал, сэр Рэй? – рявкнул граф. – Пойдете за мной – лишитесь головы. Лично отрублю за неповиновение!

Он развернулся и скорым шагом двинулся к холму. А за ним, натянув сапоги, побежал неуклюже держащий меч Уильям. Под покровом ночи они миновали возвышенность, откуда до реки оставалось каких-то пятьдесят васо.

– Если что-нибудь вылезет, руби без раздумий, – предупредил Филипп, осторожно оглядываясь по сторонам.

– Вы знаете, что было в реке?

– Догадываюсь, – мрачно ответил граф.

Их сапоги проваливались в жижу – берег с западной стороны был пологим и потому совсем заболоченным из-за долгих дождей. Вокруг ни души: ни Аурита, ни Винсента... Филипп медленно, осторожно переступая в грязи, направился куда-то в сторону с мечом наготове.

Последовав за ним, Уильям пригляделся и заметил что-то блестящее васо в тридцати. Вода доходила уже до щиколоток, ноги вязли и неприятно чавкали. Вокруг стояла такая тишина, будто равнины сами обратились в слух, выжидая. Граф Тастемара поднял золоченую фибулу в виде ворона – украшение второго капитанского плаща, низ которого должен был отстирать Винсент. Недалеко от фибулы, за остатками камыша, виднелся из воды и сам притопленный черный плащ.

– Они мертвы? – спросил Уильям, понимая, что задал глупый вопрос и уже знает на него однозначный ответ.

– Да, – кивнул Филипп.

– Кто это был, господин?

– Пойдем отсюда, поговорим потом.

Они начали возвращаться. Уже на середине пути, на верхушке холма, граф резко развернулся и всмотрелся вдаль. Затем он схватил Уильяма за плечо, чтобы тот обернулся.

Река, живая, опять вспучилась. Из нее показались гладкие спины десятков, сотен, если не тысяч тел, что потирались друг о друга. Когда рыбак понял, что *это* тогда касалось его в воде, он побелел как полотно.

– Это одно существо, – сказал граф, показывая острием меча на колышущуюся реку. – Не знаю, как его называли в древние времена, но в местных легендах оно зовется ехидной. Судя по всему, очень старая тварь, вон до каких размеров вымахала. Хитрая и осторожная. Даже я не слышал ее...

– Как же она здесь очутилась?

– Не знаю. Вероятно, добралась по речной системе, которая протягивается на сотни миль и связывается во время половодья с болотом. Возвращаемся. – Он потянул рыбака за рукав. – Твоя кельпи спасла не только тебя, но еще и всех людей, что собирались пойти к реке перед сном.

– Но тех двоих уже не спасти... – с сожалением проговорил Уильям.

– Да, – только и ответил граф.

Когда они подходили к лагерю, Уилл поинтересовался:

– Зачем вы взяли меня с собой, господин? От меня помощи как от козла молока.

– Потому что о тебе печется кельпи, иначе бы тебя уже доедали в реке, – вздохнул Филипп и продолжил: – Этой твари здесь раньше не было, а между холмов, там, дальше, много южнее, располагалось несколько крупных поселений: Панриум, Черная Болотовка.

Больше трехсот лет назад вожди этих поселений все как один перестали мне отчитываться. Я тогда взял с полсотни конников и выдвинулся в эти края.

– Поселения опустели?

– Да, просто дома с выбитыми дверьми. Все деревни располагались возле реки. Видимо, эта тварь пришла с болот и почуяла, что здесь есть пища. Тогда мы заночевали в одном поселении, не понимая, куда все пропали. А ночью выползла она... или оно... даже, наверное, они... Действовали как огромный единый разум, потащили в реку и коней, и людей, обвиняясь вокруг них. Мы тогда едва спаслись... Я и десять конников. – Филипп остановился и оглянулся. Впрочем, ночная река уже скрылась от его взора. – После того случая я запретил людям селиться здесь, перенаправил всех купцов на новый тракт – Западный. А ехидна вернулась в свои топкие болота. Да, иногда пропадают одинокие гонцы, но в целом на протяжении двух-трех веков все мелкие поселения, которые здесь появились, жили спокойно, хоть и бедно.

У лагерного костра сидел встревоженный люд. Увидев графа и Уильяма, от них отделился капитан, который быстро пошел навстречу.

– А где мой оруженосец Винсент? Где Аурит?

– Мертвы, сэр Рэй, – сказал Филипп. – Определите одного гвардейца в обратный путь, пусть предупредит вождей, что местные воды таят опасность. А нам нужно двигаться дальше, чтобы быстрее проехать это чертово место. Обогнем реку меж тех холмов, а выспимся уже в обед, когда будем в безопасности.

В полном молчании уставший отряд отправился в путь на таких же уставших от дневного перехода конях. Дул сильный ветер, и все попрятались от холода, закутавшись в плащи.

Уже ближе к полуночи нахмуренный капитан натянул поводья и поравнялся с Филиппом, обеспокоенно взглянув на него из-под рыжих бровей.

– Господин, вы нашли тела?

– Нет, сэр Рэй. Мы нашли лишь то, что несъедобно, – одежду.

– Как? Ни следов борьбы, ни каких-либо признаков того, что на моих людей напали?

Они просто пропали?

– Полагаю, их задушили, потому мы ничего и не услышали. В любом случае они уже в брюхе той твари, имя которой ехидна.

– Ехидна?! – воскликнул громко рыцарь, не веря своим ушам. – Та тварь из сказок?

– Сказки порой правдивы.

– Погодите. Но почему тогда Уильям остался жив?

– Слишком много вопросов, капитан, – прервал его граф. – Я понимаю, вы огорчены потерей своего оруженосца и человека из гвардии и не верите мне, но я вас уверяю: они мертвы. А что касается Уильяма, то о нем печется некое существо, которого побоялась даже ехидна.

Извинившись за свой длинный язык, сэр Рэй заторопил коня и проехал вперед. И все равно его продолжал терзать вопрос, что же произошло... Позже он поглядел на пониющую фигурку Йевы, которая устала от седла, устала от продолжительных дождей и скверных условий, и покачал самому себе головой: «Зачем господин взял дочь с собой? Таким женщинам должно сидеть дома, у трескучего камина, а не терпеть лишения в походах. Теперь еще и опасаться той твари...»

Только к обеду отряд раскинул лагерь. Перекусив ячменными лепешками, уставшие

люди завалились спать, потому что сон верхом, мимолетный и скоротечный, не мог дать телу полноценного отдыха. А отдых требовался всем: и людям, и лошадям. Лежащая под двумя льняниками Йева, один из которых отдал ей отец, из-под полуприкрытых глаз наблюдала за Уильямом. Почувствовав ее взгляд, он обернулся и улыбнулся, тепло посмотрел на нее. На это девушка грустно улыбнулась и с тяжелым сердцем отвела взгляд. Глубоко вздохнув, она погрузилась в крепкий сон. Время от времени она подрагивала от холодных порывов ветра, непривычная ко сну вне своей спальни.

Ближе к вечеру отряд подошел к Малому Уплишу – небольшой, но очень живой и шумной деревне, что располагалась у нескольких ручьев, достаточно крупных, чтобы ловить там рыбу и брать пресную воду, но слишком малых, чтобы там жило нечто внушающее ужас.

Спешившись, всадники вошли в огороженное частоколом поселение. Вокруг них тут же собралась толпа, преимущественно из женщин и детей. Дети изумленно таращились на огромных лошадей и, бесстрашные и любопытные, лезли к ним.

– Скажите, чтобы ребятня пошла прочь! – прикрикнул один из конников. – Вы что, не видите, это не деревенские кони! Живо копытом отправят к Ямесу!

– Наш ли это владыка? – пролепетал вышедший вперед старик, шурясь и кланяясь на всякий случай.

– Чей еще?! Гербов не видишь? Где вождь? – ответил сэр Рэй, держа за поводья пританцовывающего мерина, что нервничал от снующих туда-сюда детей.

– А я и есть вождь. Меня зовут Ормут, – ответил старик.

– Тебя должны были уведомить о приезде графа. С месяц этой тропой высылали гонца. Нам нужны еда и крыша над головой!

– Ох, господин! – воскликнул старик и упал на колени. – Гонец-то был, но у нас не хватит комнат на постоялом дворе, чтобы вместить вас всех!

– Сколько комнат на постоялом дворе? – спросил рыцарь.

– Четыре, махонькие, без очага... В каждой по кровати да место под лежак.

Пока сэр Рэй прикидывал, куда кого разместить, вперед выехал Филипп.

– Подготовьте все, – коротко приказал граф. – Гвардейцам пусть дадут приют поселяне.

Работники увели лошадей на задворки постоялого двора, где под большим навесом накормили и почистили. Люд, чистый, аккуратный, несмотря на нищету, все не расходился и паялился. Юные местные прелестницы стреляли глазками в гвардейцев, выцепляли из них самых статных и улыбались им с особенной теплотой. Пока все распределялись по домам, чтобы выспаться, граф Тастемара давал указания:

– В одной комнате будем я и Леонард, – перечислял он, – в другой – Йева и Эметта, в третьей – Чукк и Грон, а в четвертой – вы, сэр Рэй, и Уильям.

– Кхм, отец, может, я с Эметтой в одной комнате? Как в Ферранте, – тут же предложил Леонард, который потерял всякую надежду уединиться со своей любовницей.

– Нет, – холодно отрезал граф.

– Почему же? – возразил сын, непонимающе пялясь на него.

Удивленный сэр Рэй, замерев у порога, исподтишка наблюдал за этими проявлениями аристократической изнеженности.

– Потому что это поход, а не забег в бордель. – Филипп развернулся и направился на постоянный двор, чем спугнул капитана.

Когда он отошел весьма далеко, Леонард сжал затвердевшие от злости губы и в сердцах сплюнул. На его несчастье, это услышал граф. Уже на пороге он обернулся и обратился к стоящему неподалеку старику вождю:

– Моему сыну – лежанку в самой захудалой лачуге!

– Отец! Но, – вмешался Лео, – что ты такое говоришь?! Я не буду спать, как простолюдин, в доме крестьян. Хорошо, я согласен с твоим распределением на постоялом дворе!

– Это ты мне делаешь одолжение? – Улыбнувшись, Филипп поднял брови.

– Не будь так жесток со мной, отец!

– Я все сказал.

С этими словами граф исчез в проеме. Лео остался на улице под затянутым тучами небом, и на его челюсти заходили желваки. К нему пугливо подошел невысокий старичок Ормут, который крайне почтительно, видя дурной настрой, предложил проследовать за ним. В жалкой лачуге, куда его определили, графский сын согнал все приютившее его семейство в хлев, а сам устроился в одиночестве на нескольких положенных друг на дружку лежанках.

Смеркалось. Ветер поутих, свинцовые облака остановили свой бег, замерли прямо над Малым Уплишем – и снова пошел измучивший всех дождь. Впрочем, в этот раз весь отряд спал под крышей, радуясь теплу и сухости. Сидя в крохотной комнатке постоянного двора, Йева фон де Тастемара глядела на закрытые ставни такого же крохотного окошка и думала о чем-то своем.

– Чем вам еще послужить, моя госпожа? – спросила служанка Эметта.

– Займись каштановым платьем, – рассеянно сказала графская дочь. – Простирни его – оно на подоле сильно измазлось... Просуши у очага на первом этаже, в таверне. – Она вздохнула. – Ах, как хорошо, что ты не пошла к реке вчера вечером...

– И не говорите, госпожа. Ямес уберег! – закивала Эметта.

Йева еще раз с тоской оглядела захудалую узкую комнату, обстановка которой состояла лишь из одной кровати да лежанки. За дверью, из другого конца коридора, слышались гулкие шаги и голоса.

– Вы не боитесь дождя, сэр Рэй? – спрашивал из-за глиняной стены голос Уильяма.

– Надо же, как вы трепетно печетесь обо мне! Или боитесь шлепков мечом по заднице? – хохотал капитан.

– Погодите-погодите. Вот я подучусь – и тогда вы поплатитесь за свои слова, – шутливо отвечал Уильям.

– Поплачусь? Я?! Ха-ха! – восклицал сэр Рэй, который забыл, что за соседними стенами находится графская семья, а сами стены – что пергамент. – Если сможете сегодня хоть раз задеть меня мечом в схватке, я готов выложить свое сезонное жалованье!

– Ну это уж слишком... Вы крайне азартны, сэр Рэй... – смутился голос Уильяма. – Мне нечего дать взамен, если я проиграю в этом споре.

Эти двое шумно остановились прямо за дверью Йевы.

– Азартен? О да! – ответил рыцарь. – Раз уж хотите, чтобы спор был честным,

предлагаю, значит, такие условия... Если сможете коснуться хотя бы кончиком меча моего тела в спарринге, то я даю вам свое сезонное жалованье. А если не сможете, то будете драить и седлать моего Тарантона весь путь в Йефасу и обратно.

– Седлать? Это я могу...

– Хотя нет. – За стенами одумались, и по постоялому двору разнесся мужской глубокий смех. – Седлать все-таки лучше буду я сам. Не хочу любоваться пейзажами из-под брюха коня! Ну что, по рукам?!

Послышалось звучное рукопожатие, а затем и предовольный голос капитана:

– Пойдемте, я вам расскажу, как правильно чистить моего коня... А то Тарантон с характером.

И два проникшихся взаимной симпатией спорщика хохоча удалились. Прочие же постояльцы, ставшие невольными слушателями столь комичной беседы, заулыбались.

Когда окончательно стемнело, на лестнице, ведущей на второй этаж, снова раздался тяжелый топот. Спорщики возвращались. Стоило им почти дойти до середины коридора, как дверь на их пути приоткрылась. Дочь графа с накинутой на худенькие плечики шалью выглянула в коридор.

– И кто победил? – полюбопытствовала Йева.

В ответ Уильям лишь поднял над головой звенящий кошель с даренами и поиграл бровями. Увидев свое потерянное жалованье, которое он планировал потратить в Йефасе, капитан оскалился в улыбке побежденного.

– Это случайность, моя госпожа! Вашему гостю благоволит удача. Он запнулся о камень и уткнулся лицом в землю, а его клинок коснулся моего сапога!

– Но мы решили, что ничья! – весело заявил победитель.

– Слава Ямесу, мне не придется чистить Тарантона. Хотя ваши услуги обойдутся мне чертовски дорого, – ухмыльнулся сэр Рэй Мальгерб. – Еще и седлать придется самому!

Йева поглядела им вслед с улыбкой.

– Я же сказал, что могу седлать вашего Тарантона, – уже заходя в комнату, ответил Уильям.

– Нет-нет! Избавьте! Ямес меня спаси от такого седлания! Ха, мне потом придется от стыда подать прошение на разжалование.

Переодевшись, сэр Рэй почесал крепкий живот, откуда доносилось бурчание.

– Так, Уильям, лично я очень хочу есть. Предлагаю не сидеть в этой дыре, а сходить вниз. Посидите с нами, пока мы пропустим пару кружек того пойла, что тут наливают. Вспомним беднягу Винсента и Аурита.

– Я не голоден, уважаемый сэр Рэй.

– Ваше дело, хотя я предлагал вам лишь присоединиться... – пожал плечами рыцарь, задумчиво глядя на ищущего сухие вещи Уильяма.

* * *

Как можно скорее сэр Рэй покинул эту отвратительную, полную клопов комнатку и выбрался на свежий воздух, где моросил мелкий дождь. В таверне, одноэтажном здании с низкими потолками, сидели восемь конников. За оставшимися двумя столами теснились притихшие жители поселения, поглядывая на прибывших то ли с уважением, то ли

с яростью.

– Сэр Рэй! – воскликнул гвардеец Мойрон. – Идите сюда, мы вам место оставили!

Присев на лавку между двумя воинами, рыцарь с громким стуком оперся локтями о стол.

– Чем здесь кормят? – спросил он.

– Пока не знаем. Скоро вынесут, что у них есть. Но Кольрит попробовал уже их пива.

– Отвратительное пойло! Не портите себе настроение и живот этим дерьмом, капитан, – сморщился Кольрит.

Вскоре на столы опустились покрытые румяной корочкой зайцы, куропатки и еще что-то непонятное.

– А это что? – спросил сэр Рэй, показывая на посудину служанке-дурнушке. Она вертела бедрами так, что порой сама себя ловила, чтобы не упасть.

– Это гадюка.

Лица у мужчин разом вытянулись. Гвардейцы подозрительно привстали, всмотрелись в лежавшие на деревянном резном блюде поджаренные кусочки толщиной с палец.

– Не беспокойтесь, – поспешно заверила всех служанка. – У гадюки яд только в башке. А башку-то мы ей отрубаем... Мясо замачиваем в воде на ночь, оно становится мягким. И жарим. Да вы попробуйте!

Для заверения она жестом показала, как именно змею лишают головы. Вышло настолько убедительно, что один из мужчин все-таки потянулся к кусочку, несмело взял его кончиками пальцев, словно гадюка была живая, и сунул в рот.

– Ну что?.. – спросили все с интересом.

– Как курица. Честное слово, курица!

Деревянное блюдо со странным яством вмиг опустело. Все с видом знатоков причмокивали.

– Что только люди не едят! Вот диво дивное! – произнес уплетающий за обе щеки сэр Рэй. – Жрать гадюк – это еще додуматься надо! А по вкусу и правда птица.

Еще чуть погодя они запивали еду пивом.

– Капитан, а что будут делать с конями Аурита и Винсента? – спросил один гвардеец.

– Ничего, будут как вьючные. Жаль парней, неплохие были, – вздохнул сэр Рэй, с отвращением прихлебывая гадкое пойло.

– А этого, как его... Уильяма фон де Аверина не тронули-то... – сказал другой гвардеец и пихнул локтем третьего. – Его ж так же, как тебя, зовут. Заметил?

– Имя же в ходу, – ответил третий по имени Уильям. – У нас в деревне таких Уильямов, как полевых чертей. Да в каждом дворе!

– А кто ж там печется о его жизни, я так и не понял? – проговорил первый. – Никого ни разу не видел подле него.

– Это нас не касается, ребята! – сморщился сэр Рэй, отодвинув кружку.

– Ладно вам, капитан, здесь же никого нет, – ответили ему.

Служанка подошла прямо к рыцарю и встала подле, наклонившись, чтобы взять пустые кружки. Ее пышная грудь едва не выпала из глубокого выреза, а сама девица томно взглянула на капитана гвардии.

– Эй, дорогуша, – сказал захмелевший рыцарь, пялясь на зазывающие округлости. – А здесь есть нормальное пиво, хозяйское?

– Для вас найду... – ответила ласково служанка и, очень медленно разогнувшись, ушла

с гремящими кружками.

Ее проводили изголодавшиеся девять пар глаз. Послышались вздохи. Многие из гвардейцев согласились, что служанка вполне себе симпатичная, а один, самый пьяный, и вовсе назвал ее красавицей. Обозленные селяне, что сидели за соседними столами, в ответ лишь негодуя зыркали.

– Капитан, а чего мы вообще поперлись в Йефасу? – осторожно спросил один гвардеец.

– Похоже, как раз из-за Уильяма, – ответил сэр Рэй.

– А-а-а, помните, мы когда забирали его из того селения раненым... как там... Большие Варды, кажись... Помнишь, Мойрон, что сказал граф? – хлопнул себя по лбу, вспоминая, второй гвардеец.

– Не помню, – буркнул Мойрон.

– Сказал, что отвезет того на какой-то там суд... Так, может, туда и едем?

– Может, и так, – согласился сэр Рэй.

К столу снова подошла та самая служанка и опять, откровенно выпятив свои достоинства (возможно, единственные), выставила на стол с большого подноса кружки с пивом и промурлыкала на ухо капитану:

– Это наше лучшее, господин. Выпросила у хозяина.

Мужчины опрокинули в себя напиток.

– Хорошее... Вот это нормальное пиво, я понимаю! – похлопал себя по животу объевшийся гвардеец. – Так что там насчет этого Уильяма?

– Да он графский отпрыск, – негромко заметил второй.

– Нет, – возразил захмелевший сэр Рэй, в голову которому ударило крепкое пиво. – Он сын жреца, сам мне рассказывал.

– Да может, недоговаривает, капитан. Вы видели, как с ним наш граф нянчится? – поднял палец Мойрон.

– Ничего он не нянчится, – покачал головой первый.

– Нянчится, я тебе говорю! Если б сэр Рэй не подошел первым помочь этому Уильяму, когда тот висел под пузом, там бы граф подскочил самолично! Он уже ноги из стремени доставал. Я видел! – Второй гвардеец допил кружку и отставил.

– Ну да, он так за родным сыном не следит, – закивал другой конник.

– Леонард неродной сын, как и Йева. – И сэр Рэй улыбнулся, вспомнив очаровательное личико дочери графа. – Наш лорд привез их из Филонеллона, и они приемные.

– Так у господина нет детей? – удивился первый конник.

– Уильям – его отпрыск, – прошептал уверенно второй.

– Да не сын он!.. – начал выходить из себя сэр Рэй.

– Сы-ы-ын, – возразили в один голос несколько гвардейцев.

– Да чтоб черти вас подрали за углом! – разозлился сэр Рэй и уже захотел было встать, чтобы уйти, но снова подошла та служанка и склонилась к его уху.

– Господин, как вам наше пиво? Понравилось? – шепотом, ласково, с хрипотцой поинтересовалась она.

В который раз взглянув на практически нагую грудь, подвыпивший сэр Рэй уже пожалел, что поселился вместе с графским семейством.

– Замечательное пиво, эм, то, что ты принесла последним, моя дорогая, – негромко ответил он, а потом добавил еще тише и вкрадчивее: – Я бы еще много что испробовал у вас, но, боюсь, мне пора возвращаться на постоянный двор. А там яблоку негде упасть...

– Ой, господин рыцарь. Постоялый двор у нас хиленький... – заявила служанка, и ее глазки хитро блеснули в свете освещавших таверну ламп. – А у меня папенька как раз заночевал в домике лесорубов. Это далековато отсюда, в небольшом лесочке подле болотца.

– О, дорогая моя, ну что же... Покажи мне тогда, какие еще яства у вас имеются! – радостно протянул рыцарь.

Служанка ловко проскользнула меж столов, задевая их пышными бедрами, и вышла под дождь. Последовал за ней и сэр Рэй, предвкушающий дегустацию местных блюд. Вернулся он на постоялый двор уже ближе к полуночи, причем вернулся весьма и весьма довольным. Открыв дверь в комнатку, он обнаружил сидящего в темноте Уильяма с книгой в руках.

– Вы в темноте читаете? – удивленно спросил он.

– Я просто проверял, не испачкалась ли она от падения в грязь, – соврал Уильям.

Он подвинулся, чтобы сэр Рэй добрался до кровати.

– Уильям, вы что, решили ночевать на лежанке?

– Да. Я привыкший, так что могу и внизу поспать.

– Благородный вы человек. И за это нравитесь мне все больше и больше!

С веселой усмешкой капитан рухнул на кровать, чтобы выспаться. Раздался треск – деревянная ножка переломилась пополам, а сама кровать покосилась, отчего ошарашенный сэр Рэй скатился к стене.

– Дрянь, да какого Ямеса в этом клоповнике такие рухляди! – воскликнул он, а потом, вспомнив, что в соседней комнате спят две дамы, покраснел. – Уильям!

– Что такое? – спросил тот, улыбаясь.

– Я тоже, кхм, как человек благородный, готов поступиться своим комфортом. Предлагаю вам лечь на кровать. А я же, в свою очередь, готов пострадать на лежанке внизу.

– Благодарю вас, сэр Рэй, но я откажусь. – Уильям тихонько рассмеялся и отвернулся к стене.

Не желая всю ночь созерцать эту жалкую комнатку, вампир погрузил себя в дремоту. Сэр Рэй Мальгерб тоже повертелся, покрутился в перекошенной кровати, уткнулся лицом в стену, представляя, что это девичья грудь, и провалился в забытие, где ему снились местные блюда Уплиша, – как оказалось, весьма аппетитные и съедобные.

Глава 3. Тарантон, мой дивный конь

Поутру, когда дождь закончился, сэр Рэй снова столкнулся нос к носу с сияющей и, похоже, уже безнадежно влюбленной служанкой. За пробу местной кухни ее наградили десятком даренов. Однако на этом, похоже, все и закончилось, потому что больше на девицу даже не взглянули. Гвардейцы быстренько расправились с остатками вчерашнего мяса, свежей кашей и, залив в себя по кружке отвратительного пива, пошли седлать коней. Проверив подпругу еще раз – на всякий случай, – Уилл вскочил на Серебрушку и последовал за отъезжающим отрядом.

– Ну что ж, мы уже пятый день в пути, – потянувшись в седле, произнес довольный сэр Рэй. – Вы готовы, Уильям, сегодня драить моего Тарантона?

– Я все помню, – ответил тот с легкой улыбкой. – А на нашем пути будет сегодня поселение?

– Вроде нет, – задумался сэр Рэй. – Завтра должен быть какой-то поселок... Завтра или все-таки послезавтра? Мы взяли фуража с запасом.

– Послезавтра, – негромко подсказал Филипп, поравнявшись с ними. – Нам еще два дня месить эти болотистые луга, а потом прибудем в Черные Тельи.

– Вы названия всех поселений знаете, господин! – восхитился капитан.

– Конечно, сэр Рэй. Это ведь моя земля... – с иронией ответил граф.

Пока все обсуждали вчерашнее гадючье мясо, Уильям бросал сочувственные взгляды на Йеву. Она ехала одиноко, ни с кем не переговариваясь. Зябко кутаясь в теплый плащ, она все равно мерзла и дрожала как осиновый лист. Рыбак не выдержал, снял со своих плеч отороченный белкой черный плащ, что ему выделил граф, и накинул на девушку поверх ее собственного.

– Не стоило... но спасибо, – поблагодарила она синими от холода губами и тут же плотнее завернулась в два плаща, потихоньку отогреваясь. – Из меня никудышный путешественник, отчего-то постоянно мерзну.

Тут же на паре скрестились взгляды всех: и тех, кто ехал позади, и тех, кто был впереди. От этого Уильям оробел: понимал, что каждое их слово ждут, чтобы раздуть в сплетни. Именно поэтому он лишь ласково-смятенно улыбнулся.

Йева тоже все поняла, она спряталась поглубже под большой капюшон и взглянула оттуда на Уилла с нежностью. И пусть без накидки ему было весьма зябко, однако этот ответный жест так согрел его сердце, что весь остаток дня он ехал, ничего не замечая. Не замечал он и вонзающегося в него, как нож в спину, взгляда Леонарда. Леонард двигался

как бы в стороне от всех, молчаливый, угрюмый. И только пальцы его ласкали усыпанные яхонтами ножны.

– Смотрите, смотрите! – вдруг воскликнул, указывая в небо, гвардеец.

Путники задрали головы. Под низкими тяжелыми облаками, прибываясь к земле, летели с десятков темно-коричневых птиц. Все бы ничего, однако размером птицы были с коня. Они летели, мерно размахивая огромными крыльями, и вокруг них будто бы расходились в испуге тучи. Их полет был спокойным, величественным... Все остановились, с уважением глядя на их цепкие острые когти, на эти гордо посаженные головы, на глубокую, широкую грудь, – и восторженно вздыхали.

– Ну что ж, – в восхищении сказал Филипп. – Значит, в нашем Брасо-Дэнтто уже зима. Они так каждый год перелетают на юг – теплолюбивые существа.

– А кто это? Драконы?! – спросил Уильям.

– Нет, что ты, какие же это драконы. Драконы давно вымерли... Это торуффы, или, как их называют ближе к югу, – рух.

– Они опасны?

– Нет. Они гнездятся в горах к северу от Брасо-Дэнтто и питаются баранами да козлами. К нам спускаются крайне редко. Всю жизнь проводят в небе... – И граф вздохнул. – Благородные создания.

– Я никогда не видел их раньше, – ответил Уильям, замороженно наблюдая за приближающейся стаей.

– Так их мало осталось. Вероятно, это потомки тех причудливых созданий, что родились из кровавых обрядов после слияния миров. Может быть, даже родственники драконов, кто знает.

Между тем Леонард нащупал лук и стал быстро разматывать его, не сводя глаз с птичьей стаи. Завидя под собой людей, рух начали медленно набирать высоту, уходя в кучевые облака, но ловкие пальцы графского сына уже потянулись за стрелой в колчан.

– Не смей! Убрал лук, я сказал! – рявкнул Филипп, да так, что весь отряд испуганно подскочил на конях.

– Что? Почему?! – воскликнул его сын, но стрелу все-таки задержал в колчане. – Это же такой трофей, отец! Над Брасо-Дэнтто они никогда так низко не пролетают, как здесь. Позволь хоть один выстрел!

Тем временем демонические птицы уже поднялись слишком высоко, и теперь их было видно только в редких оконцах между тучами. Они спокойно пролетели над отрядом в сторону юга.

– Опоздал... – с раздражением выдохнул Леонард.

– Они не для того живут, чтоб их убивали ради пера в уздечку. – Филипп гневно посмотрел на сына, а его вороной конь, чувствуя злость хозяина, нервно пританцовывал на месте. Не желая лишний раз сердить отца, Лео отвернулся и уставился на бескрайние болотистые луга.

* * *

К вечеру отряд остановился у быстрого прозрачного ручья, который змеей извивался среди сгнившей травы. Шириной в два васо, глубиной по пояс, он не сулил никаких

опасностей. Слуги, понюхав воду, убедились в ее чистоте и набрали котелки для жарки мяса и готовки супа из настрелянной дичи. Кто-то из гвардейцев уже чистил коней, кто-то устанавливал навес, если вдруг бредущая над землей туча решит излиться дождем.

Йева вернула уже порядком продрогшему Уильяму его плащ, виновато поблагодарив. Леонард с Эметтой, у которых не было ни шанса уединиться посреди ровного, как лежащий на столе лист бумаги, луга, сидели на лежанке, пока их лошадьми занимались остальные.

– Ну что, вы готовы? – К Уиллу подошел капитан. Он затянул потуже пояс на животе и взял из сумы, что лежала на земле подле седла, несколько щеток. – Мой Тарантон уже в нетерпении. Но предупреждаю: он хоть и рыжей масти, да с характером, черт такой!

Рыбак поднялся с лежанки.

– Кусается?

– И это тоже. Лягается, как бешеный! Одного моего оруженосца пять лет тому назад, когда совсем лютый был, прибил насмерть... земля ему пухом... Мальчишке показалось, что конь привык к нему, и он имел неосторожность убрать руку со спины, обходя его сзади, – развел руками рыцарь. – Да не бойтесь, я покажу вам, как правильно чистить! – И он ободряюще ухмыльнулся.

– А я и не боюсь... – ответил Уильям, правда безрадостно.

– Между прочим, о Тарантоне заботились больше прочих, – продолжал сэр Рэй. – Просто ему передан этот дикий нрав – он по крови лютый. Но по силе и выносливости не уступает даже графскому Найхлисту!

Едва завидев хозяина, огненно-рыжий конь с белым чулком на задней правой ноге наострил шилом уши. Сэр Рэй подошел к нему и потрепал по подстриженной гриве.

– Только меня признает! – заявил безапелляционно он.

Капитан взял щетки и стал показывать, как следует заботиться о лошади.

– Начинать надо с морды... Клещей уже мало, но проверьте... Между прочим, я у вашей кобылы вытащил сегодня одного из-под брюха... Так, на спине шерсть одной щеткой поднимайте, а другой смахивайте грязь... Старайтесь чистить лучше всего под подпругой и где седло. Нежнее морду! Щетка жесткая, не та!

Прикрикивания продолжались, пока Уильям пытался не попасть под буйный норов коня. Тот перебирал копытами, задирали высоко шею, а порой лязгал пастью с желтыми зубами, как ставнями.

– Что за животное... – простонал Уилл. – Теперь мне кажется, что вы затеяли спор только ради этого!

– Не специально. Но вышло хорошо, согласитесь, – ответил довольный рыцарь, устраиваясь на плоском камне.

– Зачем же вы приобрели такого коня, если он злющий, как демон?

Тарантон продолжал измываться над ним: хрипел, задиристо ржал и норовил грызнуть. Из его ноздрей с шумом вырывался воздух, как из кузнечных мехов, и Уиллу даже казалось, что конь этот ненормальный. Демонический... А потом и вовсе, пока он отвернулся в ожидании ответа, Тарантон изловчился и едва ли не вырвал у него клочок волос. Уильям с возгласом едва успел отпрыгнуть.

– Как это зачем? Да он великолепен! Не зря говорят, что его отцом был сам кельпи, наскочивший из воды на кобылицу, – посмеиваясь над ситуацией, сказал рыцарь. – Плевать, что страдают другие! Меня признает – это главное. Знаете, во сколько обошелся нашей семье этот рыжий негодяй? Ну-ка, а? – И, увидев, как Уилл качает головой, добавил: – Как дом

в центре Брасо-Дэнтто около Вороньего камня!

– Ого! Не может быть, чтобы конь столько стоил.

– Может. Те, что помельче и ходят под моими конниками, – они много дешевле. Но тоже ценны. Когда гвардеец поступает на службу, он подписывает бумаги и обязуется заботиться о выданном под седло коне. Причем, если чего натворит да загубит его, много лет будет расплачиваться. Теперь вы понимаете, почему сначала заботятся о лошадях, а потом уже о себе? – улыбнулся рыцарь.

– Понимаю, – ответил Уилл.

– Отлично! – одобрительно кивнул сэра Рэй и подошел к Тарантону, успокаивая. – Вот замечательно, щетки давайте сюда. Завтра сами почистите Тарантона. А пока пусть он отдохнет с долгой дороги и поест. Кстати, жрет он много.

– А мы сегодня будем с вами фехтовать?

– Ну конечно! Тут уж не отвертись! – заулыбался капитан.

Вымотанный после невоспитанного коня Уильям вернулся к своей Серебрушке и погладил ее по морде. Кобыла спокойно вздохнула и потянулась мягкими губами к руке, чтобы отыскать там лакомство.

– Нет у меня ничего для тебя, – приласкал ее Уильям. – Вот ты такая красавица: и проблем не доставляешь, и нрав хороший. И отчего рыцари гонятся за этими злющими кусаками?

К нему подошла Йева, кутаясь в теплый плащ, поверх которого был накинут отцовский.

– Зря ты, – шепнула она, – не все такие, как Тарантон, многие имеют вполне спокойный нрав. Чтобы разозлить нашего Найхлиста, графского вороного, нужно постараться. Он только гнев отца чувствует хорошо, начинает пугаться, а так замечательный и покладистый. Да и Луниалас – конь моего брата – тоже очень спокоен.

Немного помолчав, она спросила:

– Как тебе тренировки с сэром Рэем?

– Знаешь, я всегда полагал, что махать мечом сродни рубке дерева топором. Но в бою против сэра Рэя я чувствую себя скорее деревом... – Уилл улыбнулся.

– Но тебе все равно нравится. – Йева встала ближе.

– Наверное, да... Но мне кажется, мои удары все равно быстрее и сильнее.

– Естественно, не забывай, кто ты. Ты должен быть сильнее и быстрее его на мечах, но сэра Рэй берет опытом, которого у тебя пока нет.

Йева провела рукой по спине Серебрушки. Рука Уильяма, лежавшая на теплом боку лошади, чуть поднялась и погладила маленькую ручку графской дочери. Та отчего-то грустно вздохнула и подняла на него зеленые, цвета изумруда, глаза.

– Так ты виделся... с ней, Уилл? – Их пальцы сплелись.

– Да, Вериятелюшка приходила ко мне у Белой Бетсы, а потом и у той реки, где живет тварь. Спасла меня. Снова, – улыбнулся он сам себе. – Мне уже неловко от того, как она печется о моей жизни.

– Любит тебя, – задумчиво сказала Йева. – А ты ее?

– Даже не знаю, как это назвать, – погрузился в раздумья Уильям. – Она мне как сестра, как возлюбленная и как лучший друг – все вместе и ни одно из перечисленного. Когда она рядом, я спокоен, счастлив... кажется, будто все беды позади. А когда ее нет поблизости, я хоть и тоскую, но понимаю, что у нее все хорошо. На душе тотчас теплеет от этой мысли. Ты когда-нибудь чувствовала что-нибудь подобное?

– Возможно, – уклончиво ответила графская дочь. – Послушай, Уилл. Мне порой кажется, что *она* что-то сделала с тобой, отчего для тебя будет всегда существовать только она одна...

– Не знаю, Йева. – Он продолжал поглаживать ее пальцы. – Она же не человек, а демоница.

– Я тоже не человек, – совсем тихонько шепнула девушка и вздрогнула.

Смутившись от этих слов, Уилл посмотрел на нее, на ее блестящие от слез глаза, но она тут же отвернулась и быстро убрала руку со спины Серебрушки под плащ.

– Йева, я тебя не понимаю...

– Да это неважно... уже. – Она быстро заморгала, чтобы не разрыдаться у всех на виду. – Смотри, тебя зовет сэр Рэй...

И правда, рыцарь стоял с другой стороны лагеря, на ровной площадке, и махал мечом в воздухе, чтобы привлечь внимание. Там же собрались остальные, тренируясь друг с другом, пока повара готовили ужин.

Леонард стоял в центре площадки. Ветер трепал его рыжие волнистые пряди, которые придерживала черная повязка. В руке у него лежал меч Рирсуинсорсиан, сверкающий в закатных лучах огромным рубином.

– Ну же, кто следующий? – весело спросил Лео.

Он оглядел куда более рослых гвардейцев, которые переминались с ноги на ногу и не решались вступить в поединок.

– А давайте я! – вышел вперед Мойрон, уверенный в своей победе: противник был ниже его на полголовы.

Толпа разомкнулась, чтобы создать круг. В этот момент Йева и Уильям приблизились к остальным и встали рядом.

Подобно дикому коту, Леонард мягким шагом закружил вокруг Мойрона. Следя за ним, Мойрон резко подался вперед. Блеснуло острое лезвие в выпаде. Лео изящно увернулся, ударил от бедра, но гвардеец тоже был не дурак – успел парировать и, связав клинки, попытался выбить меч из рук противника. Не растерявшись, графский сын отскочил и приготовился к размашистому удару, а Мойрон не успевал защититься. Леонард посмотрел на гвардейца, который отступил побежденным, и красивым жестом укрыл меч в расписных ножнах.

– А вы действительно хороши, – заметил сэр Рэй. – Быстры, ловки, отлично противостоите даже противнику выше вас ростом. Сразу видно, что над вашей техникой работал сам мастер Адд Фрауд.

– Да, сэр Рэй, у меня хорошие учителя! Но даже лучшие не научат ничему толковому безграмотного ученика, если у того нет задатков. – Графский сын заметил свою сестру. А потом, увидев рядом с ней Уильяма, ядовито улыбнулся. – О, а вот и ваш соперник подрос! Он уже умеет держать меч с правильной стороны?

– Немного. – Капитан тоже расплылся в улыбке, но скорее сочувствующей. – Уважаемый Уильям, вы готовы?

– Относительно, – не соврал тот, выходя вперед и обнажая меч.

Филипп, который сидел на лежанке и прислушивался к бою вскользь, без интереса, вдруг поднялся и подошел ближе. Перед ним в почтении расступились все прочие, склонив головы. От лица графа веяло холодом, но его синие глаза с любопытством и беспокойством следили за схваткой сэра Рэя и Уильяма. Последнему выдали нагрудник и защиту для рук

и ног, в которую он нехотя облачился.

Встав на краю полянки, сэр Рэй с зазывающей улыбкой глядел на Уильяма. Но Уильям нападать не собирался: его противник был много опытнее, хитрее. Понимая, что его удар мало того что отобьют, так еще и мгновенно контратакуют, он выжидал и настороженно следил. Рыцарь пошел сначала в левую сторону, потом в правую, раздумывая. Это был не тот бой за холмами, где Уильяму было не стыдно хлебать грязь: теперь десятки пар глаз смотрели на него в ожидании позора. Разгоняя сердце и мысли, он постарался обострить чувства, вспомнить те звериные ощущения, что пробудились в нем в лесу около Вардов во время погони.

Сэр Рэй шагнул вправо. И, быстро разорвав дистанцию, так же быстро ударил. Уилл выставил клинок – удар был отражен. Но рыцарь оказался шустрее, он уже развернулся вполоборота и атаковал сбоку. Громко зазвенела сталь. Мечи скрестились, высекли искру. Уильям не знал, что делать дальше, и замер. Желая воспользоваться заминкой неопытного противника и закрепить инициативу за собой, сэр Рэй с ухмылкой тут же напал повторно. Он выписал в воздухе восьмерку мечом. Не понимая, что это уловка, Уильям силился защититься слева, но клинок нанес удар справа.

Рыбак запнулся и упал, перекувыркнувшись. Вокруг засмеялись. Клинок был приставлен к его горлу, и Уильям, глубоко вздохнув и изобразив натянутую улыбку, поднял руки в знаке поражения.

– Что же вы пропустили такой простейший финт? – рассмеялся капитан, а за ним и все остальные. – Я же показывал его вам вчера!

Вперед вышел Филипп.

– Сэр Рэй, – обратился он негромко к рыцарю.

– Да, мой лорд. – Капитан обернулся.

– Не окажете ли мне, старику, честь поединком?

Толпа замерла. Леонард и Йева в изумлении посмотрели на отца, который никогда ранее в поединках замечен не был. Даже сэр Адд Фрауд за все время обитания в замке так и не смог уговорить графа Тастемара скрестить мечи. От такой просьбы капитан гвардии слегка опешил, крепко задумался и, конечно же, не смея отказаться, согласился.

Облачившись в доспех, Филипп подвязал свои седые длинные волосы в хвост и вышел на кромку поля, которое спешно покинул чумазый Уильям. Он обнажил клинок. Меч у него был незатейливый, без гравировок и драгоценностей в навершии, ибо его родовой меч Тастемара – Рирсуинсорсиан – сейчас покоился в ножнах Леонарда.

– Может, наденете шлем? – засомневался капитан.

– Не переживайте за мою безопасность, сэр Рэй. Побеспокойтесь лучше о своей. Попробуете поддаться – накажу!

После этих слов граф внезапно скакнул в сторону рыцаря, который не ожидал столь резкой атаки. Последовал косой удар. Его судорожно отбили! Однако Филипп наскакивал уже с другого бока, и, вынужденный сменить позицию, сэр Рэй отступил. Дабы не упасть в грязь лицом, он попытался сделать ответный выпад. Но седой граф играючи парировал его и с улыбкой на лице уже заносил над головой капитана меч. Тот испуганно попятился, не поспевая. Но капитана не собирались отпускать. И вот граф прыгнул вперед и снова занес меч для удара – справа. Понимая, что это будет явный финт, капитан попытался защититься слева, но не успел: клинок тяжело опустился на его доспех, а сэр Рэй отлетел, как мешок с картошкой. Он перевернулся и все-таки рухнул лицом прямо в грязь...

Этот бой оказался самым быстрым из всех.

– Что же вы, сэра Рэй, такой простейший финт пропустили? – лукаво сказал Филипп. Его синие глаза, обрамленные морщинами, смеялись и довольно блестели. – Уж вам ли, опытному фехтовальщику, не знать о нем?

– Я вас понял... господин. – Сэр Рэй поднялся на ноги, пошатываясь из-за сбившегося дыхания, и виновато обратился к Уильяму: – Прошу... извинить меня за издевки!

Тот лишь смущенно кивнул.

Толпа удивленно взирала на старого седоволосого графа, который только что играючи расправился с лучшим мечником Солрага. Сняв доспех, Филипп как ни в чем не бывало удалился, вновь устроился на лежанке и спокойно достал из седельной сумки книгу.

– Да чтоб меня! Как же так, – говорил ему вслед сэр Рэй. – Такая скорость, такая силища!

Тренировочные сражения продолжались, пока повара не известили уже порядком изголодавшихся воинов о готовности блюд. Впрочем, запахи сами заставили их забыть обо всем на свете и прийти под наспех сооруженный навес. Люди сидели на лежанках и ели в темноте, ловко орудуя ложками, ну а сэр Рэй же тихонько охал и постоянно касался места, куда пришелся удар графа.

* * *

За пару часов до полуночи, когда все уже спали, Филипп взял ножны и бесшумно подошел к Уильяму, толкнув его в бок. Тот намек понял, подскочил. Филипп двигался быстро, живо, словно молодой, и в восхищении перед такой кипучей энергией Уильям безо всякой опаски шел за ним.

Когда они отделились на достаточное расстояние от лагеря, Уильям обратился к графу:

– Спасибо вам.

– Пожалуйста. Сэр Рэй не имел права укорять тебя, держащего меч второй-третий раз в жизни, в том, что ты пропустил финт, – пожал плечами граф. – Не сравнивай себя ни с ним, ни с моим сыном – у обоих с детства были лучшие учителя. Я лично привез для своего сына пожилого наставника – вампира из самого Вильгельма.

– Но разница между вами и сэром Рэем была как между мной и сэром Рэем, – осторожно заметил Уильям.

– Да, но мы же с тобой не люди, Уильям... Не забывай, что мне почти пятьсот лет. Я и так сильно замедлялся, чтобы не быть чересчур быстрым для воинов, и бил слабее положенного.

– Невероятно!

– Все вероятно... Ты неопытен, поэтому проигрываешь. Даже месяц практики с нормальным мастером, а не нашим сэром Рэем – и ты бы их всех с легкостью победил, – улыбнулся граф. – Пойдем пройдемся вон до того деревца и назад. Я хотя бы буду спокоен, что ничего не вылезет ночью из воды.

– Господин?..

– Да, Уильям.

– Быть может, если вам не трудно... Вы, кхм... можете преподать мне урок? – очень вежливо спросил Уильям.

– Хм, – задумался граф. – Почему бы и нет? Но до того деревца давай все-таки дойдем.

Меся грязь, они направились вдоль ручья к одинокой иве, что стояла согнутой на низеньком холме. Оттуда открывался вид на раскинувшиеся вокруг заболоченные луга, тихие, зыбкие и зловеще молчаливые.

– Интересно, посол уже добрался в Офуртгос к Райгару Хейм Вайру или еще в пути? – спросил негромко Уильям. – Как я понимаю, Райгар не очень жалует гостей...

– Да, но им ничего не угрожает. Райгара нет в Офурте, – улыбнулся Филипп.

– Как это?

– Он же, как и мы, отправился на твой суд, Уильям. Зная о постоянных проблемах с мостом на Западном тракте, Райгар должен был отбыть из Офуртгоса перед началом сезона дождей.

– Выходит, посол Ханри приедет в пустой замок, развернется и уедет?

– Да. Но за долгую дорогу Лейт Дорелгоф, командир моего эскадрона, добудет из людей посла всю нужную мне информацию. Для того я и выказывал такую щедрость, – ответил Филипп.

– Ого... Вы и впрямь всё продумали...

Наконец они дошли до одинокого и скрюченного дерева, которое в лунном свете напоминало старуху с сухими руками, узловатыми пальцами и длинными редкими волосами. Оглядывая болота, два вампира силились разглядеть во мраке опасности, таящиеся в скрытых местах, среди кочек и трясины.

– Еще день пути – и будем в Тельях. – Граф показал рукой направление, куда отряд собирался тронуться поутру. – Дальше несколько дней по окраине болот, по Маровскому лесу. За Маровским лесом осушим нескольких заключенных в городке Орл, он очень приличный по размерам, а комендант тюрьмы там вампир. Его предупредили. Перейдем Мертвую Рулкию – и уже по общему тракту направимся к Йефасе.

– И много старейшин соберется в Йефасе?

– Хм... – задумчиво ответил граф. – Ну, сезон сейчас нехороший, северянам тяжело добираться, так что, думаю, с десятков представителей ты увидишь.

– Скорее бы... – отозвался Уильям и вздохнул.

Филипп тоже глубоко вздохнул и не ответил, только тяжело посмотрел на отвернувшегося спутника, который любовался лугами в свете луны, думая о чем-то своем. Отойдя от скрюченной ивы, граф достал меч из ножен.

– Ну что ж, давай поучу тебя. Правда, давно я этим не занимался. Если понравится, то могу по ночам тренировать тебя где-нибудь подальше от лагеря. – Филипп красиво прокрутил меч кистью, разминаясь. – Я, как и ты, не любитель шума и зрителей.

– Сэру Рэю сообщить, что он может больше не тратить на меня время? – Уильям оголил клинок.

– Нет, пусть учит тебя как человек. А я попробую другой подход. Как видишь, мы с тобой без доспехов...

Филипп действительно оказался очень опытным фехтовальщиком. Да, он не щадил, да, заставлял отбивать удары, уворачиваться, сбивая дыхание, и бороться за свою жизнь, как в реальном поединке. Но за весь бой острие его меча ни разу не коснулось Уильяма: клинок всегда останавливался вовремя, порой в опасной близости от шеи или груди. Уильям же, напротив, изо всех сил старался, но так и не смог дотянуться до Филиппа. Разница между сэром Рэем и графом была разительна: меч в руках Филиппа походил на коготь хищника,

неотъемлемое продолжение его руки, и с ним он передвигался молниеносно, подобно какому-нибудь демону из легенд.

Тем не менее своего неуклюжего оппонента граф ни разу не укорил. Он спокойно указывал на ошибки и разъяснял, как делать правильно в той или иной ситуации. Через час запыхавшийся, но довольный Уильям душевно поблагодарил Филиппа, и они вернулись к лагерю.

* * *

– Почему здесь так мало поселений? – спрашивал гвардеец Мойрон, которому хотелось по-человечески выспаться, не на земле. – Я слышал, что южнее Брасо-Дэнта городов, как чертей в амбаре, а нам за четыре дня пути встретилась лишь одна деревня.

– Места дурные, – ответил сэра Рэй.

– А что здесь дурного, капитан? – непонимающе уставился конник.

Но за сэра Рэя ответил граф, который ехал позади.

– Все, что ты слышал, касается юго-запада и юга Солрага, – сказал Филипп. – А здесь низина, рядом болота, которые часто горят – от нескольких дней до пары лет. Никому не хочется жить рядом с горящей землей, в дыму и страхе. Тем более восточнее обитают болотные гарпии, а если углубиться в Маровский лес, то там вурмы. Нехорошее соседство, прожорливое.

Мойрон вздохнул, ловя себя на мысли, что граф, похоже, слышит вообще все.

Смеркалось, очертания местности расплывались в наступающей беззвездной ночи. Когда все стали располагаться на месте будущего ночлега, Уильям спрыгнул с Серебрушки, взял ее под уздцы и повел к сэру Рэю. Капитан по-старчески тяжело сползал со своего рыжего Тарантона. Сделав пару шагов, он исказил лицо в гримасе страдания и схватился за грудь.

– А-а-а, Уильям, хорошо, что сами подошли. Вы помните свои обещания?

– Я все помню. Давайте сюда Тарантона, а потом уже проведем поединок, – предложил Уилл.

– По поводу поединка... – Рыцарь болезненно выдохнул. – Давайте сегодня пропустим, потому что, признаться, после удара нашего доблестного графа я не готов. Черт возьми, даже дышать тяжело... Я стреножу Тарантона, а вы почистите его, потом привяжите к коновязи.

Капитан помог стреножить Тарантона и заковылял с дорожными сумками и седлом к костру, чтобы погреться и отлежаться.

– Что за удары, поверить не могу... Как бревном приложили!

* * *

Ведя двух лошадей за холмы, ближе к ручью, Уильям то и дело уворачивался от пытающихся укусить его зубов. Он пробовал корить Тарантона, но хитро-наглая морда коня выражала только лишь счастье от своего свинячьего характера.

Лагерь скрылся из поля зрения. У воды Уилл стреножил и свою Серебрушку, которая в ответ ласково глядела своими бархатными глазками. Он принялся чистить сначала ее:

работал щетками, отирал пучком травы, заботливо прочесывал гриву.

Закончив одно дело, Уильям со вздохом поглядел на Тарантона. Ну что же, очередной бой! Стоило капитанскому коню почуять, что за него сейчас примутся, он тут же воинственно заржал и брыкнул. Его попытались обойти – он тут же развернулся задом. Всем своим задиристым видом он говорил, что готов биться с неумелым рыбаком до изнеможения! Так и ходил вокруг да около Уильям, так и наблюдал лишь обращенный к нему конский круп с раздраженно машущим хвостом, пока не услышал знакомый всплеск. Из ручья показалась Вериатель. Бросив щетки на землю, Уилл подскочил к ней, радостный, и принялся расцеловывать.

– А я уж думал, что здесь мелко для тебя, – сказал он счастливо.

Веритель лишь мотнула головой, вырвалась из объятий и, пританцовывая, приблизилась к лошадям. Они стояли замерев – не боялись. Серебрушка мирно пощипывала остатки травы, вытягивая ее мягкими губами под корешок, а Тарантон вмиг перестал брыкаться и повернулся. Сначала демоница погладила серую лошадку, затем скакнула к капитанскому коню и обвила белыми ручками его рыжую наглую морду, которая сейчас выражала покорное смирение.

– Не верь ему, Вериателюшка, – пожаловался Уильям. – Он тот еще негодник! Очень невоспитанный!

На это Вериатель только залилась смехом, громким и чистым. Ее смех донесся до чутких ушей графа Тастемара. Вернувшись к своему возлюбленному, она повела его, словно ребенка, чтобы возложить руку на нос присмирившего рыжего коня. Потом, слегка постанывая, она приласкала его крепкую шею, уши, морду, пока он радостно фыркал. А когда демоница отскочила в диковатом прыжке, то Тарантон так и продолжил радостно фыркать, только уже в адрес стоящего рядом с ним Уильяма.

– Вериателюшка, – все понял тот, – как мне тебя благодарить?

Ему, конечно, как всегда, ничего не ответили. Вериатель только томно поглядела из-под ресниц, а Уильяму отчего-то вспомнился тот день на озере, и он сладострастно потянулся к ней. Но демоница от него игриво отпрыгнула, и через миг на ее месте скакала темно-мышастая кобыла с вороньей гривой.

– Вот ты шкодница, все не даешься, – рассмеялся Уилл. – Эх! Мне бы дудочку сюда. Я бы сыграл что-нибудь веселое для тебя!

Из-за холма донеслись звуки пения. Это у костра запели люди, наевшись жареных перепелов и зайцев, отогревшись и наблюдая ушедшую далеко за горизонт тучу. А затем, вслед за ними, зазвучала серебряная флейта. Она была куда тоньше голосом, тише, но Вериатель больше всего удивилась именно ей – и прислушалась, прядая ушами.

Пока лунный свет падал на речушку, на ее берегу довольная кельпи выделявала кульбиты, брыкалась, подскакивала и приземлялась попеременно на разные ноги. А потом в каком-то неистовстве, сокрытая от глаз гвардейцев холмом, она и вовсе обернулась черной демоницей со страшной пастью, усеянной кривыми зубищами. Скача брюхом и хвостом по земле, извиваясь, подобно рыбине, она подползла к Уильяму.

Тот совсем не испугался, скорее удивился: за долгие годы знакомства Вериателюшка представляла перед ним в своем истинном облике нечасто.

– Ты у меня красавица, – шепнул он, любуясь.

В волнении он дотронулся до нее, до ее черной кожи, липкой, мягкой, такой не похожей на человеческую. Ее кожа будто дышала под его пальцами. Пока Уилл разглядывал ее, перед

его лицом схлопнулись капканом острые зубища, но он даже не вздрогнул. И, довольная своей шуткой, кельпи ласково облизнула его длинным вывалившимся языком. Она растянулась змеей, скрутилась вокруг рыбачка в три кольца, не сжимая их, и вздохнула, казалось, всем естеством разом. Уильяма захлестнуло странное ощущение единения: он гладил ее, погружаясь в нее рукой, касаясь напоминающей водоросли гривы, склизкой морды, на которой будто плавали зубы и ярко-голубые глаза. А потом флейта утихла... Тогда, еще раз облизнув мужчину, кельпи поползла к воде мимо тихо ждущих Серебрушки и Тарантона и скрылась в ручье, растворившись в нем.

Ну а Уильям осторожно вернулся к лошадям и, убедившись в миролюбивости рыжего, закончил чистку и повел их обратно на бивуак.

– Как успехи? – поинтересовался сэр Рэй, развалившись на лежанке. – Не укусил?

– Нет, все замечательно, – глупо улыбался рыбак, еще не отошедший от странного чувства. – Вы все-таки пропустите сегодня нашу тренировку?

– Боюсь, да. Прошу извинить, мне нужен покой, чтобы я не сдох раньше положенного, – кивнул рыцарь и, укрывшись льяником, свернулся клубком.

В лагере начали устраиваться на ночлег. Йева лежала под двумя одеялами. Две лежанки – Леонарда и Эметты – были соединены друг с другом, и пара обнималась во сне. Было тихо, безоблачно, бледно светила луна, а Уильям продолжал вспоминать свою кельпи у реки, пока не услышал, как Филипп поднялся и взял ножны. Тогда он последовал его примеру, и они оба скрылись за изгибами холма от глаз любопытного часового. Примерно через час, может чуть позже, они вернулись. Уставший и опустошенный Уильям тут же забылся глубоким сном.

* * *

На рассвете шестого дня путники готовились продолжить свое путешествие на юг. Уильям уже куда более умело, твердой рукой, подготовил Серебрушку к дороге и даже успел помочь Йеве. Та взглянула на него с затаенной благодарностью. Они не могли и не желали показывать свои отношения, как это делали Эметта и Леонард, хотя, надо сказать, все и так было понятно – многие вокруг начинали догадываться.

Вдруг неподалеку раздался шум. Все повернули головы. Это сэр Рэй тщетно пытался оседлать своего рыжего коня, а тот не давался и убегал.

– Да что с тобой, Тарантон? Какая гарпия тебя грызнула? Иди сюда, скотина, я сказал! – Капитан злился и продолжал нелепо гоняться за ним с седлом в руках.

Удивленный Уильям подъехал ближе. Как только Тарантон заметил его, так сразу остановился и приветственно заржал. Сэр Рэй было решил, что ржание предназначено ему, и быстренько оседлал его, в конце закинув сумы через луку.

– Вот так бы сразу... Как смел ты хозяина не слушаться, а, Тарантон? – поучительно погрозил он пальцем и вставил ногу в стремя.

Но все это время конь глядел только на Уилла и счастливо ржал. А тот чуял неладное. Действительно, стоило сэру Рэю усадить свой крепкий зад в седло, как Тарантон это понял и в безумии встал на дыбы. Чтобы не попасть под его тяжелые копыта, все кинулись врассыпную. Перепуганный капитан всячески пытался утихомирить животное, но конь, понимая, что всадник еще в седле, потерял всякую меру и взбесился. Схватка между ними

становилась все ожесточеннее, злее, пока машущий руками Уильям не бросился к Тарантону, чтобы привлечь его внимание.

– Куда лезете?! – заорали ему гвардейцы.

– Прибьет!

Только Тарантон мгновенно замер, позабыв обо всем, и пошел в сторону Уилла, покачивая головой и уронив хвост. Все это время сидящий на нем рыцарь то натягивал поводья, то сжимал шенкелями бока, но безрезультатно.

В конце концов раздосадованный сэр Рэй спешил. Рыжий конь увидел его, опять озверел и распахнул пасть. Вцепившись в капитанские рыжие волосы, он выдрал приличный клоч и от этого нагло-радостно заржал. Отпрыгнувшему с воплями сэру Рэю, который отчаянно схватился за голову, только и оставалось наблюдать, как его огромный Тарантон приблизился к Уильяму и потерся об него.

– Ох, Ямес... – только и смог выдать из себя Уильям, который осознал все до конца.

А Филипп, который тоже все понял, громко захохотал. Одни только ничего не понимающие гвардейцы переводили взгляд с хохочущего графа на Уильяма, а затем на обескураженного капитана.

– Что здесь творится?! Что вы сделали с моим конем?!

– Я ничего не делал, сэр Рэй! – попытался оправдаться рыбак.

Граф продолжал залиvisto смеяться, прикрыв рукой рот, чтобы не показывать клыки. Лео и Йева непонимающе переглядывались. Уильям шагнул в сторону от лошади, но та, будто верная собака, затрусилась следом за своим любимым хозяином.

– Я... – пробормотал Уилл. – Я сожалею, что так вышло. Попробую все исправить!

– Исправить? Почему... да какого черта он ластится к вам, а меня не признает?! – кричал рыцарь. Он снова сделал решительный шаг к своему коню, но тот лишь клацнул зубами в воздухе: мол, попробуй-ка.

– Я сейчас вернусь! – сказал Уильям.

Он силился остановить Тарантона. Однако конь продолжал неотступно следовать за ним, бережно хватался губами за ворот гамбезона, терся носом, вздыхал на ухо – в общем, выказывал любовь. Уильям от этой влюбчивой скотины всячески отмахивался. Тарантон не сдавался, старался еще больше, чтобы его усердие оценили чем-нибудь вкусненьким. Так они и шли к реке, пока рыбак не выдержал, не оттолкнул от себя мохнатую морду и не ткнул в нее гневно пальцем:

– А ну сиди тут, жди меня! Я скоро вернусь!

И на глазах всех... огромный конь вдруг плюхнулся на землю, вытянул задние ноги, будто человек, и смиренно заржал. Люди вокруг опешили. Среди гвардейцев зазвучали нервные смешки. Уже почти успокоившийся Филипп рассмеялся с новой силой.

Пользуясь заминкой, покрасневший рыбак побежал за холмы, периодически оглядываясь, ну а Тарантон, когда видел его взгляд, каждый раз фыркал, как бы напоминая, что будет ждать.

К ошалевшему капитану подошел Филипп.

– Не переживайте, сэр Рэй. Думаю, Уильям все исправит. Ну а если не исправит, я за это заплачу. – Оглядев коня, граф хохотнул. – И правда, сидит! Хорошо, что он ему не приказал на дерево взобраться! – И он смахнул набежавшие слезы платком.

– Господин, что здесь происходит?! – жалобно вскрикнул сэр Рэй, наблюдая сидящего на задних ногах Тарантона.

– Думаю, кхм, подруга Уильяма решила помочь ему и заколдовала вашего мерина вчера вечером, когда он не давался. То ли ненароком, то ли так пошутила... но бедный Тарантон теперь воспринимает как хозяина только Уильяма. И ведет себя чудн о, – развел руками граф и снова рассмеялся.

– Какая такая подруга? – насторожился капитан.

– Есть у моего гостя одна очень старая знакомая, что неотступно следует за ним всю нашу дорогу.

Из-за холма вернулся красный как рак Уильям. Виновато почесывая затылок,

он подошел к ждущему его капитану и произнес:

– Сэр Рэй... Прошу простить меня за то, что произошло. Но я пока не могу это исправить... Кхм, тот, кто это натворил, не хочет вылезать из воды.

– И что мне теперь делать?!

– Ну... – Уилл заметил, как граф лукаво взглянул на него. – Я могу попросить повезти вас. – Желая провалиться под землю от стыда, он подошел к фыркающему мерину. – Тарантон, Тарантоша, повези, пожалуйста, сегодня уважаемого капитана... А к вечеру мы тебя снова перевоспитаем, а?

Конь недовольно фыркнул, но все-таки послушался, поднялся и направился к старому хозяину. С осторожностью сэр Рэй взобрался в седло и аккуратно поддал пятками. Тарантон повернул к седоку шею, прижал уши к голове и оскалил желтые зубы. Побледневший рыцарь обратился к виновнику:

– Ямес вас побери! Я больше не буду спорить с вами! С вами опасно спорить, Уильям!

Уильям же на глазах у всего отряда взобрался на свою серую кобылу и смущенно последовал за ними.

Весь путь до Тельи многие весело поглядывали то на него, то на рыжего коня, который брел неподалеку, привлекая к себе внимание неумолкающим ржанием. Только к обеду сэр Рэй, поначалу хмурый, молчаливый и не похожий сам на себя, немного подуспокоился и начал не так злобно поглядывать в сторону Уильяма. Когда отряд растянулся длинной вереницей, рыцарь отпустил поводья и конь, почувствовав волю, тотчас направился к своему новому хозяину.

– Может, вы все-таки проясните ситуацию, что случилось с моим Тарантоном?

– Кхм, сэр Рэй... Это вышло случайно, клянусь! Ваш конь не давался для чистки, и кое-кто помог мне успокоить Тарантона. Видимо, перестарались... – развел виновато руками Уильям. – Я надеюсь, что сегодня все исправлю.

– Я тоже на это надеюсь, – ответил капитан, возмущаясь. – Вы же лишили меня коня, понимаете? Эта скотина теперь лишь делает одолжение, что везет меня, своего настоящего хозяина, по вашей просьбе!

От этих слов рыжий Тарантон повернул свою красивую, могучую шею к всаднику и оскалится, обнажив желтые зубы.

– Ну что это такое?! Был ведь нормальный вредный конь. Мой конь! – еще яростнее продолжил возмущаться сэр Рэй. – Стоит вам отъехать – и он не преминет скинуть меня и растоптать.

– Я попрошу вечером на привале перевоспитать Тарантона. Главное, чтобы рядом была река.

– Река? – удивился сэр Рэй. – С каким же существом вы водите дружбу, демоны вас побери? Русалки?

– Поверьте, это неважно.

Уилл поторопил свою спокойную серую лошадку касанием пяток. Но Тарантон тут же догнал его, зафыркал, отчего капитан вновь ухмыльнулся:

– Если не расколдуете моего коня, то мое обещание, что мы успеем надоесть друг другу, сбудется...

– Да я же уверил вас, что все сделаю!

– Хорошо-хорошо, предположим, я вам верю, – кивнул капитан. – И все-таки кто же она?

– Ох, почему это вам так интересно?

– Просто интересно! Нельзя же быть таким молчуном, Уильям, нужно уметь поддерживать разговор, – проворчал сэр Рэй, а затем добавил, уже ласковее: – Смотрите, граф в самом конце вереницы, а мы в начале. Ну хоть шепните, чуть намекните! Одно словечко, мне больше не нужно!

– Не буду, извините, – отвернулся Уильям.

– Можете пальцем в воздухе какую-нибудь шараду изобразить. Я в детстве их хорошо разгадывал.

– Ох, нет, сэр Рэй!

– Ну вы и зануда! – ухмыльнулся рыцарь и тоже отвернулся.

Подвесив шлем на седло, он поправил свои рыжие вьющиеся волосы, из которых теперь был выдран клоч, и попытался наладить отношения с Тарантоном, так сказать разобраться со всем сам. Хозяин он его или нет все-таки? Он похлопал коня, но тот лишь повернул шею и окрысился. Рыцарь обреченно вздохнул.

* * *

Они были в пути уже несколько дней, проехали Черные Тельи и теперь направлялись к городку Орлу. Пейзаж разительно менялся. Дорога пролегла среди куцых низкорослых деревьев. Ольха и ивняк, сбросившие листву, торчали скелетами около застойных болотных озер.

– Хм, а двадцать лет назад здесь стоял сосняк, – задумчиво говорил Филипп, осматриваясь. – Да, заболачивается Маровский лес... Скоро совсем пропадет...

За пригорком их ждал сплошной частокол, окаймленный ощерившимся кольями рвом. Еще на подъезде к Орлу в нос ударил кислый запах гнили, и вампиры, как самые чуткие, все как один поморщились. Перед воротами их встретила пара вооруженных копьями стражников, одетых в меховые жилеты.

– Кто будете? – спросил один.

– Граф Филипп фон де Тастемара, ваш лорд, – возвестил сэр Рэй и захотел подъехать ближе, но конь его не послушал. Тогда он вздохнул и громко добавил: – Позовите вождя! Вас должны были предупредить о приезде графа!

Чуть погодя из-за деревянных покосившихся ворот высотой в три человеческих роста выбежал полный мужчина – вождь. Был он уже в годах, лыс и одевался в простое многослойное платье, подпоясанное демонстрирующим его статус зеленым кушаком.

– Да-да, господа, проезжайте, – глубоко поклонился он, не сумев скрыть удивления.

Минуя ворота, верховой отряд двинулся по единственной улице, пока не выехал на центральную площадь. Здесь, как и в Вардах, в небо вздымался позорный столб – и Уильям нахмурился. Все в городке было обветшалым, неаккуратным, говорящим прежде всего о долгой и беспросветной нищете жителей. И тем разительнее на этом фоне выделялся большой постоялый двор.

– Сколько мест на постоялом дворе? – спросил сэр Рэй, но, видя, что вождь растерян, продолжил: – Чего молчишь, а, вождь? Чего глядишь так? Господин твой явился! Спрашиваю, хватит ли нам всем мест на постоялом дворе?

– Ах... просто... нас не предупредили о вашем прибытии... – начал вождь. –

Вы за налогами?

– Должен был прибыть к вам гонец, – сказал рыцарь. – Впрочем, не твое дело, зачем сюда явился граф. Еще раз спрашиваю, места есть?!

– Конечно есть, господин... – И вождь растянул полные губы в вымученной улыбке. – Вы не смотрите, что мы на болотах живем... Этой тропой часто следуют из Филонеллона. У нас полтора десятка хороших комнат, большая таверна, прекрасные конюхи.

– Подготовьте!

И, спешившись, сэр Рэй покосился на Тарантона, а тот, в свою очередь, тоже зыркнул на него своим огромным глазом. Казалось, он примеряется к огненной капитанской шевелюре – как бы отщипнуть от нее еще немного. Так происходило на протяжении нескольких дней. Это был худой мир, но пересаживаться на запасную лошадь капитан не желал из чувства гордости.

К нему подошел Уильям и повел коня за постоялый двор, чтобы сдержать свое обещание. Когда все уже отдыхали, он чистил Серебрушку и Тарантона, и рыжий конь, донельзя ласковый и нежный, впечатывался своими мягкими губами в его руки, лицо и довольно пофыркивал. Ну а рыбаку приходилось терпеть проявления влюбленности несчастного животного, ставшего жертвой колдовства.

На постоялом дворе его ждал сэр Рэй, разлегшийся на кровати в своем красном подлатнике.

– Как там наш Тарантон поживает? – спросил он с хитрой улыбкой. – Расколдовали, а?

– Я позже обязательно отведу его на озеро.

– Ага, замечательно... Я бы предложил вам пойти со мной в таверну. Но что-то мне подсказывает, что вы вновь откажете, – сказал капитан, вытряхивая камешек из сапога.

– Да, сэр Рэй. Я побуду здесь либо прогуляюсь по окрестностям, – кивнул с мягкой улыбкой вампир. – Мы будем сегодня тренироваться?

– Спрашиваете?! Пойдемте сделаем это прямо сейчас. Я как следует разомнусь, нагуляю аппетит, а затем пойду ужинать. Думается мне, что сегодня я уделаю целого поросенка!

Они взяли мечи, надели нагрудники и покинули постоялый двор, спросив у местных, где можно пофехтовать. В этот раз, устроившись на окруженной колючим кустарником полянке, они занимались недолго, потому что быстро стемнело. Но сейчас Уильяму начинало казаться, что, изучая основные приемы фехтования, он уже может предсказать действия сэра Рэя. И пусть сэр Рэй еще побеждал его, пусть клинок его был стремителен, а действия выверены, рыбаку уже вполне поспедал за ним.

* * *

– Должен признать, вы стали шустрее. Уже не так отвратительно плохи! – произнес запыхавшийся капитан, когда они возвращались с полянки. Он отирал со лба пот. – Все-таки замечательный из меня учитель, согласитесь.

– Соглашусь, – мягко улыбался почти не уставший Уильям.

– Темнеет. Поторопимся! Хочу поесть и продегустировать местные блюда!

– Разве это не одно и то же?

– О нет. Это приятные дополнения друг друга. – В карих глазах рыцаря блеснуло вождение, и он громко вздохнул.

– Я вас понял... – До Уильяма дошел вкладываемый в слова смысл. – Тогда действительно пора спешить.

Они вернулись в Орл.

Дело близилось к ночи, темнота оплетала все вокруг. Высились страшными силуэтами сосны-одиночки, и мимо них в городок спешно стекался местный люд: с рыбой, деревом, тушками животных, травами и ягодами. А на площади, под позорным столбом, стояли граф Тастемара и вождь. Граф слушал обеспокоенного вождя, который размахивал белыми пухлыми руками в желании оправдаться.

– Да, да, господин... Вот такая вот у нас ситуация...

– Почему ты не выслал гонца? – сурово спрашивал Филипп, скрестив руки на груди. – Ты понимаешь, что своим молчанием создал опасность для всех, кто мог бы избрать другой путь? Что из-за тебя погибли люди – мои люди?

– Мой лорд, – тряс вторым подбородком вождь, – здесь и так проезжают лишь те, кто живет севернее. Да рыжеволосые филошеллонцы... Им-то деваться некуда! Прут по этой тропе – и разве ж их остановишь страшилками про чудищ? У них своих страшилок хватает, местных. Да они уже бывалые! Вон, в прошлую ночь несколько человек спокойно переночевали и тронулись в путь дальше, живые же... А ваш гонец-то, может, заплутал!

– Ты не препирайся, дурак. Виселица рядом, – сказал ледяным голосом граф, вскинув взор на позорный столб.

От этого вождь сделался бледным как полотно и усердно закивал: мол, все понял. Жизнь ему была дорога. А между тем задумавшийся Филипп наконец заприметил приближающихся сэра Рэя и Уильяма и обратился к ним:

– Еще кто-нибудь остался за воротами?

– Нет, – ответил капитан. – Другие уже в таверне ужинают.

– Хорошо, потому что ворота скоро наглухо закроют.

– Почему? – удивился сэр Рэй.

Действительно, послышались громкие возгласы, и стражники вшестером схватились за створки ворот, закрыв их изнутри на засов. Город Орл оказался отрезан от окружающих их сырых и глухих болот. Граф принялся объяснять:

– В конце лета болота, их центр, долго полыхали. Из-за этого многие его обитатели перебрались поближе к окраинам.

– Обитатели? – не понял капитан.

– Ехидны...

– Так вот почему ехидна оказалась в той реке, – сообразил Уильям.

– Да... Все из-за пожара, – кивнул граф. – На наше счастье, самые опасные демонические создания, которых нам стоит остерегаться, охотятся ночью.

– И как это связано с Орлом? – нахмурился капитан.

– Эти болотистые земли не миновала та же участь, что и реку. Вождь говорит, что еженощно к их воротам приползает болотное чудовище и исчезает только с рассветом. Поэтому они запираются. Кстати, отдай приказ нашим выставить дозор, а то местным доверия нет.

К ним подошел худощавый мужчина, кутающийся в составленный из мелких шкурок плащ. Потянув носом воздух, он поклонился:

– Мой лорд, – сказал он, – меня зовут Аудерл. Я комендант тюрьмы. Уважаемый Него Натифуллус писал мне... насчет ревизии в тюрьмах.

– А, да, Аудерл, – ответил граф. – Я готов осмотреть тюрьму и проверить отчеты по ней. Уильям, следуй за мной!

На краю городка, впритык к частоколу, располагалось двухэтажное старенькое здание. Пара окон, покосившаяся крыша и одинокая ива, что росла подле, символизировали обреченность этой тюрьмы. Комендант позвенел связкой ключей, снял замок с крепкой двери и вошел внутрь. Филипп и Уильям последовали за ним. Безо всяких ламп они, прекрасно ориентируясь в темноте, спустились в подвальное помещение. Здесь, в жутких условиях, среди плесени и гнили, они обнаружили нескольких человек, которые тихо сидели в кандалах, с мешками на головах и, судя по всему, кляпами во рту. Заслышав шаги, узники обеспокоенно загремели и замычали.

– Почему ты их так содержишь? Хуже, чем скот, – едва ли не с угрозой спросил граф.

– Хозяин... их здесь уже быть не должно, – развел руками Аудерл.

– Что это значит?

– Раньше-то как было, хозяин... – ответил поспешно комендант. – Когда мы приговаривали к смерти, то смертнику-то давали ядовитый отвар: из змей-травы да упырника. От него люд погибал во сне. А потом я их в топи отвозил и скидывал. Ну а если надо было, я люду другой отвар давал, просто усыпляющий, и убивал потом как есть... Затем выпивал и уже топил.

– А сейчас как?

– Сейчас наш вождь устраивает смертную казнь, просто выставляя люд за ворота, затемно. А там с ними того... живо расправляется Многоголовая... Вождь-то о вашем прибытии не знал. А я из тех писем уважаемого Него, когда вождь их мне зачитывал, сразу сообразил: вас ждать надобно. Потому и писали же про ревизии, верно? Чтобы сохранить этот люд до вашего прибытия. Я и затаил их в подвале. С той луны врать приходилось – изгалялся. Один будто от болезни скончался, я тогда вывез набитое тряпье под видом тела. Про второго, что убежал... И так со всеми ними – долго они здесь томятся уже, кормить тяжело.

Филипп сначала побледнел, но уже через миг лицо его вспыхнуло злобой, и он громко выругался:

– Дубоум!

– Кто? Я?! – перепугался Аудерл, думая, что это относится к нему.

– Вождь ваш дубоум! Своими действиями погубит всех вас.

– Но почему, хозяин?

– Потому что ехидна является сюда оттого, что нашла здесь кормушку. После такого в свои болота она уже не вернется!

Впрочем, граф взял себя в руки, подуспокоился и задумался. Затем он шагнул в сторону одного из заключенных.

– Уильям, пей одного, быстро! У нас мало времени! – приказал он и, схватив первого попавшегося, вцепился ему в глотку, не снимая мешка с его головы.

Тот, с кляпом во рту, что-то промычал, дернулся – и затих.

Чувствуя, что следует поторопиться, Уильям взялся за второго, поморщился от исходящих от него запахов и также припал к нему. Он уже странно привык к тому, что всякая его жертва, несомненно, виновна. Убийцы. Насильники. Он уже смирился с этим.

Но именно сейчас, из воспоминаний, он вдруг понял, что этого несчастного селянина осудили на смертную казнь всего-навсего за воровство курицы. И тогда Уильяма охватил

стыд, но, сдержав этот недолгий порыв пощады, понимая, что узник все равно не избежит смерти, он допил его. И, закончив дело, в тревоге посмотрел на графа, который платком торопливо отирал губы.

– Господин, – шепнул Уилл, – скажите, неужели за воровство курицы теперь приговаривают к смерти?

Филипп резко повернулся к коменданту. Тот лишь кивнул.

– Теперь наш вождь карает и за малое, – ответил Аудерл. – А сам забирается на дозорную башню, что подле ворот. И смотрит, как люд утаскивают... – Он потупил взор. – Барт немного «того» стал, когда появилась эта Многоголовая... Говорит – это божья кара, которую надобно умиловать.

Сорвавшись с места, граф направился к выходу. Уильяму осталось только устремиться следом, пока со словами «Для меня была честь лицезреть вас, хозяин» почти до земли бил поклоны служащий графу комендант.

* * *

Ночь сгустилась. Сизый туман окутал улицу – обычное явление для болотных земель, – однако он был неприятным. Филипп вместе с Уиллом покинул тюрьму, ища глазами вождя. Отовсюду, из-за приоткрытых ставен, из щелей, из-за углов, зыркали обеспокоенные жители. Все ждали ее, *Многоголовую*... А вождь будто провалился сквозь землю. Тогда, чтобы не тратить понапрасну время, граф стремительным, энергичным шагом, не свойственным его почтенному возрасту, заторопился к постоялому двору.

Поднявшись на второй этаж, он без стука распахнул дверь в комнату сына. За ним неотступно следовал Уильям, который еще не решил: стоит ли ему уйти, или он еще может понадобиться. Именно поэтому он топтался на пороге, не смея войти.

Своего сына Филипп застал со спущенными шоссами и брэ, у кровати, на краю которой стояла на коленях Эметта с оголенным задом. Увидев вошедшего графа, она взвизгнула, но не от стыда, а скорее от женской привычки, и одернула платье. Леонард выругался.

– Отец, какого... Что случилось?! – воскликнул он, дрожа от негодования.

– Что случилось. Что случилось. Кар-р! – повторил ворон Таки-Таки, до этого внимательно наблюдавший за своим хозяином.

– Потом дотрахаешь! Бери лук, живо за мной! – приказал Филипп и так же быстро покинул комнату, как и вошел. Затем он обратился Уильяму: – А ты возьми меч, на всякий случай. Поможешь, если что пойдет не так. И позови сэра Рэя, пусть с людьми тоже стережет деревню! Отоспимся днем!

Впрочем, капитан гвардии уже показался из соседней комнаты, слышав в коридоре подозрительный шум.

– Что произошло, господин?

– Будем отваживать отсюда ехидну, – ответил граф. – Зови людей! Я не знаю, как поведет себя это существо, когда наестся стрел из двух луков. Надеюсь, что уйдет, но случиться может все что угодно – забор ветхий.

– А кто второй лучник? – спросил удивленно капитан, заметив у выходящего графского сына лук.

– Я, – кратко ответил Филипп.

Вскоре у деревянных ворот собрались вооруженные копьями и мечами гвардейцы. Все встревоженно глядели то на частокол, будто испытывая его взором на крепость, то на местных жителей. Надев на лук тетиву, Лео вполз на единственную дозорную башню. Оттуда как на ладони виднелись затянутые густым туманом топи; золотом в них горели трепыхающиеся огни – светлячки. Все остальное: сосны, ивняк, ольха и пригорки – тонуло в пелене, лишь едва просачиваясь темно-зелеными и черными очертаниями.

Леонард вслушивался, внюхивался, и его палец ласкал оперение стрелы. Между тем на площадь выбежал грузный вождь городка Орл, впопыхах подвязывающий вокруг пуза зеленый кушак.

– Господин, что вы делаете? – проблеял он.

– Жду тварь, – холодно отозвался граф.

– Но на кой она вам? Поскребется ж о ворота... да и уйдет с зарей.

– Не хочу расстраивать ее, оставляя голодной. Она ведь не просто так является сюда, вождь? – усмехнулся граф. – Верно, ее здесь ждут, как почетную гостью?

– Господин... что вы... – Вождь затрясся.

– Что? Сегодня, пока мы здесь, ты разве не будешь являть ей свою милость, сталкивая люд с дозорной башни? Подождешь, пока мы уедем. Да? Не зря же другие попрятались по домам – запугал ты их до дрожи, что они тебя боятся пуще, чем своего владыку. А ну иди сюда! – И, достав меч из ножен, граф приставил его кончик к оплывшему горлу вождя. – Иди, залезай на башню!

– Господин, что вы творите? О Ямес, пощадите меня... Люди! Люди! Спасите! – завопил не своим голосом вождь.

Капитан гвардии хотел было сделать шаг к Филиппу, чтобы помочь, но тот отмахнулся. Вспотевший вождь, покачивающийся от страха, засеменял к башне, откуда уже по-кошачьи спрыгнул Леонард.

– Залезай! – властно сказал граф.

Чувствуя на своих мягких телесах острую сталь, вождь покорно начал карабкаться по лестнице. Выше и выше, под небольшую укрытую соломой крышу. Филипп карабкался следом, подгоняя уколами меча в зад. На протяжении всего подъема их сопровождали пристальные взгляды гвардейцев и простого люда.

Наконец они оказались наверху.

– А теперь что? – икнул вождь.

– Как что? Перелезай через стену и прыгай.

Граф показал мечом на землю за частоколом. А вождь испуганно таращился, пока очередной тычок острием меча не заставил его закинуть ногу за перила. Он медлил... Будто искал в себе силы... Но потом, выкатив глаза, вдруг в испуге вцепился в графа своими белыми ручищами, чтобы выкинуть его вместо себя. Все, кто наблюдал за происходящим, испуганно вскрикнули.

Однако при всех своих внушительных размерах вождь не смог даже сдвинуть графа. Зато тот схватился за протянутые к нему руки, сжал их – и полный мужчина закричал. Пальцы у вождя захрустели, как мелкие каменья хрустят под подошвами... И Филипп вышвырнул его за стену, будто щенка. Тяжелое тело упало с воплями, а затем и стонами: приземлившись, вождь Орла сломал еще и ногу.

Граф выглянул за стену и удовлетворенно усмехнулся. Затем подозвал к себе сына, который ловко взобрался по лестнице. Перед ними легли копья, колчаны были приставлены

к перилам, и все принялись напряженно вглядываться в туманные топи.

Долго ждать не пришлось.

Через полчаса что-то тихо зашелестело, зашуршало, словно много змей разом поползли по земле. Люд этого не слышал, но чуткие вампиры прекрасно понимали: ехидна где-то рядом. Дрожащая Йева перевесилась через подоконник, ее изумрудные глаза были распахнуты, как у напуганной лани. За спиной у графской дочери, ссутулившись, нервно шла Эметта.

– Она где-то рядом... – шепнул Уильям стоящему подле него сэру Рэю.

Лошади в конюшне захрипели, забили нервно копытами, и этот животный страх пролетел над всем городком, залетел в каждый дом. Уж не хуже ли будет от нападения на нее, на Многоголовую? Жители судорожно дрожали, попрятавшись.

Филипп молча вглядывался в густой ночной туман, склонив седую голову. Молчал и вождь, прижавшийся к воротам и понимающий, что лишний шум только принесет скорую гибель. Он не слышал туман... Он не видел сквозь него. Черная безглазая змея показалась из пелены, заизвивалась по гнилой листве к ничего не замечающему мужчине и уже раскрыла пасть, усеянную двумя рядами острых зубов, – как вдруг просвистела стрела. Она вошла аккурат в оголовье. В тишине – без визга, без шипения – змея ударилась о землю, но потом что-то подняло ее над землей и утянуло обратно в болотную мглу.

Вождь это увидел и вскрикнул. И тут же из сизого тумана родились другие змеи без глаз, но всех их настигали стрелы. Одна голова... Две, десять, двадцать... Все они кидались в атаку одновременно, бесшумно. Только и успевали щелкать тетивы. Леонард стрелял без промаха и быстро, но даже он не мог угнаться за отцом, выпускавшим по три стрелы, пока сын едва успевал отправить одну.

Вот очередная змея ударилась оземь, поднялась и исчезла в тумане. Над Орлом нависла тревожная тишина. Только шелестела за частоколом гнилая листва да лошади неистовствовали в конюшнях. Еще в домах плакали малые дети, будто понимающие, что происходит, а вместе с ними плакал у ворот и обезумевший от страха пышнотелый вождь. Вслушиваясь, Леонард обеспокоенно поворачивал голову, силился понять, что происходит в топах. Но было тихо... Совсем тихо... А потом старый граф, побледнев, резко крикнул всем внизу:

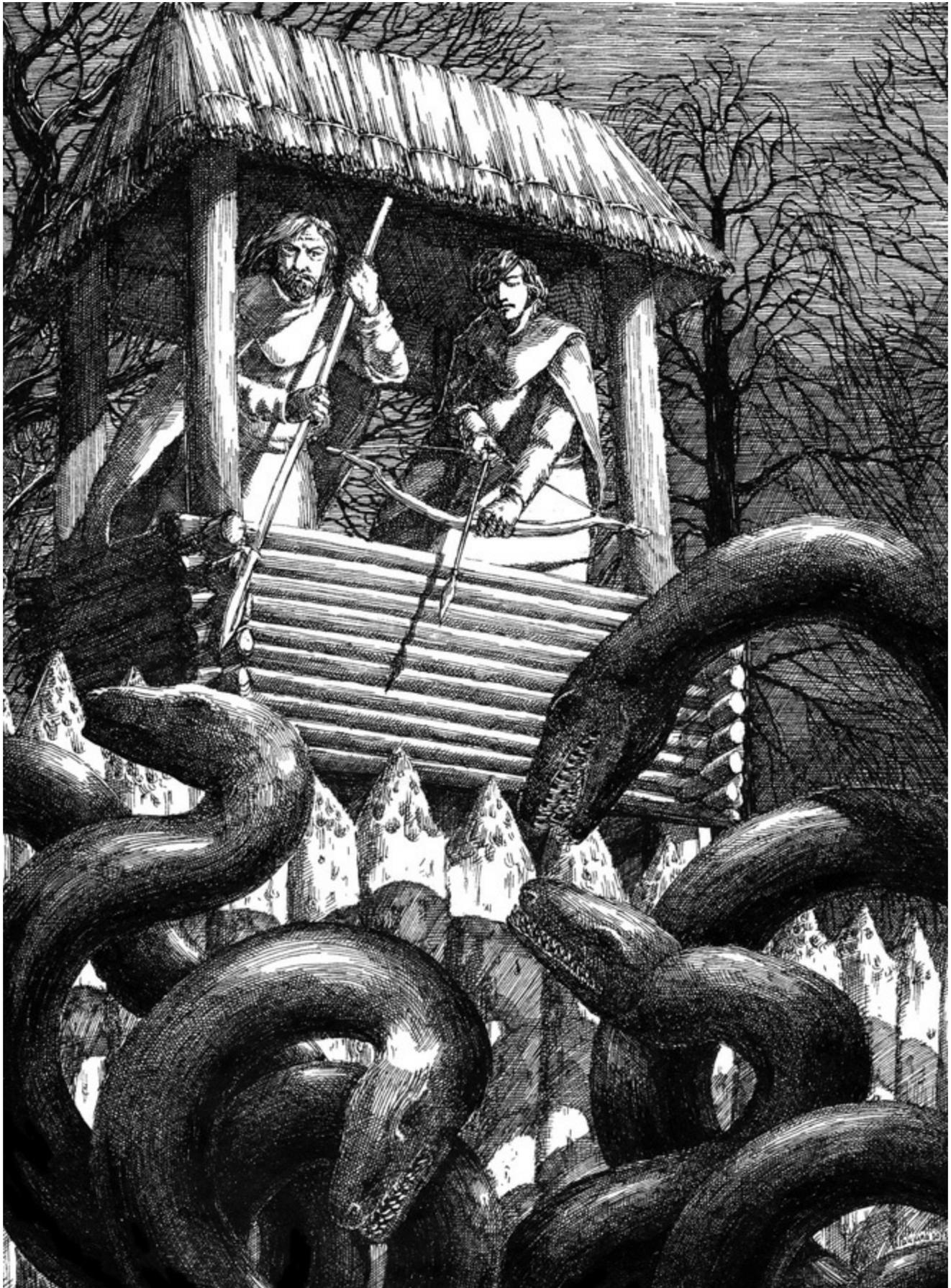
– Обнажить мечи!

Теперь уже все слышали – что-то громадное волоклось к частоколу. Филипп выстрелил в сизый туман. Визг, нечеловеческий! Что-то завопило, да так, что следом испуганно завопили в городке и все бабы, а руки графа продолжали посылать стрелу за стрелой – и каждая настигала цель. Когда Леонард разглядел то, что явилось из тумана, он в ужасе отпрянул. То был гигантский клубок шевелящихся гадов! Еще живые змеи прятали под собой что-то в середине, пока уже мертвые змеи становились для ехидны щитом. Завидев свою смерть во плоти, вождь истошно завопил и принялся биться в ворота, взывая к милости Ямеса. Между тем ехидна уже сжалась пружиной. Она прыгнула вперед, и ее змееголовые конечности обвили вопящего. Хрустнули ломающиеся кости... Замолкнувшего мертвеца подняло к клубку, а плотно сжатые гады разомкнулись, отчего внутри показалось что-то белесое.

Сверкнуло острие копья!

Сталь зло впиалась в белое тело ехидны, которое та открыла по неосторожности. Над Орлом разнесся истошный визг боли и ярости. Пока Филипп ухватился за следующее

копье, чтобы вновь поразить им цель, болотная тварь поняла свою оплошность и спряталась за своими змеями. Часть змей устремилась через частокол, поползла по нему ввысь. Перевесившись, они широко раскрыли пасти прямо напротив дозорной башни.

Тогда граф схватил застывшего от испуга сына за шиворот и скинул его к гвардейцам.

Сам же быстрым движением извлек меч. Увернувшись от атаки одного гада, он отрубил тому зубастую голову. Затем вторая голова, третья, четвертая... Сталь без устали рассекала мягкую плоть, которая падала к ногам графа и свирепо щелкала пастью в пустоту. Вновь визг. Последний... И наступило безмолвие, только шелестела старая листва. Ехидна отхлынула от покосившегося частокола, перестав налегать на него, и бесшумно вернулась в стену тумана, унося с собой труп вождя.

Над городом повисла тишина.

Все вокруг стояли с распахнутыми ртами и с благоговением смотрели на Филиппа. Тот ловко спустился со сторожевой башни и подошел к своему сыну.

– Ничего не сломал? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил Леонард.

Граф кивнул, развернулся и подошел к одной из отрубленных голов, что извивалась у подножия башни. Обрубок продолжал шевелиться, прыгать по земле и щелкать зубами. Попросив принести огонь, Филипп с интересом рассмотрел отрубленную конечность, служившую ехидне и рукой, и ногой, и оружием, а затем поднес к ней пылающий факел. Пламя быстро занялось. Зашипело, паленый смрад разнесся в воздухе. Обрубок судорожно дернулся и сжался в клубок, иссыхая на глазах.

– Бойтся огня... – прошептал сам себе граф Тастемара. – Значит, это все-таки пожар в болотах выгнал ее и сестер с их охотничьих угодий.

– Господин, – спросил сэр Рэй, – что дальше?

– Сожгите остальные головы. Затем выставьте дозорных и можете идти отдыхать, – ответил Филипп, пряча свой клинок в ножны. – Нам повезло, что эта тварь оказалась куда меньше и неопытнее, чем я думал... Почти детеныш...

– Детеныш?! – воскликнул пораженный рыцарь. – О, Ямес...

– Да, сэр Рэй. Если бы это была матерая, большая ехидна, похожая на ту, что мы встретили у полноводной реки, то она бы не стала довольствоваться подачками вождя. Мы бы обнаружили здесь лишь пустое поселение с поваленным забором. Но на счастье местных, здесь для такой опасной твари слишком мелко.

После этих слов Филипп повернулся к перепуганному люду.

– Я разжаловал вашего вождя! Так что выбирайте другого, из более понятливых, и чтобы утром он уже стоял передо мной. Ясно?

Все закивали, соглашаясь. Тогда граф развернулся к сыну и, поблагодарив его, отправился к постоялому двору, где спокойно задремал. Будто и не было страшного побоища с демонической тварью... Будто все произошедшее – мелочи жизни. Ну а обрадованный Леонард, наконец-то почувствовавший свою значимость, тоже вернулся к себе в комнату, где его уже ждала Эметта.

* * *

Графа Тастемара проводили восхищенным взглядом.

– Нет, ну вы видели. Видели?! – обратился капитан к рыбаку. – Никогда бы не подумал, что наш лорд на такое способен.

– Да, наш граф – удивительный... человек.

Между тем Уильям отвечал постольку-поскольку, а сам поглядывал в сторону

постоялого двора. Оттуда, высунувшись из окна, на него глядела Йева, ласково улыбаясь.

– Признаться, я после случившегося поел бы! Быть может, вы все-таки разбавите мой отряд чересчур веселых ребят своим редкостным занудством? – продолжил, нервно рассмеявшись, сэр Рэй.

– Нет, прошу простить, но я, пожалуй, отдохну...

– Ваше дело. Но не ждите меня до полуночи – мы с моими гвардейцами будем праздновать головокружительную победу! Знатная баллада выйдет, ох знатная! «Победа над Многоголовой»! Нет, лучше «Свержение великой Многоголовой»!

И, обнажив в улыбке белоснежные зубы, что для мужчин его лет было редкостью, сэр Рэй бодрым шагом направился напрямик в сторону таверны, чтобы как следует отметить. Впрочем, победа была лишь поводом еще раз выпить – пиво в Орле оказалось отменным.

Уильям же, завидев нежный взгляд девушки, сразу все понял. Он взлетел по ступенькам на второй этаж, словно птица. Его комната была с краю, в то время как графская находилась у лестницы. Йева уже стояла в коридоре и глядела из мрака большими изумрудными глазами, сама при этом напоминая ребенка: до того тоненькая, как струна. Их взгляды встретились. Уилл взял ее за руку и горячо поцеловал.

Не успела закрыться за ними дверь, как его руки потянулись к завязкам платья, стали порывисто их распутывать. А еще чуть погодя графская дочь в каком-то волнении трогательно прижималась к нему и он целовал ее, гладил по белой спине.

– Я тоже по тебе соскучилась, – шепнула девушка.

– Знала бы ты, как тяжело не глядеть на тебя, молчать.

– Я из-за этого уже возненавидела походы, – вздохнула Йева и положила голову ему на грудь. – Каждое твое слово, каждый твой взгляд становятся поводом для пересудов. А потом кости нам моют между собой. Бр-р-р...

– Ничего не поделать, приходится терпеть, – улыбнулся Уилл, поглаживая ее по медным волосам. – Интересно, та ехидна еще вернется сюда?

– Не знаю. Отец ее, похоже, сильно ранил.

– Но не убил, – заметил рыбак.

– Не убил, да. Зато мог отбить всякое желание являться сюда за едой... Знаешь, Уилл, а ведь отец не всегда сидел в замке, погрузившись в отчеты да аудиенции. Столетия назад, с его слов, он якобы любил путешествовать по Солрагу, многое повидал. А знаешь, сколько он участвовал в сражениях? Как часто в Глеофе пытались покуситься на графство? Думаешь, отец позволил им? Он даже как-то рассказывал случай, когда к нему на выручку в гущу сражения кинулся Гиффард. Думал, что отцу грозит беда... – Она улыбнулась. – И бедного старика Гиффарда затоптали насмерть, отчего уже моему отцу пришлось выносить его тело, а на отце не было ни царапины. Так что мне кажется, отгоняя ехидну, он знал, что она уже не вернется... Побойтся...

Сквозняк задувал через полуоткрытые ставни. Йева, лежа в постели, почувствовала, как ветерок скользнул холодом по ее спине, худым плечам. И в тот момент, когда она привсталала, дверь резко отворилась и в комнату ввалился обозленный сэр Рэй.

– Нет, ну представляете! Пожрать они, значит, дали, а вот мест, чтобы отметить, у них нет! Видите ли, вся деревня собралась там на голосование. Вождя, гады, выбирают!

Уже дойдя до середины комнаты тяжелым бравым шагом, который он желал сделать пьяным, да не вышло, возмущающийся капитан понял: что-то здесь не то. Замерев,

он устался на кровать, где стало подозрительно тихо. И увидел, что на него в полутьме глядит своими зелеными глазами сама графская дочь: обнаженная, укрытая копной струящихся длинных волос, из которых торчат только ее острые плечики.

От удивления сэр Рэй даже икнул. Раздумывая, уж не ошибся ли он комнатой и что с ним за такое сотворит господин, на какой длины кол насадит, он только потом заметил позади Уильяма, который тут же накинул на покрасневшую девушку одеяло. Значит, не ошибся.

– Понял... Зайду позже. – И капитан пошел прочь. Впрочем, он все-таки обернулся еще раз.

Долго расхаживая по конюшне и находя успокоение среди знакомых ему запахов железа, пота и лошадей, сэр Рэй в конце концов решил вернуться. Йевы уже не было... В комнате будто бы дремал Уильям. Впрочем, глаза его тут же открылись, стоило капитану тяжело присесть на скрипнувшую кровать. Оба они поглядели друг на друга, и капитан отвел взор. Ему вспомнилась графская дочь, ее жемчужное нагое тело, которое отчего-то этой ночью принадлежало рыбаку.

Не обронив ни слова, мужчины улеглись спать.

– Кхм... Уильям, – все-таки сказал позже капитан, вздохнув. Ему тяжело давалось молчание. – Вы не забудьте про Тарантона. Хорошо?

– Не забуду. Кхм, сегодня из-за ехидны не смог добраться до воды.

– Да-да, понимаю. Благодарю...

Они снова замолчали.

– Извините... за то, что помешал, – добавил капитан.

– Ни к чему извинения, – ответил Уильям. – Нас не должно было быть здесь. Поход – это не место для проявлений чувств.

– Да бросьте! – И тут капитан не выдержал, сел в кровати, опустив ноги в теплых шосссах на пол. – Вам ведь тоже не чужды человеческие чувства, правда?

– О чем вы?

– Вы знаете, о чем я, – прошептал капитан. – Уже третье поколение моей семьи служит Тастемара. Это мы привозим смертников в замок Брасо-Дэнто, где они бесследно исчезают. Графские дети – мои ровесники, нам почти по сорок лет, но они до сих пор выглядят на два десятка. Так что я догадываюсь, кто вы...

Уильям промолчал, пока капитан шурился в темноте, силясь разглядеть силуэт напротив себя.

– Вы ведь вампир, так?

– Возможно... – смутился собеседник.

– Ха! Я оказался прав. Когда граф подписал назначение меня капитаном гвардии... то мой отец... в самом темном углу дома шепнул мне на ухо то, что знал. Я поначалу решил, что он свихнулся на старости лет, но потом тоже стал замечать странные вещи. – Капитан приглушенно продолжил: – Весь город считает, что граф всего-навсего обменял у какого-нибудь демона Граго душу на вечную молодость. Но получается, что он сам демон, – вот такая забавная штука!

– Что-то я не вижу на вашем лице ужаса от того, что вы сидите напротив вампира, – сказал Уильям.

Однако разговорившийся сэр Рэй ответил достаточно спокойно:

– Вы лишь подтвердили мою догадку! Я уже смирился с тем, что служу демонам.

Хотя нет, я неправильно выразился... – Он силился подобрать верные слова. – Несмотря на то что я служу семейству вампиров, мой лорд настолько великодушен к нам, его подданным, а люди в Брасо-Дэнто и во многих поселениях так зажиточны, что природа сущности графа меня мало беспокоит. Как-то так! Я воспринял это как данность.

– Да, мне граф тоже кажется куда человечнее большинства, – выдохнул Уильям. – Все в последнее время смешалось... Знаете, демоны ко мне более гуманно относятся, нежели сами люди. Что за чепуха, казалось бы...

Сэр Рэй призадумался и спросил в темноте:

– Позвольте спросить, а что произошло в Офурте? Отчего вас, как собаку, приковали цепями? Просто из-за того, что вы вампир?

– Нет... Я был рожден человеком в семье жреца, я вам не соврал. На нашу деревню тогда напали вурдалаки. Чтобы дать всем уйти, я тогда остался в доме задержать тех тварей... – И Уильям умолк, вспоминая ту злополучную ночь. – Дом рухнул... А наутро я проснулся, умирая от нанесенных ран. И господин фон де Аверин... вы, возможно, знаете его...

– Знаю, конечно! – подтвердил сэр Рэй. – Он был важным гостем и несколько лет жил в замке.

– Да. Благодаря ему я остался жив. Видимо, он пожалел меня. А потом появился Бартлет и стал гоняться за мной по лесам, желая изловить. И вот поймал... Меня убили бы в Офуртгосе, если бы не граф.

– Погодите, погодите! Разве вампиры могут делать других вампирами? Я думал, эти истории об укусах всего лишь сказки для детишек... Ну, иначе бы их расплодилось, как чертей в амбарах.

– Такие, как граф, то есть старейшины, да, могут. Но они сами погибают, как бы передавая бессмертие дальше. А обычными вампирами рождаются.

– Ах, жаль... – вздохнул сэр Рэй и хмыкнул.

– Что, попросили бы куснуть вас? – развеселился Уильям.

– Не буду врать – да! – расхохотался сэр Рэй, а потом добавил уже тише: – Я, конечно, поклоняюсь Ямесу, который не любит рожденных после Слияния тварей, но ради долголетия готов взять грех на душу! Быть может, тогда бы госпожа... Йева... тогда бы она... Впрочем, неважно... – И сэр Рэй поджал губы.

Пользуясь темнотой как прикрытием, рыбак разглядывал своего слепого в ночи собеседника: статного, умелого, уверенного в себе, дослужившегося до капитана стражи, с подвешенным языком и сильными руками. На лице его ясно отпечаталось разочарование от невозможной любви.

– А почему вы до сих пор не женаты, сэр Рэй?

– Ну-у-у-у, – протянул капитан, вперившись в потолок. – Что касается детей, то, думается, я наследил в каждом поселении Солрага, где побывал. Но нужен же официальный наследник. Однако я постоянно в разъездах. Либо на учениях, либо вот в походах, а порой выполняю какие-нибудь личные поручения графа и покидаю Брасо-Дэнто на долгий срок.

– Но это же не мешает вам жениться и зачать ребенка, – удивился Уильям.

– Так, давайте начнем с другого конца. Вот вам сколько лет?

– Мне двадцать три.

– Ну и где ваши дети? А? – ухмыльнулся сэр Рэй. – В ваши-то годы... В деревнях к такому возрасту уже на шеях сидят по несколько спиногрызов, не так ли? А вы, будто

юнец, никем не обременены.

– Да я как-то и не стремился к этому... У меня была невеста, которую я любил, но... непутевый из меня жених оказался.

– Видите, вы не знаете. А я вот всю жизнь отдал служению графу, с самого рождения знал, что буду служить! И меня всю жизнь на это настраивали. Когда я родился, мой отец вложил мне в ладошку воронью нашивку капитана. Обычно, согласно поверьям, вкладывают меч, кошелек... ну или камушек – оберег Ямеса. А мне нашивку... Таковую, которая у меня на плаще.

Сэр Рэй ткнул в сторону валявшегося на полу плаща. Уильям повернул голову и кивнул, улыбнувшись.

– Да и знаете... – продолжил капитан. – Вот подсовывали мне как-то одну невесту, дочь купца. Миленькая, стройненькая, сероглазка, характер спокойный. Ну и груди приятные – из выреза так и просятся в ладони. Но я тогда активно продвигался по службе, не до женитьбы было. А потом мы с графом уехали на осмотр моста на Западном тракте. И не сложилось... Выдали ее... А через пару лет гляжу на нее, а она обрюзгла, сварливой стала, лицо осунулось. А грудь... грудь, как я подозреваю, надо уж было искать у нее где-то в ногах! А вот графская дочь, Йева фон де Тастемара, сколько бы лет ни прошло, все такая же красивая, белолицая! Как тут на простых баб смотреть, а? – развел руками сэр Рэй. – Надо бы, конечно, решиться и заделать пару наследников. Может, займусь по приезде.

– Получается, все из-за Йевы?

– Нет, из-за службы, я же вам сказал! – буркнул сэр Рэй, потом торопливо добавил: – Ладно, Уильям! Давайте сворачивать этот разговор, он мне уже не нравится. Сегодня был тяжелый день, так что предлагаю выспаться.

– Согласен, – признался Уильям и повернулся лицом к стене.

Но не прошло и минуты, как капитан снова что-то вспомнил.

– Уильям...

– Ну что такое, сэр Рэй?

– Так кто она, эта ваша загадочная подруга, которую испугалась сама ехидна? Ради всех богов, скажите мне! – взмолился капитан.

От этого Уильям крепко призадумался. После всех тех откровений, что здесь прозвучали, рассказ про кельпи уже наверняка ничего не решит.

– Кельпи... – вздохнул он.

– Ну ничего себе! – воскликнул сэр Рэй, потом зашептал: – Настоящая кельпи из сказок? Это вы на нее накинули уздечку, чтобы она стала служить вам?

– Зачем? – удивился Уильям.

– Ну, чтобы она служила вам... Если накинуть уздечку на водного демона, тот на всю жизнь останется в облике огромного коня, которому нет равных по скорости, силе и мощи! Он будет подчиняться только хозяину уздечки! Неужели вы об этом не знаете?

– Это уж точно сказки.

– Так вы не делали этого?!

– И не собираюсь, – раздраженно ответил Уильям.

– Неужели даже мысли такой не было?!

– Нет! Вероятно, для меня друг. Я не могу требовать чего-то от нее или пытаться заставить что-то делать.

– Ох, как можно быть таким, как вы! – воздел руки к небу капитан. – Ну это же... Это же сам Ямес велел попробовать сделать – накинуть узду на водного демона!

– Идите к черту, сэръ Рэй! Доброй ночи.

– Доброй ночи, – проворчал рыцарь и тоже отвернулся. – Вы точно не от мира сего... Все бы накинули уздечку, а вы отчего-то фыркаете. Но вы мне нравитесь, чтоб черти вас в амбаре выдрали!

* * *

Ближе к утру, пока город спал, графские дети, а потом и слуги вместе с Аудерлом поочередно спустились в тюрьму, где иссушили оставшихся заключенных. Как только зарделся рассвет, на площадь стянулись все жители и к Филиппу вышел пожилой мужчина, хотя его скорее выпихнули из толпы.

– Господин... – произнес он скромно. – Похоже, что я новый вождь... Кхм. Я не хотел, но люди просят... – И он оглянулся, надеясь, что толпа передумает. Однако этого не случилось. – В общем, меня Нотром звать...

– Хорошо, – ответил граф, заложив руки за спину. – Теперь слушайте меня внимательно, все вы. Окружающее вас болото – охотничьи угодья ехидны, которая сейчас ранена, поэтому в ближайшее время к вам не явится! Понятно?

Вождь кивнул.

– Но! Ваш покой зависит от твоих дальнейших действий, Нотр. Тщательно следи, чтобы никто не покидал город с наступлением ночи. Предупреди всех проезжающих мимо! Всегда закрывай ворота! Не корми ее, и тогда она может уползти обратно в болота. А если что произойдет, вышли человека ко мне в Брасо-Дэнто. Это, надеюсь, понятно?

– Да, господин, – произнес в почтении Нотр.

– Оформлением отчетов, насколько я помню, занимался ваш писарь, а не вождь?

– Я и есть этот писарь.

– Тем лучше, – удовлетворенно кивнул граф. – Два раза в год вас будут навещать мои люди, сборщики податей. Им и вручай подготовленные отчеты.

– Да, господин. И... спасибо вам за помощь! – Вождь упал на колени. – Мы вам очень благодарны!

– «Пожалуйста» вернете податями, – едва улыбнулся Филипп и обратился уже к своим людям: – Уезжаем! Время не ждет.

К капитану гвардии подвели его коня, отчего тот негодуя заржал, возражая против такого седока.

– Ну потерпи, Тарантоша... – потрепал его за холку Уильям.

Капитан со вскинутыми бровями наблюдал за тем, как его рыцарский конь, ранее дикий и свирепый, как кельпи, теперь терся своей огромной мордой о рыбака, точно позорно вымаливающая морковку кобыла. Наконец все взобрались в седла и отряд покинул этот забытый богами городок, связанный со всем миром одним лишь трактом. И снова все вокруг обступили болота с их мшистыми кочками, колышущимся у озерец туманом, низкими деревьями, прибитыми к земле. Солнца не было совсем, оно вновь спряталось за рваную серую тучу.

Все ехали молча, пока Леонард, когда городок остался далеко позади, не поравнялся с графом.

– Отец, – позвал он в задумчивости.

– Да?

– Ты разглядел, что скрывалось у твари там, за змеями? – поинтересовался он. – Мне на миг почудилось, будто там... женское тело с грудями...

– Тебе не показалось. Та часть ехидны, что расположена над пастью, и правда напоминает человека. Точнее, напоминает отдаленно. Потому и обвился вокруг нее клубок, пряча, – там живая мягкая плоть, там сердце и разум, повелевающий конечностями. Именно поэтому я и выжидал, пока она потянется к вождю.

– Тьфу! Я уже надеялся, что мне привиделось! – Лео сплюнул на землю.

– Что поделать... После Слияния родилось множество дивных тварей, и их вины в том, кем они родились, нет.

Они продолжали двигаться по старой тропе, что петляла и витиевато изгибалась, проводя путников мимо трясин, куцых деревьев и затянутых ряской озер. Вот серое небо полыхнуло зарницей, грохотнул гром – и пошел дождь, мелкий и назойливый. Вода вокруг заволновалась. Одному гвардейцу показалось, что он в ней даже что-то видит. А когда он понял, что ему не показалось, то отчаянно стал зазывать всех ближайших к нему конников, тыкая пальцем.

– Господин! Там в воде что-то есть! – распереживался гвардеец. – Уж не тварь ли это вчерашняя?!

– А, это... – протянул граф, даже не оборачиваясь, и махнул рукой. – Нет, это так, болотные чертята. Не обращайтесь внимания.

– Болотные чертята?

– Да. Отчасти напоминают лесных и полевых. И тоже опасны лишь для одиноких незащитных путников.

Все вновь взгляделись в рябую от дождя воду – уже не с испугом, а интересом. Оттуда, то тут, то там, показывались головки, увенчанные неким подобием рожек. Эти хитрые мордочки смешно морщили носы, затем ныряли под ряску и всплывали уже в другом месте. Болотные чертята и правда немного напоминали лесных: такие же удлиненные ручки, покрытые темной шерсткой, такие же крупные глазки-бусинки, иногда вспыхивающие угольками. Разве что у этих, местных, виднелись между пальчиками перепонки. И пока все в любопытстве разглядывали их, чертята тоже глядели на всех из воды, а также кустов осоки.

Между тем Леонард как можно скорее достал свой лук, вложил в тетиву стрелу и выстрелил. Стрела вошла в одно крохотное тельце, и оно, дернувшись, тихо погрузилось на дно. Леонард усмехнулся. Остальные чертята тут же истошно запищали – и над болотами воцарился яростно-нестерпимый гомон. Как по команде скрывшись в воде, они вылезли уже где-то около противоположного берега, прячась в зарослях багульника и грозя оттуда маленькими кулачками.

Развернув коня, Филипп холодно сказал:

– Да что ж тебе все нейметя! Чертенка-то зачем было убивать?

– Показываю, кто здесь хозяин, отец! Нечего им, как и ехидне, предъявлять права

на наши земли, – произнес Лео. – Будь моя воля, я б их всех тут перестрелял. Слишком они наглые, эти черти, лезут едва ли не под копыта! Таким дай волю, ночью выпотрошат все наши припасы и фураж.

От этого Филипп только вздохнул, воззрился на сына усталым взглядом, но более ничего ему не сказал. Ибо это было бесполезно. Зато за него все высказали демонята. Везде слышались их тоненькие гневные возгласы и оханья, сулившие возмездие. Чуть погода это возмездие вылилось в бросках комьями грязи, отчего Леонарду то и дело приходилось огрызаться. Чертята распаленно и воинственно визжали, зашвыривая всем, что попадало под их лапки, – и вскоре их гнев перекинулся на весь отряд. Тем пришлось достать луки. Только тогда болотные существа спрятались под воду и злобно стрекотали уже оттуда.

* * *

На протяжении всего дня путники брели по унылым болотам под гневное стрекотание. Только к вечеру они выбрались на небольшую удобную для бивуака поляну. Сэр Рэй, спешившись, потер оглохшее от писков ухо. Кони очень устали, как устали и люди, которые в течение всего дня неустанно глядели в темные воды, в страхе ожидая увидеть в них конечности какой-нибудь зловещей твари. Кто знает, кого могли своим галдежом призвать мстительные чертята?

– Остановимся здесь на ночлег, – приказал граф. – Разожгите несколько костров по периметру, подготовьте дерево, чтобы огонь горел всю ночь. Далеко не расходиться. Когда стемнеет, все должны быть в лагере!

– Ну что ж, Уильям, похоже, мой конь и сегодня побудет вашим, – сказал сэр Рэй.

– Похоже на то.

Вдруг, оглядевшись, капитан подозвал к себе графа, указывая на следы старого кострища.

– Смотрите. Тут кто-то ночевал.

– Да, вижу, – склонился над землей Филипп. – Кто-то опережает нас не больше чем на сутки.

– Радует, что люди минуют эти проклятые топи, не погибая, – произнес задумчиво капитан, вглядываясь в землю под деревцем. – А ведь это выходцы из Филонеллона. Посмотрите на следы их лошадей – они иначе их подковывают.

– Верно, филонеллонцы... Вождь Орла упоминал о них. Скорее всего, это мой старый знакомый, – кивнул Филипп и ушел к лежанке, обустроенной на краю лагеря, в отдалении от навеса с котлом, где готовилась еда и гурьбой толпились голодные гвардейцы.

Услышав последние слова, Леонард заспешил к отцу. Он молча обошел сидящего на его пути Уильяма, подле которого разлеглись фыркающие Тарантон и Серебрушка. Кони ласково общались меж собой, потирались мордами и отгоняли хвостами и скидыванием головы редкую, но назойливую мошкару.

– Отец, ты говорил о Бардене Тихом? – спросил Леонард.

– Скорее всего, он. В Глеоф больше никто из горных районов по осени не ездит, ну а купцы сюда заглядывают лишь во время сезона Аарда.

– Понятно. Может, недалеко от нас еще кто-нибудь.

– Вполне возможно. Если Горрон де Донताल решит посетить суд, то и он двинется

по этой тропе – тут проще добывать еду. Синистари из Дальнего Севера поступит так же. Насчет старика Марко не уверен... Он уже пару столетий не показывался из своего грота в горах. Но все может быть. Ну и Асканели де мор Скрам, хотя тут я тоже сомневаюсь.

Кивнув, Леонард вернулся к своей лежанке, где уже устроилась Эметта, вытянув ноги. Филипп проводил его уставшим взглядом и вздохнул, понимая, почему ему задали вопрос про проезжающих на суд старейшин. Ведь его сыну уже не терпелось прибыть на место, и он находил успокоение только в поиске всяких признаков его грядущего бессмертия.

Уильям тем временем поглаживал разлегшихся рядом с ним коней, перебирая им гриву, а потом и вовсе достал из седельной сумы холщовый мешочек. Он высыпал на ладонь немного засахаренной клюквы, которую купил в Орле поутру на выигранные у капитана монеты.

– Бедняга, – шепнул он своему Тарантону. – Вот над тобой поглумились. И над сэром Рэем... Да и надо мной, чего уж... – Затем он протянул коню лакомство. – На вот, угощайся!

Конь фыркнул и принял с ладони теплыми губами сладко-кислые ягоды. Похоже, угощение пришлось ему по душе – и он тут же привстал за добавкой. Серебрушка тоже учуяла лакомство, положила свою большую морду на колени хозяина и протяжно вздохнула. Давим по несколько ягодок, Уильям завязал мешочек и заботливо спрятал его обратно. Тогда лошади поглядели на седельную сумку и потянулись уже к ней.

– Э-э-э нет, друзья... Это для Вериателюшки, а то обидится...

Тарантон и Серебрушка послушно легли.

– Умеешь ты налаживать связь с лошадьми, – улыбнулась Йева.

– Да это же не моя заслуга. Эх, поскорее бы уже расколдовать Тарантона, – ответил негромко Уильям.

Жующий мясо у костра сэр Рэй обернулся и глянул на своего коня. Тот нагло и весело заржал и оскалил желтые зубы.

– Зато характер вредный остался, – ласково рассмеялась Йева. – Я Тарантошу еще жеребенком помню. Меня отец как-то взял с собой за город, на кобыльи конюшни. Вот тогда я и увидела рыжего жеребенка, веселого такого, подвижного, и захотела погладить. А он в ответ отгрыз кусок моей юбки. Год ему был всего, представляешь?

– Да, характер Тарантона можно воспевать в легендах, – заметил сидящий неподалеку Филипп, переведя взор с книги на рыжего коня. – Я предупреждал прошлого капитана гвардии, уважаемого Эри Мальгерба, о том, что жеребенок вырастет с норовом. Но он не внял моим словам. Хорошо, хоть к сэру Рэю привык. Ну, пока не объявился наш рыбак.

Йева и Уилл заулыбались.

– Да я исправлю это, господин!

– А если не справишь? Я так понимаю, твоя Вериатель тоже с норовом. Вдруг не станет ничего делать?

– Ну-у-у, – нахмурился Уильям, – я об этом как-то и не подумал... Тогда придется упрашивать Тарантона послужить капитану.

– Он будет рад такой медвежьей услуге! – улыбнулся Филипп. – Кстати, он у тебя уже выпытал насчет того, кто твоя подруга?

– Да.

– Ну как же иначе – это же сэр Рэй! – ответила Йева, весело сверкнула глазками и поглядела на сидящего у костра капитана. – Попадись ему твоя кельпи, Уильям, он бы уже с удечкой исступленно бегал за ней.

– Да он как раз интересовался насчет этого.

Представив себе столь презабавную картину: бегающего за удирающей кельпи рыцаря, – Филипп, Йева и Уилл довольно рассмеялись. Со стороны костра вновь покосились в их сторону.

– Господин, а кто-нибудь накидывал на кельпи уздечку, когда вы жили в Алмасе? – вдруг заинтересовался рыбац.

– Нет, такого не было, хотя подобные сказки бытовали. И вроде даже находились храбрецы, дерзкие и молодые, которые пытались это совершить, – ответил граф, поглаживая подбородок. – Но успехом ни разу не заканчивалось... Зато потом находили растерзанные трупы тех самых храбрецов. А что, хочешь попробовать со своей подругой?

– Нет-нет, что вы! И мысли такой не было! Просто спросил... – замахал руками Уильям. – Мне кажется, это слишком жестоко, не для того кельпи были рождены, чтобы под седлом ходить.

– Может, поэтому тебя и не убили сразу, – задумался граф.

– «Сразу»? Вы о чем?

– А может, – продолжил граф, – твоя душа просто пришлась ей по вкусу, кто знает...

– По вкусу?! – едва не вскрикнул Уилл.

– Да, я уже говорил тебе, что для кельпи человеческая душа как сочная морковь. Так что твоя демоница вполне могла истощать тебя. А потом, быть может, и прониклась любовью, оставила тебе... твою душу.

– Быть такого не может, господин. Она, конечно, кидалась на меня у озера, но то от тоски! Это я тогда еще понял, в восемь лет, на берегу Сонного озера. Она выглядела одинокой, выла так, будто плохо ей. Разве этого не может быть? – Уилл не верил в предположение графа.

Филипп переглянулся со своей дочерью.

– А может, и так, – выдохнул граф в конце концов. – Мы ведь не знаем, сколько твоей кельпи лет... Может, она действительно утомилась от долгой жизни и удалилась на Сонное озеро в поисках тишины. Оно-то везде примерно похоже. С годами все вокруг приедается, а чтобы удивиться чему-то, нужно постараться.

Уильям тоже нахмурился, засомневался. Он оглядел темные ночные болота, что освещались лишь бледными огнями, которые граф назвал неопасными, а затем поднял голову к хмурому небу.

– А если это все приедается, зачем тогда вообще долго жить?

– Хороший вопрос. – Филипп вновь вздохнул. – Обычно старейшины находят себе какое-нибудь занятие. Как ты мог заметить из моих рассказов, многие из нас – это графы, бароны, герцоги. В общем, вампиры при власти. Это не прихоть, а опора, ответственность, что держит нас в этом мире. Ну а те, кто не хочет знаться с миром, кто нелюдим, как, например, старик Марко... Такие уходят в глушь, селятся в пещерах и впадают в забытье на долгие годы, время от времени пробуждаясь, чтобы утолить дикий голод. Потом снова засыпают. Либо отдают свой дар кому-нибудь другому.

– А Гиффард? Он ведь не правил, но и не сидел в пещерах.

– Гиффард – это исключение из правил. Он... – Граф вспомнил старого друга. – Он был очень образованным, интересным и чудаковатым созданием...

Филипп на миг замолчал и, тоже уставившись на сияющие звезды, печально улыбнулся:

– Но и его не обошли стороной тоска и чувство одиночества. В последнее время он

часто жаловался, что, мол, больше не видит смысла бытия. Гиффард даже совершил путешествие или, как он это называл, «паломничество к жизни» на Юг. Побродил несколько лет в тех опасных землях, где вместо снега сыпучий песок, и вернулся. Сообщил, что там все то же самое и нет смысла больше цепляться за жизнь, которая опостылела.

На Йеву, слушавшую их беседу, нахлынули воспоминания о вырезанных деревянных игрушках, что дарил ей старина Гиффард, о его улыбках и заботе. А теперь, думала она, ей предстоит осушить на суде его преемника – такого же в чем-то чудаковатого, хотя и молодого вампира.

– Как же тогда живут самые древние старейшины? Вы говорили, что некоторым по полторы тысячи лет, – прошептал Уильям.

Тем временем гвардейцы уже поужинали и принялись устраиваться на ночлег в кругу костров. Здесь, южнее, было куда теплее и не приходилось плотно кутаться в плащи.

Филипп огляделся и, понимая, что пора заканчивать беседу, заговорил быстрее, но тише:

– Самые древние – они уникальны. Многое они прошли, многое видели, но что-то в них есть, что позволяет жить дальше, за что их и уважают в мире вампиров. А теперь давайте спать!

В лагере все притихло, погрузилось в сон. Когда Уильям уже лежал с прикрытыми глазами, повернувшись спиной к Йеве, та печально глядела на него. Девушка подозревала, что он, вероятно, сейчас размышляет о словах графа, о Йефасе, о старейшинах и Гиффарде. Но выглядел он таким спокойным, безмятежным и, возможно, счастливым, что она не выдержала, вытерла шерстяным рукавом свои покрасневшие глаза... и неожиданно встретила взглядом с отцом. Из-под нахмуренных густых бровей отец встревоженно глядел то на нее, то на рыбака. Затем, понимая причину слез дочери, незаметно покачал головой, напоминая о недавнем разговоре. Отвернувшись, Йева еще долго вслушивалась в ночной шум болот, пока не забылась беспокойным сном.

* * *

Было тихо, и только двое дозорных время от времени подбрасывали в костры дерево, чтобы не дать огню погаснуть. Где-то вдалеке порой то раздавались всплески, то что-то протяжно выло, то стонало голосами болотниц. Но никто и ничто не приближалось к воздвигнутому на вершине холма бивуаку. Даже маленькие болотные чертята – и те прятались в траве, изредка болтая друг с другом тихим повизгиванием.

Филипп листал книгу, перечитанную им уже не единожды, поэтому почти не вникал в суть написанного. Порой он вслушивался в топи, отделяя каждый звук, распознавая его, и знал: им ничего не угрожает. А затем вдруг до него донеслись шлепки маленьких ножек, пританцовывающие. И на его глазах рыжий Тарантон пробудился, вскинул свою большую шею и поднялся на ноги, будто его принудили сделать это. Качая большой головой, он пошел за костры. Дозорные уж было направились к нему, но граф остановил их. Тарантон продолжал идти... Он размеренно махал хвостом, опустил морду и не замечал ничего вокруг. Филипп двинулся следом.

Они миновали костры.

У воды, мутной и тихой, конь приблизился к темному силуэту. Это оказалась

Вериятель. Она стояла на болотном мху в своих красивых сандаликах, в рубаше, с ниспадающими до бедер мокрыми волосами, и тянула к коню белые мягкие руки. Понимая, что дальше идти опасно, граф замер у пограничного костра. На миг, не дольше, демоница поглядела на него, как на пустое место, и принялась приглаживать, целовать морду фыркающего Тарантона, что-то шептать тому на ухо. Хотя с губ ее не слетело ни слова, она шептала и шептала. А рыжий конь водил головой вверх-вниз, будто соглашался с беззвучно сказанным. Потом, потершись об нее, он развернулся и медленно побрел к лагерю.

В облегчении Филипп выдохнул, понимая, что ночное явление было предпринято для исправления шалости. До ушей демоницы донесся этот вздох. Она вновь подняла глаза.

Вериятель и Филипп обменялись взглядами. Так безразличны были они... так длительны... Казалось, происходит борьба за что-то, понятное лишь этим давно живущим на свете демонам.

Вдруг Вериятель скакнула к костру. Вздрыгнув, Филипп отошел ближе к огню, и его пальцы неосознанно сплелись вокруг рукояти меча. Демоница улыбнулась, продолжая стоять без единого движения, без единого вздоха, в какой-то пугающе неживой позе... Вместо нападения она только расхохоталась, да так ядовито, будто узрев в облике графа изъян. И, добыв из него страх, пропала в воде.

Дозорные от хохота, конечно, вздрогнули, но, сколько бы они ни всматривались в густую ночь, так ничего и не увидели.

Наступило утро.

– О-о-о, Тарантон! – радостно завопил сэр Рэй, когда конь сам подошел к нему и поластился теплыми губами. – Да ты же мой любимый, мой дивный конь! Как я по тебе скучал, чертяка!

Удивленный рыбак смотрел, как довольный капитан суется возле своего вновь обретенного рыцарского коня, а тот стоял, пофыркивая.

– Вы что, ночью отвели его к воде? – спросил капитан.

– Нет, не отводил. Может, заклятие само спало... Позвольте?

После разрешения Уильям приблизился, готовый в любой момент увернуться от лязгающих желтых зубов или громадного копыта. Но вместо этого рыжий Тарантон только приветственно фыркнул, ткнулся головой в его руку без лишних проявлений чувств. Его погладили по морде, и он позволил себя оседлать.

– Такой Тарантон меня вполне устраивает! – заметил сэр Рэй.

Многие после этого пробовали подойти к мерину, чей злобный нрав стал легендой, но на всех конь реагировал сдержанно. Лишь через время, устав от такого внимания, он фыркнул и начал проявлять обычные для лошадей признаки мелкого раздражения, но раздражения безобидного. Филипп мрачно наблюдал за этой переменой. Хотя кельпи и не тронула его отряд, само ее присутствие пугало графа, как пугало непонятное поведение, будто она что-то знала.

Корвунт лежал на берегах узкой, но глубокой реки, что с ревом рождалась среди гор и устремлялась вниз, на Маровские болота, подпитывая их. Обнесенный каменной стеной, этот город был незыблемым стражем на юго-восточной границе графства. По весне сюда стекалось множество купцов, которые отдыхали, торговали, а затем двигались дальше на север или перемещались на Западный тракт (поскольку туда от города вела широкая тропа). Путники прибыли под стены Корвунта, к его крепким деревянным воротам, украшенным резьбой в виде ворона с распахнутыми крыльями.

Их встретили стражники. Увидев развевающееся знамя с гербом, они поняли, кто их гость, – и согнули в поклоне спины. Один из них прикрикнул на кого-то в сторожевой фланкирующей башне. Этот кто-то спустился с той стороны стены и, вероятно, кинулся со всех ног вглубь города.

Вскоре высокие ворота распахнули.

Уже куда более умело сидящий в седле Уильям с интересом разглядывал город. Корвунт отчасти напомнил ему грозный Брасо-Дэнто. Здесь также ревела быком река, также простиралась выложенная булыжниками мостовая, также виднелись поблизости вершины гор, а вокруг раскинулись необъятные равнины. Но город этот – у пределов графства – был куда меньше, в чем-то аккуратнее, здесь не громоздилось такое количество теснящихся построек. Так что после мрачных болотных поселений он сразу пришелся рыбаку по душе; да и светлее здесь было, что ли.

А потом Уильям начал рассматривать жителей. За счет проездных пошлин все они жили небедно, поэтому одевались в более дорогие одежды и баловали своих женщин украшениями, которые, правда, сейчас прятались под теплыми шальями.

Отряд двигался по мостовой, и к ним вышел почтенный мужчина в зеленом плаще, с длинной седой бородой. Сняв шапочку с пером ворона, он, как и все вокруг, отвесил графу глубокий поклон. Следом поклонились и местные жрецы Ямеса, стоящие чуть поодаль.

– Приветствую вас, господин, – со спокойным уважением сказал мужчина. – Меня зовут Усври Докансев. Я вождь Корвунта.

– Мой отряд нуждается в отдыхе, – промолвил граф.

– Конечно, господин. Нашему постоялому двору «Зеленый ворон» будет за честь принять вас!

Вождь махнул рукавом в сторону трехэтажного широкого здания, стоящего сбоку от него. Рядом уютилась таверна. Из ее распахнутых дверей лились запахи свежей выпечки,

мяса, душистых трав. Все гвардейцы тут же жадно повели носами, чую хорошую кухню, спешили и торопливо повели уставших коней под узду, чтобы поскорее заслуженно отдохнуть. Один Филипп остался стоять подле вождя, скрестив руки на груди и наблюдая за всем.

– Надеюсь, наш постоянный двор вам понравится, – сказал вождь, почтительно склонив голову. – Если вам что-нибудь будет нужно, только скажите... Я оставлю мальчика, моего посыльного, у лестницы первого этажа, чтобы он как можно скорее донес ваши пожелания.

– Благодарю, – ответил Филипп, оценивая взором улицу. – Вижу, Усври, что город в твоих руках процветает. Но у меня есть вопросы касаясь отчетов. Мы с тобой об этом позже побеседуем. А пока расскажи-ка мне об отрядах, что проезжали твой город в течение последней недели.

– Конечно-конечно, – закивал вождь. – Буквально на рассвете от нас отбыл отряд из горного Филонеллона. Все рыжеволосые, крепкие, хорошо вооружены. Предводитель у них сильно в годах, крепко сложен, весь в шрамах, словно волчище порвал... Особа знатная, потому что на голове у него серебряный обруч, а на поясе – дорогой меч. Платил хорошо. Имени своего не называл, сопровождавшие называли его владыкой, но нам имя поведали – ярл Барден Тихий.

– Хорошо, с этим понятно, – сказал Филипп, убедившись, что их действительно опережал его давний друг. – Еще кто-нибудь был?

– Да, с неделю назад проезжали еще двое, кхм, весьма странных... – вздрогнул и побледнел Усври.

– Как выглядели?

– Один столь тощий, что кости торчали сквозь поношенный кафтан. О, а что за кафтан у него... Знаете, я такого дырявого тряпья давно не видал, и как он в нем насмерть не замерз – не понимаю... Плаща-то при нем не было. Ехал на такой же костлявой лошади, которой бы мертвецов к могилам возить, а не живого человека. Страже он сразу не понравился, но придраться ни к чему не смогли. И самое интересное, что ни меча, ни монет при нем тоже не имелось... За него платил и говорил его спутник.

– Ясно, – произнес задумчиво Филипп. – И как выглядел спутник?

– А этот побогаче, на черной лоснящейся кобыле. Жилистый такой, высокий и нос, как у коршуна. Был в черном плаще, плотно застегнутом, так что никаких гербов я не увидел. – Вождь вспоминал, морща лоб. – Меч при нем имелся, но старый, я бы даже сказал древний, с неизвестными надписями на гарде. Да и общались эти оба на каком-то неизвестном языке, мне такой и слышать никогда не доводилось, хотя всяких людей через Корвунт проезжало на моем веку... Их имен мы так и не узнали... Первый с нами ни разу не заговорил, а второй был немногословен.

– Никто не пропал из города за это время?

– В этом-то и дело. – Усври печально усмехнулся. – До сих пор ищем дочерей плотника. Девушки ночью отправились к реке, туда, где обычно бабы замывают вещи, у одной... кхм... похоже, кровь началась, со слов матери, а вторая решила сопроводить сестру. И как в воду канули. Так что недобрые это были странники, ой недобрые... – погрустнел вождь.

Вождь Усври не сильно ошибся, когда заметил, что костлявая кобыла под первым путником годилась скорее для перевозки мертвецов. Этим путником, судя по описанию, был Марко Горней. Образом жизни он действительно походил на мертвеца. Ему было

больше тысячи лет, и уже долгие века он жил в укрытых среди снегов пещерах, порой пробуждаясь от сильного голода, спускаясь в ближайшие деревни и затем вновь впадая в сон. Связь с ним совет держал через Летэ. Будучи довольно старыми, вампиры способны общаться друг с другом мысленно.

Во втором путнике граф узнал барона Синистари – семисотлетнего вампира, соседа Марко. Синистари владел землями в восточных областях снежного Стоохса. Похоже, эти старейшины отправились в путь вместе. Видимо, их заинтересовала история с человеческим рыбаком, получившим дар от Гиффарда. И, понимая, что суд может оказаться весьма многолюдным (если так можно говорить о вампирах), Филипп в раздумьях поднялся по ступенькам постоянного дома на третий этаж, где располагались лучшие комнаты.

* * *

Пока привыкший к бережливости Уильям приводил в порядок свои вещи, на соседней кровати, ближе к камину, лежал в одних шоссах и с голым торсом капитан Рэй. Он отдыхал после долгой и изнуряющей дороги в седле, в то время как рыбак пребывал в обычном состоянии бодрости.

– Чего не идете ужинать в таверну? – спросил Уилл.

– Успеется. Вот сейчас отдохну – и пойду. – И капитан пристально посмотрел на вампира. – Я тут о вас, между прочим, думаю и о нашем ночном разговоре.

– Обо мне? – удивился Уилл.

– Да-да. – Сэр Рэй поднялся и пересел в кресло перед зажженным камином. – Думаю, как же вы живете так?

– О чем это вы?

– Ну, пить пиво и вино не можете?

– Нет, – помотал головой собеседник.

– Есть обычную еду тоже?

– Тоже не едим, – согласился Уильям.

– А почему не едите? – поинтересовался капитан. – Невкусно? Или плохо становится?

– И вкус уже не тот, гадкий, да и комом в горле встает.

– Кхм, жутко, конечно... Так о чем бишь я? Ничего не пьете, не едите, мои гвардейцы вам воняют, на что вы жаловались на днях, – высказал сэр Рэй, протягивая руки к огню. – Как вам вообще живется-то, если в жизни нет никаких удовольствий? Это же дрянь дело, я вам скажу... Ну хоть спать с женщинами можно – и то славно! – Он вздернул брови. – Или там тоже все плохо?

– Сэр Рэй... – предостерегающе сказал Уилл.

– Кхм, прошу простить, что сболтнул лишнего, – одумался капитан гвардии и произнес виновато: – Я не хотел задеть вас, дружище... Но ситуация у вас такая, что я бы ради долгой жизни все это, конечно, стерпел, но с трудом. Так, может, вы все-таки составите мне компанию в таверне?

Уильям тоже подошел и протянул руки к камину, в котором потрескивало огнем большое полено.

– Прощаю. Да, давайте.

– Кстати, что планируете делать после суда?

– А вы откуда про суд знаете? – прищурился Уилл.

– Когда господин граф забирал вас из Больших Вардов, он это тому псу коннетаблю и растолковал. А я все запомнил! – улыбнулся хитро капитан, подмигнув карим глазом. – Ну так что, а?

– Я хочу вернуться в Брасо-Дэнтю. Попробую устроиться там писарем. Ну или к городским травникам в помощники.

– Если вы остаетесь с нами, то, что ж, я очень этому рад. Вы хоть тот еще зануда, но мне нравитесь. – Сэр Рэй с шумом почесался о спинку кровати, будто здоровый медведь о дерево. – Давайте-ка сейчас сходим в лесок около Корвунта и там скрестим мечи, а потом в таверну. Я как раз собираюсь вкусить местные блюда!

Уилл потянулся к ножнам, уже привычно ощущая их вес вместе с мечом.

– Только, чур, в полную силу не бейте! – Рыцарь поднялся. – И так никакого опыта в фехтовании – еще и не успеете вовремя остановиться. У вас, конечно, удар не графский, полегче будет, но я если где и хочу помереть, так это под конем. А не от вашей руки...

Пока они шли, неся ножны и беседуя, как закадычные друзья, в сумерках по главной улице прогуливалась Йева. Она слушала рев реки, иногда глядела на ее пенистые белые воды, но глядела будто сквозь них. Перед ее глазами стоял родной Брасо-Дэнтю, в который она отчаянно хотела вернуться, не посещая Йефасы.

Йева встала у деревянных ограждений, остановила свой взор на бурлящей реке и не заметила, как к ней подошли Уильям и сэр Рэй, одетые в нагрудники. Двое мужчин залюбовались ее красотой, тонким станом и медной косой, увенчанной золотым обручем. На глазах Уилла капитан тут же сделался сам не свой и галантно улыбнулся:

– Госпожа! Раз я вас увидел этим вечером, то теперь мой день точно завершится удачно!

– Сэр Рэй, вы же и так меня всю дорогу видите, – с усталой улыбкой отозвалась девушка.

– Не всю... – уж было ляпнул капитан, чтобы вернуть еще какой-нибудь комплимент.

Но тут ему вспомнились очертания нагого тела госпожи, и он вдруг сделался совершенно пунцовым, почти слившись со своей бородой. От этого Йева и Уилл тоже разом смутились. И все трое как-то весьма неуклюже умолкли посередине разговора, не зная, о чем говорить дальше.

– Вы куда-то собираетесь? – наконец спросила Йева.

– В лесок тут неподалеку, для поединка, – ответил Уильям и сразу же неуклюже предложил: – Не хочешь посмотреть?

– Можно. – Девушка натянуто улыбнулась, словно и не рада была такому предложению.

Они втроем отправились к высоким воротам. Оттуда, следуя минут пять по сырой тропе, пахнувшей прибитой пылью из-за прошедшего дождя, они попали в почти вырубленный сосновый лесок.

– Как вам долгое путешествие? – поинтересовался сэр Рэй. – Еще не утомились?

– Может быть, – холодно ответила девушка, поправляя косу. – На нашем пути еще будут города?

– Конечно. Там, за Мертвой Рулкией, городов на тракте будет как грибов по осени! Устанем платить проездной налог!

Стройные, высокие сосны, тянущиеся макушками к небу, скрыли прогуливающихся от любопытных глаз стражников. Сэр Рэй, Уильям и Йева вышли на небольшую поляну,

усыпанную хвойным темно-коричневым ковром.

– Раз уж нас сегодня порадует своим присутствием госпожа, – заметил капитан, – то так и быть, Уильям, я не буду сильно шлепать вас мечом по заду. Сегодня я, быть может, позволю вам хоть раз почувствовать сладость победы!

От этого его соперник ухмыльнулся.

– Спасибо, вы очень добры.

– Я сама беспощадная доброта! – нагло улыбнулся сэр Рэй.

– Хотя мне кажется, вы просто боитесь проиграть.

– Ах, вы так считаете?

– Я это знаю. – Глаза Уилла заулыбались, хотя он силился выглядеть серьезным.

И двое мужчин закружили по прогалине, желая получить хотя бы один взгляд женского одобрения. Но Йева, прислонившись плечиком к стволу, наблюдала за ними скорее со скукой.

Ей было совсем не до забав. Она и правда заметила в Уильяме перемену: он стал куда ловчее, быстрее, а меч в его руке уже не казался мотыгой. У нее даже появилась мысль, что, быть может, он стал бы для Адда Фрауда, их мастера по фехтованию, любимым учеником, позволив тому обучить всему с нуля и увидеть благодатные плоды своих трудов. Но что с того, думала графская дочь. Теперь в этих успехах, в этих веселых, беззлобных смешках, направленных на капитана, она видела лишь еще один повод для горести.

Так прошел почти час.

Уильям, весь в хвое и траве из-за падений, отряхнул с подлатника мусор и вернул меч в ножны.

– Неплохо, весьма неплохо, – произнес запыхавшийся сэр Рэй. – Все-таки длинные руки и высокий рост позволяют вам хорошо держать дистанцию. Правда, чересчур открываете ноги, но это ничего... фух, страшного. Можете еще копьё попробовать потом. Вам подойдет.

– Вы закончили? – спросила Йева со вздохом.

– Да-да, госпожа. Скажите, неплохо же я научил уважаемого Уильяма, да?

– Неплохо...

– Благодарю, – сказал Уильям, видя, что графская дочь не в духе. – Сэр Рэй, может, вы пока пойдете переоденетесь, а мы с госпожой немного прогуляемся по лесу? Я скоро подойду к вам в таверну.

Капитан замялся.

– Да, давайте... Встретимся там... – нерешительно произнес он и, развернувшись, пошел в сторону ворот, оглядываясь.

Йева посмотрела ему вслед и вздохнула. Настроение у нее, как понял рыбак, было совсем удручающим. Когда они остались одни, он подошел к ней, взял ее тонкие пальчики в свои и прикоснулся к ним губами.

– Ты в последнее время сама не своя. Может, расскажешь, что происходит?

– Все хорошо. Просто устала...

– А мне кажется, не в этом дело.

Он приобнял графскую дочь, которая в конце концов прильнула к нему, положила руки на его подлатник и смахнула пару колючих сосновых иголок. Так они стояли некоторое время, пока Уилл терпеливо ждал, надеясь, что она сама решит поведать ему обо всем.

– Я хочу назад, в Брасо-Дэнтто, – наконец шепнула она. – И чтобы ты жил в соседних покоях.

– Не зная, что ждет впереди? Нет уж!

– Иногда лучше так... не знать, что готовит грядущее. Вдруг в Йефасе произойдет что-нибудь плохое. – Она опустила взгляд на свою юбку.

– Да брось. Что может произойти? Граф сказал, что все будет хорошо. Неужели ты своему отцу не веришь?

Йева вымученно улыбнулась, поглаживая кончиками пальцев рубаху под завязками подлатника. Под рубахой она чувствовала бьющееся пылкое сердце. Не зная, как ответить, девушка отвернулась и пошла в сторону города. Сумерки сгустились. Ночь воцарялась на предгорных равнинах. Йева заторопилась, слыша, что ее нагоняют, но вот ее уже нежно удержали за руку – и она вырвалась, как перепуганная птица. Длинноногий Уильям легко обошел ее с другой стороны, и глаза его были полны тревоги.

– Послушай...

Девушка пошла быстрее.

– Если я чего-то не знаю, так, может, расскажешь мне?

Она только мотнула головой. Ей казалось, что стоит молвить хоть слово, как она не выдержит и действительно все расскажет.

– О чем ты умалчиваешь? – Спутник вновь настиг ее.

Тогда Йева всхлипнула и, приподняв юбки, побежала прочь из рощи, чувствуя, как ей становится плохо от всего происходящего. Уильям резко остановился и поглядел вслед. Обернувшись, девушка поняла, что ее больше не преследуют и, замедлившись, принялась вытирать горячие слезы шерстяным рукавом.

* * *

Йева шла по тракту, когда до нее донесся приближающийся перестук копыт. Чтобы не выглядеть неподобающе, ей пришлось поспешно укрыться под глубоким капюшоном.

Взбивая тяжелую после дождя пыль, по дороге двигались четыре всадника, один из которых был сильно впереди от прочих. Ростом он был невысок, одеждой неприметен, кобыла под его седлом тоже не отличалась какой-нибудь особой породистостью. Разве что волосы у него отливали черно-смоляным цветом, а таких волос сейчас не сыскать нигде, кроме глухих северных деревень.

«Чистейший орун», – подумала Йева. Больше в путнике она не нашла ничего примечательного, поэтому только из-за отсутствия каких-либо уродующих его недостатков он казался внешне приятным.

Путник приблизился, остановил кобылу.

Йева напустила на себя спокойный вид, обошла его полукругом и только плотнее закуталась в накидку, расшитую по краю серебристыми воронами. Незнакомец продолжал глядеть то на нее, то на показавшегося из-за деревьев Уильяма. А когда девушка отдалилась, то он спешил и обратился к ней красивым бархатным голосом:

– Милая леди, уж не дочь ли вы моего молодого друга, графа Тастемара?

Йева обернулась.

– Да. С кем имею честь разговаривать?

– Горрон де Донताल, бывший герцог бывшего королевства Крелиос, – со смешком произнес он и, подойдя, протянул руку.

Йева уже в смущении посмотрела на старейшину, о котором была столь наслышана, растянула губы в вынужденной улыбке и подала свою ручку. Горрон изящно припал к ней губами, а затем обернулся к приблизившемуся Уильяму, который глядел настороженно. Он втянул носом воздух и спросил:

– А вы, стало быть, тот самый рыбак?

– Да... – поклонился Уилл.

– Ах, я счастлив, что успел нагнать вас, – сказал Горрон и взял под узду лошадь. – Всегда приятно узнавать все раньше, чем прочие. Пойдемте в город, к очагу и человеческим запахам, пока не разразился дождь.

За ним направились Йева и Уилл, поглядывая на трех оставшихся путников. Те тоже спешили и теперь шли следом, не произнеся ни слова.

– Кстати, это мои слуги, – добавил герцог. – Сколь они преданны, столь же и неразговорчивы. Так что спрашивать их о чем-либо не стоит. И они тоже вампиры, если вы еще не разбираетесь в запахах, Уильям.

Расплатившись на воротах за пребывание в городе, герцог направился по главной улице, вдоль плотно стоящих домов из камня. Он с легкой улыбкой озирался по сторонам и между делом успевал бросать быстрые взгляды на идущих порознь Уильяма и графскую дочь.

Но ему не дали понаблюдать за влюбленными сполна. Из двухэтажного здания, в котором располагался налоговый дом, едва ли не выбежал граф Тастемара, заметивший путника еще в окно. Он протянул руки. Мужчины тепло обнялись, как старые добрые друзья.

– О, Филипп! – довольно произнес Горрон, похлопывая его по спине. – Сколько же лет мы не виделись? Сколько лет общались через письма?

– Больше ста лет точно, – произнес граф.

– С Уильямом и твоей дочерью я уже имел честь познакомиться. Быть может, представишь мне своего сына?

– Дочь моя, – заторопил ее граф, – отыщи Леонарда и приведи сюда. Да поживее!

Йева молча кивнула и исчезла в проеме постоянного двора, чувствуя облегчение оттого, что ей не придется возвращаться.

– Как прошел ваш путь? Не встречали ли кого по дороге? – между тем спросил Филипп.

– А, ты про болотное чудовище? – улыбнулся Горрон. – Да, пыталось одно такое утащить моего слугу посреди ночи, но мы ему не позволили. А люди в Орле, кстати, поведали мне о твоём подвиге.

– Да какой там подвиг, – усмехнулся граф. – Вам ли не понимать, что там был почти что детеныш?

– Тем не менее... Радует, что ты с годами не обрюзг, не растерял навыка, как многие, – расхохотался герцог. Потом он посмотрел на одиноко стоящего чуть поодаль рыбака. – А вы, Уильям, привыкли уже к новой сущности?

– Немного, – признался Уилл.

– Хорошо. Друг мой, отпусти-ка своего подопечного. А то он, бедняга, сильно смущается от моего присутствия.

После разрешения графа Уильям откланялся и поспешил в таверну, где его уже с нетерпением поджидал сэр Рэй. Чуть погодя, с разницей в минуту, из соседних дверей появился Леонард, по-щегоольски одетый в ярко-зеленый кафтан, подчеркивающий его гибкий стан. На плече у него сидел нахохлившийся ворон, который зыркал вокруг немигающим черным глазом.

Леонард подошел и отвесил элегантный поклон.

– Рад приветствовать вас, король Крелиоса!

– И я рад встрече.

Горрон пронизательным взглядом прошелся по вычурному наряду сына графа, затем обратил внимание и на его ворона. Птица балансировала крыльями и хвостом, чтобы не упасть от хозяйского поклона, и повторила точь-в-точь хрипло:

– Рад приветствовать вас, кар-р, король Крелиоса!

– Как интересно... – промолвил герцог, почесав гладковыбритый подбородок. – Помнится, в далеком 585 году точно такая же птица предопределила место расположения Брасо-Дэнто.

– Скинула на вас ветви, что зацвели поутру? – с восторгом вспомнил баллады Леонард.

Филипп от этих слов только сдержанно улыбнулся и почесал свой длинный нос. Но сам ничего не сказал.

– Нет, у меня тогда посреди пустыря издох мой конь. И вороны собрались на деревьях, поджидая... Ну а пока мы с моим братом Курроном отдыхали, они уже научились от нас ругаться грязными словами, чем знатно нас повеселили. К рассвету мы заметили, что место, в общем-то, неплохое, и, изучив его поподробнее, решили возвести там город.

– Как? И все?! – разочарованно протянул Лео. – А как же прекрасная легенда, которую воспели такие известные барды, как, например, Луниалас из Габброта?

– А, Луниалас из Вертеля... Да, помню такого... – ответил Горрон. – Любил женщин и выпивку. Кончил, правда, крайне плохо, но писал и голосил красиво, спору нет!

И два родственника – Горрон и Филипп – обменялись развеселыми понимающими взглядами.

Замерший Леонард не знал, как растолковать сказанное: как выпад в сторону любимого стихотворца или облаченный в шутку комплимент. Чтобы не выставить себя неумелым перед опытным придворным, ему оставалось лишь промолчать.

– Ладно, Филипп, раз я увидел всех, кого хотел, то давай-ка отойдем в тот дивный лесок и пообщаемся с глазу на глаз. А там обсудим все накопившееся за долгие годы, чего нельзя было сообщить в переписке, – подытожил герцог, уже безо всякого интереса бросив взгляд на вновь поклонившегося Леонарда.

* * *

Старейшины покинули город через небольшую калитку в воротах – их уже наглухо закрыли на ночь – и зашагали в сторону чернеющего леса, подпирившего собой небо. Сосны шумели, одетые в темноту, а ветер дотягивался даже в эту обитель покоя, подкидывая края плащей.

Над Корвунтом стояла полная луна, необычайно огромная, яркая, словно город лежал не на предгорье, а высоко-высоко, под самым небосводом. Она едва пробивалась между раскидистыми сосновыми ветвями, роняя свет, – и Горрон невольно засмотрелся на нее и рассыпанные вокруг звезды.

– Прекрасная ночь! – заметил он удовлетворенно, любуясь. Затем поглядел уже на родственника. – Я надеюсь, ты отказал королю в передаче тебе земель?

– Мне такие проблемы ни к чему. Лишь растрата золота и людей, – кивнул Филипп, опершись о ствол дерева. – А вы тоже отказались от своих владений? Я не вижу гербов вашего дома, да и свита маловата для герцога.

– Просто ушел... – после заминки ровным голосом произнес Горрон, будто речь шла о сущем пустяке. – Причин много, а история очень долгая и нудная. Чтобы не изводить тебя трепом, кратко подведу итог: устал, разочаровался.

– Уж не собираетесь ли вы кому-либо передавать свой дар?

Филипп встревожился, этот ровный тон его не обманул.

– Подумываю, но достойных претендентов пока нет. А передавать случайному встречному, как сделал наш знакомый Гиффард, желания нет... Обожду пару-сотню лет. Если ничего не изменится, буду решать этот вопрос конкретно с советом. А пока это так, всего лишь жалобы.

– Понятно, – вздохнул граф. – Что-то в последнее время все устают и жалуются, как стало тяжело жить на этом свете.

– Это всегда так было, друг мой, – улыбнулся Горрон. – Просто ты уже достаточно пожил, отчего перестал замечать рождения и теперь ведешь счет лишь смертям. Привычное дело, Филипп, в твоем весьма почтенном возрасте... Впрочем, давай-ка перейдем к тому, кто свел нас здесь... Все-таки не о времени мы сюда пришли разговоры вести. Что насчет

Уильяма? Проблем не доставлял?

Выдохнув, граф с печалью посмотрел сначала на сочащиеся между стволов отблески огней Корвунта, а потом на герцога.

– Отнюдь. Рыбак обладает ясным умом, учтив. Он не из тех, кто ищет неприятностей, – правда, если сталкивается с ними, то смотрит им в лицо. Но проблем от него не было.

– Ох-ох, какое красноречивое описание. Уж не прикипел ли ты к нему? – вкрадчиво спросил Горрон.

– Есть такое, врать не буду. Но мои планы по передаче дара Гиффарда детям еще в силе.

– Леонарду? – И герцог поднял бровь.

– Нет, не ему. Поначалу я склонялся к тому, чтобы сделать именно его наследником Гиффарда, но потом, поразмыслив, передумал.

– Это хорошо, – поморщился Горрон. – Буду с тобой откровенен, твой приемный сын создает впечатление того, кто годится скорее во дворцовые бездари, коих я насмотрелся достаточно, чем в помощники по управлению.

– Согласен, хотя я тешил себя надеждой, что дар мнемоника сделает его более приземленным и дальновидным...

– Сомневаюсь, мой друг. Ни дар мнемоника, ни тем более кровь старейших не дает того, чего нет! Если преемник глуп, бессмертие не прибавит ему ума. Если он излишне жесток, не сделает его добрее. Зато с годами обостряются имеющиеся черты характера, так что тут выбирать нужно с умом, заглядывая в грядущее. Я тебя внимательно слушаю, что же было дальше?

– Я пришел к тому же и отказался от идеи передачи дара Леонарду. Думал о Йеве, своей дочери, о Брогмоте, моем казначее, а также о Базиле, молодом управителе. Брогмот, при всей его услужливости, излишне падок на кровь и не умеет вовремя остановиться, пришлось исключить этого ненасытного вампира из списка, чтобы он не повторил судьбу печально известного Ижовы. Базил слишком мягок, легко подвержен влиянию кого бы то ни было. А дочь, моя дочь...

– Уперта, но весьма мудра, – закончил мысль Горрон.

– Да, в вашей наблюдательности я не сомневался. Остается лишь моя дочь, которая на данный момент – лучший выбор. Как считаете?.. – И граф замолчал.

– Филипп, ты прекрасно знаешь, что на суде я тебя поддержу в любом случае. Единственное, что прошу взамен, дай мне посмотреть на ситуацию твоими глазами...

Впервые за то время, как герцог въехал в Корвунт, с его лица сползла вечная улыбка, а глаза стали предельно серьезными.

– Я как раз собирался предложить это вам, Горрон. Потому что, помимо выбора, есть и иная проблема, на которую стоит обратить внимание.

– Какая же? Впрочем, я сам все увижу.

С этими словами Горрон отошел от сосны и достал из кошелька некогда накрахмаленный белоснежный платок с гербом дуба – последний символ утерянного титула. Закатав рукав по локоть, граф протянул ему руку. И, придерживая ее, черноволосый герцог деликатно прокусил вены выше запястья и замер в отрешении, провалившись в чужие воспоминания и мысли.

Так он простоял с пару минут, задумчиво покачиваясь и время от времени втягивая в рот еще крови, чтобы освежить некоторые важные моменты. Наконец глаза его открылись, черные, неестественные, и медленно стали принимать цвет синевы. Кожа его едва

порозовела – и вид стал обычным, человеческим.

Горрон де Донताल долго молчал, приходя в себя.

Где-то в ветвях прокричала птица, – похоже, козодой, маленькая ночная охотница. Филипп терпеливо ждал, слушал сосновый лес, отголоски ветра, который доносил далекие шумы плещущейся у берегов рыбы. Ночь действительно была очень красива, и не зря Горрон обратил на это внимание. Полностью очнувшись, он изящно промокнул губы платком и нахмурился еще сильнее.

– Очень интересно... Конечно, нужно будет поднять вопрос по южному магу и наемникам на совете. Мне не нравится эта ситуация.

– Кто-то потратил на рыбака очень много сил.

– Да, но зачем? – Затем герцог вздохнул и добавил: – Тебе, возможно, не понравится то, что я скажу, но мой тебе совет: усынови рыбака.

Нахмутив брови, граф бросил из-под них на герцога взгляд, полный сомнения и неприятия сказанного.

– Он был человеком...

– Я постараюсь убедить совет принять его.

– Я обещал Йеве... – тихо напомнил граф.

– Ей плохо от твоего обещания! – заметил Горрон. – Она напоминает мне Пайтрис, которой тошно даже открывать глаза после долгого сна, и она рада бы передать дар, да Летэ не позволяет. Ты хотел бы, чтобы твою дочь постигла та же судьба, что и эту бедную, уставшую от жизни женщину?

Филипп прикрыл глаза, все в нем восставало против услышанного.

– Уильям будет тебе хорошим сыном. – На губах у Горрона застыла горестная улыбка. – Пора бы уже забыть прошлое, друг мой, сделать из него выводы и идти дальше.

– Дар слишком ценен, чтобы так рисковать, – упрямо закачал седой головой Филипп. – Вы знаете это лучше меня. А в Йеве я уверен. Не думаю, что она пойдет по стопам Пайтрис. Тем более я разослал письма нескольким старейшинам и самому Летэ в Йефасу, где утверждал, что необходимо передать кровь рыбака именно моим детям. Касаемо Уильяма все уже давно решено.

– Филипп! – произнес Горрон, в негодовании подняв брови. – Я слышу сейчас речи упряма, но никак не умудренного годами вампира. Нужно признавать ошибки, а не подыгрывать им для утешения гордыни! Пусть Уильям и не вырос на твоих руках, как это принято среди нас... но он достаточно умен и рассудителен, чтобы ты с годами смог закончить его обучение. Твоя дочь тоже этого желает. А что касается посягательств с Юга, то, думаю, у тебя хватит сил, чтобы уберечь его и научить защищаться. – В заключение герцог произнес: – Я знаю, ты очень уперт, потому что это проклятие Тастемара – бить лбом камни! Но подумай о моих словах! Ты можешь горько пожалеть о своем решении, – возможно, не сразу, а через многие годы! Послушай меня!

Ему ничего не ответили.

Старейшины стояли не шелохнувшись. Все так же пронзительно кричал козодой, прячась в ветвях рослых, раскинувших свои ветви сосен. В конце концов, всем видом показывая, что разговор об Уилле закончен, граф сухо поинтересовался:

– Что будете делать после суда?

– Не поверишь, – вздохнул Горрон, – но впервые в своей жизни я ничего не планировал и думал просто брести куда глаза глядят, подобно Гиффарду.

– Звучит не очень хорошо... – В глазах Филиппа мелькнула тревога, что отведенный герцогом срок может быть гораздо меньше сотни лет. – Вас с удовольствием примет любой из старейшин.

– Я знаю. Меня уже звали к себе и Синистари, и вдова Амелотта, и многие-многие другие. Но дело в том, что все те, кто предлагал мне кров, делали это в порыве стервятничества, предчувствуя необходимость оказаться ко мне как можно ближе, когда я буду готов передать дар кому угодно. Это сквозило между строк, что они адресовали мне в любезных письмах, а также в их мысленных обращениях ко мне. Ведь у меня нет наследников, и это все знают, – развел руками герцог.

– А вы ждали чего-то другого?

– Ах, нет... Конечно же, нет! Я знаю: то, что они делают, – это нормально и естественно, но я не горю желанием быть гостем на таких условиях, – спокойно ответил герцог, а затем внимательно взглянул на старого графа. – Впрочем, у меня есть одна идея, и я хотел обсудить ее с тобой.

– Я вас слушаю, мой друг.

– Филипп, ты все-таки мой родственник. Твой прадед Куррон был моим родным братом. Я это помню и поэтому всегда к тебе хорошо относился, – довольно сердечно произнес Горрон де Донताल, а затем покрутил на пальце простое кольцо с агатом, напоминающее ему о родном брате. – И ты, пожалуй, единственный из старейшин, кто не стал звать меня к себе из корыстных соображений, обещая дать приют.

Филипп уже начинал догадываться, о чем заведет речь герцог. Его сухие длинные пальцы тоже ощущали неказистое простое кольцо с очень непростой историей.

Герцог продолжил:

– Я бы хотел пожить некоторое время в Брасо-Дэнтто и, если у тебя будет желание, предложить свою помощь. У меня остались хорошие отношения со многими графами, баронами, виконтами, а также просто придворными интриганами как Крелиоса, так и враждебного Стоохса. И я в силах сделать так, чтобы обещание о ненападении на тебя держали как можно дольше.

– Друг мой, вы знаете и об обещании? – искренне поразился граф. – Но то была тайная переписка...

– Я знаю все, что касается моего бывшего королевства, так что мой вопрос в начале нашего разговора был скорее риторическим, – покровительственно заявил Горрон, но тут же вспомнил судьбу своего детища, потух и спросил уже тише: – Так каков будет твой ответ?

– Вы прекрасно знаете мое отношение к вам, поэтому должны знать и ответ. Для меня это честь, – тепло улыбнулся Филипп.

Он подал руку с уже запекшейся кровью, и старейшины крепко обнялись. Затем они побрели назад к городу, задумавшись. Роща притихла. Из ветвей порывисто вылетел козодой и скрылся в ее глубинах.

* * *

Филипп и Горрон вернулись через городскую калитку и двинулись к постоялому двору вдоль бурлящей речушки. У ограждения стояла одинокая фигурка, закутанная в длинный плащ. Это была Йева. Держась за завязочки на тонкой накидке, будто желая взяться за само

сердце, она с тоской воззрилась на полную луну. Иногда она оборачивалась на таверну – там сейчас кипела жизнь. То порываясь войти туда, то одергивая себя, графская дочь с застывшими на глазах слезами боролась со своими душевными порывами.

– Дочь моя, почему ты стоишь здесь ночью и одна? – спросил Филипп, подойдя к ней.

– Просто прогуливаюсь. – Йева отвернулась.

– Почему не с Эметтой?

– Она в последнее время раздражает меня своей болтливостью...

– Вернись на постоялый двор. Уже похолодало.

Филипп заметил, как она дрожит. Тогда он снял свой тяжелый плащ и заботливо накинул его на плечи дочери.

– Это у нее не от холода, друг мой, – ответил за нее Горрон, кидая на своего родственника многозначительные взгляды.

Из таверны доносились хохот и громкие окрики. Похоже, гвардейцы отводили душу в первой на их пути хорошей таверне и наслаждались множеством блюд. Дверь с грохотом распахнулась. Это Уильям открыл ее пинком ноги и, не рассчитав силы, едва не выбил.

– Ох, сэр Рэй. Вам нельзя много пить, – мрачно говорил он, таща на себе вдрызг пьяного рыцаря.

– Я и не пил... просто пиво крепкое... – ословело выдавил капитан. – Слегка... голова... Ик-к, в голову чуть пнуло... ударило то есть. Да я хоть сейчас... с вами на поединок!

– Да, с вами сейчас только поединки и устраивать.

Наконец Уильям обратил внимание на стоящих у берега реки вампиров. Он вежливо улыбнулся и приподнял сползающего друга. Капитан, перестав скучивать глазища, неожиданно для себя заметил милое личико Йевы, которое было любо его сердцу, и тут же приосанился.

– Прошу простить меня за столь... неподобающий вид, – виновато произнес рыцарь, выпячивая грудь. – Я сожалею, что вы стали... свидетелями... Уильям, да чтобы вас черти отодрали в зад! Не держите меня, я в силах сам стоять на... ногах!

Стоило Уильяму со вздохом перестать держать его за шкурку, как капитан с грохотом сложился на землю. От этого он тут же выругался всеми известными бранными словами, так лихо изрыгая их, что Йева сделалась блее обычного. Таким капитана она никогда не видела.

– Я вижу, ты нашел общий язык с моим капитаном гвардии, – холодно заметил Филипп.

– Прошу, извините его, – сдержанно улыбнулся Уилл. Он отчего-то чувствовал себя виноватым. – Ему остальные конники подливали да подливали, а он не отказывал... Они и победу над ехидной отметили, и погибших вспомнили, да и на спор пили, чего уж там... Если вы не против, я отнесу его в комнату.

Граф сухо кивнул.

Уильям играючи взвалил на плечи капитана, будто малое дитя, и бодрым шагом направился к постоялому двору. Им вслед с разочарованием посмотрела Йева, для которой рыцарь был воплощением галантности, порядочности, а стал обычным мужланом. Как говорится, истинное лицо человека всегда отражается в чарке вина. И в эту ночь, полную горестных дум и открытий, мир для нее стал еще серее и теснее. Сняв с себя тяжелый, подбитый мехом плащ, она молча вернула его отцу и в таком же молчании развернулась и пошла в сторону постоялого двора.

– Говоришь, судьбу Пайтрис не повторит? – вкрадчиво шепнул Горрон.

– Это всего лишь женские чувства, – тоже шепотом ответил граф. – Они, женщины, как быстро влюбляются, так же быстро и забывают про эту свою любовь, стоит ей пропасть. Пролетят годы – и она его забудет!

– Но это не значит, что тебя она простит!

Покачав головой, Горрон тоже пошел на постоялый двор, где его слуги уже сняли комнату.

Между тем Уильям укладывал в постель похрапывающего, как конь, сэра Рэя. От того разило алкоголем, мужским потом, грязью, железом и лошадьми... Из-за своего чуткого обоняния, становившегося в таких ситуациях не даром, а проклятием, вампиру пришлось отворить ставни. Внутри ворвался благодатный свежий воздух.

Из комнаты Уилл увидел старого графа, когда тот неспешно, словно в раздумьях, шел к постоялому двору. Уже под окном он вскинул седую голову и встретился взглядом с рыбаком.

Чуть погодя, прихватив тугие ножны, Уильям вышел в коридор. Ему показалось, что граф был не в духе, так что он собирался укрыться где-нибудь во тьме, за домами – благо луну заслонили облака, – и попробовать пофехтовать в одиночестве. Но по лестнице с третьего этажа уже спускался Филипп, который все услышал. Он одарил рыбака ледяным взглядом и, поманив за собой рукой, покинул здание.

Они вместе двинулись по главной улице, почти черной, кое-где выхватываемой из мрака светом масляных фонарей. Затем вышли из города – и вновь в эту злополучную рощицу, которая за этот день стала свидетельницей многих печалей.

За всю дорогу Филипп не произнес ни слова, а у Уильяма сложилось впечатление, что его покровитель лишь выполняет свое обещание, не более того... Именно поэтому он не настаивал и ни о чем не спрашивал. Они вошли под сень сосен и погрузились в полную темноту. Обнажив клинок, граф принялся объяснять Уильяму его ошибки с прошлой тренировки. Объяснял кратко, холодно, но все же объяснял. Природная учтивость Филиппа не позволила ему ни срывать на рыбаке, ни как-то упрекать его – все он делал тактично, последовательно.

Время тянулось медленно, и участники поединка, желая как можно скорее покончить с занятием, уже через полчаса вложили мечи в ножны.

– Спасибо вам, господин, – поблагодарил Уильям.

– Пойдешь проводить свою подругу? – спросил сдержанно Филипп, взглянув на висевший на поясе подопечного холщовый мешочек с ягодами.

– Да.

– Хорошо.

С этими словами он, растеряв всякий интерес, привычно энергичным шагом направился к городу. Уильям посмотрел ему вслед рассеянно, смущенно. Нечто нехорошее витало в воздухе. Что-то поменялось после разговора Горрона и Филиппа... Да и в самой семье Тастемара чувствовался разлад, а его причина, как казалось Уиллу, крылась в нем самом.

В чем же дело?

Отягощенный думами, он дождался, когда его покровитель пропадет за стенами города, а сам развернулся и побрел к реке. Извиваясь между каменных глыб, речушка бежала по предгорным равнинам, а Уилл глядел на нее, вслушивался в этот спокойный рокот и думал о доме. Ему нравился Корвунт, в чем-то похожий на Вардцы. Но что-то тревожное

начало происходить здесь, а он не понимал причин. Вспоминая то слезы Йевы, то равнодушный взгляд Филиппа, он зашел за небольшую скалу и позвал:

– Вериателюшка...

После всплеска из рокочущей воды к нему вышла черноволосая девушка. Кривовато улыбнувшись, будто порой забывая, как это делается, она протянула свои белые ручки к Уильяму – и тот заключил ее в объятия.

– Я скучал, – шепотом произнес он, целуя мокрый лоб.

И прижался к ней, единственной, которая, казалось, всегда была ему рада, и единственной, появлению которой он сам радовался как ребенок. Но демоница вырвалась из сплетенных вокруг нее рук. Она зафыркала на лошадиный лад, а ее пальчики ловко скользнули к мужским бедрам, нащупав на поясе мешочек.

– А, да, это для тебя! Но я думаю, ты уже знаешь, – заулыбался Уилл.

Кивая, Вериатель заталкивала в рот засахаренную клюкву и съела всю – до последней ягодки. Красный сок тек по ее губам. Она глядела на своего любимого ласково, но тому казалось, будто к этой ласке примешивалось еще и сочувствие.

Хотя не кажется ли ему? Может, он просто хочет увидеть то, чего нет?

Потом она села на бережок. Вытянув к воде стройные ножки в сандалиях, демоница поманила его к себе, а он покорно прилег рядом, положив голову ей на колени. Ее белоснежные, удивительно мягкие, но холодные руки гладили его. Уилл смотрел на нее, на звезды над ее головой, ее влажные волосы, ее большие глаза, напоминающие ему цветом реку. Он даже слышал, как эта река мягко рокочет над ухом, поблизости – только руку протяни, – и ему казалось, что это говорит с ним сама Вериателюшка. Хотя дул холодный ветер, Уильяму было тепло и хорошо... Тягостные мысли на время выскользнули из его разума, и, убаюканный, он быстро провалился в глубокий сон.

Уилл проснулся оттого, что кто-то тыкал его в бок. Полусонный, едва приоткрыв глаза, он посмотрел сквозь растопыренные пальцы – разбудивший его человек бездумно загораживал собой солнце.

– О, вы живы, – выпалил незнакомец. – А я уж решил, покойничка нашел!

Голос принадлежал одному из жителей Корвунта. Тот был одет в жилет из овечьей шерсти, а на его голове красовалась шляпа с пером ворона. По висящему за его спиной коробу, а также по удочке на плече стало ясно – это, судя по всему, местный рыбак.

– С вами все хорошо? – спросил встревоженно незнакомец, придерживая шляпу, которая норовила улететь.

– Да, спасибо. – Уилл удивился: – Погодите. Как, уже рассвело?!

– Ага, позднее утро. Эка вас развезло... Перепили, что ль? Поднимайтесь, а то земля холодная. Заболеете еще!

Уильям тут же вскочил.

– Молодость, эх-эх... – поглядел на него с завистью пожилой рыбак. – Я б уже помер, если б ночь провел на сырой земле. А вам что сыра земля, что перина...

Уилл улыбнулся, сцепив губы, чтобы привычно не выдать оскал. Все тяготы прошлой ночи остались для него позади, и он чувствовал себя отдохнувшим, глядящим лишь вперед.

– Что ловите? – поинтересовался он.

– Форелька, белогуша, бурбулька!

– И как клев?

– Плоховастенько... Рыба у нас хитрая, быстрая, ловить тяжело... от одной тени шарахается под камни, – посетовал старик.

– У нас в Офурте она тоже такая, не волнуйтесь.

– О, так вы из Офурта? Слыхал я об этих землях!

– И что же слышали? – участливо спросил Уильям, неожиданно для себя увлекшись беседой.

– Вурдалачий край или край тысяч рек. А рыба... Что за рыба-то там у вас водится?

– Форелька, гольричка, ленки, краснушка, костяная рыбка, ну и гарпуша... Да много всякой на самом деле. – А затем добавил: – И вот форелька, между прочим, самая вредная. Тяжело поймать, приходится прятаться за камнями, не показываться и обильно сыпать прикормку в тихом течении.

– Ох, да вы тоже рыбак! – воскликнул счастливо старик, снова поправив чудную шляпу

с пером. – Приятно встретить человека, который знаком с рыбой не только по котелку. Меня зовут Орлтон. Орлтон из Корвунта!

– Уильям, из Малых Вардцев.

– Рад познакомиться с вами.

– Взаимно! Прощайте, Орлтон. Мне пора в город, к своим товарищам. А вам хорошего улова!

* * *

Его встретил у таверны сэр Рэй, облаченный в красный подлатник. От него разило перегаром.

– Где вы пропадали, демоны вас побери?! Вас ищут повсюду! Весь город стоит на ушах! – забурчал рыцарь. – Нам пора отъезжать, граф закончил все свои дела.

– Уснул на берегу, – признался Уильям.

– Так пойдемте, скажем графу, что вы нашлись, и будем уже собираться! – поторопил взмахами рук сэр Рэй. – Хотя мы уже все готовы, я даже приказал оседлать вашу лошадь и упаковал седельные сумки.

– Спасибо вам.

– Нет, это вам спасибо! Никто, кроме матушки, еще не снимал с меня пьяного сапоги и не укрывал одеялом. – И капитан довольно оскалился. А затем, вспомнив кое-что, он вдруг сделался мрачным и спросил куда тише: – А госпожа, она-то меня, надеюсь, не видела в таком состоянии? А то ни черта не помню.

– Боюсь, что видела...

На лицо капитана легла печаль, и он тяжело вздохнул в свою рыжую бороду. Видно, он проклинал вчерашнюю попойку и, быть может, вообще зарекся пить, хотя зарекаться всегда проще, чем выполнять.

Уилл пошел к графу сообщить о своем появлении.

– Да уж... нехорошо, – горестно протянул сэр Рэй самому себе. – Так обделаться перед прекрасной госпожой... Болван ты, Рэй. Правильно батенька говорил, что у тебя в башке конский навоз колыхается. Так обделаться...

* * *

Стоило Уильяму зайти на постоялый двор, в его полутьму, как он тут же утратил приобретенное благодаря сну и демонице чувство легкости. Тягостные думы вновь надавили на плечи, спину. Он постучал в дверь графа и, виновато объяснившись, спустился. Ему вслед сочувственно глядел Горрон де Донталь, который прекрасно понимал причины столь резкого отчуждения как графа, так и его дочери.

Чуть позже, растянувшись вереницей, они покинули Корвунт.

Бросая последние взгляды на город, Уильям размышлял о том, насколько сильно может поменяться отношение к месту из-за событий, которые там произошли. Вот, казалось бы, Корвунт... Разве не затронул он струны души, напомнив своим речным шумом родные Вардцы, а голубым высоким небом и раскинувшимися равнинами – Брасо-Дэнтто? Но ссора

с Йевой и внезапная перемена в графе все это перечеркнули, оставили только разочарование. Уилл покидал этот злосчастный город в надежде на то, что все плохое останется в его стенах.

Сэр Рэй тоже находился не в лучшем расположении духа. Не зря поговаривали, что представители рыжеволосого горного народа, они же филонеллонцы, при всей внешней угрюмости на деле оказываются людьми сердечными. И сейчас капитан гвардии пытался вспомнить, что же такого сотворил в присутствии графской дочери и что ляпнул. Пусть Уильям уверял его, что ничего страшного не произошло, но все равно ему казалось: отныне его комплименты, которые грели сердце как ему, так и графской дочери, стали неуместными.

Йева всю дорогу напряженно молчала. Держась ближе к брату, она была в своих, полных мрака, мыслях и пренебрегала взглядами отца и рыбака.

Филипп тоже казался ко всему холодным, сидя в седле, будто слившись с ним. Только его старые глаза хмуро зыркали из-под бровей. Стуча копытами по сухой каменистой тропе, его вороной конь пускал из носа струи воздуха. Вокруг отряда, будто сдавливая, стояли каменные глыбы и сосны вместе с куцыми елями. Чем выше все поднимались, тем унылее становился пейзаж. И Горрон, продвигаясь позади своего родственника, находил в природе схожесть с тем, что творилось в их душах.

* * *

Узкая тропа постоянно петляла между скал, и люди не имели возможности ни пообщаться, ни полюбоваться расстелившейся у их ног равниной. Все двигались молча. Сказывалось тягостное настроение. Даже гвардейцы, прекрасно отдохнувшие в таверне, прониклись мрачным безмолвием и стали такими же, как их господин.

Все желали поскорее миновать реку Мертвая Рулкия, а затем выбраться в степь, чтобы перестать видеть эти обступившие войском скалы. Вдобавок ко всему по свинцовому небу гулко прокатился раскат грома, заморосил мелкий, но тоскливый дождь. Все вокруг сделалось серым, обезличенным...

И только один Леонард был в отличном настроении. Близилась его мечта, пока сокрытая за скалами, но готовая вот-вот сбыться! Обрадованный, он даже скинул с себя капюшон, подставил свои рыжие вихры мороси, как бы показывая – непогода над ним не властна. Он принялся настреливать рябчиков, которые из-за заброшенности тропы стали выходить на нее, к сети ручьев, показываясь на краю ельника. Заслышав коней, птицы вспархивали на нижние ветви елей, жались к стволам в попытке слиться с ними. Однако остроглазый Леонард легко различал их – и пускал свою смертоносную стрелу. Собрав несколько тушек и подвесив их на пояс, он загорелся азартом и направил своего Луниаласа в сторону.

Наконец тропа стала заканчиваться.

Вампиры, все как один, прислушались. Где-то вдалеке, за десятками поворотов, прорубленных в скалах, шумела река. Да что там шумела! Ревела дико, страшно, будто затаившийся среди гор демонический зверь! Это реку звали Мертвой Рулкией, и столь грозное имя она получила за вспученные, оскаленные белизной воды, которые подпитывались весенним таянием снегов, а также осенними проливнями. Преодолеть ее

можно было лишь в нескольких местах, поэтому она служила естественной границей между Большим Глеофом и графством Солраг, и даже больше – непреодолимой преградой, способной остановить огромное войско.

Вскоре отряд выбрался к мосту. Рев превратился в оглушающий, но размеренный грохот. Мертвая Рулкия предстала во всей красе: пенилась, кипела на дне сдавленного ущелья. Через его узкое горлышко был перекинут подвесной мост. Широкий, из толстых бревен, перевязанных друг с другом, он легко выдерживал груженную товарами повозку вместе с лошадьми.

Пока все поражались Мертвой Рулкии, сравнивая ее со своей рекой Брасо, Уильям развернул кобылу. Пользуясь случаем, он подъехал к капитану и попытался перекричать гул:

– Это и есть граница графства?

– Да! – громко ответил капитан. – Пересечем реку, спустимся – и до Йефасы останется всего ничего!

– Спасибо!

– Кстати, как вам Мертвая Рулкия? Пугает? Побольше нашей будет, да?!

На это Уильям лишь пожал плечами. Ему, выросшему в горном крае, подобный вид был привычен. Он хоть и признавал величие Мертвой Рулкии, но она нисколько не переполняла его благоговейным страхом. В отличие от всех прочих, он вполне бесстрашно глянул вниз, где шипела вода.

Когда почти все стянулись на площадку перед мостом, Филипп спешил. Он взял своего вороного под уздцы и повел по мосту, надежная конструкция даже не колыхнулась. Конь прижимал уши, нервно махал хвостом, но его уже остановили на другой стороне – в Глеофе.

Прочие всадники по одному двинулись следом, успокаивая лошадей. Река действительно пугала: глубокая, шумная. Перейдя ее, Уильям ласково поцеловал свою Серебрушку в красивую морду за то, что она совершенно не боялась. Ему и правда досталась самая невозмутимая из всех лошадей. А затем он принялся следить за сэром Рэем. Как же поведет себя Тарантон? Вопреки всему, рыжий мерин проделал путь по бревнам чинно, как подобает, и ступил на землю Глеофа. Правда, капитан единожды поскользнулся на мхе, облюбовавшем сырую древесину, но успел ухватиться за крепкие веревки, служащие перилами.

– Чертов мох! – рассмеялся чересчур браво рыцарь.

Наконец, когда отряд полностью проехал над рекой, выдохнувшие воины стали отшучиваться. Они поняли, что мост выдержит все. На то он и был рассчитан. Все-таки этой дорогой следуют торговые караваны во время сезона Аарда. Однако у страха глаза велики... Мелкий дождь продолжал неприятно моросить, и все, промокшие и уставшие, хотели отдохнуть. Под тяжелым небом было непонятно, наступили сумерки или еще день?

Где-то вдалеке закричала птица.

– Где Леонард? – спросил граф, вглядываясь.

Из-за скалы показался его сын, высоко вздымая руку, сжимающую за лапки с десятков рябчиков. На его плече гордо восседал Таки-Таки и что-то каркал на своем вороньем. Довольно взглянув на ожидающий его отряд, Лео заторопил коня по тропе и направил к мосту.

– Быстрее, – скомандовал он остановившемуся у края Луниаласу. Конь встревоженно фыркнул, выдохнул и перешел на мелкую рысь по воле хозяина.

Все гвардейцы уже сидели верхом. Вдруг где-то за серединой моста, попав на бревно, обросшее мхом, копыто спешащего Луниаласа скользнуло в сторону. В глазах графского сына мелькнул страх. Он ничего не успел сделать, когда конь уже всхрапнул и завалился на бок. Его огромное тело прорвало правые боковые веревки – и полетело вниз, увлекая за собой всадника. В этом недолгом полете Леонард успел достать ноги из стремени – это и спасло его от участи быть раздавленным собственным меринком. Мерину повезло куда меньше. Он ударился спиной об острый выступ, торчащий посреди бурлящей реки, и, взвизгнув от боли, исчез в воде.

Леонард тоже был подхвачен потоком и забарахтался. Но всего лишь на миг... Точно живая, Мертвая Рулкия тотчас яростно закрутила его и обрушила свои белоснежные воды, отчего он ушел в них с головой, а затем поволокла его дальше.

Все произошло чересчур быстро...

Река уже уносила своих жертв, а люди с той стороны моста только повернули головы. И закричали. Филипп побледнел. Отдав приказ всем оставаться на своих местах, он впился пятками в бока коня и послал его вниз по тропе – к узкому берегу. Вороной Найхлист вскрипел и, едва не спотыкаясь, стал быстро спускаться, приседая. Все остальные бросились к краю моста, пытаясь найти Леонарда в воде. Его не было, будто река уже истерла его в порошок. Даже огромное тело мерина время от времени пропадало под вспененными белыми водами.

– Вон он! – закричала не своим голосом Йева, заметив зеленый кафтан, и показала пальцем.

Наконец все увидели Леонарда. Мертвая Рулкия уносила его, била о камни с такой силой, что Йева от ужаса схватилась за сердце. Филипп же пока находился слишком далеко – его конь только-только спустился на крутой берег и пустился вдогонку.

Уильям в волнении наблюдал за этими тщетными попытками обогнать реку. «Он не успеет. Никак не успеет...» – подумал он, и в его голову пришла рискованная идея. Понимая, что только в его силах помочь, он быстро скинул с себя дорожный плащ и побежал к середине моста. Его пальцы вцепились в боковые веревки с такой силой, что побелели костяшки. Он помедлил лишь миг, решаясь, – не дольше. Горрон повернул голову в сторону Уильяма, заметил, как тот снимает сапоги, и кинулся к нему с криком:

– Стой! Рулкия и тебя перемелет, дурак!

Однако герцог опоздал. Его пальцы ухватили лишь воздух. Уильям уже перемахнул через веревки и полетел вниз, в объятия Мертвой Рулкии. Будучи ребенком, он прыгал в воду и с куда большей высоты, поэтому не испугался, а сжался и приготовился к удару. Он не успел позвать Вериятель, но всеми силами стал взывать к ней мысленно. Это был риск, да... Если она не откликнется, вероятнее всего, он погибнет.

Мертвая Рулкия оказалась очень глубока, глубже, чем он думал. Даже в прыжке он не смог коснуться ногами ее дна. Его тут же увлек ледяной поток, оглушил, завертел. Уилл схватил ртом воздух, попытался справиться с рекой, но она швырнула его на валун – и у него потемнело в глазах от боли. Чувствуя, как горит затылок, он боролся, но его закрутило под воду. Река продолжала кромсать его, оббивая сопротивляющееся тело о препятствия.

Уильям снова постарался вдохнуть, но ледяные тиски сдавили грудь, и он начал захлебываться. С трудом выплыв на поверхность, он увидел, что его вот-вот кинет на острые скалы. А поток был так стремителен, что это грозило только смертью! Уильям попытался

избежать их – и его потащило еще сильнее. Вдруг что-то изменилось... Словно он обхватил нечто ногами против своей воли. Темно-мышастая кобылица появилась прямо под ним. Он только и успел, что судорожно схватиться за ее гриву, как она выпрыгнула из страшной реки в грациозном прыжке, и мгновение спустя ее копыта коснулись камней.

Едва не рухнув обратно в воду, Уильям вцепился в лошадиную шею и откашлялся. Его вторая рука безжизненно повисла. Стоящая посреди реки кельпи повернула к нему мокрую морду и поглядела на своего рыбака ласково, но с осуждением.

– Вериатель... надо догнать... Леонард...

Кельпи все поняла. Она резко замерла. Из ее глотки вырвался столь истошный, громкий визг, что у видевших все это людей кровь застыла в жилах. И кельпи помчалась по пенящейся Мертвой Рулкии, как по земле. Она отталкивалась от камней, прыгала на другие... Уильяму только и оставалось, что испуганно прижаться, обхватить ее шею, чтобы не свалиться.

Неожиданно из воды, справа, выскочила еще одна кобыла – вороная. Обдав Уильяма брызгами, она счастливо заржала и побежала рядом. И если Вериатель бежала напряженно, в желании помочь, то вороная, казалось, просто забавлялась. Ей было весело отпрыгивать от скал, нависающих сверху и по бокам, нырять в реку и появляться в другом месте. Уильям и две кобылы скрылись за скалами. Они пропали из виду тех, кто стоял на мосту и наблюдал за происходящим.

За поворотом река была еще порожистее. Уильяма постоянно подкидывало, и, чтобы не свалиться, он хватался то за шею, то за черную гриву. Наконец в этом страшном водовороте его зоркие глаза разглядели в воде мелькнувший зеленый кафтан.

– Вот он! Там, справа!

Тогда кельпи побежала, вытянувшись стрелой. Ветер, ледяные брызги и грива хлестали наездника по лицу, а тот выглядывал сбоку и старался не потерять кафтан из виду. Однако река била владельца кафтана о камни – и, похоже, спасти было уже некого...

Две кобылы промчались мимо графа. Увидев их, он только подстегнул своего коня. Но его исходящий пеной Найхлист споткнулся о корягу, выброшенную на берег, и, пролетев с десятков васо, упал. А тело Леонарда продолжало стремительно уносить. Где-то впереди река с грохотом обрушивалась вниз, в еще более тесное ущелье. В нем искать утопленника будет бесполезно.

– Там обрыв! Обрыв! – закричал Уильям.

Чтобы догнать Лео, кельпи, взвывая, с силой оттолкнулась копытами от высокого выступа. Пролетев по длинной дуге, она замерла почти на кромке обрыва посреди бурлящего потока, не поддаваясь ему. Уильям сунул руку в воду. За миг до того, как тело должно было проплыть мимо, он поймал его за шиворот. Кафтан треснул по швам, отчего пришлось перехватить Леонарда под мышки. Вторая рука Уилла отчего-то стала тяжелой, неподъемной, и, пересиливая себя, он с трудом закинул графского сына на лошадиную спину.

– Вериятелюшка... – простонал он не своим голосом, – Вериятелюшка, отвези нас отсюда, пожалуйста...

Когда кельпи развернулась и поскакала рысью к берегу, скрытому за скалами, Уильяму застлала глаза кровь. Он отер ее плечом, чувствуя, как болит все тело. Будто его долго били... Но ведь так и было?

Пока они добирались до берега, вторая кобыла, вороная, все не унималась: то игриво ржала, то перепрыгивала свою мать, то обдавала всех ледяной водой. Поведением она напоминала скорее шkodливого ребенка. Ну а Уильяму с каждой минутой становилось все хуже и хуже. Боль нарастала ежеминутно, и, когда кельпи вышла на берег, рыбак насилу сполз с нее. Он снял с лошадиной спины Леонарда, опустил его на холодные камни лицом вниз, чтобы дать воде вытечь. Однако мертвец так и оставался мертвецом... Их усилия оказались напрасны...

Тут же из-за поворота показался бегущий Филипп. Он упал на колени рядом с сыном, на котором не осталось ни одного живого места. Здоровую часть лица, которую не успели обезобразить фанатики, теперь продавило камнями. Глаз каким-то чудом уцелел, а вот ухо просто стерлось и осталось в реке. Челюсть и нос были свернуты набок. Даже отец не признал в этом изуродованном теле того, кто некогда приходился ему сыном, пусть и приемным.

Леонард лежал, безжизненно вперившись в небо одним глазом и пустой глазницей, с которой река сорвала повязку. Его потемневшие от воды рыжие кудри быстро напитывались кровью.

Глядя на мертвеца, граф взял его руку в свою, чувствуя, как холодна она после ледяной реки. Он понимал, что сделать уже ничего нельзя... С такими травмами не живут... Неподалеку от него стоял Уильям. Ему ясно виделась эта страдания, поэтому он скорбно молчал и старался не обращать внимания на собственные увечья. Обратившись в человека, Вериатель неподвижно замерла подле него. Она тоже наблюдала за происходящим, хотя делала это с обычной кривоватой улыбкой: горе графа ее совершенно не трогало.

– Вериатель, – Уильям тихо обратился к ней. – Ты можешь помочь ему?

На это она вытянула губы трубочкой, как бы раздумывая. Пока демоница продолжала тянуть их, Филипп резко обернулся к ней, и в его старых синих глазах появилась мольба. Заметив это, Вериатель неожиданно зло расхохоталась, напомнив о недавней ночи, и скакнула к погибшему. Она склонилась, отчего ее мокрые волосы упали ему на лицо, но сама продолжала глядеть на графа. Тот сидел на коленях, по другую сторону от сына, и внезапное горе так состарило его, что залегло глубокими морщинами вокруг глаз.

Граф попросил севшим голосом:

– Помоги ему, пожалуйста, если можешь...

Вериатель, продолжая хранить на губах злую улыбку, коснулась лица Леонарда. На миг между ней и ним вспыхнула ярко-голубая искра. Вериатель жестом будто что-то поманила из бездыханного тела вампира – и вот изо рта и носа стала толчками выливаться вода, которая извивалась в воздухе, переплеталась, пока не оплела змеей руку демоницы, устремляясь все выше. Тогда демоница резко взмахнула – и вода тотчас, потеряв всякую силу, пролилась наземь.

Раны на обезображенном лице погибшего стали затягиваться: одни просто исчезли, а другие стали не так отвратительны. Леонард открыл глаза и зашелся в приступе сильного кашля. Его взгляд был мутным, он не понимал, где находится и что произошло. Граф поглядел на вернувшегося сына, не веря, что подобное возможно, бережно коснулся его лица, провел по почти затянувшимся ранам, чувствуя под пальцами свежие рубцы.

И стоило ему убедиться, что его не пытаются обмануть иллюзией, он тут же упал перед демоницей на колени.

– Спасибо тебе, хозяйка воды! – поблагодарил ее граф.

В ответ Вериатель только высокомерно поглядела на него, как на пустое место, и принялась вытирать свои белые ручки о платьишко, будто желала стереть с них несуществующую грязь. Когда она отошла к Уиллу, тому отчего-то показалось, что на ожившего Леонарда его подруга глядит как на какую-то мелкую мерзость, которой ей пришлось коснуться поневоле.

Вериятель взяла своего рыбачка под локоть и повела обратно к мосту. Уильям хромал и шатался. Ему казалось, что мир вокруг него то скачет, то плывет, насмехаясь. За тот короткий промежуток времени, что Уилл боролся с рекой, она успела изрядно его покалечить. Сильным ударом о камень ему разворотило бедро до кости, а также изувечило правую ногу выше колена. Коснувшись головы, он нащупал сзади большую вмятину, откуда ручьями лилась кровь. Лицо его не пострадало, а вот вывернутая рука горела огнем.

Несмотря на это, в его душе поднялось ощущение радости оттого, что ему удалось спасти графского сына. Когда они немного отошли, Уильям через силу обернулся и встретился взглядом с Филиппом, который сидел на камнях около Лео. Едва граф подорвался, чтобы подойти, Леонард окончательно пришел в себя.

– Отец... что... где это мы? – пробормотал сын, оглядываясь. Он тут же задрожал от холода.

Филипп принялся снимать с Леонарда промокший изодранный кафтан, чтобы укрыть его своим теплым плащом.

Тогда Уильям, чтобы не мешать, отвернулся и медленно побрел прочь, сильно хромя. Ему приходилось опираться на поданную ему демоницей руку.

– Спасибо тебе, душа моя, – шепнул он. – Было безумием прыгать туда...

Вериятель насмешливо фыркнула, согласившись. Затем она дотронулась до стекающей по лицу рыбака крови. Высунув язычок, она облизнула ее со своих пальчиков и звонко причмокнула, демонстрируя хорошее настроение.

– Я невкусный, кельпичка. Одна кожа да кости... – Уильям с трудом улыбнулся, когда ему вспомнились события пятнадцатилетней давности.

Из реки к ним неожиданно выпрыгнула та самая вороная кобыла. Она поглядела на пару, фыркнула и пошла рядом, стуча копытами по камням. Порой она пыталась заигрывать с Уильямом: то толкала его мордой, то бегала вокруг него по кругу, – но после строгого взгляда матери ненадолго одумывалась.

Стоило им завернуть за скалу, как они почти нос к носу столкнулись с Горроном. Он вел за собой под узду лошадь, а в другой руке у него багровел кровью меч. Увидев его, вороная кобыла вмиг растеряла всю шаловливую детскую прыть, завизжала, завопила, закричала на сто голосов и, дикая, скакнула в воду, где и исчезла. Вскинув брови, герцог Донताल перевел взор сначала на девушку в сером платье, а затем на Уильяма и сказал:

– Признаться, вы напугали своим поступком даже меня. Демоны вас побери, это было восхитительно и безумно!

Вериятель тут же неестественно расхохоталась. Она отпустила локоть своего рыбачка и, продолжая хохотать, обратилась в страшную черную демоницу, потом прыгнула к герцогу – и клацнула рядом с его лицом зубами. С воплями от удачной шутки она тоже пропала в белой пене.

Те силы, что оставались у Уильяма, стремительно таяли, и он, пошатываясь, присел на ближайшую крупную корягу. Не будь ему так плохо, он бы сильно удивился тому, что герцог даже бровью не повел от выходок кельпи. Возможно, он бы даже задался

вопросом, какое загадочное прошлое может быть у такой недюжинной отваги?.. Но сейчас ему было не до того, и он изо всех сил старался позорно не упасть в обморок.

– Сын Филиппа жив?

– Да, – коротко ответил Уильям.

– Хорошо. В общем-то, ваша кобылица вряд ли понеслась бы спасти мертвеца, если бы не могла вернуть его к жизни. Но они ничего не делают даром. И чудится мне, что Леонарду не понравится, когда ему придется за это заплатить... – улыбнулся уголками губ герцог и подошел ближе. – Вам нужно вправить руку. Готовы?

– Давайте, – прошептал Уильям. Он прикрыл глаза.

Резкая боль пронзила его, прокатилась по всему телу, и он сцепил челюсти, чтобы не вскрикнуть. Ему не хотелось показывать свою слабость. Еле-еле он смог открыть слипающиеся от крови глаза и пошевелил рукой, сжал и разжал пальцы, проверяя.

– Здорово же вас приложило о тот камень, – заметил Горрон, ощупывая пробитую голову. – Ну ничего, не переживайте. Скоро все заживет, и об этом даже не вспомните. Хотя рану все-таки следует обработать, чтобы срослось как должно.

– А что за кровь на вашем мече?

– Пришлось прервать страдания бедняги Найхлиста, – вздохнул Горрон. – Славный был конь...

Уильям тяжело поднялся с коряги.

– Господин.

– Да?

– Ваша лошадь понадобится Леонарду. Вряд ли он сможет дойти сам.

– Да-да, затем я ее и веду. А вы сами-то дойдете?

– Дойду, – слабо отозвался Уильям. Он попытался улыбнуться, чтобы показать, будто все хорошо. – Вы же сами сказали, что на мне теперь все заживает как на собаке...

– С каким же уважением вы описываете такой великий дар, юноша! – рассмеялся Горрон, развеселившись от такого незамысловатого сравнения. – Держите, промокните хотя бы голову, а у моста вас уже подлатают.

И он передал белоснежный платок, – увы, уже не накрахмаленный. Уильям благодарно кивнул, протер сначала от крови глаза, затем приложил платок к кровоточащей ране на затылке.

Горрон скрылся за поворотом вместе со своей лошастью, а рыбак продолжил хромать к мосту. Его начал до костей пробирать озноб. В лицо ему сыпалась морось вперемешку со снегом, налипшая мокрая одежда стала слишком тяжела. Спустя некоторое время ему на пути попался убитый графский конь Найхлист, лежавший в какой-то неестественной позе, говорящей о том, что он при приземлении переломал себе кости. С сожалением Уилл посмотрел на это некогда восхищавшее его животное и медленно побрел дальше.

– Стой! – раздалось сзади.

Пошатывающийся Уилл сразу же остановился, выпрямил ноющую спину и обернулся. К нему энергичным шагом приближался граф Тастемара. Он был один. Оглядев раненого рыбака, Филипп ничего не сказал, только подошел и порывисто приобнял его.

– Спасибо тебе, – сказал он негромко.

– Я не мог поступить иначе, – смущенно ответил Уилл.

– Нет, мог.

Филипп увидел, что подопечного качает, будто дерево в бурю, и придержал его.

Поначалу рыбак отнекивался, силился идти сам, но в конце концов смирился с помощью.

– Не понимаю, – говорил он, промокнув платком кровь с глаз. – В тот раз... в лесу Офурта... голова так не кружилась, когда меня сначала собаками затравили, потом истыкали копьями. А сейчас все из стороны в сторону ходуном...

– Потому что ты пробил себе голову, – объяснил спокойно граф. – Тебя тоже нужно переодеть и дать отдых. Пойдем.

Они медленно пошли по берегу к мосту. Справа от них была река, порой обдающая их ледяным дождем из брызг. Ее белоснежные воды шипели, рычали, и Уильям боязливо передернул плечами, вспомнив свой прыжок. Хватило бы у него духа повторить? Вскоре его мысли обрели некоторую расплывчатость, и он понял, что больше не идет сам, а скорее его тащат.

Чуть позже их настиг Горрон, ведущий за собой лошадь, на которой, обняв ее, лежал Леонард. И графский сын, и рыбак сейчас были в полуобморочном состоянии, когда мир вокруг сужается до точки. Именно поэтому они не заметили ни многозначительных взглядов, которые герцог кидал на своего родственника, ни того, как от этих взглядов отворачивался погруженный в думы Филипп. Леонард всю дорогу упрямо молчал. Заметив своего спасителя, он не произнес ни слова благодарности, хотя герцог будто нарочно принялся рассказывать о том, как опасны были скачки по вспененной горной реке.

– Уильям, – прозвучал неожиданно громко голос герцога, – мой платок вам, кажется, уже не нужен?

Бормоча какие-то нелепые благодарности, Уильям отнял платок от своей головы и протянул герцогу.

Пока все возвращались к мосту, никто не заметил, как Горрон заслонился от всех своей кобылой и быстрым движением выжал кровь себе в рот. Глаза у него сделались черными-пречерными. В конце концов он небрежно выбросил тряпицу в пенящуюся реку. Теперь он устремлял задумчивые взгляды то на графа, то на Леонарда, то на Уильяма... Погода стояла бурная, ненастная. Дождь вперемешку со снегом усилился, и ветер страшно свистел в ущелье, переплетаясь с рычанием реки.

* * *

– Вон они! – воскликнул сэр Рэй.

– Идут! – подхватил один из гвардейцев.

Бедная Йева металась под дождем, не находя себе места. Ее трясущиеся ручки постоянно касались то лица, то медных волос, а нижняя губа была искусана клыками до крови. И вот, когда прозвучали заветные слова, она, как и все прочие, кинулась к краю и всмотрелась вдаль. За ее спиной стояла служанка Эметта, непрестанно шепчущая самой себе:

– Он умер. Он ведь умер... Он не мог выжить... Его так страшно било. Значит, он умер, да?

– Будем надеяться, что жив, – отвечала Йева.

– Нет, он умер... – разрыдалась снова Эметта. – И что мне теперь делать?

Первым все разглядел капитан. Рыжие волосы облепили его лицо, он раздраженно смахнул их и постарался перекрыть шум реки:

– Жив, жив! Вон, верхом едет! Жив ваш брат!

Йева, счастливая, расплакалась от облегчения. Впрочем, дождь тут же смыл слезы, поэтому никто ничего не заметил. Все глядели только на тоненькую полоску берега, которую омывала своими водами Мертвая Рулкия – грозная река, из смертельных объятий которой только что спаслись две жертвы.

Граф, герцог, ведущий кобылу с Леонардом, и Уильям стали карабкаться по извилистой тропинке. Им помогали гвардейцы, выстроившиеся цепочкой и подающие руки. Леонарда осторожно достали из седла. Когда его подняли на площадку за мостом, Йева тут же кинулась к брату и обняла его, а тот в ответ ласково погладил по спине единственную, кого, пожалуй, действительно любил. Служанка с ужасом рассмотрела его обезображенное лицо. После недолгой заминки она, конечно, тоже обняла его, но по ее лицу было видно, что делает она это скорее в силу обстоятельств.

Пока все были заняты графским сыном, Йева подбежала к шатающемуся Уильяму. Она дала волю своим чувствам, обвила его шею тоненькими ручками, поцеловала в щеку, не обращая внимания на стоявшего рядом отца. От этого Уилл смутился и, не желая вызвать недовольства, отстранил девушку от себя. Филипп странно взглянул на дочь, но смолчал.

* * *

Привал решили устроить под огромной нависающей скалой. Под ней было весьма сухо и просторно, чтобы укрыться от дождя. Тем более все устали, да и следовало заняться ранеными. Гвардейцы развели костер, расседлали лошадей и стали ждать, пока Чукк и Грон приготовят что-нибудь поесть. У многих разыгрался нешуточный аппетит, который бывает особенно сильным после трагедии, когда она счастливо разрешается.

Чуть поодаль от костра лежал на постеленных друг на друга льняниках Уилл. Сверху на него накинули еще несколько одеял, чтобы скрыть наготу и согреть. А один из слуг Горрона, прославивший прекрасным лекарем, сидел перед ним на коленях и молча, не говоря ни слова, обрабатывал мазью поврежденное бедро. Несмотря на протесты раненого, утверждавшего, будто он может передвигаться верхом, граф принял решение переждать ночь именно здесь, хотя до ближайшего поселения была всего пара часов езды.

– Вы безумец, – тихо заметил сэр Рэй.

Он стоял слева от своего друга, скрестив руки на груди. Уильяма знобило от лихорадки, и он ничего не ответил, только то ли улыбнулся, то ли болезненно оскалился, ненароком продемонстрировав ряд острых задних зубов...

– Да, он безумец, – ответил за него граф, сидевший рядом. Затем задумчиво добавил: – Я и не подозревал, что водные демоны способны исцелять... Но сейчас Леонард чувствует себя намного лучше, чем ты.

– Я тоже не знал, – едва слышно выдавил Уилл. – Может... может, это потому, что вы говорили... тогда... Что на нас не действует магия?

– Вероятнее всего, – выдохнул граф.

Наконец слуга, имя которого никто так и не узнал, закончил возиться с Уильямом. Удовлетворенно поглядев на плоды своих трудов: повязку на голове, обработанное мазью и перевязанное бедро, а также залеченные мелкие ссадины, – он удалился к костру, где сидел его хозяин и слушал рассказы конников. Все как один оживленно обсуждали двух

кельпи. Они в подробностях вспоминали скачки по белой пенящейся реке. Однако к самому Уильяму многие подходить боялись. Мало того что он был близок к графу, а теперь, как выяснилось, еще и водил дружбу с водными демонами.

– Кстати, Уильям, – вскинул рыжие брови капитан, – а откуда вторая демоница-то взялась, а? Ну та, прекрасная вороная кобыла. Помнится, вы говорили лишь об одной.

Йева вскинула голову и внимательно посмотрела на Уильяма. Ее тоже волновал этот вопрос.

– Сэр Рэй, идите-ка прочь! – как отрезал граф. – Прекращайте выведывать то, что вас не касается!

На это капитан лишь кивнул. Понимая, что, пока граф рядом, посплетничать не выйдет, он отправился к костру и принялся плотно набивать брюхо горячей едой.

В тепле и тьме, едва разгоняемой огнем от костра, Уилл пытался противиться наваливающейся на него сонливости. Он устало разглядывал то сидящего рядом графа, который думал о чем-то своем, то его дочь. Правда, та вскоре поднялась и ушла к брату, так и не дождавшись вразумительного ответа насчет второй кобылицы. Ну а Уильям продолжал устало смотреть ввысь, и вскоре глаза его медленно закрылись, он провалился в исцеляющий сон.

Пока граф глядел на мирно спящего рыбака, на самого графа тоже глядели. Проницательный Горрон подмечал каждый порыв чувства на лице своего родственника, каждый его вздох, а потом и вовсе поднялся от костра и медленно приблизился к нему. Там присел на корточки. Он встретился с Филиппом взглядом, вскинул брови и заговорщически улыбнулся. Всем своим видом он напоминал о беседе в сосновом лесу. На это граф только нахмурился и мотнул головой.

– А ведь он сделал то, что не смог ты четыреста лет назад, да, друг мой? – вкрадчиво шепнул ему на ухо герцог.

Филипп вновь мотнул головой, уронил ее и уперся взглядом в землю, требуя этим жестом закончить беседу. Взгляд его был решительным, но Горрона не провести. Горрон прекрасно понимал: его родственника сейчас гложут сомнения. Но разве не нравилось ему подбрасывать дрова в этот костер?

Между тем Йева подошла к брату. Леонард еще не спал и, несмотря на спасение, пребывал в дурном расположении духа. Его покой сторожила Эметта. Как бы успокаивая, служанка то и дело поглаживала его по плечам, спине и коленям.

– Как ты себя чувствуешь? – Йева подобрала подол платья и примостилась рядышком.

При ней Лео отвлекся от созерцания того, как снаружи идет дождь вперемешку со снегом. Его лицо озарила теплая улыбка. Он протянул к сестре руку. А когда та подала в ответ свою изящную кисть, ласково погладил ее.

– Знаешь, сестра, – шепнул он. – Я... в тот момент, когда летел с моста вниз головой, почему-то подумал о тебе. И ни о ком больше. Только о тебе... Испугался, как же ты без меня. А сейчас вот сижу, и из головы не выходят воспоминания нашего детства. Ты помнишь то ромашковое поле за домом родителей, Йева?

– Нет, не помню, – призналась она.

– Как? – Его обезображенное рубцами лицо вытянулось. – И не помнишь, как ты морщила носик, когда я тебе приносил букет из ромашек? Как нам было хорошо и спокойно в отчем доме? Как отец говорил, что ты похожа на нашу мать?

Графская дочь нахмурилась. Она опустила свои изумрудные глаза, вытащила руку

из ладони Лео, и между братом и сестрой воцарилось непонимающее молчание, за которым со стороны наблюдала Эметта. Наконец Йева почти неслышно произнесла:

– Я очень рада, что ты жив... Но я бы хотела поговорить с тобой не о нашем детстве, которое отчего-то не помню, а совершенно об ином. Я не слышала, чтобы ты сказал хоть слово благодарности тому, кто спас тебя...

От этого ее брат сделался бледным, затем к его лицу прилила кровь. С трудом он сдержал яростный порыв, выдохнул, а потом понизил голос до угрожающего шепота:

– Тебе кто дороже? Я или этот рыбак?!

– Ты мой брат, – шепнула Йева. – И конечно, ты мне дорог... но...

– Но мне кажется, ты пришла не поинтересоваться о моем здравии, а потребовать благодарности.

– Нет!..

– Да! Ты забыла, кто твоя семья? Само собой, я благодарен ему за спасение, но разговаривать с этим простолюдином ниже моего достоинства. И посмотри на меня! Я теперь по воле этого случая урод!

– Тише, не кричи.

– Все равно всем плевать! Я едва не погиб, а отец возится с бессмертным! На кой черт с ним возиться, он же бессмертен! Какой в этом смысл?

– Пожалуйста, успокойся.

Йева положила свои руки на колени брата.

Леонард замер, сжал челюсть и прикрыл глаз. Так они и просидели вдвоем с пару минут, пока он не выдохнул и не посмотрел на Йеву с примесью печали.

– Наверное, ты думаешь, что я неблагодарный к проявлениям помощи, да? – И его голос задрожал от страсти, вложенной в слова: – Но, сестра моя, для меня важна лишь ты. На всех остальных мне плевать, пусть хоть сгинут прямо здесь! Ты забываешься, Йева, живешь чужой жизнью, не своей. Мы – из Филонеллона, сестра, и рождены от одних отца и матери. Только мы родные друг другу, и нам должно держаться вместе! Даже отец наш, Филипп, не совсем родной нам, понимаешь? А кто все эти остальные вокруг? Никто, Йева, они для нас просто никто...

Глаза Эметты, сидевшей поблизости, распахнулись от изумления, и она посмотрела на своего любовника тем взглядом, который распознает лишь другая женщина. То была глубоко затаенная обида. Впрочем, Леонард был безразличен к присутствию служанки, он глядел только на сестру.

– Послушай меня, – продолжил он более сдержанно, – мы всегда были близки с тобой, как продолжение друг друга, но после того как в замке появился этот простолюдин, этот... ладно, не суть... Ты забыла, что в этой жизни важнее всего.

– Нет, Лео, ты не прав, – смутилась Йева, пытаясь вырвать свои руки из еще слабых пальцев брата.

– Прав! Я никогда не забывал о тебе, а вот ты, похоже, потерялась в своих чувствах. – И пылко добавил: – Я люблю тебя, пойми же! И хочу, чтобы у нас с тобой, сестра, было все хорошо! Почему меня должно заботить то, что произойдет с остальными?!

Эметта огляделась своими мышиными глазками и заметила, что на них пристально смотрит через костер старый граф. Ей пришлось коснуться плеча Леонарда, чтобы померить его пыл, но тот лишь отмахнулся, как от назойливой мухи. А стоило ей, перепуганной, потрясти его за локоть, как на нее при всех сорвались громкой площадной

бранью. Разрыдавшись, униженная и оскорбленная Эметта убежала в ночь под дождь. Ну а Йева вырвала руку и покинула Леонарда.

Вскоре лагерь наполнился тишиной.

Изредка под скалу залетал ветер, принося с собой отдаленный рев обиженной реки. Где-то над скалой, прячась за еловой веткой, пропел рябчик. Ослабшее пламя костра порой потрескивало догорающим деревом, рассыпаясь искрами во все стороны. Время текло... Ветер разогнал тучи, и над Мертвой Рулкий ненадолго поднялась бледная луна, осветила бурные воды и скалу, что дала приют отряду. Не спали только дозорные, Филипп и Горрон. Сидя около костра и подперев подбородок сцепленными в замок пальцами, Филипп бросал тягостные взгляды то на рыбака, то на своего сына, то на Йеву, будто решал, чью жизнь положить под жернова времени, чтобы истереть до костяной муки, а чью – спасти.

Вид резко постаревшего графа доставлял Горрону невероятное удовольствие. Тот лежал под одеялом, почесывал гладковыбритый подбородок и хитро улыбался сам себе, как бы предвкушая интересный исход суда. В конце концов он тоже провалился в дремоту, бесстыдно бросив своего друга на растерзание сомнениям, ибо любил сомнения.

* * *

С рассветом поднялся ледяной ветер. Зима с Севера догоняла отряд. Йева выскользнула из-под одеяла и сразу же зябко закуталась в отороченный мехом плащ. Пока все собирались, желая побыстрее покинуть холодные предгорья, Уильям очнулся от глубокого сна и первым делом полез руками под повязку на бедре. Он надеялся увидеть почти залеченную рану, но Рулкия слишком сильно его покалечила. Осторожно ощупав пробитую голову, он принялся одеваться, благо кто-то положил рядом с ним вещи.

– Проснулись, – подошел довольный сэр Рэй, протягивая волосатую руку.

Он помог раненому подняться. Когда Уильям посмотрел на свою лошадь и увидел, что она уже готова к путешествию, вычищена, накормлена и оседлана, то удивленно спросил:

– Это вы, что ли, сделали?

– А кто же? Думаете, кто-то, кроме меня, догадается до этого? – сверкнул белоснежными зубами капитан. – Кстати, граф очень просил освободить вас от вашего обещания, и я не смог ему отказать.

– А кто будет заботиться о Тарантоне?

– Придется мне – не впервой, – быстро ответил капитан, расхаживая туда-сюда. – Итак, как вы себя чувствуете после вчерашнего?

– Сносно... – Уилл замялся. – Послушайте, может, я тогда верну вам кошель?

– Даже не пытайтесь! Улетит в реку!

– А как Леонард себя чувствует, не спрашивали?

– Получше вас! Ваша подруга... – Сэр Рэй замялся, почесав под подшлемником. – Я так понимаю, это она излечила его?

– Правильно понимаете.

– Понятно. – Сэр Рэй поднял густые рыжие брови. – Но почему о вас не позаботилась, а?

– Она спасла обоих. Разве ж это не забота?

– Ах, да, да... Это было что-то невероятное! Хотя, кхм, вы вчера так и не ответили... –

И он подошел вплотную, тихо спросив: – Откуда появилась вторая кобылица, а? Каким это образом у вас вышло повернуть это с вашей подругой? Ну вы поняли, о чем я...

Тут капитан заметил направленный на него с другого края лагеря и обещающий проблемы взгляд графа. Он тут же сменил тему:

– Ладно, чего языками молоть, пошел я... А то без меня опять все сделают неправильно... через одно, кхм, лошадиное место, откуда появляются жеребята!

Наконец все уселись верхом и двинулись в путь.

Уильям с трудом вскарабкался на Серебрушку, погладил ее и последовал за остальными. Он искал глазами Йеву. Когда она встретилась с ним взглядом, то сначала ласково улыбнулась, а потом на ее лицо неожиданно легла тень и она отвернулась. В непонимании, что происходит, рыбак хотел было нагнать графскую дочь и через боль заторопил кобылу, однако его намерения предвидели. Йева поравнялась с отцом.

Уильяму пришлось отступить.

Потом он заметил Леонарда, его будто изрытое красными рубцами лицо, кривой нос, а также отвисшую челюсть и некоторое время разглядывал его с сочувствием. От этой довольно изящной, редкой для филоноллонцев красоты не осталось и следа – река стерла все. Впрочем, скоро Лео проехал мимо Уильяма, поглядел свысока, без толики благодарности, и тоже потянулся вслед за графом. На его плече сидел Таки-Таки, который успел вовремя покинуть хозяина перед падением в реку. Периодически ворон глухо каркал, однако за это только получал по клюву от раздраженного хозяина.

* * *

Ближе к вечеру Уильям слегка подстегнул свою серую кобылу, чтобы догнать герцога, который тоже ехал позади. Герцог замедлил коня. Понимая, что его хотят о чем-то расспросить, он поглядел со своей привычно-обаятельной улыбкой, делавшей его лицо довольно приятным.

– Господин Донताल, – тихонько обратился к нему рыбак, верхняя часть головы которого была замотана повязкой с мазью. – А можно спросить вас о суде?

– Вам до сих пор не рассказали?

– Только в общем, но хотелось бы узнать подробнее. – Уильям с любопытством взглянул на герцога. – Граф, как мне показалось, не любит общаться на эту тему, и я побаиваюсь беспокоить его.

– М-м-м... Вы думаете, здесь, в самом хвосте, граф вас не услышит?

Герцог задорно улыбнулся, почесал подбородок и выглянул вперед. В это время Филипп развернул своего коня, который достался ему от оруженосца, поравнялся с беседующими и печально заметил:

– Увы, я слышу все, порой сам того не желая. Что конкретно ты хотел узнать?

Уилл смутился.

– Как все будет проходить, господин? Осталось всего лишь четыре дня до суда... А я до сих пор ничего не знаю...

– Три дня, – подправил деловито Горрон. – Филипп, друг мой, твой подопечный желает все знать.

– И имеет право, – выдохнул тот. – Уильям, суд начнется, когда хозяин Молчаливого

замка, Летэ фон де Форанцисс, решит, что собрались все те, кто должен был явиться.

– А как он это узнает? – удивился рыбак.

– У него есть возможность звучать в наших головах, так что про суд уже узнали все. Сир'ес Летэ всегда в курсе, где находится каждый из нас, потому что мы повязаны одной клятвой. Если он почувствует, что кто-то в пути, то мы будем ждать.

– А что потом?

– Суд начнется с обряда памяти. Тебе дадут выпить Гейонеша – это напиток из редких трав, смешанный с кровью тех, кто будет на суде, а также заговоренный демонической речью. После него твое тело ослабнет, но все, кто выпьют твою кровь, увидят воспоминания. Процедура крайне неприятная, скажу сразу.

– Значит, я увижу воспоминания старейшин, чью кровь добавляют в напиток? – с изумлением спросил Уилл, представив, как смешаются чужие воспоминания.

– Нет, не увидишь. А потом, скорее всего, потеряешь сознание, потому что эта процедура крайне неприятна, как я и говорил. А я выступлю... выступлю с просьбой узаконить тебя. После голосования будет вынесен вердикт, – подытожил граф.

– То есть все решится без меня? – встревожился Уилл.

– Все правильно, – подтвердил Горрон, потом добавил с легкой иронией: – Но не переживайте, о вас же позаботится не кто иной, как сам граф Тастемара. Правда же?

– Правда, – ледяным голосом отозвался Филипп, который выдержал преданный взгляд своего подопечного. Однако потом он все-таки отвел глаза: – Поэтому, Уилл, тебе нужно будет осушить человека за пару дней до суда или даже ранее, чтобы тебя не стошнило после Гейонеша. По словам прочих, он весьма гадок, напоминает кровь разлагающегося мертвеца...

– Спасибо вам, господин! – сказал Уильям, а чуть погодя с опаской шепнул: – Но почему вы так спокойно говорите об... убийствах, если рядом люди?

Герцог и граф переглянулись. Лицо первого расплзлось в хитрой улыбке, отчего он стал напоминать матерого лиса.

– А вы не замечаете, как на нас странно смотрят все вокруг? – вкрадчиво поинтересовался он.

Уильям повертел головой; и действительно, впереди едущие гвардейцы оглядывались и заинтересованно прислушивались к их разговору, будто не понимая, что происходит. Ни у кого на лице не было ни капли ужаса после фраз об иссушении людей.

– Что... но почему? – искренне удивился Уилл.

– Мы говорим на другом языке, – впервые за весь день Филипп улыбнулся.

Уильям замолк, задумался и пробормотал последние слова. Его лицо вытянулось, побелело, а он снова повторил эту фразу. На его пораженную физиономию весело поглядывали двое старейшин.

– Видите ли, юноша. – Горрон решил все объяснить. – Ваше мнение о даре, который вы вчера охарактеризовали «заживает как на собаке», – это всего лишь следствие вашего незнания! Вы, как я понял, полагаете, будто мы от обычных вампиров отличаемся лишь невозможностью умереть. Правильно?

– Ну да... И невозможностью зачать дитя.

– Вовсе нет! Дар – это нечто вполне себе осязаемое и, возможно, способное мыслить, ибо ему подвластно противиться переходу из одного сосуда в другой. Наш дар – это наследие древних эпох! Дар – это реликт, старший демон, как его называют южные маготворцы.

Да, Филипп? Я же не ошибся?

– Да, – усмехнулся граф, – по крайней мере, так утверждал тот демонолог, который около ста лет назад явился ко мне, думая, что я помогу ему добраться до Дальнего Севера. Говорил о каких-то величайших озерах магии, сокрытых в темных пещерах. И имя у него было такое чудное, истинно южное... Бабабоке, что ли. Увлеченным он был человеком, страстным, хотя и слишком самоуверенным...

– И что вы с ним сделали? – спросил Уилл.

– Убил, конечно! И вышвырнул с балкона в Брасо.

– А кто еще причисляется к реликтам? – вновь осторожно поинтересовался Уильям.

– Не знаю, – граф быстро качнул плечами.

– Мы, старейшины, не рады магам с Юга, поэтому долгой беседой их обычно не достаиваем. Именно поэтому не подкованы в вопросах классификации, – добавил к сказанному Горрон. – Предполагаю, к нам, реликтам, относят еще старших оборотней, обитающих в горном Филонеллоне, фениксов и вроде бы то морское чудовище, что живет в Ноэле. Так с ходу и не вспомнить... Да и одним велисиалам известно, кого они там насоздавали! Но суть в том, что мы носим в себе дар, помнящий времена Слияния и самих велисиалов, поэтому мы знаем демонический язык – Хор'Аф.

– То есть когда я стал старейшиной, то узнал Хор'Аф?

– Да. Он в вас, в вашей крови! И на обряде мы уже со знанием языка посмотрим, каким было завещание Гиффарда. Вы ведь не поняли тогда сказанных им слов, потому что были еще человеком. Правильно? А он произнес, как водится, завещание именно на Хор'Афе.

– Теперь я начинаю понимать, – кивнул Уильям. – Но кто такие велисиалы, о которых вы говорите?

– О-о-о! – весело нахмурил брови герцог Донताल. – Это те, кто явился в наш мир из своего мира Хорр. О них говорится в легендах шиверу, белоголового народа, который встретил их на пороге этого мира. Позже эти легенды просочились в другие народы, где велисиалов прозвали уже иначе: скитальцы, джинны, первые демоны, хозяева конструкторов...

– Погодите! Конструкторы?! Кажется, про них говорил тот южный маг Зофра.

– Да-да, некоторые маги верят в сказки, будто если обнаружат конструкторы этих велисиалов, то те станут им служить. Порой эти конструкторы еще лампами зовут... Но глупости это все! Вот вы бы стали служить какому-нибудь олуху, обладая почти безграничной силой? – И Горрон весело рассмеялся.

– Конечно же, нет! – так же весело улыбнулся Уильям.

– А вот человечки любят посочинять различные сказки, в которых укрощают могущественных демонов, свергают их, заковывают цепями, заставляют служить во имя корысти победителей! Мне кажется, таким образом они пытаются успокоить себя, что на нас есть управа. Это помогает им жить свою серую скудную жизнь и находить утешение в трактирных рассказах о какой-нибудь найденной лампе джинна или пойманной в уздечку кельпи.

Едущий рядом Филипп вдруг кое-что вспомнил.

– Друг мой, а помните, как из города Селеона вышел один из старших жрецов Единого, который поклялся изгнать вас молитвами? – сказал он.

– Да, было дело... Очень забавный жрец оказался: красноречивый, глаза что костер! Пустился в путь с полусотней приверженцев, но когда добрался до меня, то их было уже

под тысячу.

– И что случилось? – любопытствовал Уильям.

– Он поднял против меня всех вокруг, называя демоном, которого его послало изгнать из земель божество. Тогда этого проходимца несли ко мне едва ли не на руках! Ну а я вышел к людям в окружении стражи. Дальше этот пылкий жрец при всех зачитал молитвы во имя Единого, но я, увы, не сгинул... Он окрестил меня знаком бога, но и тогда я не помер, вот беда-то! Решив помочь ему, я тогда сам великодушно предложил выяснить, кто же из нас истинно верующий.

– И жрец что, согласился? – Уилл чуял подвох.

– Конечно! Он же не мог прилюдно отказаться от своих же убеждений! И мы, собственно, решили провести очищение огнем, на который помолятся последователи Единого. Угадайте, кто оказался истинно верующим, пройдя сквозь костер невредимым? – подытожил лукаво герцог, и его лицо расплылось в острозубой демонической улыбке.

– Любите вы поглумиться над сырыми и убогими, мой друг, – со вздохом покачал головой Филипп, сдерживая улыбку.

Герцог в ответ потер ладони и громко, от души расхохотался. У него было столь живое лицо, не в пример старому графу, у которого оно оживало, пожалуй, только в порывах редких чувств. А вот герцог дышал жизнью, лукавством, авантюризмом! Поневоле Уильям проникся к нему симпатией, желая разузнать об этом невероятно древнем вампире как можно больше.

Отряд тоже с интересом наблюдал за беседующими на неизвестном языке господами. И каждый отдал бы что угодно (правда, не свое), чтобы разузнать, о чем же идет речь. Уж настолько радостным выглядел Горрон де Донताल.

– Я просто очень люблю жизнь, во всех ее проявлениях. И вам советую! А с таким серьезным подходом долго не протянуть, – наконец отшутился герцог, вдоволь насмеявшись.

– Что ни мнемоники, то сплошь остряки либо безумцы. А чаще и то и другое, – проворчал Филипп.

– Что есть, то есть! – согласился Донताल, распаленно сверкая синими глазами.

– Мнемоники? Вы что, тоже можете видеть воспоминания, как и я? – удивился Уильям.

– Да. Мы с вами прокляты одним умением. Ну, по крайней мере, некоторые вампиры называют это не иначе как проклятием, – усмехнулся герцог.

– Но почему?

– Не каждый волк захочет видеть и чувствовать то, чем жила и дышала каждая съеденная им овца. – Герцог приложил руку к бровям и взгляделся вдаль. – К слову об овцах... А вот и Старый Бреабат! Как говорил Филипп, в городе нам нужно будет подготовить вас к предстоящему обряду памяти.

* * *

Старый Бреабат находился уже в королевстве Глеоф.

Внушительный постоялый двор с тридцатью комнатами, огромная таверна и примерно с сотню жилых домов – этот город, как и Корвунт, расцвел благодаря расположению на торговом пути. Довольно скоро все гвардейцы отправились сытно поужинать. К тому же повод для бурного празднества вполне себе имелся... В таверне пропал и переодевшийся

сэр Рэй, который хоть и мог спать в чистом поле, подложив под голову одно седло, но все-таки больше тяготел к вкусной еде, крепкой выпивке и нормальной кровати.

Уильям кое-как ковылял за управляющим постоянным двором. Когда его запустили в комнату, вместо вещей капитана, пропитанных потом и железом, он обнаружил герцога Донталя, а также его помощников.

– Господин Донताल? – удивился он. – Почему меня разместили не с сэром Реем, как обычно?

– Видите ли, – услужливо ответил ему Горрон, – я собираюсь плотно поужинать вместе со своими слугами. Поговорив с Филиппом, мы приняли решение пригласить вас на эту восхитительную трапезу.

После этих слов двое слуг поднялись безо всякого приказа. Один из них, дряхлый, согбенный старик, который обрабатывал Уильяму раны, согнулся в почтительном поклоне.

– Хозяин, люди ушли в таверну, – произнес он.

– Тогда иди, Йохве. Но учти нашего гостя при подсчете блюд. – Герцог разлегся на кровати, не снимая сапог, и сделал приглашающий жест. – Уильям, располагайтесь пока на свободной! Отдыхайте!

Получив одобрение, слуги бесшумно спустились по лестнице, покинули постоянный двор и растворились в ночи. Третий же остался в комнате, продолжая приводить в порядок и без того идеальный костюм герцога. Разглядывая его, Уильям гадал, почему эти слуги так не любят разговаривать. Из-за преданности? Или...

А потом его вновь охватило беспокойство. Суд становился все ближе, а семья Тастемара – все отстраненнее, поэтому у Уилла внутри крепло предчувствие беды. Ему приходилось бороться с этим предчувствием, пока оно не захватило его целиком. Герцог наблюдал за ним со своей кровати, пока не спросил:

– Все думаете о суде?

– Да, – признался Уилл.

– У вас остались какие-то вопросы? Так давайте отвечу на них, пока есть такая возможность. Не бойтесь, граф ненадолго покинул постоянный двор, чтобы разузнать о новостях с тракта, а потом проведать коней.

– У меня совершенно не осталось вопросов... – Рыбак не сдержал волнения и признался: – Хотя они, конечно, есть, и их много, но они несущественные! Знаете, господин Донताल, – он помялся, – дело скорее в том, что я не знаю, как объяснить происходящее...

– Давайте я объясню за вас, – печально улыбнулся герцог. – Предположу, что поначалу суд казался вам весьма простым делом. Нужно всего лишь отправиться в какую-то Йефасу, выступить перед каким-то советом, сказать какие-то слова, потом за вас выступил бы граф, также произнеся речь. И все для вас закончится, правильно?

Уильяму оставалось только кивнуть.

– Но вот пугающая Йефаса становится все ближе, – продолжил герцог. – А вы чувствуете, что не знаете, кто будут решать вашу судьбу. Вы пытаетесь понять, вникнуть, но чем больше задаете вопросов, тем больше их появляется. Кажется, что к вам начинают относиться весьма сдержанно, если даже не холодно. Вас беспокоят и отдаление от вас графа, и странное поведение Йевы, которой вы, вероятно, небезразличны. Правильно?

– Да, вы сказали все очень точно... – смутился рыбак. Ему хотелось довериться герцогу. – Я пытался говорить с Йевой, но она молчит и плачет. Я, конечно, понимаю,

что она женщина...

– Потому что она переживает за вашу судьбу! Переживает за вас и Филипп, – вздохнул герцог, лежа в сапогах на кровати. – Они находятся в том же положении, что и вы: им обоим тоже все поначалу казалось весьма простым делом, сродни хлопнуть рукой об руку. Но, приближаясь к Йефасе, они начали понимать, что там решится ваша судьба, поэтому пребывают примерно в том же настроении, что и вы. Вы всего лишь видите на их лицах отражение собственных переживаний!

Услышав это, Уильям выдохнул с облегчением. Действительно, разве семейство Тастемара не может волноваться за его жизнь? У него ненадолго отлегло от сердца, и он принялся рассматривать герцога, видя в нем уже доброго друга, потому как тот умел располагать к себе и взглядом, и речами, и поступками.

– Спасибо за то, что успокоили, – сказал он.

– На самом деле вам стоит задать себе один вопрос.

– Какой же?

Герцог повернул к нему голову.

– Верите ли вы в графа Тастемара?

– Верю ли я ему?.. – не понял рыбак.

– Нет, не ему, а в него! – уточнил Горрон. – Верите ли, что у него хватит сил и духа выступить перед судом в вашу защиту?

– Конечно же, верю, как не верить, – улыбнулся Уилл.

– Тогда отриньте от себя все переживания, потому что ваша судьба будет зависеть от действий нашего славного, но упрямого Филиппа! – улыбнулся Горрон в ответ.

В это время слуга закончил заниматься костюмом герцога и без слов поднялся к седельной сумке рыбака, достал оттуда грязные вещи и принялся за них.

– Эм... Не стоит этого делать! – обратился к нему Уильям. – Я как раз собирался заняться вещами сегодня ночью!

– Он все равно почистит. Это его обязанность – служить, так что лучше не мешайте, – остановил его герцог.

– Тогда спасибо, – кивнул Уилл. – Уж не он ли поутру подготовил мне чистую одежду?

Слуга ответил встречным взглядом и кивнул, но так ничего и не произнес. Он заштопывал дыры на черном подлатнике. Нить ловко виляла, иголка ныряла в ткань, а когда слуга закончил, то вернул подлатник обратно в сумку.

– Простите, господин, за вопрос. Но почему ваши слуги так безмолвны? Сколько мы в пути, от них я почти ничего не услышал, – поинтересовался Уильям, которого это стало порядком беспокоить.

– Все просто. Они немые, – ответил Горрон. – Были гонения на вампиров в одном городе, и им вырезали языки, а также спилили клыки. Клыки выросли заново, а вот с языком так не получилось. Ну а мой старый Йохве сам по себе очень молчалив, хотя и бесконечно предан.

Уильяму стало любопытно. Видя, что герцог – большой любитель поговорить, он поинтересовался:

– А что за история? – И тут же одернул себя: – Или не стоит ворошить прошлое?

– Почему же, – улыбнулся герцог. – Прошлое всегда нужно помнить, мой юный друг. Если хотите, то расскажу. – И после жадного кивка начал рассказ: – Тогда, семьдесят два года назад, я еще жил во дворце Габброса. И так случилось, что ночью какой-то

неосторожный дурак кинулся на девицу прямо на пути проходящего караула. Его, конечно, закололи копьями. Ну а в городе поднялась паника... Обнаружив у мертвеца полный набор острых зубов, все принялись заглядывать в рот друг к другу.

Меня тогда не было в городе: я отбыл на суд одного из старейшин. Однако мои верные слуги, Йохве с сыновьями Гиффом и Ролланом, остались во дворце. Я приказал им приглядывать за Артроном, наследником короля, а также его новорожденным сыном, рождение которого, к слову, прошло под присмотром моего слуги. И тогда после осмотра на мою прислугу обрушился весь гнев... Йохве чудом укрылся в подвале у одного приятеля, а вот своих детей, еще мальчишек, он увести не успел – их швырнули в темницу.

Горрон ненадолго умолк, а затем продолжил:

– Старший королевский сын, Артрон, был умным и проницательным мужчиной. Из него вышел бы великий правитель – один из лучших, которого я когда-либо знал. Он давно уже понимал, кто я и кто мои слуги, но не гнушался нашей природы. Артрон любил меня больше, чем родного отца-короля, поэтому попытался вызволить моих слуг из тюрьмы.

Но знаете, Уильям... Порой лучше оставаться безучастным к чужой боли, иначе можно стать ее частью. Артрон совершил большую ошибку... Он проигнорировал подстерегающие его опасности, слишком многие узнали о попытке спасти приговоренных к смерти вампиров. В ту же ночь убили его отца, короля. Задушили в собственной постели, но выставили это так, будто его загрыз вампир. И это сработало! Средний брат, Отис Второй, обвинил старшего в сговоре с демонами, а перепуганный народ вместе с некоторыми ушлыми придворными поддержали его.

Совсем юных Гиффа и Роллана пытали, заставляя признать, что наследник короля продал душу демонам, но они молчали. Им вырвали языки, спилили клыки, чтобы не могли кусаться. Их оставили умирать от холода и голода. Артрона попытались убить вслед за отцом, но он успел вовремя сбежать с семьей в свои владения на востоке. Почувствовав власть, его брат попытался закрепиться – и начались гонения на верных старому королю Оренолду и его старшему сыну людей. Придворных замещали. И буквально за пару месяцев, пока я отсутствовал, их всех либо перевешали за пособничество демонам, либо они убежали вслед за Артроном. Когда же я вернулся в Габброс, то пожар уже стих и Отис сидел на троне, а проклявший его Артрон признал свое Стоохское герцогство отдельным королевством.

– И что вы сделали, чтобы все исправить? – прошептал Уильям, поглядывая на замершего слугу, который слушал рассказ с печалью в глазах.

– Много чего, но даже мы не способны поворачивать историю вспять, если она несется вперед, как закованный в железо конь. Меня не посмели тронуть, потому что побаивались. Я вытащил из тюрьмы почти умерших от истощения мальчиков, Гиффа и Роллана. Тогда же приложил все усилия и связи, чтобы восстановить то, что было порушено за сезон, – но бесполезно... Артрон хоть и проклял брата навеки, но ввязываться в братоубийственную войну не собирался. Однако его потомки сделают это за него.

– Это ужасно! – поразился Уилл. – Получается, весь ваш труд был уничтожен просто чередой событий?

– Вся наша жизнь – череда событий, предсказуемых и непредсказуемых, поэтому не стоит удивляться. Рано или поздно, но любая империя рухнет, это лишь вопрос времени.

– Что же вы сейчас будете делать?

– Я... – И Горрон де Донताल замер, прислушиваясь. Затем довольно потер ладони и облизнулся. – Ах, у нас прекрасные гости, Уильям!

В дверь тихонько постучали.

Из коридора послышались смеющиеся женские голоса, и слуги ввели пять шлюх. Не обращая внимания на то, как за ними заперли на щеколду дверь, девицы весело сбросили свои плащи, не предполагая долгого нахождения на улице, и огляделись. Все они были одеты в платья одинакового кроя на легко распутывающихся красных завязочках.

– Какие вы высокие... Неужто с далекого Севера? – одна из девиц, с двумя тоненькими рыжими косичками, тут же принялась кокетничать. В ее волосах багровела роза из ткани.

– А ты догадливая, – наигранно произнес Горрон и протянул к ней руку. – Иди-ка ко мне, красавица, а то я уже горю от нетерпения познакомиться с тобой!

Хихикающая девица покрутила в пальчиках свои косички и прыгнула к герцогу на колени. Весьма ловким движением, будто делал это множество раз, Горрон приспустил платье с ее плеч. Истосковавшийся по женским округлостям, он принялся выцеловывать шлюху в районе шейки, порой спускаясь губами к оголенной груди, пока рука его всю хозяйничала под платьем.

Другие девушки распределились между слугами.

Тем временем оставшаяся, чересчур худенькая, но живая девушка с темной копной волос стрельнула глазками в Уильяма. Тот будто прирос к своей кровати и, будто набрав в рот воды, взирал на все происходящее с ужасом. Теперь он догадался, на какую трапезу его пригласили!.. Его смятение развеселило девицу. В силу юности она была внешне еще хорошенькой, миленькой, но уже совершенно бесстыжей, поэтому сама подпорхнула к Уиллу, поглядев на повязку на его голове. Она обвила шею рыбака руками и тоненько хихикнула:

– Ой, а у вас здесь кого-то ранили в бою?

– Не переживай, красавица, – ответил за рыбака Горрон, поглаживая свою рыжеволосую. – Это не мешает моему подопечному насладиться твоими прелестями.

– Но он, кажется, скромняга!

– Просто побаивается того, что способен сотворить с тобой, – с насмешкой ответил Донताल.

– Хи-хи, а мне кажется, он хочет дать от меня деру!

– Кто знает... Может, это ты скоро захочешь убежать от него? – И герцог, распаленно задирая платье у рыжеволосой, обратился к замершему Уиллу: – Мертвецы в могилах и то поживее вас будут! Придите уже в себя, мой пугливый друг. Прелестница требует внимания, так одарите ее им сполна!

С других кроватей уже доносились стоны.

В отличие от хозяина, его слуги не собирались долго возиться с ухаживаниями, поэтому грубо, по-простому вдавили женские тела в кровать. Их наигранно приободряли стопами. Порой слуги на миг замирали и напряженно вслушивались в коридор – как бы кто не прошел мимо, – а потом продолжали свое дело.

Между тем, пока все наслаждались этой дешевой заменой любви, темноволосая шлюха только перебралась на колени Уильяма и потерлась об него, как уличная кошка. Она продолжала заигрывать. Уильям же вдохнул ее запах. От нее пахло цветущей, опрятной, еще лишенной болезнью молодостью – и это разгорячило его. Не в силах противиться,

Уильям порывисто поцеловал девицу в губы, принялся помогать с красными завязочками. А потом его нос уловил будоражащий запах крови, который резко разлился по комнате.

Все как один вампиры хищно повернули головы.

Старый Йохве лежал на отдаленной кровати, приобнимая шлюху своими сухими, как палка, руками. Со стороны казалось, что они вдвоем еще не закончили... Однако и тишина, и дурманящий запах крови говорили о другом: девицу задушили и уже начали пить. А потом до слуха Уильяма донесся едва слышимый хруст шеи с другой кровати, где также не смогли сдержаться... В нем поднялась волна жара и желания, отчего клыки тут же нестерпимо заломило. Слыша, как затихают вокруг стоны, он торопливо навалился на свою девицу, полез руками под ее платье и вдавил в кровать, чтобы все успеть.

Когда в комнате стало тихо, даже слишком тихо, он еще некоторое время разглядывал лежащую под ним постанывающую девицу... Веселая и озорная, она глядела в ответ с опытной улыбкой, пока в ее взгляде вдруг что-то не поменялось. Заметив, как глаза мужчины почернели, она испуганно дернулась, и ее ротик уже открылся для визгливого крика. Но ей быстро прикрыли его ладонью... Нелепо взмахивая ручками, девица пыталась отбиться, изворачивалась, впивалась обламывающимися ногтями зеленого цвета, но все тщетно. Руки у Уильяма дрожали, но он не отпускал – боялся крика... А потом в комнате все окончательно замолкло. Глаза у девицы сделались пустыми, остекленевшими, и Уильям еще некоторое время смотрел в них, пока не поддался зову жажды и не припал к тонкой шейке.

Больше в комнате никто не хохотал. Постоялый двор окутала мертвая тишина.

Наконец Горрон первым поднялся от девицы с рыжими косичками, достал платок и изящно промокнул рот. Затем принялся неторопливо одеваться. Уильям тоже уже одевался. Он всеми силами старался не смотреть на мертвое тело, вдавленное в кровать. Склонив голову, он глядел только под свои ноги, бледный, перепуганный. Но стоило поднять ее, как везде его взгляд наткнулся на явления смерти. Пахло кровью, женщинами и потом. И все же, не выдержав, он снова взглянул на перекошенное женское личико, лежавшее у него на кровати, и к его горлу подкатила тошнота.

– Спокойно! – предупредил его Горрон. – Не надо тошнить на пол. Право же, пора вам привыкнуть к своей сущности и не гнушаться ее!

Уильям вернулся к кровати и присел, не оборачиваясь. Однако он почувствовал, что сел на руку, и излишне бережно убрал ее.

– Убивать приговоренных к смерти и тех, кто смерти не ждал, – это совсем разное... – прошептал он.

– Совершенно одно и то же, мой юный друг, потому что и приговоренный к смерти, и тот, кто смерти не ждал, одинаково теряют и настоящее, и будущее. И да... Ваша проблема в том, что вы были рождены человеком.

– Какая же в этом проблема? – удивился Уильям.

– Вы считаете, что совершили злодеяние, убив эту шлюху в порыве страсти и голода. Правильно?

– Ну да... – печально отозвался Уильям.

Горрон приводил себя в порядок. Где-то в углу дряхлый Йохве до сих пор с трудом вытягивал кровь из своей жертвы – он был почти беззубым.

– А мы, рожденные вампирами, злодеянием это не считаем, – сказал Донताल. – Вместе с молоком матери мы впитываем, что все наше бытие зиждется на прерывании человеческих жизней во имя собственной. Мы, если изволите, хищники... Будете ли вы считать

злодеянием то, что волк перегрызает плотку овце, дабы прокормить себя? Это естественный ход вещей. Постарайтесь уже мыслить иначе и забыть о своей человеческой сущности! – Он развел руками. – Иначе ваша жизнь обещает быть тоскливой и...

В дверь раздался стук.

Горрон, который, как стало ясно, любил поучить всех жизни, прервал свои сентенции и вслушался.

– Это к вам, – коротко произнес он.

Уильям, удивленный, кому он мог понадобиться почти в полночь, торопливо накинул на кровать одеяло и подошел к двери. Он едва приоткрыл ее и выглянул в узкую щель. За порогом стоял сэр Рэй с покрасневшей от выпивки физиономией. Похоже, вечер у него выдался славным, и сейчас он вернулся весьма довольным.

– А, вот вы где! – громогласно произнес рыцарь. – А я-то искал вас повсюду, когда обнаружил пустую комнату. Разве вас не должны были подселить ко мне, как при...

Тут он прервался на полуслове, потому как заметил беленькие пальчики, выглядывающие из-под одеяла на кровати за спиной друга. Весь его боевой запал тут же пропал, и он застыл за порогом, побледнев.

– Меня определили сюда, – ответил Уильям и добавил: – Для дегустации местных блюд... Если вы понимаете, о чем я...

– Да-да, – ответил капитан, продолжая пялиться ему за спину. – Я все понял и... пожалуй, пойду вон. Доброй ночи!

Закрыв за собой дверь, Уильям повернулся – и его взору вновь предстала картина с убитыми иссушенными шлюхами. Со вздохом он вновь прикрыл глаза, присел на кровать и свесил голову, обхватив ее руками.

– И все-таки человеческого в вас остается все меньше, – заметил с улыбкой Горрон де Донताल.

– Почему это? – голос Уилла был приглушенным.

– Вы страдаете скорее не оттого, что убили шлюху, а оттого, что голос совести в вашей голове звучит все тише.

– Может быть, вы и правы... Я, к сожалению, начинаю понимать, что ценность простой человеческой жизни в этом мире ничтожна... – покорно согласился Уильям. Что-то в нем заставило вновь посмотреть на девушку, и он еще некоторое время разглядывал ее.

В середине ночи, проветрив комнату, двое молчаливых слуг обмотали девиц льняниками, водрузили их себе на плечи и вышли из комнаты. Ловко используя глубокую ночь, что была для них любимой матерью, любовницей и защитницей, они миновали проходящих мимо стражей. Трупы были скинуты в реку за Старым Бреабатом, там, где стена прерывалась садами. Потом дети Йохве вернулись на постоялый двор и улеглись спать.

* * *

Наутро, позавтракав в добротной таверне, отдохнувшие от тягот путешествия люди готовились к отбытию. Уильяму показалось, что хоть он и хромает, но сил у него заметно прибавилось, – раны стали затягиваться.

– Доброе утро, сэр Рэй! – Уилл бодро поприветствовал капитана, седлающего своего Тарантона.

В последнее время Тарантон вел себя столь смиренно, что вызывал у остальных гвардейцев только зависть. «Ах, мне бы такого коня, с мощью жеребца, но нравом кобылы!» – судачили они.

Капитан пристально поглядел на друга, и его губы растянулись в вынужденной улыбке.

– И вам доброе, – сказал он, а затем настороженно добавил: – Вы сегодня выглядите чертовски здорово... Не так отвратительно, как вчера.

Уильям одобрительно кивнул и коснулся головы, с которой поутру снял повязку старик Йохве. Еще чуть погодя он уже в составе отряда двигался верхом к раскрывающимся воротам.

Однако неожиданно путь им заслонила дородная женщина, у которой было очень неприятное, обрюзгшее лицо, каким оно бывает у тех, кто не чурается скандалов и живет ими. В общем-то, именно с целью поскандальить она и перешла дорогу отряду и уперла руки в бока.

– Эй, уважаемые судари! – заявила женщина. – Вы вчера взяли пять моих лучших девочек. Они так и не вернулись!

Улыбаясь, Горрон спрыгнул с лошади и подошел к грозной управительнице борделя – своднице, как их называли в народе. Продолжая обаятельно улыбаться, он сказал бархатным голосом:

– Ваши девочки действительно пришлись нам по вкусу, но, куда они пропали, я не знаю. Могу только предположить...

– Ну-ка? Скажи мне!

Сводницу манеры гостя не обманули. Ей доводилось видеть клиентов-извращенцев и куда смиреннее обликом. Именно поэтому она только страшно зыркнула на гостя, дабы тот объяснился.

– Что ж, хм, давайте припомнить детали. – Горрон будто призадумался. – Помнится, когда ваши девочки одевались, то рыженькая... Исбель, кажется, да?.. Она переговаривалась с подругами насчет того, что ее недавно одарил серебряными даренками некий богатый купец из Глеофии.

– Да, был один такой, – сводница нахмурила брови. – Но о даренках я не знала.

– И девушки переговаривались, – продолжил Горрон, – насчет того, чтобы с этими даренками отправиться в город Гроаг, где у Исбель, кажется, был друг. Предположу, что они воплотили задуманное, потому к вам и не вернулись...

– Ах, змеюки! – Толстая сводница всплеснула руками. – Да, у меня раньше работал Дрон из Гроага, которого я вонючими тряпками погнала прочь за то, что девок моих использовал! Вот они что удумали – к любовничку метнуться! Думают, в Гроаге им платить будут больше... Через сады, значит, сбежали! И после всего, что я для них, лентяек, сделала? Шлюхи – они во всем шлюхи! Человеческого от них ждать не стоит!

– Вам еще что-то нужно от нас? – поднял брови Донताल.

– Нет, уважаемые господа! Простите меня и хорошей вам дороги! – рявкнула сводница и с перекошенным лицом развернулась и удалилась в бордель, подсчитывая убытки. Возможно, она даже подумывала о вынашивании плана мести.

Наблюдая за происходящим, Уильям испытал целую бурю из чувств по отношению к находчивому герцогу – от восхищения до отвращения. Да, так ловко выпутаться при всех, не потеряв лица! Так умело использовать чужую память! А ведь он узнал из крови той темноволосой девицы примерно то же самое, но у него и мысли не возникло о такой

Отряд покинул Старый Бреабат. Широкий тракт вел всех дальше. Глеоф был равнинным королевством, поэтому гости из Солрагского графства видели лишь сухую траву да поросль мелких кустарников. Впрочем, ближе к вечеру стали попадаться отдельно стоящие деревья, затем околки, и уже к ночи они пересекли небольшую опушку березового светлого леса и подошли к небольшому городку Гроагу (тому самому, о котором упоминал герцог в разговоре со сводницей).

Уильям спустился с кобылы, заковылял в сторону постоянного двора, таща на себе седельные сумы. Ему вслед глядели граф и герцог, и стоило их подопечному пропасть в проеме двухэтажного здания, как первый вполголоса заметил:

– Та двусмысленная беседа прошлой ночью была лишней.

– Ты и из конюшен все услышал, да? Как же тебе живется, друг мой, с таким острым слухом? – улыбнулся лукаво герцог. – Ты знаешь, чего я добиваюсь.

– Знаю. Однако я уже принял решение. – Граф холодно взглянул на родственника, но тот лишь пожал плечами.

– Ты каждый раз это говоришь, а потом отворачиваешься, чтобы скрыть сомнения. Меня хотя бы обмануть не пытайся – все-таки я по этому свету хожу дольше тебя! Больше нет времени на сомнения, Белый Ворон, прими то, что происходит, как данность, признайся во всем Уильяму и возьми его в семью. Он за это заплатил жизнью твоего приемного сына, между прочим. – И Горрон строго взглянул на графа. – Твоя судьба мне безразлична, Филипп! И хотя я проголосую так, как ты потребуешь, я хочу, чтобы выбор шел от сердца, а не от чертовых обещаний и гордыни, которая сгубила не одного.

– Сначала я посмотрю его воспоминания, чтобы узнать завещание Гиффарда, – упрямо ответил граф. – А уже после приму окончательное решение, о чем буду просить совет.

– Твое дело. Ты играешь с огнем, Филипп. Доиграешься... – поморщился герцог и, натянув привычную улыбку, направился в здание постоянного двора.

Темнело. Комната постоянного двора, в которую поселили Уильяма, оказалась крохотной, но при этом чистой и опрятной. Стены украшали красные полотнища с вышитым стоящим золотым мечом, который венчала такая же золотая корона, – гербами Глеофа. В дверь без стука вошел сэр Рэй и, сухо кивнув, рухнул на соседнюю кровать. Сняв сапоги, он небрежно отбросил их в угол, потом стащил с себя теплый красный подлатник, рубаху и остался в одних лишь шосссах и брэ, закинув ногу на ногу. Время от времени он бросал на Уильяма тяжелый взгляд, но, готовый уже что-то спросить, продолжал хмуриться дальше.

– Сэр Рэй, чего вы так смотрите на меня? Что вас гнетет? Уж не увиденное ли ночью? – выдохнул Уилл, наблюдая отвратительное настроение своего товарища.

Капитан гвардии пожевал нижнюю губу и кивнул.

– Это меня не касается! – грубо отрезал он. – Но врать не буду: одно дело – браво

рассуждать с вами о ваших потребностях, а другое – видеть собственными глазами убитую девку. Ее рука... Не могу забыть.

– Мне тоже было не по себе, чего уж там... – шепотом произнес Уильям, не зная, как далеко от него поселили графа. – В замке Брасо-Дэнтто я убивал лишь приговоренных к смерти: насильников, убийц и бунтарей. А здесь все начинает заходить слишком далеко...

Капитан, услышав это чистосердечное признание, приподнялся на подушке и мрачно спросил:

– И часто вам нужно убивать?

– Раз в месяц, – тихо ответил Уильям.

– Всего-навсего? – поднял рыжие брови рыцарь.

– Да.

– Хм. Негусто. – Он помолчал немного, затем добавил уже куда более сокрушенным и уставшим тоном: – Уильям, я порой веду себя как кусок лошадиного дерьма. Извините меня! Не мое это дело, кто вы. Я просто исполняю приказы! Но в прошлую ночь, честно, я не смог сомкнуть глаз. Когда посреди ночи мимо моей двери прошли слуги герцога, неся на себе что-то, что зацепилось о стену... я вообще до утра просидел. Отойду от всего, как отосплюсь!

– Все нормально, сэр Рэй. – Уильям улегся на кровать и уставился в потолок. – Если бы я мог жить как человек, я бы жил... Но за меня решили иначе, и я не знаю, к чему в конце концов приду.

– Буду честен, даже с клычищами вы неплохой товарищ, – признался сэр Рэй. – Главное, на меня не заглядывайтесь!

– Не буду, – улыбнулся Уилл. – Кстати, как Тарантон поживает? Я уже по нему соскучился.

– А-а-а, коняга ласков, как баба, которой что-то нужно! – Рыцарь не мог не улыбнуться. Но затем лицо его сделалось очень серьезным. – Слушайте, завтра мы прибудем в Йефасу на ваш суд или куда вам там надо. Думаю, ближе к ночи. Из меня плохой верующий, не помню, когда я в последний раз молился Ямесу... Зато исправно служу демонам... В общем, я буду молиться всем подряд, лишь бы с судом у вас все закончилось хорошо!

Вскоре капитан уже храпел, как медведь в берлоге.

За окном лил дождь. Значит, уже завтра, подумалось Уильяму. Завтра все и решится... Как ни пытался он не бояться суда, однако не выходило: не отпускало смутное предчувствие, что суд может стать разделительной чертой между прошлым и будущим. А что, если граф Тастемара не справится? Что, если все эти старейшины, эти старые всезнающие демоны не примут его в свои ряды?

Будущее так пугало, что ему захотелось ненадолго окунуться в прошлое. Ведь что может быть спокойнее прошлого, которое не исправить, так как выбор уже сделан? Пусть даже и выбирали за тебя... Его руки сами потянулись к своей суме. Оттуда Уильям достал браслетик, подарок Лины. Он еще некоторое время с тоской рассматривал его, и прошлое захватило, закутило, как Мертвая Рулкия.

Он вспоминал далекое детство, встречу с Вериятель и день на берегу Сонного озера, куда она отнесла его между высоких сосен. Потом ему не был нужен никто, кроме нее и только нее. А Лина, его милая Лина с глазами, в уголках которых плясали озорные чертята. Он так редко вспоминал о ней в последнее время! Значит ли это, что он не любил ее? Затем были Хемарт со своей отравой, коннетабль с повязками на лице, насмехающийся над ним

у столба. Уиллу вспомнилось, как по ошибке он приложил пожилого графа стулом, считая, что тот собирается отнять у него жизнь, – и даже от этого тепло улыбнулся. А тот день, когда Йева явилась к нему с кувшином в руках и глядела влюбленно... Однако в последнее время она отстранилась. Ему казалось, что дело не только в том, что она тревожится из-за суда, как утверждал герцог. Может, графская дочь просто-напросто разлюбила его и боится признаться? Или их отношения невозможны? Конечно же, они невозможны, потому что она дочь графа, а он рыбак. Хотя рыбак ли он теперь, если даже не может есть рыбу?

* * *

Пролежав так почти всю ночь, а может и часть утра, поскольку небо заволочло тучами, Уильям вернул серебряный браслетик обратно в сумку и поднялся с кровати. Он не мог найти покоя в этих стенах. Ему хотелось пройтись и побыть в одиночестве, в полном, – он поступал так в Малых Вардцах, прячась от всего мира среди изумрудных сосен и елей.

Он взял плащ, вышел в коридор и покинул постоялый двор, а там и небольшой городок, у которого не было даже стен – королевство Глеоф привыкло не защищаться, а нападать.

Как только на Уилла перестали со всех сторон напирать дома, он облегченно выдохнул. И пусть погода стояла ненастная, ему враз полегчало. Так он и бродил туда-сюда, размышлял, но скоро ноги сами повели его к ближайшей реке. На берегу стояла какая-то фигура; она едва покачивалась, то ли от косого ливня, то ли от чего другого, но вот она повернулась. Уильям увидел Йеву и направился к ней.

– Что ты тут делаешь? – одновременно спросили они друг друга, а потом так же одновременно замолчали.

– Я просто... не спалось... – первой ответила девушка, отвернувшись. Она посмотрела на реку, гладь которой разбивал сильный дождь.

– Мне тоже не спалось, – признался Уильям. – Йева, я не знаю, отчего ты не хочешь больше меня видеть... Но...

– Хочу...

– Но что же тогда случилось? О чем я не знаю? В начале осени ты была совсем другой... А сейчас? Молчаливая, скрытная, не желаешь ничего говорить! Неужели я стал тебе противен?

– Нет, конечно же, не стал. – Она покачала головой и вновь отвернулась.

Как бы ей хотелось рассказать ему, что ее гложет на самом деле. Но она не могла. И дело было даже не в преданности графу, а в том, что Уильяма все равно найдут, поймут и приведут на суд. Йеве оставалось лишь надеяться, что все решится в его пользу, – правда, что-то подсказывало, что надежда эта пуста, тщетна.

Он потянулся к ней, готовый, что она уйдет, но Йева только нырнула к нему под распахнутый теплый плащ, прижалась, обвила ручками. Она ничего не говорила... Из нее продолжали рваться слова правды, но она глотала их вместе со слезами. Ей казалось, что если он настоит, то она обязательно во всем признается. Однако признаваться обманщикам всегда непросто, потому что они в чем-то куда большие жертвы обмана, нежели сама жертва. Да и Уильям отчего-то тоже молчал.

Девушка прижалась к возлюбленному – прощалась. Внезапно с небес в тополь неподалеку от них соскочила молния. Вспыхнул яркий столб света, затрещало. Уилл и Йева

вздрогнули от неожиданности, посмотрели на горящее дерево, которое расщепило надвое.

– Неудачное время мы выбрали... – заметил Уильям.

Вырвавшись из его объятий, Йева в одиночестве заторопилась к городу. Единожды она повернула голову влево, где продолжало гореть дерево, раскроенное пополам, – в этом явлении она увидела символ грядущего. Уильям только покачал головой, не понимая, что происходит в душе графской дочери. Меж тем на постоялом дворе царило оживление – люди просыпались, уныло поглядывая на непогоду, и собирались в путь. Уже позавтракавшие гвардейцы, укутавшись в накидки, готовили лошадей, навешивали седельные сумки, подтягивали подпруги. Наконец все взобрались верхом и, кутаясь в плащи от ливня, тронулись по главному тракту – в Йефасу.

Так уж получилось, что это путешествие из Брасо-Дэнтто вышло слишком немногословным, угнетающим. Непрестанно лил дождь, а тучи даже и не думали рассеиваться, продолжая ползти следом. К тому же с севера тянуло ледяным ветром, готовым вот-вот принести на крыльях зиму. Путники попрятались под плащами и, как это обычно бывает при такой погоде, погрузились в думы.

Размышления нарушил сэр Рэй. Он решил обратиться к своему господину насчет расположения в городе, однако ему отчего-то не ответили: граф продолжал отрешенно глядеть на холку своего коня. Удивленному капитану пришлось повторить вопрос, но и тогда ничего не вышло. Только спустя пару мгновений Филипп устало поднял глаза и поинтересовался, чего от него хотят. Затем он поглядел поверх укрытых капюшоном голов, вдаль, и там, за далекой рощей, увидел острые шпильки.

Они прибыли на место. В Молчаливый замок...

Хотя то был и не замок, и не дворец. Его обнесли глухой стеной – достаточно высокой, чтобы прятать двор от любопытного взгляда, но недостаточно высокой для осады. Его две башни тянулись верхушками к низким небесам, имели множество окон, из которых вывесили красные гобелены и которые точно так же не годились для защиты от врага. Многие века Йефасское графство входило в состав Глеофа, поэтому платить за свой покой привыкло монетой в казну, а не кровью в сражениях. Да и сами сражения остались глубоко в истории... Перед Молчаливым замком распростерся отделенный от него дубовым леском большой город – Йефаса. Город жил торговлей, судоходством и раскинутыми вокруг полями, которым было вдоволь простора, чтобы расти во все стороны и кормить такой же прибавляющийся многочисленный люд.

– Приехали... – выдохнула Йева.

– Приехали! – воодушевленно подтвердил Лео.

На перепутье отряду пришлось остановиться. Одна дорога уходила влево, к Молчаливому замку, а вторая вела напрямик в город, поэтому конники окружили старого графа в ожидании дальнейших распоряжений.

– Сэр Рэй, – приказал граф, – вы расположитесь в Йефасе, как и было решено ранее. Мы же с его светлостью, моими детьми, слугами и Уильямом направимся сразу в замок. Завтра вечером я пришлю гонца, чтобы оповестить о дальнейших действиях: пустимся ли мы в обратный путь или задержимся.

– Как скажете, господин, – склонил голову капитан гвардии и обратился к отряду,

переCRIKивая дождь: – За мной! В Йефасу!

Но прежде чем направить коня по нужной дороге, он подъехал к Уильяму, по-дружески ему улыбнулся и произнес от всего сердца:

– Удачи на суде!

Махнув на прощание, сэр Рэй тронулся вслед за остальными людьми, спешащими в город, где их ждали сытная еда, теплый кров и, может быть, ласковые женщины. Многие из гвардейцев прихватили с собой часть сбережений, которые хотели потратить в Йефасе. Хотя, конечно, о сбережениях пока никто не думал: для начала нужно было убраться прочь от слякоти, холода и дождя.

А дождь все продолжал хлестать по лицам и стекать с капюшонов, молнии все так же срывались с неба, и гром грохотал, закладывая уши. Уильяму казалось, будто погода нарочно портила и без того испорченное настроение. «Да что ж это такое...» – горестно думал он, и в этом ему виделось дурное предвестие. Пытаясь утешиться, он встретился глазами с графом, однако тот сжал до белизны губы, отвернулся, поддал пятками в бока лошади и бросил через плечо громкий приказ поторопиться к Молчаливому замку.

* * *

Дубы стояли вперемежку с вязами, и их сгнившая листва вдавливалась копытами в грязь. Все вокруг стало промозглым, неприятным взору, готовящимся лишиться последнего дыхания жизни. Такой осень бывает именно в преддверии зимы, когда красота природы уже отмерла, но еще не укрылась под снегом.

Дорога заняла немного времени, и наконец деревья расступились, будто пропуская. Вампиры выехали к воротам. Замок стоял погруженным в осеннюю тишину, чем оправдывал свое название Молчаливый, и глядел двумя серыми башнями, которые соединялись между собой крытыми галереями.

Из небольшой калитки тут же показался крохотный старичок в забавном красном плаще и с такой же красной шапочкой. Он живо подскочил к подъехавшим и отвесил поклон.

– Герцог Горрон де Донталь и граф Филипп фон де Тастемара прибыли на суд, – возвестил деловитым, но отчасти сухим тоном граф.

– Рад вас приветствовать! Следуйте за мной! – ответил старичок. Глаза его походили на черные бусины, а сам он из-за дождя втягивал голову в плечи.

Створки металлических ворот отворились.

Взгляду путников предстал ухоженный большой парк – пусть и облетевший, пусть и глядящий голыми сучковатыми стволами, но вместе с тем все равно величественный... Здесь клумбы чередовались с яблоньками, а также опутанными лозой трельяжами. Главная дорога вела по крытой аллее, пока другие дорожки кокетливо переплетались между собой, чтобы дать хозяевам возможность долго наслаждаться прогулкой.

Вид раскинувшегося парка был столь непривычным для северян, что они еще некоторое время оглядывали его из-под капюшонов, пока кони не въехали под крытую беседку. Леонард, видя в этом всем символ южного могущества, не сдержался и восхищенно выдохнул. Только Филипп и Горрон не замечали уснувшей красоты парка и глядели на главный вход, к которому приближались. Тишину разорвало глухое карканье. Блестящий от дождя ворон отряхнулся на плече хозяина, обдав его брызгами, и недовольно сообщил:

– Холодно! Гадко! – И тут же получил сильный щелчок по клюву от Леонарда, отчего обиженно умолк.

Спешившись у входа, гости стали подниматься по лестнице. Из-под конюшенных навесов под дождь вынырнули слуги, приняли лошадей, чтобы увести в денники. Уже в просторном холле гости ненадолго оглохли от тишины, которая царила в замке. Следом за ними вошел старичок, который снял с себя красную шапочку, отжал из нее воду, потом снова надел на лысую макушку и продолжил свою речь уже не так торопливо, как снаружи, а более представительно:

– Приветствую вас, сир'ес! Меня зовут Галфридус Жедрусек, и я управитель этого замка. Хозяин предупредил, что вы вскоре приедете. Все остальные, кто должен был прибыть, уже ожидают суда!

Старенький Галфридус улыбнулся и вновь отвесил поклон, повернувшись скорее в сторону герцога Донталя, нежели графа. В этом Уильяму даже почудилось, будто герцог здесь пользуется куда большим уважением.

– Кто прибыл еще? – спросил граф, оглядываясь.

– Графиня Мариэльд де Лилле Адан, барон Теорат Черный, герцогиня Амелотта де Моренн, ярл Барден Тихий, Ольстер Орхейс, Синистари, Марко Горней, Шауни де Бекк, граф Райгар Хейм Вайр, Джазелон Дарру, а также виконт Лагот Валорир и граф Мелинай де Джамед Мор. – Управитель принялся загибать пальцы, чтобы никого не забыть.

– Надо же, – удивился герцог. – Даже на том скандальном суде Мараули не было столько старейшин. Считай, больше половины приехало.

– Так и причина более веская, сир'ес! Давно ничего подобного не происходило! – ответил старичок и, осторожно взглянув на молодого рыбака, более ничего говорить не стал. – Если вы готовы, то я бы забрал Уильяма... Уильяма... Какое ваше полное имя, юноша?

– Нет у меня полного имени, – смутился Уилл. Он снова почувствовал себя обыкновенным простолудином.

По губам Леонарда проползла гадюкой усмешка, отчего его лицо уродливо перекосилось. Впрочем, в Молчаливом замке было принято говорить осмысленно, нечасто – это правило поселилось здесь наравне с тишиной, – так что, обладая хоть каким-то умом, графский сын решил оставить свое мнение при себе.

– Да, – сдержанно сказал граф. – Раньше начнем – раньше закончим.

– Хорошо. Уильям, следуйте за мной! А вас, благородные сир'ес, я попрошу подождать в своих комнатах, куда вас сопроводят мои помощники.

Понимая, что его уведут на суд прямо с порога, Уильям растерялся. Ему даже не дали ни с кем поговорить... Он посмотрел на Йеву, однако та прикусила губу и отвернулась. Тогда он взглянул на Филиппа, но тот прошел мимо него – к спальням. Там, на свежем воздухе, зарождающееся беспокойство расплывалось под каплями дождя, рассеивалось с редкими солнечными лучами, но здесь, в этом мрачном замке, оно окутало со всех сторон, надавило на плечи, спину. И Уильям не на шутку испугался. Глядя вслед уходящему по другому коридору семейству Тастемара, он столкнулся взором с обернувшимся Леонардом, на лице того зажглась победоносная улыбка.

За его спиной настойчиво прокашлялся старичок в красной мантии. Пришлось последовать за ним. Они зашагали по глухим и пустым коридорам, где бродило эхо давно затихших голосов, вышли в большой зал с устремленными вверх колоннами, прошли сквозь

него и приблизились к низкому арочному проему, ведущему куда-то в подвал. Оттуда тянулась старая тьма. Управитель снял с крюка масляный зажженный светильник, и они стали спускаться по каменным ступеням, все ниже и ниже, пока Уильяма одолевал ужас.

– Не бойтесь, – понимающе произнес старичок, когда увидел перепуганное лицо сопровождаемого. – Если суд приговорит вас к смерти, вы умрете без боли, потому что будете без сознания.

– Спасибо, вы меня успокоили... – еще сильнее перепугался Уилл.

Его хромота стала невыносимой, поэтому он, к своему стыду, едва поспевал за несущим светильник бойким Галфридусом Жедрусзек. Наконец спуск закончился. Вдвоем они вышли в низкий освещенный коридор, упирающийся в дверь из камня, на которой были выдолблены многовековые надписи. Неужели это те самые демонические письма Хор'Аф? Или какие-то иные? Через весь коридор тянулась бордовая ковровая дорожка, а по бокам стояли скамьи. Стены украшали красные гобелены без каких-либо символов или гербов. Точно такие же гобелены Уильям видел повсюду, пока не сообразил, что это и есть герб Йефасского замка: просто красная ткань, обшитая по краям черными нитями.

– Суд будет проходить за той дверью, – подсказал Галфридус и показал пальцем на закрытые створки.

Однако он так и не дошел до этой каменной двери, а повернул влево, в узкий коридор, который почти сразу упирался в тяжелую железную дверь, напоминающую узилище. Ее темный проем ничем не освещался, и она открылась гулко, отозвавшись эхом в сердце перепуганного Уильяма.

– Это место очень древнее? – выдавил он, чтобы хоть как-то отвлечься от дурных мыслей.

– О да, намного старше замка! – с гордостью произнес Галфридус. – Ему даже больше лет, чем нашему клану, и это место видело столько крови, боли и смерти, сколько не видел весь мир. Вы не представляете, юноша, сколько несчастных здесь молило о смерти, когда их иссушали!

С этими словами он ввел Уильяма, которому сильно поплохело, в железную дверь, отворившуюся изнутри. Там, в крохотном помещении, ждали два вампира, которые смотрели на управителя преданным взглядом – так смотрят прирученные псы. Они были одеты в простые черные одежды, оба коротко острижены. В помещении располагалось несколько каменных столов, скорее напоминающих алтари для жертвоприношений; тьму разгонял крохотный светильничек, чадающий плохим маслом.

– Прощайте! Я оставляю вас на них! – коротко проговорил старичок и пропал, грохнув металлической дверью.

Уильям услышал, как в коридоре Галфридус Жедрусзек приказал кому-то, кто спустился за ними следом, охранять помещение подготовки.

– Раздевайтесь, – сказал первый вампир, как две капли воды похожий на второго.

В тусклом свете замолкнувшего от страха Уильяма принялись обмывать в принесенном тазу, где вода была так холодна, что даже у него застучали зубы. Ему привели в порядок спутавшиеся от крови волосы, сняли с бедра повязку, под которой почти зажил рубец, затем обтерли досуха куском полотнища и дали рубаху и штаны.

Чего ему бояться, думал Уильям.

У него от ледяного страха, пробирающего до костей, заколотилось сердце, словно желая отогреть заочневшее тело. Правда же, чего ему бояться? Его покровитель, граф Тастемара,

пообещал, что все будет хорошо, что скоро все закончится. Разве он не выступит перед советом бессмертных как должно? Этой мыслью, как костром в ночи, Уилл пытался разогнать сжимавшуюся вокруг него тьму страха. Чего ему бояться, повторил он в третий раз.

– Присядьте, – пробормотал один из прислужников, указав на алтарь. – Нужно подождать...

В черных штанах и рубахе, почти неотличимый от этих вампиров, Уильям послушно присел и принялся ждать. Время текло долго. Сердце продолжало колотиться в груди, как испуганная птица в клетке, и казалось, этот стук разносится далеко за пределы помещения, долетает до самого графа.

Где-то в коридоре слышались тихие разговоры. Зашелестели подола юбок. С протяжным скрежетом каменные двери отворились, и голоса истончились, пока не пропали окончательно.

Значит, скоро...

Все продолжало тянуться бесконечно долго, и Уильям весь измучился попытками убедить самого себя, что все будет хорошо. Прислужники вслушивались, – кажется, кого-то ждали. И действительно, вскоре железная дверь со скрипом отворилась и внутрь вошел еще один вампир, одетый куда богаче – в черно-красную накидку, протетую через голову и не сшитую по бокам. В руках он держал глиняный кубок безо всяких украшений, однако сжимал его так бережно и с почтением, что сразу стало ясно – это и есть тот самый Гейонеш. Церемониальный напиток памяти... Протянув его своими худыми руками, вампир глухим низким голосом приказал:

– Пейте, пейте до последней капли!

Приняв кубок, Уильям взгляделся в багрово-черный напиток с маслянистой пленкой и подозрительно принялся.

Пахло словно высыхающим прудом, целиком затянутым ряской, находящимся в тени ив, отчего там развелось много мошкеры. Это был сырой, болотный, тяжелый запах, отдающий к тому же кислым железом. Будь Уилл опытным вампиром, а не рыбаком, он бы сказал иначе – это похоже на кровь зараженного чумой человека. Однако ему это было неизвестно. Обеспокоенно выдохнув, он залпом осушил глиняный кубок. Гейонеш оказался куда горше крови, водянистым и склизким, и пришлось постараться, чтобы подкативший к горлу ком скользнул назад в брюхо.

Ничего не происходило. Уилл хотел было встать, но его остановили, прикоснулись к нему со всех сторон – уважительно, но настойчиво.

– Полежите. Должно пройти время... – произнес один прислужник.

Уилл прилег, прикрыл глаза и попытался понять, что он чувствует. Однако ощущения у него были точно такими же, как и пять минут назад. Может, напиток приготовили неправильно, показалось ему. Единственное, что он ощущал, – это нарастающую легкую слабость, но связывал ее прежде всего со своими страхами. Позже он попытался шевельнуть пальцами, однако в них стало неприятно покалывать.

* * *

Наконец, спустя неопределенное количество времени, прислужник отодвинул его веко

и взгляделся в мутный синий глаз. Уильяму приказали подняться, и он присел на каменный алтарь. Так он продолжал сидеть, уронив голову, и тер глаза, которые потеряли остроту.

– Пойдемте, – сказали ему.

Покачиваясь, как ковыль в поле под напором ветра, Уилл направился следом за прислужником, который ранее подавал ему кубок. Один шаг, второй, третий... Вроде бы он не падал, хотя голова продолжала кружиться, а глаза словно затянуло пеленой, отчего он постоянно их тер. Уильяма вывели в коридор, и он огляделся, хромающий, ссутулившийся. Ему показалось, что он заприметил сидящую на скамейке Йеву. Поначалу он принял это за плод воображения под действием Гейонеша, но это и правда была она. Увидев его, графская дочь вздрогнула и опустила глаза, в которых заблестели слезы. Вампир хотел подойти к ней, но ему не дали.

Затем он заметил и сидящего поодаль рыжеволосого Леонарда в нарядном зеленом кафтане. Леонард вновь улыбнулся, и Уильям уперся в него рассеянным, мутным взором, понимая, что в этой улыбке спрятаны все ответы. Так он и продолжал качаться на месте, как больной, но прислужники вскоре взяли его под локти и повели дальше – в глубокую черную пещеру.

Они стали спускаться по ступенькам, все глубже и глубже. После нескольких поворотов Уилл попал в зал, где колом стояла древняя тьма и только вдалеке подвесили один светильник, казавшийся тусклым светлячком. Посередине был большой каменный круглый стол, разделенный на две половины. Проход между ними расширялся к центру – и этот центр служил местом судилищ. Именно туда прислужники повели подсудимого. Старейшины сидели за этим каменным столом – такие же неподвижные каменные изваяния, словно часть пещеры, как и всё вокруг.

Уильям встал в центре, а по бокам от него замерли два вампира-прислужника. Пожалуй, стоило бы поклониться и поприветствовать бессмертных... Однако он только качался и в немом страхе пытался разглядеть их сквозь мутную пелену.

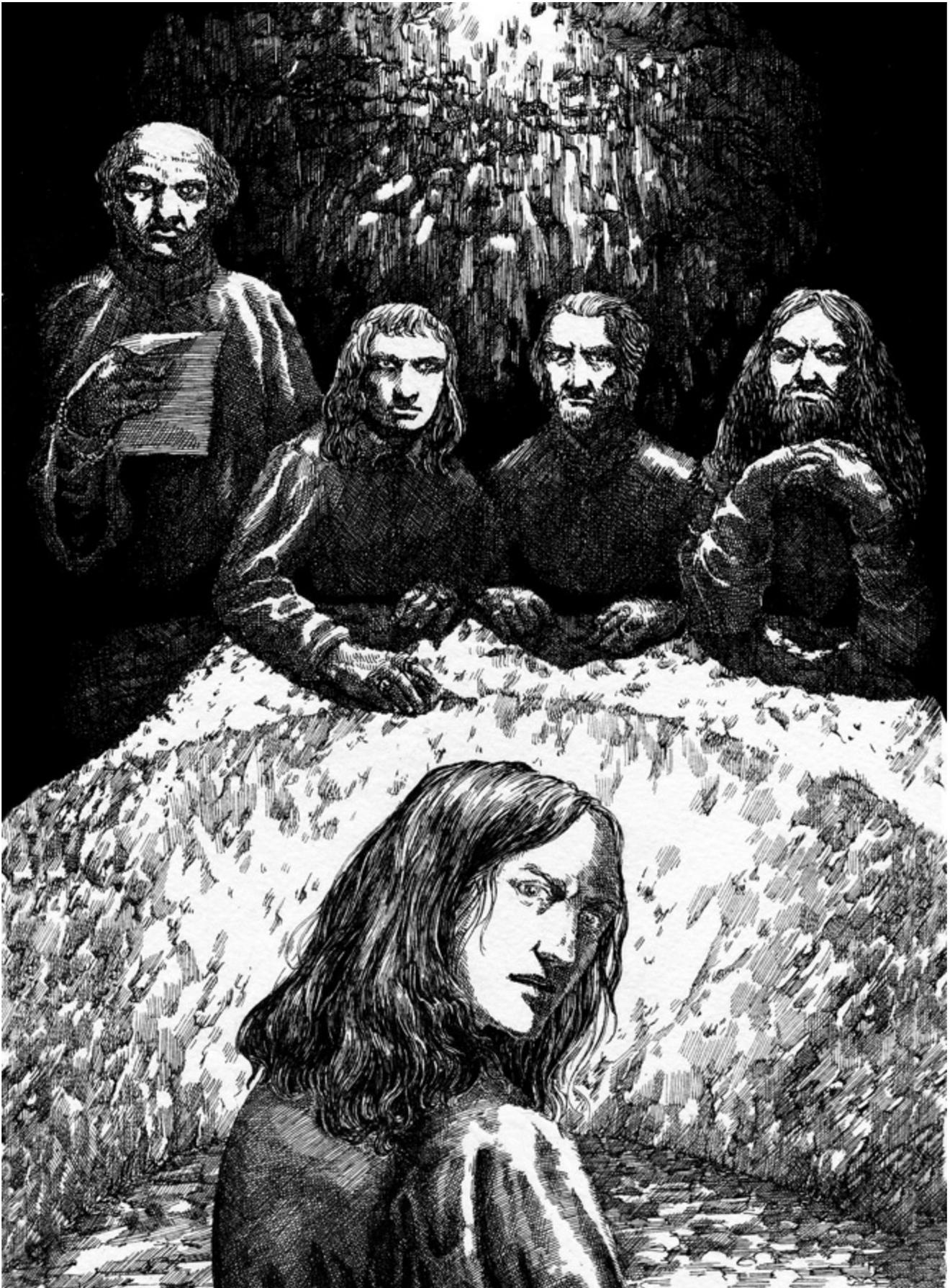
В ответ все старейшины глядели на него своими старыми неподвижными глазами, в которых давно потухла искра человечности. На их бледных лицах проглядывала высокомерность, делающая их похожими друг на друга, отчего перепуганный Уильям не сразу узнал своего защитника. Сцепив руки в замок, Филипп сидел в зеленом котарди с вороньими узорами. Его прямая линия губ, обычно выражающая твердость характера, сейчас была надменно изогнута вниз. Едва приподняв подбородок, он смотрел на подсудимого как на чужого – в его облике не ощущалось ни живости, ни теплоты.

Старейшины были разных возрастов – от достаточно молодых до глубоких старцев. Уильям испуганно посмотрел на одну женщину: ее редкие жидкие волосы висели тонкими полосками на черепе землистого цвета, а кожа иссохла так, что натянулась в районе рта, обнажив острые клыки. Содрогнувшись от встречного взгляда, он опустил глаза на свои ноги и замер.

– Итак, – начал суд один из старейшин. – Перед нами некогда человек, а ныне незаконный преемник Гиффарда фон де Аверина. Нам предстоит решить, оставить ли этому преемнику жизнь или передать ее дальше, более достойному...

У него был поставленный, сильный голос, хотя отчасти уже безжизненный. Выглядел старейшина как пышнотелый, мягкорукий мужчина с проплешиной на макушке. Однако глаза его оставались каменными, неподвижными, и Уильям сразу догадался, что это тот самый Летэ фон де Форанцисс, хозяин Молчаливого замка, он же глава совета.

Летэ поднялся. Его браслет с рубинами звякнул. Внимание всех сосредоточилось на главе, а тот неторопливым движением взял со стола одну бумагу и принялся читать, пока его лицо оставалось неподвижным. Затем он посмотрел на подсудимого.

– Уильям, я держу подписанный документ, в котором ты согласен сделать своим

полным представителем графа Филиппа фон де Тастемара. Все верно? – спросил он ровным голосом, привыкшим повелевать.

– Да... – хрипло ответил Уильям, у которого пересохло в горле от страха.

– То есть ты вверяешь ему право отвечать в суде вместо тебя и, по сути, передаешь свою жизнь в его руки? – переспросил Летэ, чтобы удостовериться.

– Да! – ответил Уильям и вздрогнул оттого, что ответил слишком громко: это слово прокатилось эхом по всей пещере.

Желая подтвердить сказанные им слова, он посмотрел на графа, которому вверил свою жизнь. Тот ответил холодным сдержанным взглядом.

– Хорошо, – сказал Летэ. – Тогда, по обыкновению, предлагаю сразу же приступить к обряду воспоминаний.

– Убедительно прошу провести суд в полном соответствии с правилами! – вдруг раздался придиричивый женский голос. – Прошу не пропускать необходимые для суда этапы!

Слова принадлежали старухе. Она пряталась в пышных черных облачениях, обрамленных на шее белым кружевом, чем напоминала галку. Пальцы ее усыпали громоздкие перстни. Заплетенные в косы волосы с проседью обвивали голову, делая злое и морщинистое лицо еще злее и морщинистее. Это была герцогиня Амелотта де Моренн – правительница заснеженных земель Лоракко. Она жила на свете уже больше тысячи лет, была участницей Кровавой войны, поэтому славилась неуступчивым характером.

– Я передавал все бумаги заранее, – заметил Филипп. – Разве вы не ознакомились с ними?

– Ознакомилась! – ответила герцогиня. – Но это не обычная передача наследия, когда можно пропустить некоторые этапы и приступить сразу к воспоминаниям. Если вы еще не поняли, то перед нами стоит человек, хоть и бывший, но человек, что уже является плевком в весь наш совет!

– Как скажешь, Амелотта, – согласился Летэ. – Это ваше право – требовать полного соответствия нашим же законам. Для начала я зачитаю все касающиеся этого юноши бумаги и требования. А затем мы проведем обряд воспоминаний.

После сказанного Филипп нахмурился. Он посмотрел на Горрона, который в ответ качнул головой: мол, он предупреждал!

Глава совета взял со стола первую бумагу.

– Послание было отправлено сразу же после гибели Гиффарда фон де Аверина. Оно написано рукой графа Тастемара, который сообщил, что Гиффард покинул замок за полторы недели до смерти, отправившись пешком к Мариэльд де Лилле Адан в Ноэль. Он также сообщил, что послал следом своих детей – Йеву и Леонарда. На этом послание заканчивается... Все правильно? – обратился к графу Летэ.

– Да, – громко подтвердил тот.

– А зачем Гиффард отправился к сир'ес Мариэльд? – спросил один из старейшин, повернув голову.

– Он был моим любовником и другом, – ответила красивая синеглазая женщина, чьи седые волосы держала на затылке лента. – Я пригласила его к себе. Приглашение было отослано за несколько месяцев до этих печальных событий. Думаю, граф Тастемара все подтвердит.

– Да, все верно, – кивнул граф. – Гиффард получил ваше письмо.

– Хорошо, – сказал Летэ. – С причиной путешествия мы разобрались. Хотя я

не понимаю, почему Гиффард решил следовать через земли Офурта, а не через южные королевства. Насколько я помню, твое обещание, Райгар, еще в силе? – обратился он к сидящему с краю.

В Офурте все до дрожи боялись своего графа. А Уильяму после жестоких испытаний он представлялся едва ли не злобным чудовищем с клыками наружу, пускающим из ноздрей пар. Но Райгар Хейм Вайр выглядел как обыкновенный мужчина: крупный, с мясистым носом и губами, глазами навывкате, которые прятались под лохматыми бровями. Пусть в этом лице было мало дружелюбного, но и устрашающего Уильям не увидел, поэтому немного успокоился.

Райгар же, взглянув на Филиппа, ухмыльнулся.

– Мое обещание всегда в силе! – громко заявил он.

– Хорошо, пока опустим этот момент со странным выбором Гиффарда. Далее, спустя пять недель, я получил следующее послание. Оно было написано на языке Хор’Аф и имело статус важного. Сейчас я вам его зачитаю... – Летэ хмыкнул, прочистив горло; посмотрел на подсудимого холодным, беспристрастным взглядом, как смотрят судьбы, и взял со стола следующую бумагу.

Филипп весь обратился в слух. Он понимал, что сейчас будет зачитано, и потому с тревогой смотрел на Уильяма, который выглядел уже куда более спокойным. Когда старейшины все как один перестали пронзать его взглядом, сосредоточившись на бумагах, и начали беседовать, Уилл ощутил небольшое облегчение.

Уважаемый сир’ес Летэ фон де Форанцисс, Пайтрис фон де Форанцисс и Аска фон де Форанцисс.

Я, Филипп фон де Тастемара, граф Солрага, сообщаю, что мои дети, Леонард и Йева, обнаружили в Малых Вардцах, что находятся около Больших Вардов, в Офурте, следующее: Гиффард был ранен пытающимся отогнать вурдалаков местным жителем, использовавшим купленный им на ярмарке алхимический ингредиент – шинозу.

Уильям спокойно вслушивался.

Тело Гиффарда вследствие подрыва шинозы изувечилось. Ноги, а также рука отсутствовали. Ввиду того что Гиффард находился в землях Райгара Хейм Вайра, он, вероятно, посчитал, что его дар может быть передан последователям Райгара. Поэтому, не имея другой возможности, обратился умирающего около него человека в старейшину, чтобы тот смог донести дар до меня.

Уильям смутился от странных формулировок о передаче дара. Однако кто он такой, чтобы разбираться в официальной переписке? Именно поэтому он нахмурился, отвел взгляд от графа и внимательно вслушался.

Однако человек не успел добраться до моих земель и был пойман последователями Райгара. Я был вынужден лично явиться в Большие Варды и забрать его, чтобы сохранить до суда, обеспечив исполнение законов. Человек, рыбак, был помещен в надземную тюрьму до момента, пока не обратится полностью и перестанет быть опасным для окружающих. Вследствие моих усилий законность суда будет обеспечена. Однако прошу совет учесть следующее обстоятельство. Ровно тридцать пять лет назад Гиффард фон де Аверин дал устное обещание, что, когда моему сыну Леонарду исполнится 70 лет, он явится в Брасо-Дэнто, и мы составим завещание по передаче дара.

Сглотнув слюну, Уильям рассеянно посмотрел на Филиппа. До него пока не дошел смысл услышанного, потому что слишком прочно в его голове засела эта преданность и любовь к графу, но он уже начал понимать, что послание противоречит тому, о чем ему рассказывали ранее.

Поэтому я более чем убежден, что Гиффард фон де Аверин строго следовал своей клятве и обратил человека в старейшину, дабы тот на суде передал дар уже моему сыну, как полагается. Доказательством этого является тот факт, что, со слов человека, Гиффард велел ему идти в Брасо-Дэнто.

Посему я целиком беру на себя ответственность за целостность человека, а также гарантирую доставить его на суд в обозначенное Вами время. Прошу суд учесть мои действия по обеспечению законности, клятву Гиффарда, верную службу моего рода Тастемара – и вынести положительное решение в пользу моего сына, передав дар ему, как того пожелал сам Гиффард фон де Аверин.

Тогда Уильям все понял! От услышанного у него подкосились ноги, однако его поймали под руки стоящие по бокам прислужники. Стало быть, все это время его обманывали, а он наивно верил всему, что говорилось! В ужасе, широко раскрытыми глазами Уилл посмотрел на того, кого считал своим спасителем, но кто оказался его палачом. Ему казалось, его приложили чем-то тяжелым, потому что он вдруг перестал понимать, где он, забыл, что на него смотрят, и обратился внутрь, в воспоминания, находя везде подтверждения этой страшной правде.

Филипп наконец поднял глаза, доселе опущенные к сцепленным побелевшим пальцам. Взгляды графа и Уилла встретились. Пока граф казался беспристрастным, не дрогнув ни единым мускулом, рыбак глядел на него и, не выдержав... расплакался. Его придерживали прислужники, чтобы не пытался убежать, а он потерялся в себе, вытирал лицо от слез, трясся мелкой дрожью, уже не обращая внимания ни на что вокруг.

Между тем Летэ дочитывал доверенность на разрешение действовать в суде от имени подсудимого, пока многие глядели на плачущего Уильяма с неприкрытым презрением. Тот так и продолжал поначалу просто плакать, потом уже рыдать, отчего в его голосе звучали и отчаяние, и бессильная ярость, и ненависть.

А потом в нем будто что-то оборвалось.

Он медленно поднялся, уставился в пол пустым взглядом. Такое зачастую происходит

с приговоренными к казни, когда смерть уже дышит им в лицо. В такие моменты все былое перестает иметь значение, и приговоренный обретает полную отрешенность, которую по ошибке называют смирением. Однако это вовсе не смирение... Это скорее попытка спастись от сильной душевной боли, отказавшись от всего, что к ней привело, перестав быть чувствительным к самой жизни.

– Филипп! Еще раз спрашиваю, у тебя есть что-то для совета, помимо этих бумаг? – громче обычного спросил Летэ, чтобы привлечь внимание графа, который не услышал первый вопрос.

– Нет... – медленно ответил тот, не в силах оторваться от лица рыбака, а затем попытался добавить севшим голосом: – Сир'ес, я...

– Остальное после обряда! – оборвал его Летэ вскидыванием ладони. – Сначала обряд воспоминаний, как того требуют правила суда!

Летэ вышел из-за каменного стола и чинным шагом, волоча подол длинной мантии, направился к подсудимому. Звякнул его рубиновый браслет. Уильям стоял, не реагируя, но, когда ему вдруг жестоко вцепились в горло, он вздрогнул и в страхе прикрыл глаза. Только почувствовал, как по шее побежала теплая кровь. Разве он сам не поступал так с теми, кому было суждено умереть? Летэ отошел, промокнул полные губы красным платком и вернулся на свое место.

Вслед за ним вышла та самая женщина, которая напугала Уильяма своим видом, растратившим остатки человечности. На ней было надето грубое платье-рубаша. Она также припала к шее, немного выше прошлого укуса, и, испив крови, вернулась на свое место в молчаливой задумчивости.

Третьей из-за стола элегантно поднялась седовласая Мариэльд, которая назвала себя любовницей Гиффарда. Она, безразлично посмотрев на рыбака, подняла его безжизненную руку и прокусила запястье.

Горрон ждал своей очереди за спиной Мариэльд, поскольку был четвертым по старшинству в клане. Прежде чем прокусить другую руку подсудимого, он сочувственно взглянул на рыбака, но тот отвернулся. Герцог был мнемоником. И тогда, на берегу реки, он уже получил воспоминания, испив крови с платка. Но в тот раз ее оказалось слишком мало, и память предстала рваной, неполной, так что он хотел восполнить пробелы. Но когда перед герцогом развернулась вся картина, он отчего-то печально усмехнулся и посмотрел на Филиппа. Сам Филипп сидел за столом и учащенно дышал: вся его решимость куда-то испарилась.

Старейшины подходили по очереди – от самых древних до молодых. Таков был совет. Здесь уважали годы, определяя их как единственно верный признак преданности клану. Не успела половина присутствующих вонзить свои клыки, а Уильям уже стоял весь в крови, болезненно шатался, поддерживаемый прислужниками, и смотрел отупелым взглядом в пол, желая поскорее со всем покончить.

В конце концов в числе последних, самых молодых, к нему подошел Филипп фон де Тастемара. Он приблизился порывистым шагом, его глаза блестели, как у больного лихорадкой. Увидев котарди, обшитое понизу серебристыми воронами, Уильям все же поднял глаза, чтобы в последний раз посмотреть на своего палача. Однако Филипп отвел взгляд и, взяв руку рыбака, прокусил ее. Как и предполагалось, он провалился в последние воспоминания и мысли Гиффарда, плавно перетекающие в память Уильяма. То, ради чего и проводился обряд памяти.

Утро после нападения на деревню

Стояла ночь, и звезды, бледные и едва различимые, готовились вот-вот исчезнуть. Гиффард открыл глаза. Он очистил лицо от каменной крошки и огляделся, не понимая, что происходит. Память медленно возвращалась к нему. Со стоном боли вампир обнаружил, что взрывом ему разворотило брюхо, оторвало ноги и руку, которой он был повернут к этому проклятому мешку с шинозой. Посреди груди торчала потолочная балка, пригвоздившая его к обломкам.

Гиффард по-южному выругался. Он любил эти крепкие слова, заученные им на Юге.

Рядом с ним лежал труп того, кто все это и устроил. Хотя нет, еще не труп... Селянин дышал, пусть и тяжело, однако жить ему оставалось недолго. Впрочем, сейчас Гиффарда куда более заботили собственные проблемы. Райгар уже знал от вурдалаков, глазами которых мог видеть, что произошло, поэтому вполне мог послать своих слуг, чтобы все разузнать. Пошевелив единственной целой рукой, вампир снова издал стон боли. Первым делом ему следовало мысленно воззвать к Летэ – тот прикажет Райгару не вмешиваться и отправит на выручку Филиппа.

Но стоит ли это делать?..

Буквально недавно он прибыл из-за Черной Найги. Ему довелось побывать в Великих Городах, вдохнуть зной пустынь, посетить храмы, в которых молятся огненным фениксам, побеседовать с философами. И он неожиданно понял для себя, что все повидал. Южные люди когда-то казались ему иными, а сам Юг – загадкой. Однако ж на вкус что северяне, что южане, к сожалению, вышли одинаковыми: со схожими страстями и страхами. Долгая жизнь опостылела Гиффарду. Много лет он ходил по этому миру и больше не чувствовал ни сладости крови, ни тяги к приключениям, ни, что страшнее всего, желания продолжать жить.

Единственное, чего он хотел напоследок, – это удостовериться, что его преемником станет обладатель развитого ума, сильной воли и великодушного сердца. Ему казалось, что так и надо... Что только такой и должен отправиться дальше бродить по миру! Именно поэтому ему поначалу нравилась идея назначить наследником приемного сына своего друга Филиппа. Рыжеволосый мальчик, привезенный из Далмона, был живым, любознательным и подавал большие надежды.

Но как же сильно разочаровался Гиффард, когда много лет спустя вернулся в Брасо-Дэнто и увидел повзрослевшего Леонарда.

Может, не стоит просить Летэ о помощи? Через неделю-другую Гиффарда обнаружат в этой богами забытой деревушке, приволокут к Райгару – и тот обязательно постарается воспользоваться ситуацией. Он провернет все подло, но быстро. Став жертвой обстоятельств, Гиффард избавится от необходимости выполнять клятву и обретет долгожданный покой. Но что будет дальше? Конечно же, своим поступком он доставит множество проблем Филиппу, которому придется обращаться в суд. За это время может случиться многое: начиная от возвращения дара Леонарду и заканчивая тем, что дар останется при Райгаре. Гиффард прикрыл старые глаза, печально вздохнул. Нет, как бы обременительна ни была клятва, предавать семью нельзя.

Рядом с ним прокашлялись. Раненый селянин судорожно вдохнул и, протерев лицо

от пыли, стал осматриваться.

«А он весьма красив лицом, – отметил про себя вампир, разглядывая его сквозь полуприкрытые веки. – У него чистая кровь орун, которая осталась лишь в полузабытых временах поселений».

– А ты молодец, – произнес Гиффард, поглаживая лохматые брови, а точнее то, что от них осталось. – Удивил... Не ожидал я найти шинозу в крестьянском доме.

– Ты кто... кто такой? – спросил в испуге простолюдин.

– Для тебя, как простого человека, пусть я буду таким же простым демоном.

Гиффарду оставалось только наблюдать, как поселянин беспомощно пытается выбраться из-под завалов.

– На твоём месте я бы даже не пытался – только умрешь быстрее.

– Может... это и к лучшему... мне и так не выжить, но я поступил... поступил правильно. Ещё и тебя с собой заберу к Ямесу.

– Хочу огорчить, однако твой поступок тяжело назвать правильным. Он иррационален по своей сути. Если бы ты не стал помогать своей старой матери, которой и так осталось немного в соотношении с твоей ещё непрожитой жизнью, то вурдалак бы не разорвал тебе бедро. И ты бы спокойно покинул деревню вместе с остальными.

– Это... нельзя... бросать свою семью...

– Надо же, какое врожденное и несвойственное черни благородство! – заметил Гиффард, удивляясь, как точно поселянин повторил то, о чем он сам думал минутой ранее. – Именно таких героев всегда и увековечивают в балладах. Посмертно. Как говорится, «душа чиста, а сердце смело – в легендах образ сей воспет; затем в легендах и воспели, что в жизни места ему нет». – Он пропел эти строки насмешливо, издеваясь. – Что до меня, то полученная мной рана неприятна, но не смертельна. Через сезон буду целехонький – все переломы и увечья заживут, ноги отрастут заново, как должно. Однако...

Ему захотелось поговорить.

– Однако я сейчас в землях Райгара. Благодаря вурдалакам он уже знает, что в деревне что-то произошло. И раз вурдалаки в ужасе разбежались, то наверняка он уже отправил из Офуртгоса ищеек, которым велено проверить, что произошло. Твоя шиноза наделала слишком много шума. Как только ищейки обнаружат меня, беспомощного и не способного защищаться, их хозяин очень быстро будет здесь, чтобы воспользоваться долгожданным шансом отомстить... – продолжил он.

– Зачем... зачем ты напал на нашу деревню? Тебе... так нравится... нравится наслаждаться беспомощностью тех... кто не может защититься?

– Я не нападал. Такие бессмысленные забавы вроде расправ над чернью мне не по духу. Однако они по духу Райгару, по крайней мере среди нас ходят такие слухи. И когда я, путешествуя по Офуртскому тракту, заметил, что вурдалаки вьются подле этой крохотной деревни, то понял, что их науськивают. Это очень необычно для них, знаешь ли, – они стараются избегать людей... И потому я решил осмотреться, чтобы найти подтверждение слухам о забавах Райгара.

– Тогда... почему... почему ты не помог?

– А зачем? Смертным и так свойственно умирать, причем часто умирать внезапно, от болезней или хищников; но вас так много, что вы вполне себе быстро восстанавливаете численность. Так зачем мне вмешиваться в естественный ход жизни? – Гиффард улыбнулся, увидев на лице собеседника неприятие. – И не смотри на меня так осуждающе, человек...

Ты слишком мало пожил, чтобы что-то знать об этом самом естественном ходе жизни.

– Какой смысл тогда... долго жить, когда жизнь так... так пуста и бесчеловечна.

– О-о-о, какие интересные размышления возникают в твоей голове. А где ты смог взять южную шинозу, человек?

– Обменял у алхимика... на рынке в Вардах... свои книги на шинозу, чтобы подготовиться... к вурдалакам. Недавно они... они утащили из Вардов... швею... сына ее.

– Понятно. Забавно получилось у тебя это сделать. – Гиффарду даже подумалось на миг, что затея весьма оригинальна. – Сама по себе идея использования шинозы в качестве оружия звучит интересно, хотя шинозу на Юге применяют лишь в качестве ингредиента для мазей. Но она слишком неустойчива и опасна для иных целей, в чем мы с тобой и убедились. Человек, а как тебя зовут?

– Уильям...

– А полное имя?

– Просто Уильям... рыбак... из Малых Вардцев...

– А меня зовут Гиффард фон де Аверин. Ну что же, просто Уильям, я люблю общаться с интересными людьми и демонами, так что был рад пообщаться и с тобой. Уходи в пустоту спокойно и знай, что, может, и к лучшему то, что твой путь закончился так скоро. Таким, как ты, тяжело идти по жизни, и, живи ты куда дольше, боюсь, жизнь стала бы для тебя мучительным открытием, от которого захочется избавиться...

Он всмотрелся пронизательными глазами в умирающего на развалинах поселянина. Приятен лицом, благороден до одури, высок, статен, с черными как смоль волосами и синими глазами племени орун. Да к тому же рыбак! Гиффард призадумался, вспоминая. И тут перед ним ясно предстал один день, когда, вернувшись в замок Брасо-Дэнто, он вдруг обнаружил там мальчика Филиппа. В то время Ройса фон де Тастемара обурежала тоска от прожитых лет, поэтому, когда в Алмасе к нему подбежала нищая селянка, держа в руках своего сына и умоляя спасти его от голода, он неожиданно сам для себя согласился, закинул вопящего вампиреныша на седло и увез в Брасо-Дэнто, где и нарек своим сыном. Гиффард тогда поступка своего друга не одобрил, хотя и отнесся к его просьбе помочь со всей серьезностью. Пока Ройс разъезжал вдоль границ, он лично обучал этого недокормыша – тощего, узкоплечего, но весьма серьезного.

Все детство Филиппа, его молодость и зрелость прошли на глазах Гиффарда. И поэтому ему не составило труда сразу заметить интересное сходство между молодым графом и этим рыбачком, как внешнее, так и внутреннее. Так, сравнивая, он лежал и смотрел на умирающего, пока в его голову вдруг не пришла невероятная идея. Да какая идея! Ох, до чего же дерзкая, безумная! И Гиффард сам себе удивился от того, что такое вообще могло прийти на ум.

– Послушай, просто Уильям... – протянул он удивленно. – А ведь мы можем помочь друг другу! Я считаю, что мой жизненный путь уже пройден и более ничего нового для себя я не увижу. Однако умирать здесь и отдавать кровь этому подлецу у меня желания нет...

Гиффард еще немного полежал, приглаживая свои обугленные брови, и наконец попытался избавиться от торчащего из груди бруса. Брус долго не поддавался. Сил было не так много. На миг вампиру даже показалось, что эта идея с каждой минутой становится все более неудачной, обреченной на провал... Будучи в чем-то упрямым не меньшим, чем его друг Филипп, он все-таки смог освободиться и пополз к умирающему рыбаку, чьи глаза уже бессмысленно глядели в сереющее небо. Гиффард склонился над ним и,

не церемонясь, вцепился клыками в шею.

Увидев связь с кельпи, он невероятно воодушевился, ведь «просто Уильям» оказался не таким уж и простым! Он покачивался на одной руке над умирающим, понимая, что идея и правда может оказаться неудачной только лишь из-за того, что Уильям – человек. Но ему не дали как следует поразмыслить: раненый вдруг захрипел, как хрипят в последние мгновения своей жизни люди, захлебывающиеся кровью.

Времени на раздумья не осталось!

– Слушай меня внимательно, просто Уильям, – прошептал Гиффард, стараясь привести его в чувство. – Скоро здесь появятся ищейки Райгара, они будут искать меня, а потом и тебя. И если найдут, ты умрешь от рук Райгара. Поэтому, как очнешься, не иди в деревню, а следуй на восток, через Большие Варды, в сторону соседнего графства. Иди в Солрагское графство, в Солраг... Слышишь? Это полторы недели пешего пути, тропа очень хорошая, не заблудишься. Однако на саму тропу не выходи – иди вдоль нее лесом. Отыщи город Брасо-Дэнто, а там иди к графу Филиппу фон де Тастемара. К Филиппу, графу, не забудь! Передай ему, что я прошу прощения за то, что не могу сдержать данное ему обещание тем способом, о котором договаривались. И что я признаю тебя своим законным наследником, Аверинном. Ты слышишь? Слышишь меня?

Но ему уже не ответили. А так много требовалось сказать! Во избежание проблем Филипп должен понять, в чем же заключалась его идея. Глаза Уильяма затуманились, глядя сквозь нависшего над ним Гиффарда. Времени больше не было: если не начать обряд передачи дара прямо сейчас, ничего не выйдет. Воздев глаза к небу, Гиффард понадеялся на благоразумность Филиппа, на удачу и, не успев даже связаться с Летэ касаясь завещания, принялся за дело. Он высвободил рыбака из-под завалов, чтобы тот смог уйти на своих ногах, и подтянулся к нему. Его ногти удлинились, он взмахнул ими и рассек себе шею.

– Это мой дар тебе, – прохрипел он.

Торопливо зашептав слова для передачи дара на языке Хор'Аф, он поманил кровь в разжатые челюсти. Тут глаза рыбака сделались стеклянными. Издав последний хрип, он дернулся. Его сердце остановилось... Уильям умер... Гиффард перепугался, что опоздал, но буквально через мгновение сердце вновь застучало, сначала тихо, с перерывами, а потом все быстрее и громче.

Гиффард с облегчением выдохнул. Успел!

Кровь покидала его тело и перебиралась в рыбака. Гиффард смотрел на него, думая, что когда-то и сам он был столь же неопытным и наивным. Постепенно его веки налились свинцом. Сон опутал его, стал погружать в забытие, однако вампир скинул его сладостные оковы. Следовало дожидаться окончания ритуала, иначе и рыбак не обратится, и он сам погибнет. А уже потом он наконец выпится... Впервые за много-много лет, по-настоящему, а не дремля у камина в Брасо-Дэнто... Вздохнув, он стал шептать в пустоту, чувствуя, как немеет его язык:

– Филипп, друг мой. Я не успел пересказать все этому рыбаку, поэтому тебе придется повезти его на суд для Гейонеша. Возможно, ты попытаешься апеллировать на суде к моей клятве, чтобы передать кровь Леонарду. Но послушай меня... Да, я давал тебе клятву, пусть и не на Хор'Афе... Однако сейчас эта клятва тяготит нас всех: и меня, и тебя, хотя ты никогда в этом не признаешься. И меньше всего я желаю уйти в забвение с мыслью, что, покоровшись какому-то вырвавшемуся из меня слову, я стал его рабом и сделал рабом тебя. Зато больше всего я чувствую себя обязанным выбрать того, кто станет Тастемара и примет

от меня дар!

И им будет этот рыбак. Да, он человек! Да, он не в подходящем возрасте. Да, он наивен и простодушен. Однако, поверь мне, Филипп, бывают в жизни необычные встречи, способные изменить судьбы многих. Например, одной из таких была моя первая встреча с тобой – в замке Брасо-Дэнто. Я отчетливо помню ее, будто это случилось вчера, хотя прошло уже почти пятьсот лет... Помню тебя, одинокого и потерянного ребенка, когда ты стоял в темном коридоре совершенно один, боясь замка, в который тебя привезли, а я поднялся по лестнице. Теперь ты полноправный хозяин этого замка. Так что прошу тебя, доверься моему опыту: Уильям обладает хорошими задатками и в будущем станет тебе благодарным другом, каким ты был для меня.

Уважаемый совет, прошу и вас принять мое последнее завещание! Увы, не оформленное в двух экземплярах... Но, думаю, вы увидите, что рядом со мной нет ни пергамента, ни чернил, ни печати... – Гиффард в последний раз усмехнулся. Даже на ложе смерти он не переставал острить. – Кхм, я признаю Уильяма своим законным наследником, а также прошу суд вписать его в род Тастемара...

Произнеся эти слова на выдохе, Гиффард замолчал – у него не осталось сил. Он лежал на боку и наблюдал сквозь полуприкрытые веки, как кровь сама покидает его тело. Поначалу он перестал чувствовать свою руку, затем живот; холод начал подбираться все выше и выше к голове. Наконец он понял, что слишком устал даже для того, чтобы держать глаза открытыми, и, простившись со своей любимой Мариэльд, со своим воспитанником Филиппом, забылся последним сном, самым темным...

* * *

Йефаса

Когда граф отошел от Уильяма, тот уже утратил последние силы и, потеряв сознание, повис на руках прислужников.

– Филипп, уступи место следующему, – сказал Летэ.

Покачиваясь, словно его, а не Уильяма опоили церемониальным Гейонешем, Филипп вернулся за стол. Пока из подсудимого пил кровь более молодой старейшина, он сидел с застывшим, каменным лицом и глядел куда-то вдаль. Рот у него был сжат, брови сведены на переносице. Рядом с ним рассмеялись. Это дошла очередь до Райгара. Проходя мимо графа, он не мог не заметить ядовито-довольным голосом:

– Да уж... Я хотя бы честно хотел осушить пацаненка и, похоже, оказался куда благороднее тебя, Белый Ворон!

– Молчаливый замок не терпит оскорблений! – глухо предупредил его Летэ.

Райгар, хозяин Офурта, кивнул и натянул на свою широкую физиономию смиренность агнца. Впрочем, он уже высказал то, что вертелось на языках у многих. Кто-то поглядывал на сдержанного графа с тенью насмешки, кто-то – с сочувствием, а кто-то – с безразличием, потому что некоторые уже давно разучились сопереживать и испытывать человеческие эмоции.

– Ситуация следующая, – обратился наконец к совету Летэ. – С одной стороны, мы слышали завещание Гиффарда – пусть и не задокументированное, но законное. Если мы считаем заявленного им наследника законным, то законной становится и доверенность

Филиппа. Следовательно, тогда по закону дар перейдет к Леонарду... С другой стороны, если мы сочтем, что Уильям – незаконный наследник, тогда законным основанием будет являться данная Гиффардом клятва, в которой дар снова будет передан Леонарду.

Почти все старейшины высокомерно закивали. Они уже вернулись к своему столу, расселись и теперь наблюдали за главой клана, который, по обыкновению, крутил гранатовый браслет. Речь Летэ, с остатками старой властности, облетала весь зал.

– Таким образом, – закончил глава, – ситуация однозначна, если не будет заявлено иных претендующих.

В зале повисла тишина. Бессознательного Уильяма продолжали держать под руки бледнолицые прислужники.

– Хорошо, – спустя несколько минут произнес глава. – Филипп, кого ты заявляешь в преемники Гиффарда? Леонарда?

– Я хочу изменить прошение, – граф резко поднялся.

– Каким же образом?

Филипп окинул взглядом всех собравшихся. Сквозь неживую маску, которую он накинул на свое лицо, чтобы уподобиться прочим, проступило истинное горе. Он уже не мог сдерживать его... Оно залегло морщинами вокруг глаз, рта, и граф резко сделался уставшим и сгорбленным. Слишком многое произошло в последнее время, что пошатнуло ранее твердо принятое решение. Поэтому в противовес этой усталости взгляд Филиппа с каждым мигмом становился все более безумным, отчаянным, будто ему стоило невероятных усилий пойти прежде всего против данного им самим слова.

– Я прошу суд признать Уильяма законным преемником Гиффарда! – сказал он хриплым голосом.

Все в удивлении зашептались. Горрон взглянул на своего родственника с укором. Заявление было сделано поздно. Но лучше поздно, чем никогда, поэтому он тут же довольно потер ладони в предчувствии жаркого спора.

– Филипп, подумай еще раз, – предупредил Летэ. – Если суд решит, что Уильям – незаконный наследник, ты уже не сможешь передать дар другому. А если же суд одобрит твое прошение, то у тебя могут возникнуть иные проблемы. Ты сам видел, как воспринял твой поступок этот жалкий человек.

– Я все обдумал. Я прошу признать Уильяма. Это окончательное решение! – подтвердил громко Филипп.

– Хорошо. У кого-нибудь есть что сказать по поводу всего услышанного до голосования?

– Что здесь говорить, – заметила каркающим голосом Амелотта. – Чистота нашего совета не должна быть запятнана столь ничтожным созданием, как человек.

– Он уже ничем не отличается от нас, – вставил свое слово Горрон.

– Я вас полностью поддерживаю, сир'ес Амелотта, – довольно добавил Райгар и улыбнулся графу, который вперился в него яростным взглядом. – Человеку не место среди нас, потому я и хотел избавить мир от этого жалкого безобразия!

– Жалкого? Где он жалкий?! Да у него хватило смелости сделать то, что не каждый вампир сделает! – басом проревел ярл Барден.

– Человек не может не быть жалким... Из-за таких суждений, как у тебя, разгорелась Кровавая война. Тебе ли не знать это, Барден, – надменно заметил Марко Горней.

– То был один случай, – вступился Горрон. – Я готов поручиться за юношу.

Летэ услышал слова герцога.

– Ты? Горрон, ты готов взять на себя ответственность?

– Да! – ответил Горрон. – Он достоин этого дара, и я обязуюсь провести подле него минимум полсотни лет, передавая опыт и знания.

– Барши Безумный тоже был уверен, что люди не менее достойны дара старейшин... И даже более... – вмешался Теорат Черный.

Совет притих. Упоминание Барши Безумного свело на нет все усилия герцога, и над залом повисло мертвое и гнетущее молчание.

– Как ты можешь ручаться за этого человека, Горрон, когда ты сам одной ногой в забвении? – Голос подала та женщина, которая напугала Уильяма своим обезображенным видом. Это была жена главы, одна из старейших.

– Я пока еще не собираюсь туда, Пайтрис, – улыбнулся герцог. Слухи разносились в совете со скоростью птицы.

– Как вы можете обсуждать достоинство или недостоинство еды? – прорычал из-за плотно сжатых зубов Синистари. – Я был перерожден старейшиной в великом, чистом клане Сир'Ес. С какой поры все те ценности, ради которых мы боролись, перестали иметь для нас значение?!

Совет взорвался. Начались ожесточенные споры. Теперь уделом более молодых было лишь наблюдать, как старики иступленно ругаются друг с другом, растеряв надетые маски надменности. Некоторые из молодых и вовсе сидели в полном молчании, притихшие, будто происходящее их не касалось.

– Смотрите, как бы не настигла этого человека судьба Коа Шанриса! – язвительно заметила Амелотта среди всего этого хаоса.

– История Коа до сих пор неясна! – воспротивился Горрон.

– Все ясно как день! – зашипела Амелотта. – Коа, будучи человеком, не ценил переданный ему уважаемым Джеремайей дар так, как ценят его вампиры. И что? Он сбежал на Юг, бросил Мелинаю, разорвал с нами родственную связь. Позор! Это позор!

– Коа не предавал совет... – взволнованно подал голос Мелинай.

– Не сравнивайте Уильяма с Коа Шанрисом, – Филипп решил вмешаться, хотя не имел права. – Я буду следить за ним и клянусь, что он не сделает ничего, что выходило бы за рамки правил совета!

– Ой, ты за собой уследить не можешь... Меняешь решения как перчатки! – усмехнулась старая Амелотта. – Что сказал бы почтенный Ройс, увидев своего сына молящим о сохранении жизни корму? Где она, эта грозная слава Тастемара, а?

Услышав оскорбление в сторону своего товарища, ярл Барден Тихий принялся вполне себе не тихо, громыхая кулаками, напоминать Амелотте о ее скелетах в сундуках. На это ощерился Марко Горней, давний друг Амелотты, и недобро взглянул на хозяина гор.

Летэ решил прекратить балаган.

– Тихо всем!!! – властно гаркнул он и, сжав полные губы, возвестил более сдержанным голосом: – Я услышал достаточно. Горрон, ты готов нести ответственность за действия рыбака в той же мере, что и Филипп, если суд решит в его пользу? Подтверди еще раз!

– Да! Я верю в него! – сказал герцог.

– Хорошо. Мы имеем бывшего человека, которого заявили как законного наследника Гиффарда фон де Аверина. Все присутствующие ознакомились с приложенными бумагами. Все увидели воспоминания, в которых есть завещание. Итак, кто за то, чтобы признать

рыбака законным наследником?

Все в пещерном зале стихло. Самые молодые старейшины переглядывались, чтобы узнать, кто как проголосует. Понимая это, первым вскинул руку Горрон – он побуждающим взглядом осмотрел всех присутствующих и даже привстал.

Асска фон де Форанцисс, удивительно воздушная девушка, которая сидела рядом с матерью, тут же взметнула свою украшенную кружевами и кольцами ручку.

Затем это сделал ярл Барден Тихий. Его квадратная рука в кожаных браслетах с металлическими бусинами решительно взлетела вверх.

Рыжеволосый Ольстер Орхейс отчасти напоминал ярла и приходился ему дальним родственником. Неудивительно, что и он проголосовал «за».

На Ольстера с интеллигентной улыбкой взглянул граф Мелинай де Джамед Мор и последовал его примеру.

Виконт Лагот Валорир сомневался, поэтому обратил свои большие глаза на Мариэльд де Лилле Адан. Он увидел одобрителный кивок – и они вдвоем подняли руки.

Лицо Шауни де Бекка, седого, женственного мужчины с остриженными короткими волосами, вытянулось – он посчитал количество рук и в нерешительности поднял свою.

Пайтрис фон де Форанцисс, которая уже мало походила на женщину, осуждающе посмотрела на свою любимую дочь Асску, однако та игриво улыбнулась. Вздохнув, Пайтрис тоже вскинула руку с огрубевшими ногтями.

К лицу Филиппа, который не имел права голосовать как участник суда, прилила кровь. Его резко постаревшее лицо вновь помолодело. Он ожил, задышал радостно и глубоко... За сохранение жизни Уильяма проголосовали девять из шестнадцати присутствующих! Обхватив свою седую вспотевшую голову, граф устало прикрыл глаза, затем снова открыл их и, удостоверившись, что его безумство закончилось победой, встретился взглядом с Горроном де Донталем. Тот, улыбающийся и невероятно довольный, взметнул вверх одну бровь, будто изначально был уверен в исходе.

– Ну что же, девять из шестнадцати, – сказал Летэ. – Девять из шестнадцати, то есть больше половины. Уильям признается законным наследником Гиффарда фон де Аверина...

– Мари! – перебила его Амелотта и уставилась на седовласую подругу, которая проголосовала «за». – Как ты могла поднять руку за этот... этот скот... Ладно Горрон, но ты?!

По губам Мариэльд де Лилле Адан, графини Ноэльской, пробежала хитрая улыбка. Она сначала посмотрела на Филиппа, который уже был в центре, чтобы забрать Уильяма из рук прислужников, потом неожиданно поднялась с каменной скамьи.

– Сир'ес Летэ, у меня есть обращение для совета.

Все обернулись к графине. Она была второй в клане по старшинству и приходилась Летэ ни много ни мало ровесницей. Миниатюрная сухопарая женщина, полностью седая, чьи волосы в слабом свете зала отливали благородным серебром. Строгое черное платье, скроенное по обычаям Юга – с запахом, – обхватывал в талии кушак голубого цвета.

Графиня свысока взглянула на совет.

– Какое же? – спросил удивленно Летэ.

– Почти тысячу лет назад, в 1213 году, мой род Лилле Аданов помог завершить Кровавую войну, – властно произнесла она. – Я потеряла своего мужа Моруллона, а также сына. После этого совет на крови поклялся удовлетворить любое мое прошение по наследованию.

Филипп обернулся к ней, словно пораженный молнией. Он уже держал в руках бессознательного Уильяма. Растерял свою победоносную улыбку и Горрон, который тут же нахмурился.

Все молчали... Все понимали, к чему это было сказано. Однако не понимали причины.

– Сейчас я собираюсь воспользоваться клятвой совета и принять Уильяма в род Лилле Аданов, – закончила Мариэльд. С ледяной улыбкой она посмотрела на Филиппа и присела на свое место.

За круглым каменным столом воцарилось долгое молчание. Ошарашенные бессмертные поглядывали то на Филиппа, то на Мариэльд, то на бессознательного Уильяма.

– Но решение по Уильяму уже принято, – осторожно заметил Горрон.

– Пока совет не покинул зал и не оформил все бумагами, ваше решение написано вилами на воде, – улыбнулась Мариэльд.

– Мариэльд права, – после некоторого молчания ответил Летэ. – Не в наших силах отказать в этой просьбе, ибо клятва кровью священна. Мы помним ту жертву, что была принесена родом Лилле Аданов во время Кровавой войны...

– Зачем он вам?! – хрипло спросил Филипп.

– Я тоже давно потеряла сына, Филипп, – подняла брови Мариэльд и высокомерно взглянула на графа. – Мы с Гиффардом были очень близки, о чем я сообщила ранее. И я считаю, что юноша будет хорошим продолжением наших отношений. Он станет мне верным, любящим сыном.

– Но он вас даже не знает!

– Зато тебя он уже хорошо узнал, Филипп...

– Дорогая моя! – испуганно воскликнула герцогиня Амелотта, которая питала исключительно теплые чувства к своей старой подруге. – Зачем тебе это ничтожество? Человеческое ничтожество! Это запятнает твой древний и величественный род!

– Нет, моя дорогая, он его, наоборот, оживит. И я прошу тебя быть вежливее по отношению к тому, кто теперь является моим сыном...

Амелотте только и оставалось, что захлопнуть рот. Она некоторое время молчала, а потом произнесла:

– Если ты принимаешь его, дорогая Мари, то приму и я.

Весь совет был крайне удивлен такой покорностью, и даже те, кто явился сюда скорее по необходимости, чем из желания участвовать в жизни клана, понимали, что происходит нечто особенное.

– Нам нужно обсудить еще один вопрос, – сказал глава. – По поводу проникновения южных магов в замок Брасо-Дэнто. Мне это не нравится, и я не могу взять в толк, зачем им понадобился Уильям.

– Можешь временно закрыть этот вопрос, дорогой мой Летэ, – заявила уверенно Мариэльд. – Я защищу своего сына от любых посягательств, будь уверен. Я также беру расследование под свою ответственность. На праздник Сирриар, когда мы встретимся здесь вновь, думаю, смогу предоставить достаточно сведений, касающихся этого происшествия.

– Как скажешь. – Летэ склонил голову, соглашаясь. – Мы не сомневаемся, что ты непременно с этим разберешься.

На все происходящее Филипп глядел, не веря. Вот он сделал то, что должен был, рискнул всем, чтобы исправить свою ошибку. Он держал в руках своего сына Уильяма... Его одежда и руки испачкались в его крови. Он хотел объяснить ему все, когда тот очнется,

однако сейчас Уильяма у него пытались отнять прислужники, которые уже с отупелым взглядом тянули его на себя, как мешок.

– Филипп... – сказал глава.

Граф встретился глазами с Мариэльд и увидел ее улыбку.

– Филипп, – повторил глава. – Клятва на крови священна, а потому мы не можем отказать. Ваше прошение, сир'ес Мариэльд, я считаю удовлетворенным. Уильям будет вписан в род Лилле Адан! Суд закончен!

Прислужники буквально вырвали из поневоле разжавшихся пальцев Филиппа окровавленное тело, подхватили его и понесли к выходу. Первой поднялась из-за стола графиня Лилле Адан. Она покровительственно всем улыбнулась и мягкой походкой прошла вслед за прислужниками, тихо шелестя платьем, пока не исчезла за поворотом в крошечной тьме.

Старейшины так и продолжали сидеть за столом и глядели туда, куда она только что вышла. Все дожидались, когда затихнут ее шаги. Стоило ей уйти, как со всех спало оцепенение, и присутствующие стали переговариваться.

– А ведь ей ничего не мешало сделать заявление в самом начале, – усмехнулся Теорат Черный, сверкнув глазами. – Однако она захотела насладиться представлением, не правда ли?

– Это же Мариэльд, – улыбнулся его друг Шауни де Бекк. – Даже не думал, что этот суд выйдет таким многообещающим. Думаю, он сравнится лишь с судом Джазелано Дарру. Помнишь, какой накал страстей был восемь столетий назад здесь, за этим столом?

Они поднялись, как и многие другие, чтобы покинуть старую пещеру.

Филипп тоже направился к выходу. Он то и дело безжизненными глазами смотрел на свои руки, перепачканные кровью, и блуждал пустым взглядом по залу. Рядом с ним шли ярл Барден Тихий и Горрон де Донताल, видевшие, что происходит с их товарищем. Они даже не пытались убедить его, что решение суда можно изменить, потому что знали: вмешалась непреодолимая сила. Они только переглядывались, пожимая плечами.

– А я ведь говорил... – начинал герцог, но тут же умолкал, прикусывая язык.

– Ничего не сделаешь... Дар безвозвратно утерян, – отвечал гулко ярл.

* * *

– Ох, мое время пришло! Оно пришло! – воскликнул радостно Лео, одетый в свой лучший кафтан. – Смотри, сестра, я выйду оттуда уже старейшиной!

Он слышал, как по лестнице поднимаются. Думал, что идут за ним. На него с любопытством поглядывали чьи-то слуги в белоснежных рубахах и серых шароварах, надетых поверх черных чулок. Один из слуг залюбовался отливающими медью волосами Йевы и улыбнулся ей, но она смутилась, отвела глаза и поджала губы. Девушка знала, что поднимаются на самом деле не за братом, а за ней.

Шаги стали ближе. Йева едва сдерживала рыдания.

На ступенях лестницы показались прислужники. Они несли тело Уильяма, за которым тянулся кровавый след. Рядом с ним шла изящная, хрупкая женщина с седыми волосами, схваченными в хвост. Рука ее лежала на его груди. Она подозвала стоящих у стены слуг в серых шароварах, и они спешно подхватили раненого на руки.

– Что? Почему его уносят?! – не поверил своим глазам Леонард.

Но никто даже не повернул к нему, крикливому, головы. Графиня чинно покинула коридоры. Ее глаза смотрели лишь на сына, который еще не знал исхода суда и где-то в глубине своего сознания, возможно, считал, что никогда уже ничего не узнает, как говорил ему ранее управитель Молчаливого замка.

Из пещеры стали подниматься и прочие старейшины, которые живо обсуждали то, что произошло. Кто-то говорил тихо, кто-то громко, но все как один были удивлены судом и его результатом. Йева и Лео отчаянно искали глазами отца.

Филипп вышел в числе последних... Не сразу Йева узнала того, кто вырастил ее... Бледный, одряхлевший на десяток лет, он брел и отстраненно смотрел под ноги, а его костюм и руки были в чьей-то крови.

– Отец!.. – позвала Йева.

– Что случилось? Почему он жив?! – воскликнул Лео.

Однако старый граф прошел мимо них, совершенно не замечая. Тогда его приемные дети кинулись к появившемуся следом Горрону де Донталю, который о чем-то спорил с ярлом. Заламывающая руки Йева спросила:

– Что с Уильямом, господин Донталь?

– Твой отец решил узаконить его, – качнул головой герцог. – Однако сир'ес Мариэльд де Лилле Адан использовала клятву совета и нарекла его своим сыном. Он уедет в Ноэль и станет виконтом Лилле Аданом. Хотя нет... у них там другая система наследования титулов. Графом Лилле Аданом, если кратко... – мрачно закончил он.

После этих слов у Леонарда будто земля ушла из-под ног. Все его мечты и стремления рухнули в один миг. Он не нашел в себе силы даже закричать от переполнившего его чувства ужаса, ибо его затрясло, как в припадке. Его родная сестра, наоборот, взглянула на герцога и с надеждой в голосе спросила:

– Так Уильям останется жив?..

– Останется, – усмехнулся герцог.

Подняв юбку, Йева тут же птицей взлетела по коридорным ступенькам и побежала вслед за отцом. Она понимала, что тому нужна поддержка. Однако в ее душе уже начинала расцветать радость от того, как все разрешилось!

Леонард же рухнул обратно на скамью. Склонив голову, он схватился за свои рыжие вихры и вперился в пол, пока мимо него проходили старейшины, шелестели юбки, перешептывались голоса. Так он и остался никем не увиденным, брошенным и покинутым. Наконец все ушли. За это короткое время на лице Лео успели смениться все возможные гадкие чувства, какие только существуют в этом мире. Страх. Злоба. Ненависть... А ведь он искренне полагал, что его отец сделает все возможное и выполнит обещание.

Выходит, ему все это время врал?

Сбоку раздался вкрадчивый шепот.

– Что такое? Данное тебе обещание не сдержали? – спросил мужчина, последним покинувший зал суда.

Одетый в простое черное котарди, он тихонько подошел, присел рядом на скамью. Пригладив изнутри языком свои клыки, он сложил на коленях руки, украшенные перстнями, и растянул толстые губы в сочувствующей улыбке.

– Вам-то какое дело? – выдавил Леонард.

– Должно быть, никакого, как и всем прочим.

– Кто вы такой?!

Мужчина еще раз улыбнулся.

– Райгар Хейм Вайр...

– Вот оно как... – Лео вздрогнул, но постарался не показать страха. Он сдвинул губы в кривой ухмылке. – Пришли, значит, получить удовольствие оттого, что сын вашего противника сидит здесь униженный решением собственного отца? Думаете, я дам вам этим насладиться?

Тут пламя висевшего на стене рядом с светильника заплескало в последний раз и погасло. Та половина скамьи, на которой сидел Леонард, неожиданно погрузилась в полумрак. Вскинув взор, Райгар задумчиво посмотрел на потемневший светильник.

– Как символично, – заметил он.

Леонард хотел было встать и уйти, но граф остановил его, положив руку на плечо.

– Я не получаю удовольствия от твоего унижения. Я испытываю сочувствие. Поверь, я сам был в похожей ситуации, поэтому понимаю тебя лучше всех прочих. Всем прочим на тебя плевать. Ты для них лишь этот потухший светильник, на котором они задержат взгляд всего лишь на миг – и пойдут дальше.

– Я не собираюсь вести беседы с предателем! – ответил Лео.

– Не было никакого предательства.

– Вы обманом забрали бессмертие своего господина! Это ли не предательство?

– Мало тебе рассказали...

Затем граф продолжил, убрав руку:

– В мои семь лет Саббас усыновил меня, как когда-то и Филипп – тебя. Всю жизнь я служил ему, был верным и преданным сыном, который, по заверениям отца, должен был перенять его дар, когда мне исполнится восемьдесят – девяносто лет. Но знаешь, что произошло? – Он выждал паузу. – В один день Саббасу неожиданно подкинули под дверь Мараули – мальчика из рыбацкой семьи.

При упоминании рыбака Леонард едва не разрыдался.

– Да-да, то же чувствовал и я, – сказал Райгар, однако глаза у него были довольными. – Преданный собственным отцом, который променял меня на безымянного мальчика без каких-либо выразительных талантов и способностей.

– Мне плевать, что вы чувствовали! – зло ответил Лео.

– Будь по-твоему. Думаешь, в конце концов твой отец устанет от жизни и передаст свой дар тебе. Ты ошибаешься. Ты не сын ему... Да, они называют нас сыновьями, внушают нам, что мы их наследники. Но стоит им увидеть призраков своих утерянных родных детей в ком-то другом – и мы вмиг перестаем быть сыновьями. Становимся теми, от кого лучше избавиться. Они лицемерны... Они не могут признать, что приложили столько усилий и не получили того, чего хотели, поэтому избавляются от нас под благовидным предлогом, будто нам самим будет от этого лучше... Они перестают быть отцами. Но, конечно, в твоей душе теплится надежда, что с тобой поступят иначе. Ты ведь не такой, как я, правда? Лучше, да? Может, и так. А если не так, то я живу на третьем этаже и готов побеседовать, когда захочешь. Левый коридор. Последняя дверь.

С этими словами Райгар еще раз послал улыбку, уже более заговорщическую, и, поднявшись со скамьи, покинул коридор. После этого слева от оставшегося в одиночестве Леонарда потух второй светильник – и коридор погрузился во мрак.

Йева подошла к двери отцовских покоев и тихонько постучала. Никто не отвечал. Но где же еще ему быть? Над Глеофом стояла беззвездная ночь. Приоткрыв дверь, графская дочь всмотрелась вглубь и увидела, что в самом углу, перед зажженным слугами камином, сидит в кресле Филипп. Она подобрала подол черного шерстяного платья, которое из-за поездки верхом уже порядком износилось, и подошла ближе.

– Отец, господин Донталь сказал мне, что Уильяма усыновила графиня Лилле Адан, – начала она.

– Да.

– Он уедет в Ноэль, графство Альбаоса?

– Да.

Йева понимала, что ее отец не желает никого видеть, но все же чувствовала в себе необходимость поговорить. Обняв его сзади за шею, она склонилась и поцеловала старого графа в заросшую густой щетиной щеку.

– Отец, но какая разница, кто его усыновил? – как можно ласковее спросила она. – Ведь вы все равно будете с ним видеться... Он же любит вас, считает за спасителя и учителя...

Усмехнувшись, граф поднял голову и посмотрел ей в глаза.

– Дочь моя, как же ты наивна. Уильям сейчас подобен глине на гончарном круге, а Мариэльд за те годы, что он будет жить в Ноэле, вылепит из него все, что ее душе угодно. Когда мы встретимся через много лет, он либо будет смотреть на меня как на пустое место, либо ненавидеть еще сильнее, что куда вероятнее.

– Но почему он должен ненавидеть вас?

– Потому что перед обрядом памяти Летэ ознакомил совет со всеми бумагами, которые я присылал ему.

Йева сначала не поняла, а потом побледнела.

– Погодите... Вы же писали, что хотите передать дар Леонарду?

– Да, – качнул плечами Филипп. Глаза его были печальными. – Я предал его и посеял в нем семя ненависти.

– Расскажите ему, что поменяли свое решение! Он простит!

– Уильям решит, что это было сделано под давлением завещания Гиффарда, – ответил граф.

– Но, отец...

– Знаешь... – Он погладил ее нежные руки. – Я уже подумываю о том, а не слишком ли много пожил на этом свете... Может быть, стоит сдержать свое обещание и передать свой дар тебе... – Филипп прикрыл старые глаза.

Йева посмотрела на сломленного отца в неверии, не узнавая его, затем обежала кресло и упала перед ним на колени, обняла их, примяла пальцами край котарди.

– Отец, даже не смейте говорить такое! Я благодарна за все то, что вы мне дали... Но мне не нужен этот дар! Не буду обманывать, я рада, что Уильям жив. Но ради всех богов, поговорите с ним. Может, вам обоим станет легче!

– Из-за Гейонеша и ран он очнется не сразу. – Филипп погладил дочь по волосам, украшенным золотым обручем. Затем продолжил: – Хорошо, мы задержимся до того

момента, как я смогу поговорить с ним. И может быть, я пообщаюсь с Мариэльд, хотя это все равно бесполезно.

– Но это хоть что-то! – взмолилась девушка. – Пускай он называется не Тастемара, а Лилле Аданом, но, отец, может, когда-нибудь он станет вам хорошим другом, подобно Гиффарду или Горрону!

– Йева... Я рад, что у меня такая прекрасная дочь.

Филипп привстал с кресла и ласково обнял ее. Он не стал говорить, что она наивна, чтобы не лишать надежды, а молча поцеловал ее в нос. Йева сморщилась, но нос не вытерла – стерпела.

Граф же на это вымученно улыбнулся.

– Наконец-то ты ожила. Теперь я вижу ту самую Йеву, которая была перед моими глазами до того, как я сказал тебе о смене решения по наследованию дара.

– Я хочу увидеть вас таким, каким вы были раньше: живым и деятельным!

– Постараюсь... – Филипп вздохнул. – Хотя насчет дальнейшего общения не уверен. Во-первых, Ноэль слишком далеко, чтобы рассчитывать на это, а во-вторых, Мариэльд вряд ли в ближайшую сотню лет отпустит его от себя.

– С вашим бессмертием это время пролетит незаметно. – Дочь печально улыбнулась оттого, что сама больше не увидит Уильяма. – Мы переживем это, отец, обязательно переживем. А вот что происходит с Леонардом, мне не нравится...

Вспомнив, Филипп нахмурился.

– Я поговорю с другими старейшинами, – быть может, мне удастся дать ему то окружение, которое он так страстно желает... Ладно, Йева, на сегодня объятий довольно. Прощу, оставь меня – я должен подумать. И попроси Эметту подготовить к завтрашнему вечеру нарядные костюмы.

– Что будет завтра вечером?

– Я думаю, традиционный небольшой ужин в Красном зале, где все прибывшие обменяются перед отъездом новостями. Все-таки мы встречаемся нечасто.

– Там будет Уильям?..

– Конечно, к этому времени он уже должен очнуться. А графиня Ноэльская обязательно постарается показать своего сына, в этом я почему-то не сомневаюсь. – Филипп качнул головой.

Кивнув, Йева покинула богато обставленные покои и вернулась в свои, где сидела Эметта. Служанка пребывала не в лучшем настроении. Прикусив нижнюю губку, она сидела и зашивала свое платье, но, впрочем, стоило ей увидеть вошедшую госпожу, как она немедленно подняла голову.

– Ну что? – с придыханием спросила она.

– Уильям остается жив и уезжает в другие земли.

– Получается... Лео остался обычным вампиром? – глуповато переспросила служанка.

– Да, – ответила Йева.

Служанка замерла над шитьем, и вместо сожаления на ее лице появилась улыбка, ядовитая и мстительная. Так улыбаются женщины, увидевшие падение ненавистного им мужчины. Она еще немного посидела в какой-то отстраненности, но уже через мгновение снова ловко заработала иглой.

– Госпожа, мы же задержимся здесь? – поинтересовалась она как бы вскользь.

– Да, на день или два точно.

– Спасибо, госпожа... Просто вдруг стало интересно...

– Кстати, подготовь к завтрашнему вечеру нарядное платье с вышивкой на плече, – вспомнила Йева, чьи мысли занимали теперь лишь двое мужчин: отец и Уильям.

– Как прикажете...

* * *

Дело было к вечеру.

Солнце едва поднялось на востоке, укрылось в тучах, обошло Молчаливый замок и стало садиться на западе. Ненадолго оно осветило левую башню, а также все расположенные там комнаты. Когда его золотистый луч скользнул по лицу спящего Уильяма, тот поморщился. Рядом с ним была чаша, из нее тянулся ввысь дым, который окуривал бессознательное тело, погружая его в продолжительный целебный сон. Уильяма омыли, перевязали, переодели в белоснежную рубаху с высоким воротником и серые шаровары из мягкой ткани, и теперь он лежал на кровати под светлым балдахином.

Заметив, что солнце доставляет молодому господину неудобство, из-за большого стола в центре комнаты подскочила служанка и быстренько поправила балдахин. Затем она вернулась, присела на колени и продолжила шить вместе со своей сестрой. Девушки, сероглазые, темноволосые и стройные, бросали на спящего любопытные, но быстрые взгляды – остерегались замечания.

Рядом с ним сидела в кресле, закинув нога на ногу, Мариэльд де Лилле Адан в сером платье. Ее волосы на нозельский манер заплели в несколько кос, затем соединили их в одну и украсили серебряными шпильками в форме цветов. За своим обретенным сыном графиня наблюдала с легкой улыбкой. Тут же, у кровати, было еще одно кресло. Его поставили специально для лекаря, который приходил время от времени и занимался ранами Уильяма.

В дверь постучали.

Служанки встrepенулись. Одна из них подорвалась и побежала открывать дверь. Мариэльд так и осталась сидеть в кресле, не поведя и бровью, – продолжала наблюдать за сыном, будто и не было никакого стука, будто все обыденное ее мало касается. Когда внутрь вошел граф Тастемара, она едва повернула голову в сторону служанок.

– Оставьте нас одних, – тихо, но властно приказала она.

Комната миготом опустела. Граф устроился в кресле напротив графини. Сперва он строго всмотрелся в спящего Уильяма, принюхался к чаше и, убедившись, что там всего лишь успокаивающие травы, обратил взгляд на Мариэльд. Только он хотел открыть рот, как его опередили:

– Филипп, твой приход сюда бесполезен.

– Знаю, – ответил граф и снова посмотрел на спящего. – Но я не мог не прийти к Уильяму.

– Здесь больше нет Уильяма...

Мариэльд поднялась, подошла к столу у противоположной стены, взяла оттуда какую-то бумагу и, шелестя юбкой, вернулась. Филипп вчитался в переданную бумагу. Это был подписанный Летэ фон де Форанциссом, с проставленным гербом и печатями, документ, который извещал об усыновлении юноши и принятии его в род.

– Юлиан де Лилле Адан? – поднял брови граф. Он принялся перечитывать в малейшей

надежде, что хоть где-то закралась ошибка.

– Да, Юлиан. Как мать, я дала ему другое имя, – кивнула графиня.

Документ был оформлен идеально. Вернув его, Филипп положил руку на подлокотник кресла, устало подпер лоб раскрытой ладонью и прикрыл глаза. Он прекрасно понимал, что не в силах вернуть потерянное, что он проиграл, но все равно что-то заставило его прийти сюда – к Уильяму, а теперь уже Юлиану. И дело было не только в обещании любимой дочери.

– Я прошу вас, сир'ес, донесите до него хотя бы то, что я изменил свое решение, – тихо попросил он после недолгого молчания.

– А зачем? – мягко спросила графиня.

Филипп поднял голову, хмуро посмотрел на нее.

– Вы не собираетесь рассказывать ему?

– Я не вижу в этом никакого смысла. У тебя была возможность сделать это до зачитывания бумаг, и ты ее упустил.

– Тогда я поговорю с ним сам, как только он проснется.

Тут Филипп обратил внимание на низкий столик в центре покоев, где сидели служанки. Он посмотрел через плечо графини.

– Попробуй... – По губам той проползла змеей улыбка. Она ненадолго обернулась и тоже бросила быстрый взгляд в сторону столика.

Между тем граф Тастемара поднялся из кресла и приблизился к нему. Наклонившись, он стал рассматривать результат труда швей – предназначенные Уильяму одежды.

Ноэльцы называли себя скорее южанами, нежели северянами, так что предпочитали раздельный верх и низ. Они носили узкие шаровары, подпоясывали их широким кушаком, заправляли в них белоснежные рубахи с высоким воротом. Именно поэтому Филиппа ничуть не удивили ни ноэльские цвета (голубой, серый), ни фасон одежды, но его внимание привлекла сама ткань. Это был дорогой арзамас, привезенный из-за Черной Найги: он долго не изнашивался, был приятен телу и в холод и в жару, а его отличительная особенность состояла в том, что шили из него только умелые мастера.

Вероятно, наряд подогнали по размеру заранее, что, учитывая высокий рост Уильяма, было странным. Дотронувшись до вышитого на рукавах цветка голубого олеандра, символа Ноэля, до ровных швов и украшенного витиеватым узором воротника, Филипп поразился сложному исполнению костюма. В углу комнаты, на табуретах, он увидел другие готовые запасные наряды. Черный длинный плащ с прорезями для рук, украшенный по горловине и капюшону белыми олеандрами, сапоги из мягкой кожи – все это, похоже, было сшито давным-давно и теперь просто ожидало своего часа.

Граф осторожно заметил:

– Сир'ес, эти вещи невозможно подготовить ни за день, ни за неделю. Работа очень тонкая, кропотливая. Тем более за арзамасовые ткани берутся только лучшие мастера.

– Да, ты прав. И что в этом такого? – весело ответила графиня.

Она сидела в кресле и наблюдала за сыном, не обращая никакого внимания на стоящего позади нее старейшину. Ее седые косы лежали на плечах, а с лица не сходила легкая полуулыбка.

– Получается, – осторожно продолжил Филипп, – вы знали, что воспользуетесь клятвой совета еще до прибытия сюда... До того как увидели Уильяма и его воспоминания. Именно поэтому заранее озаботились тем, чтобы подготовить ему все эти костюмы.

– Юлиана, Юлиана... – поправила снисходительно графиня. – Кто знает... Будущее так туманно, что порой нужно готовиться ко всему, чтобы быть готовым хоть к чему-то... – С улыбкой она подвинула кресло ближе и ласково погладила руку спящего, который пока и не предполагал, что у него появилась «мать».

Графа неожиданно осенила догадка. Напрягшись, он еще некоторое время переводил взгляд то с Уильяма на вещи, то с вещей на старую графиню.

– Тебе еще что-то нужно, Белый Ворон? – наконец произнесла Мариэльд. – Если нет, попросу покинуть мою спальню.

Ответом была тишина.

Конечно, Филипп промолчал. Он не мог обвинять такую уважаемую старейшину, поскольку на него сразу же обрушился бы гнев всех ее сторонников, которые составляли большинство клана. Ему пришлось развернуться, направиться к двери, и уже на пороге он на миг остановился, чтобы поглядеть на Уильяма, который мог стать его сыном. Для себя он уже считал его сыном...

Хлопнула дверь. Филипп покинул покои графини Лилле Адан и вернулся в свои, где уселся в кресло перед зажженным камином, за которым исправно следили слуги, и в тревоге задумался. Его не покидало ощущение, что Уильям попал в очередную передрагу. С самого начала история юноши из глухой деревни казалась ему подозрительной, но теперь граф был более чем уверен, что его подозрения небезосновательны.

Между тем время шло – близилась полночь. Дождь прекратился, сменился страшным ветром, который сильно шумел и гнул деревья вблизи Молчаливого замка. Это не мешало ночным птицам, и их крики порой долетали даже до башен.

В полном одиночестве, в почти окутанной тьмой комнате, где единственным источником света остались тлеющие каминные угли, сидел Леонард. Его ноги были согнуты в коленях. Он покачивался на бордовом покрывале и отрешенно глядел в камин. За весь день Эметта ни разу не навестила его, а отец и сестра словно и вовсе позабыли о нем. Он качался туда-сюда, время от времени дотрагиваясь до своего обезображенного лица. Пусть демоница отчасти и залечила его увечья, однако никогда более его походка не будет как у дикого кота. Иногда ему чувствовалось, что правая нога волочится по полу, а левая рука немеет, будто отнимается. Вторя мыслям, по руке устремилась вверх вспышка боли, и Леонард поморщился, потер круговыми движениями запястье и принялся качаться дальше. Его губы сжались до уродливой белизны, а лицо, и так изувеченное, перекошилось от сочувствия к самому себе и ненависти ко всему прочему.

Прервал все Таки-Таки. Очнувшись от налетевшего в окно ветра, ворон запрыгал на жерди, захлопал крыльями и истошно закричал:

– Кар-р, кар-р!

– Да заткнись ты уже! – озлобленно вскрикнул Леонард.

Он резко кинулся к надоевшему ворону. Хрустнула шея.

В комнате обосновалась тишина. Только после шлепка птичьего тельца об пол вновь страшно завыл ветер, который принялся выдавливать окно в свинцовой оплетке. Леонард вперился в ворона единственным глазом, качнул головой и перестал предаваться размышлениям. Ему показалось, что эти мысли затягивают его в какой-то омут безнадежности... С трудом приподняв левую руку, он надел свой парадный зеленый кафтан, затем нечищенные сапоги. Мельком заглянул в мутное зеркало. Поначалу Лео не узнал себя, вздрогнул: из черноты отражения на него смотрело лицо, исполосованное багровыми рубцами, как плетями, со свернутым носом, отсутствующим ухом и подскошенной челюстью. Не выдержав, он ненадолго разрыдался.

Наконец он поправил подол кафтана и дрожащим, подпрыгивающим шагом, чтобы не беспокоить правую ногу, покинул гостевую спальню. Он постучал в покои отца, но они оказались пустыми. Тогда он вошел к Йеве, но и ее не было на месте. Нахмурившись, Леонард посчитал, что они вместе куда-то ушли, забыв о нем, и принялся искать их.

Граф и его дочь сидели в зале на втором этаже, в правом крыле башни. Это был один из тех уютных залов, который казался скорее принадлежащим миру человеческому, нежели демоническому. Здесь имелся длинный стол из дуба, а также множество стульев и кресел, полукругом обращенных к камину. Отделанный мрамором очаг на полстены пылал, подобно огненному порталу, а в его умиротворяющем свете, вбирая изливающийся от него жар, разговаривали несколько старейшин.

Помимо графа, в креслах сидели барон Теорат Черный, ярл Барден Тихий, а также Шауни де Бекк. В руках первого покоился бокал с кровью. Вампир неторопливо наклонял его из стороны в сторону, любуясь игрой рубинового напитка.

– Она бы в любом случае использовала клятву, выиграл бы ты это дело или нет, – произнес негромко барон.

Его темно-карие глаза казались совсем черными, горели углями в отблесках пламени. За эти глаза Теората, в общем-то, и прозвали Черным. Они изучали то Филиппа, то его дочь. Лицо барона, который выглядел как сорокалетний мужчина, обрамляли вьющиеся смоляные волосы до плеч, и время от времени он лениво поправлял какую-нибудь упавшую ему на лоб прядь. В противовес движениям само лицо его было резким, угловатым. Оно имело узкий ястребиный нос, впалые щеки и острый подбородок. Так что эта ленивая грация напоминала скорее грацию дремлющего в тени хищника, готового в любой момент прыгнуть на свою жертву.

– Я это понимаю, мой друг, – сказал Филипп. – Как и помню наш уговор, что ты поддержишь меня лишь в вопросе приоритета на наследие Уильяма.

Обстановка не располагала к громким разговорам. Все перешептывались между собой, растворялись взглядами в полыхающем на полстены камине.

– Ты знаешь мои убеждения, – ответил барон. – А я не иду против собственных убеждений. Слишком уж стар для этого.

– Так что насчет Леонарда? – спросил Филипп.

– Сложно, но постараюсь помочь. Король Эадес, после того как едва не скончался от мышьяка, перестал принимать кого-либо ко двору.

– Отравители с Юга?

– Не думаю, – усмехнулся барон. – Если бы за дело взялись веномансеры, то Эадес бы точно не выжил. Эти мерзкие создания будут похуже маготворцев... Наши же и отравили...

– Попроси помочь Горрона! – неожиданно рыкнул ярл Барден, отчего Йева вздрогнула. – Этот плут мигом распутает любой заговор. Он в них как гарпия в воздухе себя чувствует!

– Не нужно, – ответил Теорат. – Мне политика интересна лишь в вопросах сохранности моих вложений в винные плантации «Летардийского золотого» подле Солнечного Афше. А мнемоников вообще лучше лишний раз не трогать... – И по его губам скользнула ироничная улыбка.

В зале ненадолго стало тихо. Филипп подлил себе крови, а также, позаботившись о дочери, что побаивалась говорить в присутствии других, подал наполненный кубок и ей. Из темного коридора появились вышколенные слуги, чтобы поменять графин на новый, уже с теплой кровью.

Потянув носом воздух, Теорат посмотрел на сидящего справа Шауни де Бекка. Тот все понял, поднялся из кресла и наполнил два кубка, один из которых передал своему милому другу из Летардии. Он чем-то неуловимо напоминал Теората Черного: какими-то подергиваниями носа, подниманием бровей или даже игрой складок вокруг рта. Такую одинаковую мимику зачастую приобретают те, кто слишком долго живет друг подле друга.

Эти два старейшины и правда проживали вдвоем уже многие века. Однако, несмотря на некоторые сходства, внешне они разительно отличались. Шауни был полностью седым, коротко остриженным по южной моде, а глаза имел серо-синие. Двигался он мягко, можно сказать женственно, в отличие от своего друга, да и одевался иначе: его пальцы усыпали блестящие перстни, в то время как Теорат мало чем выдавал свое богатство и носил черные одежды.

Пока все вкушали кровь, Филипп нахмурился и прислушался к приближающимся шагам. Вскоре в небольшой зал, под арочный низкий проем, вошел Леонард. Беспокойным взглядом он отыскал отца и, заметив собравшихся, настороженно поклонился:

– Доброго вечера, сир'ес.

– И тебе, Леонард, – мягко улыбнулся Шауни.

Остальные просто кивнули.

– Мы как раз вели разговор о тебе, – произнес Теорат, не отводя глаз от огня.

– В каком же ключе вы меня обсуждали?

– Ты поедешь с бароном в теплую Летардию, ко двору самого короля Эадеса, – ответил Филипп и затем добавил: – Как ты некогда и желал...

– Филипп, только не сразу... Дай мне пару месяцев, чтобы поговорить со своими людьми со двора и предоставить тебе расчет по ежегодным выплатам в сеттах. – Теорат так и не взглянул на вошедшего, будто брезгуя.

Вместо того чтобы отблагодарить, Леонард сделался бледным. Ему вспомнилась одна недавняя беседа. Потом цвет его лица сменился на пунцовый, и он процедил сквозь крепко сжатые челюсти:

– Отделаться, значит, вздумал от меня?

Все взглянули на него, удивленные дерзостью. Даже Теорат Черный – и тот повернул голову от огня, а ярл Барден очнулся от дремоты, навеянной тихим потрескиванием дров, и гневно зыркнул из-под сросшихся бровей.

– Ты сам просил это двумя годами ранее, – ответил граф.

– Кому я там нужен такой?! – Лео показал дрожащим пальцем на свое лицо. – Теперь меня ко двору примут только в шуты! Такой, значит, судьбы ты мне желаешь? Шутовской, да?

– Ты отказываешься?

– Да! Я никуда не уеду из Брасо-Дэнто!

Волоча за собой правую ногу, он развернулся и вышел. Вслед ему посмотрели все присутствующие. Йева хотела было побежать за братом, подорвалась, но граф придержал ее за руку.

– Позволяешь ему слишком много вольностей, – сердито заметил Барден. – Я бы уже призвал к ответу за такие слова! Повесил бы. Или на кол, к чертям!

– По возвращении в Брасо-Дэнто он отправится в Далмон без единого дарена в кошельке.

– В Далмон, отец? – переспросила Йева, не веря своим ушам.

– Да... – Граф прикрыл старые глаза ладонью. Он потерял еще одного сына. – Мое терпение закончилось. Трудности закаляют сильных, но слабых они опускают еще ниже. Твой брат становится безумен, поэтому представляет опасность для окружающих, в том числе для тебя.

С бледным лицом, которое делало ее большие глаза еще больше, Йева посмотрела на отца и промолчала, смирившись. Отчего-то ей вспомнились слова ее брата после событий на Мертвой Рулкии. И в самом деле, Леонард, возможно, стал терять рассудок, поддавшись страстям.

* * *

Леонард брел по черным коридорам, то и дело спотыкаясь. Значит, Райгар оказался прав...

Галереи Молчаливого замка действительно были молчаливыми. Впрочем, когда-то давно, когда иссушить старейшину считалось обычным делом, под этими сводами еще чувствовались порывы жизни. Более тысячи лет назад здесь жило восемь старейшин с большой свитой и окружением. Но эти времена закончились, и теперь, когда многие комнаты открывали только для суда, под сводами поселилась угнетающая пустота, осела вниз, отчего Лео шел, обхватив свои плечи руками, потому что чувствовал: его будто что-то обволакивает со всех сторон. Замок внушал ему глубинный страх. В состоянии внутреннего опустошения он поднялся на третий этаж, свернул в левый коридор и, пройдя до конца, отупело занес руку для стука. Некоторое время он медлил, ощущая, как что-то ворочается внутри и отговаривает... Однако дверь отворилась сама. За порогом стоял граф Райгар Хейм Вайр, который приоткрыл дверь еще шире и сделал приглашающий жест.

– Здравствуй, Лео, – улыбнулся граф толстыми губами.

Леонард вошел внутрь, и ему показалось, что тьма здесь, в ничем не освещенной огромной комнате, еще более густая, чем в коридорах. Присев в кресло, он попытался унять дрожь, но Райгар уже увидел ее, отчего улыбнулся еще шире. Граф приземлился в кресло напротив и с гулким звуком подвинул его ближе, да так, что его колени стукнулись о колени гостя. Тончайший, как лезвие, свет луны, едва пробивающийся между тяжелых гардин, упал на его широкое лицо, сделал его жутким, неестественным.

– Ну-с, ты возвращаешься в Брасо-Дэнто с Белым Вороном?

– Да, – прошептал Леонард.

– И какие у тебя и у твоего отца планы? Поделишься? Раз уж пришел пообщаться.

– У меня нет планов... У отца... – Лео подумал, что лучше не говорить о предложении по поводу королевского двора. – Вроде тоже никаких...

Граф Хейм Вайр почесал свой мясистый нос, почмокал толстыми мягкими губами и принялся рассматривать изуродованного Леонарда.

– А как Филипп себя чувствует?

– Не знаю.

– Как не знаешь?

– Вроде подавлен... – промямлил Лео.

– Вроде? Тебе неинтересны чувства собственного отца? – По губам графа толстой змеей скользнула насмешка. – Впрочем, мы с тобой говорили о том, что отцами таких называть

и считать ни в коем случае нельзя. Взял к себе бедных сироток, заведомо зная, что они обречены на гниение в смертной оболочке, пообещал им с корабля, а потом лишил всяких надежд. Хорош отец! А как он собственного родного сына лишился, знал бы ты... Заботливейший отец...

– Так зачем вы позвали меня?

– Просто пообщаться. Мы просто общаемся. Знаешь ли ты что-нибудь о травах, растущих в твоих землях?

– Не знаю.

– Местоположение Солрага поистине чудесное... Много чего редкого растет, – сказал граф. – Взять тот же пятилистник – убирает жар, ускоряет заживление тканей. Просто чудо, а не цветок! Или, например, ксимен. Ты что-нибудь слышал об этом великолепном растении?

– Нет.

– У людей используется при зеленой оспе, хотя немногие знают про эти свойства. А вот старейшины, например, весьма наслышаны о нем.

– Почему же?

– Его добавляют в Гейонеш, который дают старейшине при обряде воспоминаний. Совсем чуть-чуть – ослабить ровно настолько, чтобы подсудимый не смог ни убежать, ни напасть. Твой рыбак был таким обмякшим именно из-за него. А вот если, предположим... – И Райгар замолчал.

– Что? – не выдержал Лео.

– Предположим, если человека поить лишь отваром из ксимена вместо простой воды, то, когда старейшина целиком осушит этого человека, он рухнет камнем на землю всего через пару минут.

– Умрет?

– Нет, конечно! – расхохотался Райгар, довольно потирая потные ладони. – Лишь потеряет возможность двигаться на день-два. А пока он в таком состоянии, с ним можно делать что угодно.

– Например, провести обряд передачи дара? – догадался Лео, глуповато переспросив.

– Да хоть обряд, – поморщился граф от такой недогадливости. – Причем ксимен в крови человека не чувствуется на вкус, это его отличительная особенность. Но обычным вампирам он не вредит, это тоже забавно. Только старейшинам. Поэтому его не выращивают здесь, в Молчаливом замке, а покупают извне и слова передачи дара всегда утаивают от слуг.

– Я тоже не знаю слов... – осторожно заметил Леонард.

С понимающей улыбкой заговорщика граф поднялся и подошел к сундуку, достал оттуда две заранее подготовленные бумаги и вернулся, тяжело втиснувшись в кресло. Он передал их графскому сыну. После прочтения лицо того зарделось радостным румянцем, а глаза вспыхнули жизнью: в бумаге находилось решение всех его проблем.

– Смотри... Сначала делаются надрезы на шее приемника и дарителя... – Райгар, обратив палец в острый коготь, провел им по шее, чтобы показать нужное место. – Необходимо встать как можно ближе, почти вплотную. Далее читается текст: безостановочно, громко и четко. Я написал его на северной речи, чтобы ты мог его выучить. А выучить нужно хорошо... Эти черточки над буквами – ударения. Вертикальные – быстрое, горизонтальные – протяжное. – И он некоторое время показывал, минут с пять. – Все понятно?

– Да-а... – протянул Леонард.

– Если кто-нибудь решил бы передать дар, я бы посоветовал ему сначала составить документ, примерно вот такой, как тебе набросал. – С этими словами граф ткнул толстым пальцем во вторую бумагу. – Составить в двух экземплярах почерком того, кто отдает дар, и отправить один в Йефасу либо сразу после передачи дара, либо заранее. Но в твоём случае лучше сразу после передачи. Тогда тебя даже не будут вызывать в Молчаливый замок, а воспримут это как факт, раз Белый Ворон так подавлен.

Радостно кивнув обезображенным лицом, Лео подорвался из кресла, прижимая к груди заветную бумагу.

– Подожди, верни-ка мне пример завещания! Слова можешь оставить себе. Как же ты их выучишь? Удачи! – Райгар хохотнул и облизнул мясистые губы.

Леонард вылетел из комнаты, будто ему дали пинка, быстро завернул за угол и только потом сообразил, что до сих пор держит бумагу в руках. Перепугавшись, что его кто-нибудь заметит, он сложил ее вчетверо, спрятал под кафтан и уже более спокойной походкой, не обращая внимания на растекающуюся в ногу боль, отправился в комнату, где предавался честолюбивым сладостным мечтам, которым давно не предавался.

* * *

Он очнулся перед самым рассветом, когда небо окутывал густой сумрак. Ветер не на шутку разбушевался и продолжал биться в окна, по толстому стеклу стекали капли дождя вперемешку со снегом. Уилл попытался разглядеть хоть что-то перед собой. Однако вокруг колыхалась непроглядная тьма.

«Неужели это смерть?» – подумалось ему.

Снова прикрыв глаза, он вслушался в шум ветра, плеск капель, почувствовал под пальцами шершавую льняную ткань. Нет, это не похоже на безысходную пустоту... Он еще жив!.. Перед его глазами тут же пронесся суд, напоминавший скорее кошмар, чем акт правосудия. Тогда Уилл судорожно присел, будто его окатили холодной водой. Его грудь часто вздымалась. Глазами он в испуге выискивал хозяина своего кошмара. Вдруг на плечо опустилась рука, нежно погладила, успокаивая, и Уильям, повернув голову вправо, заметил седину волос и отшатнулся, приняв это за явление скорой смерти. Однако рядом с ним, в кресле из темного дерева, сидел вовсе не граф Тастемара, а та самая женщина, которая назвала себя любовницей Гиффарда. Мариэльд... Мариэльд де Лилле Адан. Ее серебристые волосы были заплетены в мелкие косы и, сливаясь в одну, украшены шпильками в виде металлического цветка с жемчугом.

– Тише, тише, – прошептала она.

Ее голубые глаза глядели мягко, успокаивающе, поэтому резкий порыв Уильяма моментально иссяк. Он в напряжении замер, всмотрелся в старую женщину перед собой.

– Ты не понимаешь, почему до сих пор жив? – спросила она, словно прочтя мысли.

– Да... – хрипло ответил он.

– Я использовала клятву, данную мне советом тысячу лет назад, чтобы принять тебя в свой род.

– И зачем, черт возьми?!

– Не затем, чтобы обмануть и передать твой дар кому-либо, – тепло улыбнулась

женщина. – У меня нет приемных детей, друзей и прочих, кто мог бы жаждать твоей смерти. Но когда я увидела твои воспоминания, то решила, что смогу помочь тебе. А ты, может быть, хоть как-то скрасишь мое одиночество, полюбив меня, как мать, и станешь мне ласковым, верным сыном.

– У меня лишь одна мать, но ее, вероятно, уже нет! – стиснул зубы Уилл. – Я сожалею, но... боюсь, из меня выйдет никудышный сын. Лучше верните меня обратно в зал суда, чтобы уже закончить то, за чем меня сюда притащили!

Из его груди вырвался тяжелый стон.

Против воли он продолжал находиться в зале суда, когда ему зачитывали бумаги. Как легко его предали те, кого он действительно любил всем сердцем. А как посмотрел на него граф Тастемара, как холоден, беспощаден был его взгляд! Его, дурака, не собирались щадить. О, эти лживые обещания помочь, данные только для того, чтобы избежать проблем с сопровождением незаконного преемника. Действительно, как он смел рассчитывать на спокойное счастье, будучи простолюдином, у которых счастья не бывает? Лицо Уильяма перекопилось в злобе, и он сжал кулаки. Старая графиня попыталась его успокоить, снова погладила по плечу, но он только грубо оттолкнул ее руку. Резко вскочив, он припадающим шагом пошел к одному окну, посмотрел на дождь со снегом, затем – к следующему. Если бы он мог видеть себя со стороны, то, вероятно, испугался бы, поскольку походил на больного зверя, мечущегося в клетке.

– Аспея забирает обычно в середине или конце зимы, так что твоя мать, скорее всего, еще жива. Мы можем ее навестить, когда отправимся домой, – сказала ровным голосом женщина.

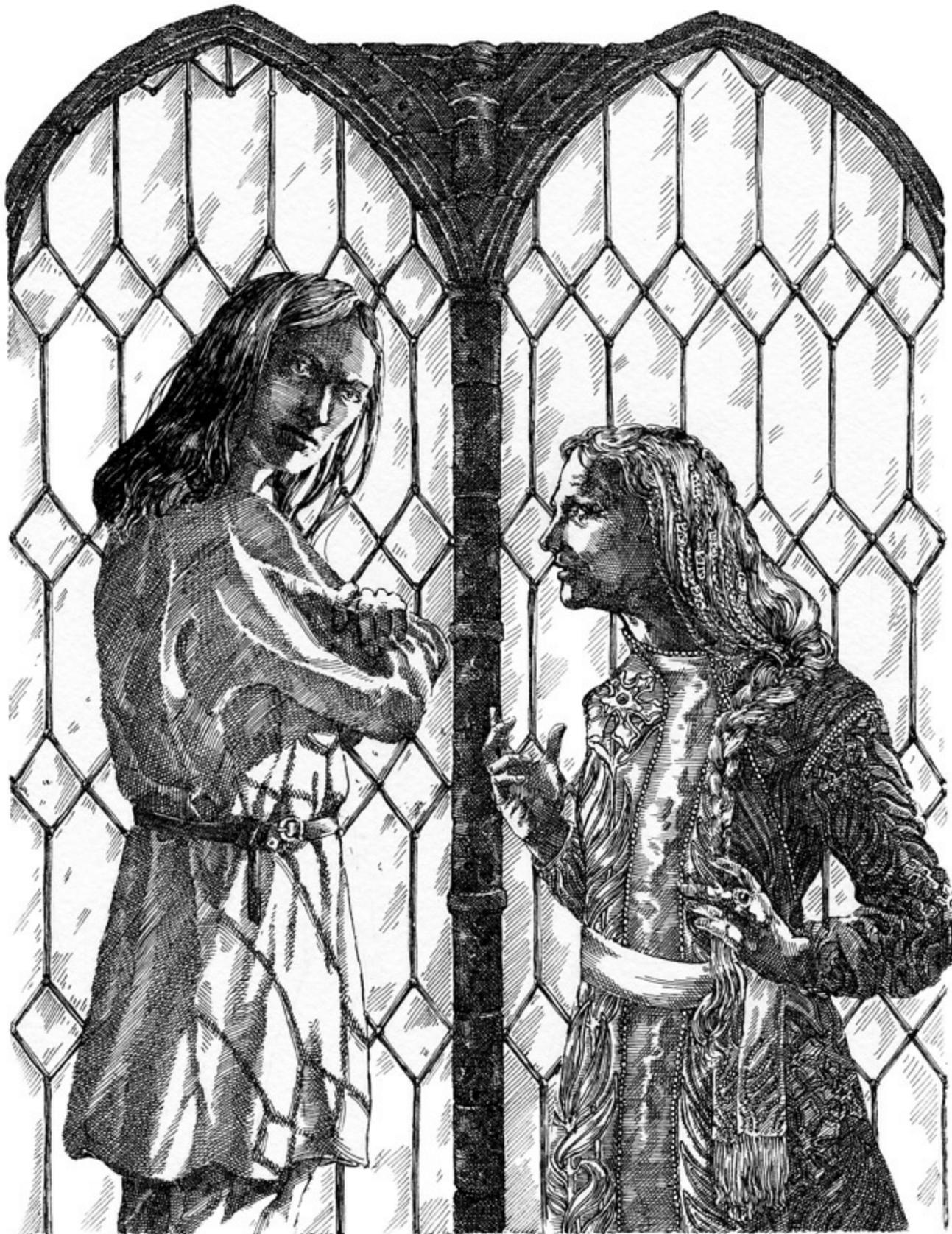
Вздвогнув при этих словах, Уильям остановился, перестал болезненно озираться и посмотрел на седовласую женщину. Он не знал, что сказать и куда себя деть. Все внутри него содрогалось от воспоминаний о суде. Что еще им всем нужно от него? Неужели его доверием опять пытаются так бесстыдно воспользоваться?!

– Я тебя не обманываю, – продолжила графиня, тепло глядя на Уильяма. – В Ноэль, твой новый дом, можно попасть двумя дорогами: либо через крохотный Гаиврар на юге, либо через север Имрийи, которая соседствует с твоим Офуртом. Вторая дорога, конечно, длиннее... Но чтобы ты увидел мать и помог ей, мы сделаем этот большой крюк.

– Матушке нельзя помочь, – покачал головой Уилл. – В замке я перебрал полтора десятка книг. И везде сказано, что это неизлечимое заболевание для северных целителей... Так что ваши слова можно выбросить на ветер. Они лживы изначально! Не старайтесь меня обмануть!

– Ты правильно заметил, что заболевание неизлечимое для целителей северных. Но никак не южных...

Когда графиня увидела, что ее слова заставили Уильяма замереть и прислушаться, пусть и с подозрением, она поднялась из кресла. Подойдя мягкой походкой, женщина снова протянула к нему руку, погладила рукав его белоснежной рубахи и разровняла складочку.

– Один мой друг... – произнесла мягко она. – Он как раз южный целитель и уже не раз справлялся с болезнями и пострашнее. Он поджидает нас в Йефасе. Если твоя мать еще жива, он не только облегчит ее страдания, но и может полностью излечить.

– Это невозможно... – сказал Уильям, нахмурившись и глядя куда-то вдаль, в пустоту.

– Все возможно. Нужно лишь иметь знания и средства.

– Откуда взяться южному лекарю здесь, на Севере? Лжете! Что вам надо?..

– Пацель порой любит сопровождать меня в путешествиях. Я же сказала, что он мой

друг. Ты с легкостью можешь спросить об этом у слуг. – Графиня пропустила мимо ушей его выпады и попыталась коснуться его пальцев, но Уилл отдернул руку. – Я повторяю, что не собираюсь забирать твою жизнь. Очень давно я потеряла сына, похожего на тебя, такого же черноволосого и молодого, и поэтому, увидев тебя в зале суда, решила, что... может быть, ты сможешь полюбить меня, как мать, и станешь мне хорошим сыном.

Уильям промолчал, только сделал шаг в сторону от той, кто так настойчиво пыталась назваться матерью.

«Ростом с Йеву», – подумал он, и тут же его лицо вновь перекопилось, стоило ему вспомнить дочь графа. Вспомнил, как она не желала ничего говорить и нагло врал в глаза. Вот, значит, почему она избегала его? Боялась проговориться! Лгунья, как и ее отец, потакающая всеобщему предательству! А он, как последний глупец, бегал за ней, пытался извиниться и понять, что с ней происходит. Дурак! Болван! Пока он вспоминал все происходившее, продолжая связывать это с длительной ложью, старая графиня подошла к столу, взяла оттуда документ и вложила его в руки Уиллу. Тот опустил глаза, принял документ с печатями, вчитался, однако не понял, о ком там идет речь. Он даже перевернул бумагу, чтобы найти ответ на другой стороне, – но там оказалось пусто.

– Юлиан де Лилле Адан? Про кого здесь написано?

– Про тебя. Уильям – это имя, распространенное на Севере, – ответила графиня. – Когда ты поедешь со мной в Ноэль, там оно будет для тебя обузой и клеймом. Все будут считать тебя северянином. Так что вместе с новой жизнью ты получил новое имя. Многие из нас в свое время отказались от своих старых имен, чтобы пойти дальше.

– И зачем вы мне это дали? – не понимая, спросил Уилл, крутя в руках бумагу.

– Чтобы ты убедился в истинности моих намерений. Наш клан старается все сначала узаконивать, а затем документировать. И перед тобой самый настоящий документ, подтверждающий твой статус. Ты можешь оставить его у себя, а можешь порвать прямо сейчас, на моих глазах, и стать простолюдином. Я не собираюсь навязывать тебе определенное решение, как другие, – даю свободный выбор. Но предполагаю, что тебе некуда идти после суда, поэтому приглашаю отправиться со мной в Офурт, чтобы ты смог спасти свою мать от ужасной смерти...

И Мариэльд замерла в ожидании.

Уильям же опять промолчал. Он глядел то на документ, где его имя было записано как Юлиан де Лилле Адан, то на графиню с глазами, напоминающими гладь озера в летний ясный день. В ее облике чувствовалось величественное спокойствие, которое действовало на него умиротворяюще, заставляло прислушиваться. Однако он все равно не доверял ей... Ему хотелось уйти отсюда, чтобы его больше не предавали: перед глазами до сих пор стояли сцены кровавого суда. Именно поэтому, продолжая рассматривать скрепленную печатями бумагу, в которой было четко сказано, что теперь он Юлиан де Лилле Адан, он плотно сжал губы. Затем прищурился и заметил:

– Вы так и не сказали, зачем вам нужен я, обычный рыбак? Неужели за все годы не было возможности использовать какую-то там клятву для другого? Я просто не верю. Извините...

Уильям вернул бумагу и сам стал ждать ответа.

– Скажите прямо, к чему вы ведете?

Мариэльд качнула плечами.

– После Кровавой войны, которая унесла жизнь моих сына и мужа, было заведено правило передавать дар только зрелым мужам. Обычно в возрасте семидесяти – ста лет...

Считается, что вампир к этим годам преисполняется мудрости, опыта и перестает быть рабом телесной похоти, чтобы исключить на него влияние со стороны. Я же, впервые за много веков, вижу перед собой красивого юношу, который годится мне в сыновья и внешностью, и истинным возрастом.

– Какой же из меня юноша? – против воли усмехнулся Уильям.

– Для всех старейшин ты наивный юноша, но никак не зрелый муж, – улыбнулась Мариэльд. – Раньше у меня не было возможности использовать клятву для кого-то подходящего. На суде появлялись либо уже сморщенные старики, либо отщепенцы, дерзнувшие обманом завладеть даром своего господина.

– По сути, со мной произошло то же самое...

– Ты не прав. Гиффард сделал тебя старейшиной не затем, чтобы ты донес дар Филиппу, как тот думал, а потому что ты достоин. Можешь спросить любого на ужине, тебе все подтвердят. Мы все видели твои воспоминания. – Она ласково посмотрела снизу вверх. И говорила так спокойно, что это не могло не действовать на собеседника.

Уильям нахмурился, почесал подбородок.

– Я потерял сознание... А что потом? Что я пропустил?

– После того как совет увидел в воспоминаниях, что ты законный наследник Гиффарда, о чем он сообщил нам, умирая, я решила использовать клятву и усыновить тебя. Мои айоры взяли тебя на руки и принесли сюда. А уже к полудню Летэ фон де Форанцисс передал мне официальный документ, подтверждающий твою принадлежность к моему роду Лилле Аданов.

Уильяма продолжали терзать сомнения. Он еще раз посмотрел на ту, что спасла его, на ее теплый, но величественный взор. Впрочем, столь тепло на него некогда смотрел и Филипп фон де Тастемара... Если бы не ловкое предложение графини отправиться в Офурт, чтобы спасти матушку, он бы попытался поскорее уйти отсюда. Его пальцы уже мяли уголок документа, готовые порвать. Внутри ворочалось надолго поселившееся в его душе недоверие, которое успело пустить в нем корни, но предложение было столь заманчивым, что он боялся не воспользоваться им и обречь матушку на погибель.

– Вы, госпожа, говорите много и красиво... – наконец сказал он. – Но я уже слышал что-то подобное об обещаниях помощи от... – Слова застряли у него в горле. – От графа Тастемара.

– Хорошо. Вижу, ты научен горьким опытом и не веришь мне.

– Не верю, извините, – покачал головой Уильям, наблюдая за успокаивающейся за окном непогодой.

– Тебя ни к чему не обязывают. Как я и говорила, ты можешь уйти в любое время, и, *клянусь*, я не буду преследовать и мстить. Если твоя родная мать жива, то мой друг исцелит ее, и даже тогда я не буду требовать от тебя благодарности. Ты можешь покинуть меня сразу после Офурта.

– А если матушка уже мертва?

– Что ж, это ничего не изменит. Я тебе уже сказала, что ты можешь покинуть меня в любое время.

По лицу Уильяма вновь пробежала тень сомнения. Он еще раз взглянул настороженно на хозяйку Ноэля, о котором ничего не знал.

– Хорошо... Я отправлюсь с вами до Офурта. И... спасибо вам за спасение...

– Раз уж ты решил дать мне шанс, – графиня улыбнулась, – хочу кое о чем тебя

попросить.

– О чем же? – в глазах Уильяма снова вспыхнуло подозрение.

Ему показалось, от него потребуют чего-то, что вмиг перечеркнет все прошлые обещания. Неужели это и есть начало очередного злого предательства? Понимая, что старая графиня стоит совсем рядом с ним, почти вплотную, он отодвинулся подальше от нее к окну.

– Не переживай. Единственное, о чем я тебя попрошу, – это позволить моим слугам тебя подстричь! – расхохоталась графиня.

– Но чем плохи мои волосы, госпожа? – удивился Уильям, дотрагиваясь до волос, что лежали на плечах волнами и блестели, подобно перьям ворона.

– Юлиан, как считают в Ноэле, «мужчинам с длинными волосами пристало находиться либо на Севере, либо в свинарнике»...

Поморщившись от «Юлиана», Уилл кивнул и принялся расхаживать по покоям, пока графиня посматривала на него. Сам он старался не смотреть на нее, усиленно размышляя о том, что же ему наобещали. Больше он никому не доверял, убедившись, что улыбки и теплые взгляды не мешают держать за спиной подлый клинок. В свое время и граф Тастемара, и Йева, которая позволяла целовать ее, убеждали его в честности намерений, а он, наивный дурак, добровольно вкладывал в их руки свою жизнь.

И чем это для него обернулось?

Кто знает, что скрывается за улыбкой старой графини Лилле Адан? Она одна из влиятельнейших. Да, у нее было приятное лицо с тонкими аристократическими чертами, такой же приятный, будто материнский взгляд, каким на него некогда смотрела матушка Нанетта, встречая на пороге. От этого на Уильяма неожиданно нахлынули детские воспоминания: его окруженный изумрудными соснами дом, запахи запеченной на углях рыбы, дышащие лесом дрова, стол с трещинами, за которым вечером собиралась вся семья. Уильяму вдруг отчаянно захотелось поехать в Варды, чтобы исправить произошедшее!

Однако, вероятно, рассуждал он, старая графиня куда более искушена в искусстве лжи, чем тот же граф Тастемара. Поэтому ее материнский взгляд может быть лживым. Хотя, с другой стороны, куда ему идти? Не было для него больше никаких дорог, кроме как бродить зверьем между деревьями. Так какая, собственно, разница, что с ним сделают? Но, быть может, хотя бы увидит свою родную мать и поможет ей.

Будь что будет!..

* * *

После вежливого стука в покои вошел тощий долговязый вампир, облаченный в шаровары и белоснежную рубаху с высоким воротом, который облегал шею. В его руках был таз, а на боку висела витиевато украшенная тканевыми цветами сумка. Вампир окинул комнату прищуренным взглядом, и его губы, обрамленные чудно остриженными усами, расплылись в раблепной улыбке. В легком поклоне он возвестил шепелявым голосом с акцентом:

– Доброе утро, тео! Вижу, что и ваш сын уже проснулся. Как я вовремя. Не поверить, бежать со всех ног, чтобы успеть сюда к рассвету!

– Ты должен был явиться раньше. Займись им! – приказала графиня, и в ее голосе зазвенел металл.

Со вздохом, что он вновь заложник ситуации, Уильям направился к дубовому креслу, на которое ему указал цирюльник. А когда подошел, впервые осознал, что больше не хромает и чувствует себя вполне здоровым.

– А сколько я спал? – вдруг спросил он.

– Присаживаться, – поспешно обратился к нему цирюльник. Он пригладил свои забавные короткие усики. – Ах, мне уже не терпеть приступить! Руки так и чесать обстричь эту лошадиную северную гриву!

Усевшись в кресло, Уилл задумчиво вперился в пол. Он уже напрочь позабыл о собственном вопросе. Впрочем, Мариэльд не стала отвечать. Взглянув на сына, она устроилась на кушетке около большого окна и прикрыла глаза.

Около уха противно защелкали ножницы.

На мгновение Уильям отвлекся и увидел упавшую к своим ногам черную прядь. Пока его стригли, перед глазами ясно вставал обряд памяти. Ему показалось, что во время суда Горрон де Донताल смотрел на него сочувственно и, можно сказать, даже печально. Пожалуй, к нему единственному он теперь не испытывал ни отвращения, ни ненависти. И что-то подсказывало, что Горрон пытался ему помочь, но делал это, возможно, слишком деликатно, не смея мешать своему старому другу.

Пока он раздумывал, в покоях стало тихо. Посветлело. Дождь сменился снегом. Снег белоснежными хлопьями налипал на толстое стекло и тут же таял, соскальзывал и скапливался на металлической оплетке. Значит, отрешенно подумал Уилл, в Офурте уже давно властвует зима. Стало быть, матушка испытывает обострение болезни... В этом он увидел еще одно подтверждение своего выбора: нужно потерпеть, чтобы посетить Варды. А потом почувствовал, как его забил озноб. Пусть в покоях и пылал камин, но его не хватало для прогрева столь громадной комнаты с тремя полуциркульными окнами и высокими потолками.

Между тем старая графиня дремала на кушетке совсем неподвижно, одетая в тонкое серое мягкое платье, чем-то напоминая мраморную статую. Ее белоснежные, как снег за окном, косы лежали на ее костлявых плечах. Казалось, она дремлет – глаза ее были закрыты, но не было никакого движения век. Точно статуя... А потом Уильяму вдруг вспомнилось, что она ничем не пахла, в отличие от графа Тастемара, от которого часто несло лошадыми, старой бумагой и кожей.

«Этот замок строился не для людей», – сделал вывод Уильям, глядя на неподвижную графиню. От этой мысли он невольно дернул плечами.

– Тео, не шевелиться!

Цирюльник в раздражении причмокнул губами. Чуть погодя он спрятал ножницы в сумку, потер ладони, чтобы согреться, и достал оттуда серебряные тонкие трубочки с выбитым на них узором. На эти трубочки Уильям поначалу непонимающе покосился, однако тут же его мысли занял подсчет, как быстро они достигнут заснеженного Офурта. Две недели до Брасо-Дэнта... Потом, значит, несколько дней до Больших Вардов. Ну, предположим, три недели в пути... А дальше он уже узнает, что с его матушкой и насколько исполняются обещания.

Можно ли вылечить зимнюю аспею?

– Госпожа... – тихонько позвал он.

– Да, Юлиан. – В ту же секунду глаза статуи открылись.

– Когда мы покинем Молчаливый замок? – поинтересовался Уильям, поморщившись

от нового имени.

– Завтра утром, сразу же после окончания ужина.

– Какого ужина, госпожа?

– После заката в Красном зале соберутся все те, кто еще не уехал. Согласно обычаю, мы пообщаемся под музыку, обменяемся новостями и снова разъедемся на добрую сотню лет. – Графиня оценила работу цирюльника. – Хорошо получилось. Мне нравится.

Цирюльник пригладил свои чудные усики. Он тоже считал, что получилось хорошо, ведь иначе и быть не могло. Затем, дыхнув на ладони, сказал:

– О да, тео! Теперь ваш сын выглядеть вполне себе нозлец. Никаких северных патл, свисать до плеч!

От таких слов Уильям нахмурился, привычным жестом потянулся к волосам, но схватил только воздух. Тогда он поднял руку выше и понял, что его обстригли слишком коротко. Густые смоляные волосы были уложены назад, и, чтобы передние пряди не падали на лицо, цирюльник вплел в них серебряные трубочки.

Мариэльд изящно привстала с кушетки.

– До вечера еще много времени, – произнесла она, – так что пойдем, прогуляемся по заснеженному саду. И перестань, Юлиан, возвращаться мыслями к суду. Это ничего не изменит... Все, что должно было произойти, уже произошло.

– Извините, госпожа... Воспоминания сами возвращаются...

– И продолжают возвращаться. В первое время они будут с тобой и днем и ночью, а Белый Ворон станет для тебя самым страшным и уродливым гримом. Но тебе нужно понять, мальчик мой, что на самом деле в нем нет ничего страшного... Неужели ты позволишь ему довлеть над собой? Ты уже один из нас, – произнесла ровным голосом графиня Лилле Адан, затем обратилась к цирюльнику: – Пайот, позови айорок, пусть принесут мне расшитое жемчугом платье, а Юлиану выдадут черный комплект. Да поторопись!

Прибравшийся цирюльник тут же закинул цветастую суму на плечо, схватился за таз и побежал прочь из покоев. Улыбнувшись сыну, Мариэльд пошла следом.

Уильям остался наедине с собой. Впрочем, ненадолго. Спустя пару минут к нему в спальню буквально влетела стройная девушка, у которой, что крылья, развевались рукава, и поклонилась с самого порога.

– Здравствуйте, тео Юлиан! Вам сказать выдать черный комплект... Ах, где же он... Где же... – И она принялась рассеянно осматриваться, бормоча что-то непонятное. – Ага, да вот он! Опять Ада переложить!

Произнеся это, девушка подбежала к креслу и выбрала из всей одежды черные шаровары до голени, которую прикроет сапог, белоснежную рубаху с узким рукавом и воротом-стойкой, голубой кушак, кожаный жилет, на котором был выбит крупный цветочный узор, а также темный плащ с прорезями для рук. Потом она схватилась за черные перчатки и такие же черные чулки. И, вновь поклонившись, услужливо предложила:

– Вам переодеть? – У девушки был курносый, но все же милый носик, который немного приподнимался при улыбке.

– Нет... – покачал головой Уильям.

Вылетев из спальни так же быстро, как влетела, служанка, перед тем как захлопнуть за собой дверь, просунула в проем свое круглое личико. Она еще раз взглянула на печального хозяина, чтобы потом рассказать всем остальным о нем, красивом, высоком, но молчаливо-сдержанном и с маской утраты на лице.

Уильям озадаченно оглядел отобранные для него вещи. То был привычный для южанина, но непривычный для северянина костюм. Растянув шаровары, которые оказались не так уж и широки, он еще немного посомневался. Но выбирать не приходилось...

Со вздохом, не переставая вспоминать суд, он принялся одеваться, пока в конце концов не накрутил на талию голубой кушак. Его удивляли ярко-голубые элементы одежд. Он догадывался, что символом графства Ноэль является какой-то цветок, не зря же этот орнамент украшал каждую деталь, – но, что это за цветок, он не знал. То был голубой олеандр, произрастающий на морском побережье: с приглушающей бдительность сладким мягким запахом, но сочащийся ядом. Уильяму только предстояло все выяснить, а пока он пребывал в задумчивом неведении. Накинув сверху плащ и просунув руки в прорези, он отметил, что это очень удобно.

Наконец, обувшись и натянув перчатки, он полностью зашнуровал плащ и в тяжелом молчании вышел в коридор, где его уже ждали.

Старая графиня, закутанная в такой же плащ с прорезями, развернулась и чинно пошла по полным мрака коридорам, пока за ней следовал молчаливый Уилл. Они спустились на первый этаж, где им встретились лишь три слуги, которые низко кланялись – куда ниже, чем тому же графу Тастемара. Хромота Уильяма прошла не окончательно, но чувствовал он себя так, точно после прыжка в Мертвую Рулкую прошло много дней.

– Госпожа... – почти шепотом обратился он, боясь нарушить тишину Молчаливого замка. – Долго ли я спал? У меня почти затянулись раны на голове, шее и запястьях...

– Недолго. Всего день. Просто умелые руки лекаря сродни рукам маготворца, – улыбнулась графиня, двигаясь величественным шагом.

– Понятно, спасибо... – кивнул серьезно Уилл.

Он не знал, о чем можно разговаривать с этой чужой для него женщиной, которой он совсем не доверял. Впрочем, у него вообще не было настроения разговаривать с кем-либо, поэтому он шел, погруженный в тягостные думы, прятал руки в плащ, показывая из прорези наружу локти, чем напоминал нахохленного черного ворона.

Они подошли к главному входу, прошли мимо и двигались так, пока за одним из поворотов не обнаружилась маленькая железная дверца. Ее отворил безликий покорный слуга. После сдавливающего замкового мрака Уильям на миг ослеп, прикрыл глаза рукой и зажмурился, показав клыки. Снегопад сыпал так обильно, густо, что успел покрыть землю пуховым одеялом, и даже видневшиеся за воротами голые деревья уже укрыли белые шапки. Оглядевшись, пока они в молчании шли по узеньким дорожкам, Уильям неожиданно вспомнил зимний Офурт, свое детство и на мгновение улыбнулся.

– Первые дни зимы всегда дарят чувство умиротворения и приятной печали, напоминают о детстве, правда? – оглянулась с хитрой улыбкой графиня.

Уильям смутился, опустил руку и невольно улыбнулся, потому что, несмотря на нищету, он считал детство в целом счастливым и приятным.

– Такое чувство, что вы читаете мои мысли, госпожа...

– В твоем случае этого не требуется. У тебя все на лице написано.

Старая Мариэльд медленно побрела в самый дальний угол сада по усыпанной снегом

дорожке, оставляя аккуратные неглубокие следы. Они снова умолкли. Вдыхая приятный груди холод, Уильям рассматривал сад с его спящими голыми растениями, представлял, каким он становится пышным и зеленым летом, даруя спасительную от зноя тень.

– Госпожа...

– Юлиан, если не перестанешь называть меня госпожой, я буду тебя постоянно звать Юлианом. Через каждое слово! Посмотрим, как быстро тебя возьмет страшная предсмертная судорога. – Она неожиданно легко рассмеялась, затем сказала оторопевшему Уиллу: – Ну, говори уже.

– Я всего лишь хотел спросить, как вы... – Он помялся и решил начать по-другому: – Мне мало рассказывали о старейшинах, и теперь я понимаю почему... Но я слышал о вас и о том, что вы одна из древнейших, что вы будто бы ходите по этому миру долгие-долгие века. Скажите, как вы можете так долго... – У него не получилось придать форму своей мысли. – Так долго жить? Что держит вас здесь, когда все вокруг столь отвратительно и безрадостно?

– Ты думаешь, твоя жизнь перестала иметь смысл?

– Нет, вовсе нет... хотя... Я не знаю. Внутри пустота... Не знаю, как описать, – растерялся Уильям, оглядывая дальний угол, куда они зашли. Здесь их никто не видел и не слышал.

– Внутри тебя пустота, потому что ты впервые сталкиваешься с предательством, несправедливостью, лицемерием. С годами станет проще...

– А что потом? Чувства притупятся?

– Нет-нет, они не притупляются. – И графиня печально добавила: – Предательств будет куда меньше, потому что ты перестанешь доверять свое сердце кому попало, но они станут глубже, болезненнее. Ты слишком мало знал Белого Ворона, мало знал о его вероломном характере. Отпусти его, его дочь, забудь о предательстве и иди дальше, просто впредь будь осторожнее.

– Я постараюсь, госпожа, – склонил голову Уильям.

– Хорошо, Юлиан. Постарайся, Юлиан. – Графиня насмешливо вскинула бровь, взглянув на резко покрасневшего собеседника. – Что такое, Юлиан?.. Тебе не нравится имя Юлиан?

– О Ямес, ну почему это странное имя, госп... – Он вовремя осекся, улыбнувшись второй раз за день. – Извините, но как же мне вас называть, если не госпожой? Может быть, тео? – ему вспомнилось, что так к графине обращались ее слуги.

– Матерью... Зови меня только матерью. Из зала суда вынесли моего новообретенного сына, а не еще одну машущую хвостом собаку, коих у меня достаточно. Прими как факт, что после той ночи в Вардцах ты потерял возможность быть рыбаком Уильямом, зато благодаря мне обрел возможность стать кем-то другим, – и сразу станет легче. Мне тоже в свое время пришлось так поступить...

Уильям промолчал. Он не знал, что ответить, потому что не верил во все сказанное и мало что понимал.

– Вижу, ты продолжаешь не верить мне. Недоверие основывается на непонимании.

– Уж нет ли у вас дара чтения мыслей? – вздрогнул Уилл.

– Нет, такого дара у старейшин не бывает. А с тобой и дар не нужен. Повторяю, у тебя лицо как пергамент, на котором слова – твои мысли, поэтому Белому Ворону и удавалось поддерживать обман. Ну и раз мы отошли так далеко, что нас никто не услышит, то, что же... Давай я немного поведаю тебе о своей судьбе. – Графиня качнула плечами, взялась

за локоть Уильяма. – Тогда ты лучше поймешь меня, а я... Я вспомню то, что было будто бы не со мной – так давно это произошло...

Взяв сына под локоть, Мариэльд сняла капюшон, с которого осыпался снег, и принялась рассказывать:

– Много лет назад я родилась в землях, которые в те времена не имели ни названия, ни герба, ни короля. Эти земли в будущем назовут краем тысяч гор и рек, краем острейших высоких вершин и черных-пречерных пещер, какие только есть на этом свете.

– Это же Офурт? – изумился Уильям.

– Да, Офурт, – кивнула графиня. – А еще мои отец и мать были обычными людьми. Да-да, Юлиан, не смотри так, я такой же человек, как и ты. Об этом в клане знают немногие...

Я родилась под другим именем – Хеоллея. Моя деревня звалась Руротроон, что означало Маленькая, и была продолжением другой деревни – Аурутроон, то есть Большая. Мы занимались скотоводством, рыбалкой, охотой и жили, в общем-то, уединенно. Изредка к нам являлись для обмена люди из далеких земель. Когда я стала женщиной и у меня пошла первая кровь, отец продал меня за пару коз прибывшему для торговли вождю Карнкапа. Пара коз – очень щедрая плата, но я была невероятно красива, статна.

Мой муж оказался зрелым, бородатым, имел нескольких детей моего возраста. По прибытии в его поселение я уже была беременна. Патрупприн – так звали моего мужа – любил меня, и я стала его последней, четвертой, женой, а за те годы, что он был жив, родила ему множество детей. В свою очередь, они выросли и породили своих детей. А к моменту тех страшных событий, о которых я тебе расскажу дальше, моему младшему сыну Енрингреду, такому же высокому, как ты, с голубыми глазами и красивым лицом, было около двадцати зим.

О, Юлиан, это были чудовищные, невообразимые времена... И легенды о них не передадут и части того ужаса, что воцарился в наших землях... Огонь взметался до небес, порожденный дыханием исполинских тварей. Воды шипели белой пеной, когда в них погружались воюющие на сто голосов существа размером с корабль. Посреди ковыльных пустошей за неделю могла вырасти остроконечная гора. В лесах шелестела листва, точно проносился ветер... но то был не ветер, а тысячи порождений демонов, что сделали ветви и кусты своим домом. А человеческие поселения, что же... Поселения пропадали целиком, когда по ним проходили последователи юстуусов.

– Кто такие юстуусы? – переспросил вполголоса Уилл, придерживая графиню под руку. Они бродили по усыпанным пухлым снегом дорожкам.

– Их еще порой зовут велисиалами, – сказала Мариэльд. – Горрон рассказывал тебе о них по пути на суд. Помнишь? Однако сейчас они обитают лишь в преданиях, а вот тогда их жрецы, преданные, жестокие, приходили и приносили смерть... Они убивали всех зрелых и старых, забирая с собой лишь молодых, способных пережить кровавые обряды. Мое поселение, располагавшееся в будущем Аелоде, постигла та же участь. Они пришли холодной осенней ночью, когда ветер дул с севера. Их было едва больше полусотни, но из-за того, что жрецы явились из темноты, никто не успел отреагировать... К тому моменту мой муж уже давно погиб и вождем был сын первой жены.

На моих глазах сначала убили моего старшего Моллуда, затем закололи двух других – Дроррука и Обехониона. Средний сын, Миллор, сгорел заживо, оказавшись запертым в подожженной лачуге вместе с несколькими жителями. Я слышала его крики, но не могла помочь. А мой младший Енрингред... – Графиня вздохнула. – Он попытался вывести меня

и свою жену с новорожденным сыном за ограду поселения, чтобы исчезнуть в ночи. Но его настигло копьё, жену отобрали, ребенка растоптали кони, а мне достались стрелы, что пробивали грудь, живот и ноги.

Мой дорогой сын, я уже вижу, что ты странно притих от моего рассказа и, похоже, позабыл ненадолго даже собственный суд. Да, все познается в сравнении. Чужие великие горести заставляют думать, что собственные куда мельче и не так значительны...

В ту ночь погибла большая часть моей семьи, а выживших увели. Я умирала, мысленно готовясь к тому, что моя душа отлетит в Сумрачный Хорренх, но перед этим качала на руках своего Енрингрета, хрипящего и окровавленного... К рассвету мое тело стало неметь, и я наблюдала за восходящим солнцем со слезами на глазах, поглаживая уже ледяную руку любимого сына.

В те годы в северных землях происходило много чего необычного. Можно было встретить как тех, кто уносил в черноту смерти, так и тех, кто наделял светом жизни. На рассвете явились незнакомцы, которых горящее поселение привлекло, как мотылька пламя. После долгой беседы с ними я и получила свое тягостное бессмертие...

Многое произошло после той страшной ночи. Рассказывать, увы, долго, да и бессмысленно. Спустя годы я повстречала Моралеона. Он был таким же, как и я, и мы отчасти исцелили душевные раны друг друга, решили идти дальше вместе. Прибыв в прибрежный Ноэль, который уже тогда звался Ноэлем, и имея небольшое войско, мы захватили там власть. Мне пришлось изменить имя на более южное – Мариэльд. Годы текли... Бессмертных становилось все меньше, ведь тогда не считалось дурным тоном одному иссушить другого до последней капли крови. Я познакомилась с Летэ фон де Форанциссом и его женой, потом имела знакомство и с Горроном де Донталем, но лишь отдаленно, общаясь через других. Тогда, в зарождающихся королевствах, мы смогли занять свои земли, получить титулы и правила, постоянно воюя.

А тысячу лет назад в одном из разрушенных поселений мы с моим мужем обнаружили мальчика-сироту. И усыновили его. После победы над воинственным родом Лортров мы дождались, пока он возмужает, и передали ему бессмертие, которое до того дня томилось в узилище долгими годами, воя и рыдая. И наша семья стала полной, счастливой. Но ненадолго...

Грянула Кровавая война. Мы находились между двух крупных воинственных кланов, Сир'Ес и Теух, каждый из которых старался переманить нас к себе. И когда казалось, что близится закат клана Сир'Ес, мы с семьей, примкнув к клану Теух, предали его. Ты удивлен? Зачем мы это сделали?.. – Увидев непонимание в глазах собеседника, она продолжила: – Ты пока мало что смыслишь в политике, сын мой, поэтому не буду ничего объяснять, отвечу так: на то имелись веские причины. Барши был действительно Безумным... Даже Летэ не до конца знает, что происходило внутри вражеского клана и каким пыткам подвергались его собственные сподвижники. Итак, мы выдали Летэ и его военачальникам сведения о местоположении Теух в поселении, от которого после тех событий останутся одни развалины. Сейчас эти земли зовутся королевством Дриад. Нам тоже пришлось присутствовать на готовящемся собрании, чтобы не вызывать подозрений.

Тогда Летэ обрушился всем своим войском, которое возглавлялось двадцатью бессмертными и пугало несметным количеством вампиров. Они пробивались к подземному залу, где проходило собрание, однако Барши успел запечатать двери. За то время, пока их

ломали, он, благодаря дару мнемоника, потребовал крови всех своих последователей и понял, кто его предал. Он знал, что проиграл, но перед смертью успел отомстить... Мужа, а затем и сына иссушили на моих глазах... Когда это случилось, каменные двери все-таки разбили тараном. Завязалось сражение. Летэ вместе с Марко отчаянно пробивались ко мне, пока Горрон, Барден, Теорат и Амелотта добивали неприятеля снаружи, уничтожая вражеское войско, забирая лошадей, захватывая пленных.

Конечно, там было много других бессмертных, но я называю тех, кто знаком тебе по суду.

Из клана Теух не пощадили никого, и их бессмертие вскоре передали последователям Сир'Ес. После сражения же сам Летэ, когда понял, что опоздал, упал в доспехах передо мной, а также погибшими Морулеоном и моим сыном на колени и дал священную клятву на крови: удовлетворить любое прошение по наследованию, каким бы оно ни было. Даже если оно коснется его... Некоторые из Теух, кто по каким-то причинам не присутствовал на собрании, успели покинуть Север. Все знали, что жизни им не сохранят. Нескольким посчастливилось сбежать прямо из дриадского зала в гуще битвы, и они бесследно пропали, бросив все на произвол судьбы: земли, семьи и войска.

После победы мы сделали Йефасу своей столицей и возвели над старыми пещерами, где ранее проводились кровавые обряды, Молчаливый замок. Затем все до единого в первый раз собрались в старых пещерах и дали клятву родства. Мы породнились, ненадолго слив нашу бессмертную кровь воедино и произнеся слова на Хор'Афе. Именно поэтому каждая передача крови ярко чувствуется всеми остальными. После произошедших событий я удалилась в Ноэль, чтобы в тишине оплакать родных. Летэ начал наводить порядки, а Горрон де Донताल поспешил в свой Крелиос, который был для него подобен чахлому ребенку, которого он боялся надолго оставлять одного.

Графиня ненадолго умолкла. Она поглядела ласковым взором на идущего рядом и улыбнулась:

– Так что, мой милый Юлиан, поразмысли над услышанным как следует. И наконец перестань обращать свой взгляд через плечо. Запомни, на твоём пути повстречается еще много друзей, врагов, рождений, смертей, счастья и горестей – все это следует принять как бесконечное колесо жизни, которое катится по этому миру. А одиночество... Одиночество становится тем невыносимее, чем дольше живешь, поэтому давай просто прогуляемся по этому безмолвному заснеженному саду в тишине. Я хочу насладиться ей вместе со своим сыном, которого ждала очень долго...

На этом Мариэльд де Лилле Адан окончила свой длинный и во многом печальный рассказ и замолкла, чтобы дать сыну все обдумать. А он действительно погрузился в раздумья. Не понимал он, почему после стольких лет боли и предательств эта крохотная женщина идет рядом с тем, кого упрямо называет своим сыном, и хранит на губах мягкую улыбку? Отчего ее глаза до сих пор освещают мир? Как можно после таких давящих на плечи горестей продолжать гулять по саду со столь прямой спиной?

Он смотрел искоса на графиню и не произносил ни слова. В свою очередь, сама Мариэльд прекрасно видела, что за ней следят, но делала вид, что просто любитесь зимними пейзажами, пока ее изящная рука в перчатке с выбитым цветочным узором держалась за локоть Уильяма. Думая каждый о своем, Лилле Аданы в чувстве безмятежного умиротворения оставляли на девственной белизне свои темные следы, которые тут же присыпались свежим пухлым снегом.

Из окна верхнего этажа за прогулкой старой графини и Уильяма со всей пристальностью наблюдал граф Тастемара. Глаза его были полны тревоги. Тут же к нему в покои без стука, по-свойски и дружески, вошел Горрон де Донталь. Он оделся, как одевался во дворце, с шиком и блеском, чтобы соответствовать своему бывшему титулу: на нем был бордовый праздничный кафтан, обшитый золотыми дубовыми листьями – символом Крелиоса. Подойдя к близкому другу, герцог тоже посмотрел сквозь ромбики стекла, а затем улыбнулся.

– Одет и острижен, как истинный ноэлец. Красавец! – произнес он, потирая ладони. – О чем они, интересно, беседуют?

– Плохо слышу. Долетают только обрывки, – хмурился граф. – Она завела его слишком глубоко в сад.

– Ну что же, все равно сегодня увидите на ужине в Красном зале. Там и поговори с ним с глазу на глаз, потому что в присутствии Мариэльд о суде никто заговорить не осмелится.

– Горрон, я хотел кое о чем попросить.

Сказанное перед этим Филипп пропустил мимо ушей. В нем чувствовалось затаенное напряжение: руки были скрещены на груди, спина казалась деревянной. Он так и не посмотрел на своего родственника, но не из-за неуважения, а из-за того, что его взгляд был прикован к прогуливающимся.

– И что же? – удивился герцог, протирая рукавом бордового кафтана запотевшее от дыхания стекло, которое мешало наблюдать за Мариэльд и ее сыном.

– Я хочу попросить вас получить от сир'ес Летэ бумагу для пересечения Черной Найги. В прошлый раз вы мне очень подсобили в этом деле.

– Ты что, собираешься провести на Юге расследование? – Горрон расхохотался.

– Да. Я посещал Мариэльд, когда Уильям еще был без сознания. И меня очень смутил один факт... – Почесав седую бороду, пестрящую редкими черными волосами, граф продолжил: – Мариэльд знала, что усыновит Уильяма, задолго до того, как появилась на суде. В покоях на креслах я увидел несколько мужских комплектов одежды, уже подогнанных по размеру, из очень дорогой ткани арзамас, что требует долгого пошива и закупается лишь в южных землях. Так что я считаю, что она замешана и в истории с магом Зострой, и с южными наемниками.

– Это вполне может быть, Филипп, – согласился Горрон. – Все знают, что Мариэльд не так проста, как кажется... или хочет казаться. И хотя она говорит, что у нее нет никакого дара, мы с Летэ давно подозреваем, что она, скажем так, слишком много ведает о тех событиях, которые должны произойти.

– Я тоже знаю об этих слухах, но мне кажется, Уильяму угрожает опасность, – упрямо произнес Филипп.

– Друг мой, даже если это она наняла тех людей, в чем я более чем уверен, то сделала это лишь для того, чтобы провести собственный обряд воспоминаний с помощью магов и определиться, использовать клятву совета или нет. Иначе зачем брать у Уильяма кровь, волосы и кожу?

– Но ведь мы устойчивы к магии.

– Однако ж когда от нас отрезают что-то, будь то конечность, волос или что-нибудь еще, то оно гниет, теряя бессмертие. Причем если старейшина очень стар, то гниет моментально, чернея. Так что я весьма допускаю, что южные маги могут колдовать над нашими, кхм... частями.

– А Зостра ра’Шас?

– Она вполне могла подтолкнуть некоторые события, чтобы они случились, как я и говорил ранее. Так что успокойся, попроси прощения и забудь об Уильяме: он больше тебе не принадлежит.

– Нет, – покачал головой Филипп. – Здесь что-то нечисто.

– Ты слишком упрям. – Горрон положил ему на плечо руку с перстнем. – Еще раз говорю, успокойся и забудь... Но даже если бы ты признался Уильяму до суда, то, думаю, результат остался бы тем же: Лилле Аданы и тогда бы прогуливались вдвоем в саду, как мать и сын. С той лишь разницей, что тебе не пришлось бы извиняться за грубый обман.

– Согласен с вами. Но бумагу мне добудьте.

– Все равно упорствуешь! Все стучишь лбом в камень? Как скажешь... Будь по-твоему, помогу! В любом случае, как это обычно бывает, гонец либо не вернется, либо вернется ни с чем. Но, может, хоть это тебя успокоит... – Пожав плечами, герцог убрал руку с плеча друга, отошел вглубь комнаты и уселся в кресло напротив разожженного камина.

– Спасибо. Вы еще не передумали ехать со мной в Брасо-Дэнто?

Распластавшись в кресле, Горрон де Донताल вытянул свои туфли вперед, к пылающему камину. Напоминающий черного кота, у которого в глазах отражается огонь, он зевнул. Затем почесал живот сквозь бордовый кафтан с вышитыми на нем золотыми дубовыми листьями и произнес уже поддавшимся сну голосом:

– Поеду... Тем более что с твоим начинающимся безумием нужен хоть кто-то, кто будет присматривать за тобой. – Герцог прикрыл глаза и шепнул, проваливаясь в дрему: – Эх-эх... а у меня за камином не уследили, потух... Хотя знают же, черти, что я так люблю подремать перед ним, радуясь, как танцуют для меня языки пламени. Пожалуй, скажу Летэ про нерадивость слуг...

– Тогда отдохните у меня, – ответил ему граф, продолжая глядеть в окно. – Здесь вас никто не побеспокоит. Йева в своей комнате, как и Леонард.

Филипп увидел, что Лилле Аданы возвращаются из сада, и отошел от окна. Здесь у него не было никаких дел, которыми он обычно окружен в Брасо-Дэнто, поэтому граф прилег на широкую кровать под балдахин, сложил руки на груди и прикрыл старые глаза. Подобно родственнику, он погрузил себя в состояние дремоты. Все прочие старейшины тоже были в своих покоях и подремывали: кто сидя, кто лежа, а некоторые и стоя – находились и такие умельцы.

Так уж получалось, что именно старейшины, способные бодрствовать месяцами напролет, очень любили поспать. Это считалось приятным времяпрепровождением. А некоторые столь преуспевали в этом занятии, что, утомившись от жизни, могли посвящать ему много лет. Например, такие, как Марко Горней. Слыша внутри себя голос главы обо всех судах и собраниях, Марко продолжал спать. Ему не хотелось зря открывать глаза. Он лежал на каменном подобии алтаря в своей пещере, сцепив воедино руки, пока неподалеку шумно срывался с крутой скалы водопад. Воздух в пещере был пропитан ледяной сыростью. Столетиями холод и голод точили облик Марко, отчего он стал напоминать скорее зверя, чем человека. Эта участь постигала всех тех, кто добровольно и надолго лишал себя очага,

речи и одежды.

Впрочем, сообщение Летэ о последнем суде, на котором предстояло решить судьбу бывшего человека, Марко Горней пропустить не смог. С усилием разлепив веки, он также нехотя пошевелился, присел со скрипом, и с него осыпались ветки, грязь и снег. Поводя плечами, он тогда решил впервые за многие годы посетить Йефасу. С чувством неудержимого голода, одетый лишь в старый кафтан былых времен просторного и широкого кроя, выбрался он из своей пещеры, спустился по камням и достиг людского поселения. Марко выпотрошил нескольких селян, возвращающихся вечером из леса, а затем направился в сторону ближайшего тракта. Там он отобрал лошадь и деньги у какого-то загулявшего гонца, предварительно его иссушив. И уже после повстречал своего друга Синистари, вместе с которым поехал в сторону Глеофа.

Именно поэтому не стоит удивляться, что Молчаливый замок стал таким тихим, несмотря на множество гостей. Все дожидались ужина в Красном зале, привычно подремывая.

* * *

Когда Уильям возвращался в покои вместе с графиней, он все пытался понять: почему Брасо-Дэнтто был таким живым, шумным, с топотом по лестницам и почему здесь колышется почти осязаемая тишина? Это непонимание его беспокоило. Уже в комнате Уиллу по наказу пришедшего лекаря пришлось прилечь и отдохнуть. Почувствовав навалившуюся усталость, он сцепил пальцы точь-в-точь как Филипп и неожиданно уснул.

В свою очередь, пожилая Мариэльд тоже прилегла на кушетку около окна и, подперев голову рукой, прикрыла веки – стала мраморным изваянием.

Солнце поднялось над замком куда выше, нежели поднимается на Дальнем Севере, но светило скупо, холодно, с трудом пробиваясь сквозь плотно сомкнутые зимние облака. Чуть позже в покои вошла служанка, чтобы сдвинуть гардины в хозяйской комнате. Она передвигалась тихо, на цыпочках, боясь потревожить сон графини и ее сына. Время текло неторопливо, лениво, а снег все так же продолжал засыпать Йефасу вместе с окрестностями. Наконец наступил вечер. Снегом укрыло как сад, так и замок. Проснувшиеся старейшины выглядывали из окон, находя в зимнем пейзаже продолжение своих безмятежных сновидений. В некоторой неторопливости, которая считалась здесь за правило, они одевались в лучшие наряды и тихо спускались в Красный зал, прозванный так из-за обилия красных гобеленов с черной окантовкой, укрывавших стены.

Уильяма коснулась легкая рука. Он открыл глаза.

На него робко глядела одна из служанок – та, что ранее готовила его наряд. Сейчас она тоже держала в руках вещи и, когда он присел и спросонья посмотрел на нее, положила их рядом и тихонько выпорхнула из покоев, как ночная птица. Кушетка, где лежала графиня, была уже пуста. Среди вещей обнаружилась и сума Уилла, с которой он прибыл в замок.

Поднявшись, Уильям подошел к окну, оперся о холодный подоконник из гранита и недолго полюбовался тихим ночным парком. Зиме хватило одного дня, чтобы прочно обосноваться здесь, вырасти сугробами, сокрыть все под толстым покрывалом.

В тишине надев нозельский костюм, состоящий из черных чулок, скрепленных на голени тонкими ремешками, шаровар до икр, двух рубашек, верхняя из которых была бледно-

василькового цвета и запаховалась слева направо, а также синего кушака, Уильям бросил взгляд в зеркало и невольно вздрогнул. Он не узнал сам себя... Из отражения на него смотрел кто-то другой... Юлиан? Нет, не Юлиан... Не бывает, чтобы человек так быстро становился кем-то другим! Однако он поймал себя на мысли, что до сих пор считает себя человеком, коим уже не являлся. Тогда он коснулся коротких волос с несколькими серебряными трубочками, пригладил их и, покачав самому себе головой, направился к выходу из комнаты.

«Просто перетерпеть», – взволнованно решил Уилл.

* * *

Уильям оглядывался в пустом мрачном коридоре, пока не услышал, как тихонько отворилась дверь другой комнаты.

Оттуда бесшумно вышла Мариэльд де Лилле Адан. Графиня протянула ему серебряный перстень с выгравированными вокруг крупного сапфира олеандрами. Точно такой же, только поменьше, мерцал на ее пальце. В смятении Уильям поблагодарил и надел это роскошное украшение, почувствовал приятную тяжесть.

– Теперь ты Лилле Адан, – сказала ему графиня. – Никогда его не снимай...

Взяв сына под локоть, она отправилась на ужин со счастливо-чинной улыбкой.

Уильям шел рядом, стараясь держать руку так, чтобы графине было удобно. Ему казалось, что его рука больше ему не принадлежит и даже тело двигается окостенело, неестественно, словно им управляет чья-то чужая воля. Они медленно брели по лабиринту черных коридоров, кое-где освещаемых светильниками. И только ближе к Красному залу им стали встречаться другие старейшины, которые тенями рождались из примыкающих коридоров или своих покоев.

– Прекрасный вечер, сир'ес, – здоровались они.

У них были ничего не выражающие бледные лица.

– Ваш сын очнулся? Как хорошо на нем сидит нозельский костюм, – говорили другие.

– О, Юлиан! – как порыв свежего воздуха, неожиданно донесся голос Горрона. Он вышел из-за угла, одетый в узкий бордовый кафтан.

Пользуясь случаем, Уильям как можно вежливее выпутался из руки графини, что не ускользнуло от взора наблюдательного герцога, и протянул ему ладонь. Они обменялись рукопожатием.

– Здравствуйте, господин Донताल, – улыбнулся Уилл.

И тут же замер... Улыбка пропала с его лица. Через плечо герцога он увидел приближающегося графа Тастемара вместе со своими детьми. Уильям сразу же одернул руку, отошел на несколько шагов назад и напряженно вперился в свои мягкие туфли. Сам граф посмотрел на него пристально, из-под хмурых бровей, под которыми притаилась печаль, и только потом, как полагалось, первым поприветствовал старую графиню. Та удостоила его лишь снисходительным кивком.

Йева тоже смотрела на сына графини, но уже с ласковой улыбкой. Ей понравились его подстриженные волосы, которые теперь открывали высокий лоб и придавали лицу благородства. Ей понравилась и эта причудливая одежда, подчеркивающая гибкий благодаря годам стан. Счастливая оттого, что милому ее сердцу мужчине больше ничего не угрожает,

она сделала к нему шаг, но, опередив девушку, Уильям тут же отступил. Он скользнул по ней безразличным взглядом.

Остановившись, Йева вспомнила о словах отца и, бледная и притихшая, тоже уставилась куда-то в сторону.

Все это время Леонард, прячась за спиной графа, злобно зыркал на Уильяма, но стоило Мариэльд единожды спокойно взглянуть на него, как он сразу же опустил голову.

После этих перекрестий взглядов, напоминающих схватку на клинках, победившая графиня Ноэля улыбнулась всем свысока и взяла сына под локоть. Где-то неподалеку заиграла лютня. Зал, где проходил ужин, находился за поворотом. Мариэльд де Лилле Адан повела Уильяма за собой, а тот, стараясь держать спину прямо, шел рядом с ней. Лишь раз он отчего-то посмотрел через плечо на семейство Тастемара, но тут же отвернулся – взгляд его на миг сделался больным, страждущим.

За ними следом пошел и герцог Донताल. Перед этим, однако, он поглядел на побежденного графа, его детей и вскинул брови. Разве не предупреждал он о подобном исходе?

Красный зал был тем самым залом, через который совсем недавно, но будто в прошлой жизни Уильяма сопровождали на суд. Огромные колонны из темно-серого гранита возвышались у стен по обе руки, отчасти перекрывая собой вытянутые узкие окна. Он располагался в левой башне. Утопленные во тьме своды уходили вверх на два этажа. Колонны и стены были завешены красными гобеленами: прямоугольными, простыми и обшитыми по краям черными нитями. Каменный пол, как только что заметил Уилл, глядя под ноги, украшал не простой узор, а круг с высеченными письменами – клятвой, принесенной старейшинами после окончания Кровавой войны.

Здесь обосновалась полутьма, куда более приятная, нежели в остальных частях замка. Она едва рассеивалась зажженными на столах свечами, а также четырьмя стоящими в стойках факелами. Тени плясали на восковых лицах присутствующих. У одной из колонн сидел в забавном глеофском колпаке менестрель, он поочередно дотрагивался до струн лютни и подтягивал колки. Его взгляд с примесью испуга и почтения метался по собравшимся. В Красном зале уже находилось множество вампиров – около двадцати персон либо сидели в креслах, общаясь, либо переговаривались, стоя у колонн. На пустых столах были одни кувшины. Потянув носом, Уильям почувствовал запах крови, который тонкими ручейками разливался по помещению, слишком огромному, чтобы наполнить его целиком. Ни одного человека здесь не было. И неспроста! Всякий попавший в замок человек больше его не покидал – таково правило. Именно по этой причине все гвардейское сопровождение графа Тастемара разместилось в Йефасе.

– Госпожа, – Уильям шепотом обратился к графине.

– Да, Юлиан? Что такое, Юлиан? – насмешливо ответила та и улыбнулась от того, как лицо ее спутника перекосилось. – Ну говори же, Юлиан!

– Эм... Ну... – Не в силах сказать сакральное и священное «матушка», Уильям постарался вообще избежать какого-либо обращения. – Подскажите, а кто все эти вампиры?

– Вон те четверо, в накидках с красными поясами и маленьких шапочках, – дипломаты. Именно они отвечают за связи между нашими землями, за обработку корреспонденции, договоров. Да и много за что... – Продолжая собственнически держаться за локоть сына, Мариэльд указала пальцем с перстнем в другой угол. – А вон там, Юлиан, сидит семья нашего главы клана Летэ: Аска и Пайтрис. Вон тот вампир – это Синистари

из заснеженного Дальнего Севера. Райгара Хейм Вайра ты уже знаешь... Около лютниста стоит барон Теорат Черный из Летардии, он немногим младше меня. Рядом с ним – Шауни де Бекк, который живет вместе с Теоратом и состоит с ним в весьма, скажем так, теплосердечных отношениях. Остальные старейшины еще не спустились. Других я не знаю. Это обычная свита, и не думаю, что они будут интересны тебе.

Поправив колпак, менестрель устроился в тяжелом кресле поудобнее и обнял лютню, как возлюбленную. Она вновь зазвучала, теперь сплетаясь с поющим голосом.

В зал чинным шагом вошла герцогиня Амелотта де Моренн и сразу же направилась к Лилле Адамам, расположившимся у подпирающей темный потолок колонны.

– Здравствуй, моя дорогая Мари! – произнесла она тонко-скрипучим голосом, затем благосклонно обратилась к Уильяму: – И тебе здравствуй...

– Добрый вечер, сир'ес, – склонил голову Уилл.

В ответ Амелотта протянула руку, усыпанную перстнями, и потрясла ею, как бы намекая на правила приличия. Уильяму пришлось склониться и припасть губами к ее обтянутой, как сухим пергаментом, кожей руке со старческими бурными пятнами. Его прядь с серебряной трубочкой мигом стукнула его по носу, и он, выпрямившись, поправил ее.

– Он больше не Уильям, – мягко произнесла Мариэльд. – А Юлиан...

Амелотта подняла брови, будто понимая, зачем это было сделано и что таится в новом имени.

– Ах, Юлиан, значит? Как в старые времена, да?

– Да, – улыбнулась графиня.

– Ну что ж, ему подходит, – кивнула герцогиня. – Только тебе еще учить и учить своего сына этикету! Почему я должна подсказывать ему такие элементарные моменты, Мари?

– Займись этим по приезде в Ноэль.

Пока давние подруги переговаривались между собой, Уильям, чувствуя себя здесь чужим, отошел к колонне и прислонился к ней. Он с тоской озирался. Всем присутствующим этот ужин дал возможность встретиться впервые за долгие годы, и старейшины увлеченно общались, обменивались слухами и новостями. Говорили про разное: о ценах на сентопийские кружева, о королевских соглядатаях, о людях, о том, что города нынче пытаются выйти из-под власти господ, о мелких стычках на границах. Однако Уильям мало что понимал из их речей. Он почти никого не знал, а кого знал – видеть не хотел... В его голове мелькали мысли, что ему никогда не стать таким же, что во веки веков он будет стоять вот так, у колонны, в одиночестве...

Чуть погодя справа мелькнули слишком знакомые зеленые одежды, и он снова заметил Филиппа. Граф Тастемара прошел мимо него в сопровождении широкоплечего крупного мужчины с жидкими рыжими волосами, ныне рябыми из-за преклонных лет.

Лицо Уильяма перекосилось. Он отвернулся, не зная, куда деться.

Из-за одного стола поднялась хрупкая юная девушка с мягкими волнистыми волосами и большими глазами цвета свинцовых облаков. Она была обладательницей той редкой чувственной красоты, в которой мужчины видят дар, но для женщин она зачастую является проклятием. Аска фон де Форанцисс – дочь и вместе с тем жена главы клана – что-то шепнула сидящей рядом с ней женщине, обезображенной долгим голодным сном, и медленно пошла в сторону Мариэльд и Уильяма. Поразмыслив, женщина отправилась следом.

Аска дождалась свою мать, и они вместе, красота и уродство, юность и старость,

как отражение всего сущего, подошли к семейству Лилле Аданов.

– Здравствуйте, сир'ес Мариэльд. – Девушка прижала руку к сердцу в изящном поклоне.

После этого она куда более игриво посмотрела на Уильяма, и его этот взгляд обеспокоил.

– И тебе здравствуй, Асска, – улыбнулась старая графиня. – И тебе, моя Пайтрис.

Женщина, которую называли Пайтрис, изуверски обнажила длинные белоснежные клыки – то была ответная улыбка. Ее иссохшую кожу на щеках словно что-то проело, редкий пучок волос держала простая заколка, а огрубевшие на руках ногти напоминали когти. И вот она, пугающая, страшная, неожиданно нежно посмотрела на Мариэльд.

– Здравствуй, Мари. – У Пайтрис был хриплый голос. – Я рада, что ты вновь не одна.

Уильям поклонился подошедшим, пытаясь скрыть оторопь от вида Пайтрис.

– Спасибо, моя дорогая, я тоже очень счастлива. И надеюсь, что мой сын будет счастлив со мной. – Мариэльд подошла к ней, и женщины тепло обнялись, погладив друг друга по спинам.

– Уверена, у вас все будет хорошо, – произнесла вполголоса Пайтрис, затем посмотрела на молодого Лилле Адана. – Больше не будет никакого предательства и обмана, Юлиан, потому что судьба свела тебя с Мари. Я знаю ее больше полутора тысяч лет.

– Только из этих полутора тысяч лет ты проспала почти половину... – вздохнула Мариэльд, и ее голубые глаза стали печальны.

Взгляд Пайтрис тоже подернулся тоской. Она посмотрела в пол и тихо ответила:

– Да, но Летэ не позволяет...

– И это хорошо! – уверенно сказала Асска вмешавшись. – С кем мне, матушка, общаться в этом молчаливом склепе, кроме как не с тобой? Даже это случается так нечасто!

– Никто не запрещает тебе ездить в Йефасу.

– Я предпочитаю общество себе подобных, а не смертной пыли, – вскинула свои очерченные брови Асска, затем стрельнула глазами в Уильяма. – Надеюсь, хотя бы ты, Юлиан, будешь нас навещать почаще! Приятно, когда клан пополняется молодой горячей кровью.

* * *

Прибывало все больше вампиров, и теперь менестрель жарче играл на лютне, в почтении косясь на публику. В Красном зале лились музыка и кровь. Раскинувшись в креслах из темного дерева, потягивая из кубков теплую влагу, в зале сидели все те старейшины, которые присутствовали на суде, и оживленно переговаривались.

Филипп был между герцогом Горроном и ярлом Барденом. Он слушал друзей вполуха, потому что его внимание сосредоточилось на семействе Лилле Адан, говорящем с Форанциссами. Напротив, ближе к окну, сидели Леонард и Йева. Глаза Леонарда казались подернутыми дымкой, будто он мечтал о чем-то сладостном, прекрасном и, возможно, в скором времени обещающим воплотиться в жизнь. С отрешенным видом он качал в руке кубок, за весь день не сказав ни отцу, ни сестре ни слова. В свою очередь, Йева, абсолютно не обращая внимания на напитки, смотрела только на Уильяма.

– Говорю тебе, эти собаки уже поглядывают в мою сторону! – прорычал Барден, прозванный Тихим, и очень даже не тихо грохнул кулаком по столу.

– Да не нужен ты им, мой друг, в сотый раз повторяю... – поморщился Горрон, когда

увидел обрывочные воспоминания из испробованной им крови. – Артрона сейчас интересует лишь Крелиос.

– Тогда почему у перевала шлялась сотня-другая конников? А? Скажи-ка мне!

– Просто перебрасывают свои войска к границам Крелиоса. Те конники, о которых тебе сообщили, скорее всего, люди Роршара фон де Ларгоона. По весне, как сойдут снега, атакуют Аелод.

– Ты уверен? – Ярл Барден сурово посмотрел на товарища. – Потому что, хоть перевал и труднопроходим, я не хочу в один день проснуться от доклада о появлении у меня чертового Стоохса!

– Твои голые камни да рыжие барышни никому не нужны, – устало вздохнул Горрон, не зная, как убедить еще одного упертого товарища. – Куда большую опасность Стоохс представляет для нашего Филиппа, хотя я и попробую использовать свое влияние, чтобы обезопасить его на время.

– На время? – переспросил ярл.

– Да. Люди... это же люди, Барден... Я покинул Крелиос, и память обо мне, как и наработанные связи, исчезнет спустя очень короткий промежуток времени.

– И что будешь делать теперь?

– Пока обоснуюсь у Филиппа... – развел руками Горрон.

Филипп наконец оторвался от Лилле Аданов и, нахмурившись, поставил пустой кубок на стол.

– Стоохс не будет смотреть на мои земли, пока не покончит с Крелиосом, а это растянется лет эдак на пять-десять. Так что у меня хватает времени, чтобы подготовиться сполна, – холодно произнес граф.

– Ну почему же? – Герцог качнул головой. – Захватят Аелод, а уже следующей весной двинутся не вглубь, а в твою сторону, зная, что у тебя всего лишь полторы тысячи всадников.

– Ближайшая цель лучше дальней! Роршар не пойдет, займется Крелиосом.

– Ты в этом так уверен? – улыбнулся Горрон.

– Я знаю Роршара. – Граф нахмурился и снова посмотрел на Лилле Аданов. – А он знает меня. Он знает, что мои полторы тысячи всадников возьмут не числом, а умением и что ко мне бесполезно идти, пока за спиной пусть и обескровленный, но злой Крелиос. Пока что они предпочтут договариваться со мной по передвижению торговых обозов.

– Сраная политика! – недовольно пробасил ярл Барден. – Поспать не дают... Разбудили за три недели до дня, когда я должен был проснуться, паникой из-за донесения дозорных! А куда твое войско делось, Горрон? А?

– Распустил, сократил расходы, подкопил прилично даренов... Потом обменял их на сетты и распределил по нескольким крупным банкам: Глеофа, Сциуфского княжества и Ноэля, – с хитрецей сказал герцог Горрон. Затем продолжил хвалебную оду самому себе: – А еще прикупил в Глеофии пару лавок. Сейчас за ними следит один из моих преданнейших слуг. Ну и парочка лавок есть в том же Сциуфском княжестве, в Гаивраре и в Летардии...

– Ах ты изворотливый змей! – усмехнулись одновременно Филипп и Барден, и второй громогласно продолжил: – А почему не в Бофраите? Купцы рассказывали мне, что там сейчас неплохо.

– Это пока неплохо, – улыбнулся герцог. – Вкладываться в соседей такого агрессивного и большого королевства, как Глеоф, опрометчиво. Именно поэтому я бы не рекомендовал связываться ни с Дриадом, ни с Бофраитом, ни с Великой Флоасией. У Глеофа быстрая рука,

он, если надумает, берет свое мгновенно. Уж вам ли не знать, мои друзья, о печально забытых королевствах типа Мордаффа, Тамасского княжества и Йены?

– А чего же в земли Филиппа не вкладываешь? Что, он тоже сосед? – расхохотался ярл Барден.

– Вот как раз Глеофу до этих земель пока нет никакого дела. Куда аппетитнее выглядят маленькие королевства неподалеку. Хотя в будущем может стать так, что в сторону Филиппа посмотрят разом и его южные, и северные соседи. Ну а не вкладываюсь, потому что поток золота в королевствах вдоль Черной Найги куда больше.

– Глеоф всегда смотрел в его сторону, – донеслось рядом.

Это сказал Летэ фон де Форанцисс. Он вошел в Красный зал и сразу направился к графу Тастемара и его друзьям.

Как истинный мужчина, Летэ более всего любил говорить о политике, поэтому, даже не повернув головы в сторону своей семьи, сразу же присел за стол. Поправил бархатистый красный пояс под приличным животом и, затянув его потуже, двумя пальцами взял кубок, отпил из него, но после первого глотка поморщился.

– Уже остыла... Вот скоты...

Глава нашел глазами слугу и недовольно показал тому кубок. Слуга все понял, сделался бледным и побежал менять кувшин.

– О чем это я? Да... Я бы не закрывал глаза на Глеоф.

– Да, но он, насколько я знаю из донесений, сейчас тянет руки к Великой Флоасии, с которой не в лучших отношениях, – заметил Филипп.

– Не испытывай судьбу. – С этими словами Летэ отпил теплую кровь. – Съезди в Глеофию, преклони перед королем колена, попроси принять тебя в вассалы вместе с графством. С тебя сдерут три шкуры, обложив налогами, но это обезопасит тебя на долгие-долгие годы.

– Это люди. О каких долгих годах вы говорите, сир'ес? Сегодня там один король, завтра – другой.

– Нет. – Глаза у главы были ледяными, и он смотрел ими, напоминая глыбу. – Глеофу благоволит удача, там рождаются исключительно мудрые, расчетливые правители, которые всегда продолжают дело своих родителей. Рано или поздно Глеоф пожрет все вокруг. И даже тебя... – Он продолжил: – Я дал тебе совет, Филипп. Прислушайся к нему. Решения нужно принимать вовремя, а не когда твой замок догорает.

– Крелиос еще не пал. Если я попытаюсь сменить сюзерена, мое слово более ничего не будет стоять в этом мире, – ответил ему Филипп.

Летэ в ответ поднял свое грузное тело и направился к Лилле Аданам, высокомерно показав, что беседа завершена.

– В этом он прав, – тихо ввернул Горрон, развалившись в кресле и почесывая живот.

Потом герцог кинул свой преисполненный скуки взгляд на Леонарда и заметил, как тот безучастно глядит на зеркало крови в кубке, не принимая участия ни в чем. Горрон заинтересованно приподнялся в кресле.

– Леонард, а какие планы у вас по возвращении в Брасо-Дэнтто? – обратился он к вампиру.

Услышав свое имя, тот резко очнулся от размышлений. На миг к его взгляду примешался испуг, будто он подумал, что в его мысли каким-то образом проникли. Потом, видимо, понял, что вопрос безобидный, и пробурчал:

– Никаких!

– Что, совсем никаких? Будете просто жить в покоях и читать стихи, примеряя чужие подвиги на себя?

Филипп поглядел на своего сына, и в глубине его синих глаз читалось беспокойство. Он не вмешивался и пока ничего не сказал об изгнании в Далмон. Перед глазами ярко стояли те дни, когда рыжеволосый курчавый мальчик бегал по этажам его замка, размахивая деревянным мечом. Такова уж старость – оглядывающаяся назад, страшась, что все доброе, что осталось в памяти, рано или поздно поблекнет.

Леонард, в свою очередь, от такого вопроса обозлился и ляпнул:

– Знаете, а в книгах все намного благороднее и лучше, чем в этом мире!

Горрон издевательски рассмеялся. Затем обратился уже к дочери графа:

– А вы, прекрасная Йева, чем вы планируете заниматься по возвращении?

– Я... – Девушка смутилась. – Как раньше, буду помогать отцу в некоторых вопросах.

Дальше пока и не думала.

– О семье не думали? Вы так красивы, так молоды! Помнится, вашей руки добивался весьма добродетельный управитель замка Брасо-Дэнтто... – улыбнулся и подмигнул Горрон, чем вогнал девушку в краску.

Впрочем, та вскинула голову, сдержанно улыбнулась и произнесла:

– Все может быть, господин Донталь.

– Хорошо, спасибо за ответ.

Горрон со скукой огляделся в поисках еще чего-нибудь, что стало бы целью его любопытства. Пир в том же Крелиосе проходили куда интереснее... А он привык жить среди этого: вечного желания взять как можно больше, танцевать, пока не отнимутся ноги, пить душистое вино и целовать женщин! Люди хотя бы пытаются жить ярко, а для бессмертных жизнь – бесконечность, которую надобно растянуть подольше.

Лилле Аданы вместе с Форанциссами прошли к столу и уселись за ним. Уставший Уилл не знал, куда себя деть. Ему приходилось мириться с накручивающей на палец пряди Асской, которая пыталась придать своему лицу выражение юной девицы и зажигала в своих стальных свинцовых глазах огни. Мужчина ей явно пришелся по нраву.

А потом в зал вошел своей обычной тихой, но осторожной походкой, сложа руки за спиной и сутулясь, Райгар Хейм Вайр. Оглядевшись, он присел слева, через кресло. Увидев его, Уилл постарался глядеть поверх стола, в узкое окно, припорошенное снаружи снегом. Только туда ему и хотелось смотреть... Больше никуда. Следом за графом появился и Бартлет, коннетабль Офурта. Он нашел своего господина и военным шагом прогромыхал к нему, пока его лицо, с разбитым глазом и переломанной челюстью, со вбитым в кости носом, было обращено к Уиллу. Он примостился рядом с ним и улыбнулся чернеющим из-за выбитых зубов ртом.

Уильям отвернулся, сжав губы.

«Тут собрались все те, от кого надо бежать как можно дальше, а не сидеть за одним столом», – горестно думал он.

Чтобы не видеть ни Райгара, ни Бартлета, ни Филиппа, в безысходности он вернулся к рассматриванию падающего за окном снега. И ему опять не повезло: очень скоро в зал вошел Марко Горней в висевших на худом теле лохмотьях и сел напротив Уильяма, заслонив вид. Горней уставился на него своим звериным взглядом, изучая.

Уильям в душе застонал, словно его сжали горячими щипцами со всех сторон.

Рядом с Марко присела герцогиня Амелотта. А по соседству с ней появился незнакомец, выглядящий вполне себе молодо. Его лицо «сердечком» украшали короткие, но очень широкие брови. Он носил шаровары, такие же как у Уилла, серую рубаху с высоким воротом, приталенный кожаный дублет и короткий плащ, который накинул на одно плечо и скрепил брошью с большим сапфиром. На плаще белыми нитями был вышит узор – три вершины горы у воды, изображенной в виде волн синими нитками.

Незнакомец производил весьма приятное впечатление интеллигентного человека, а свирепости в нем и вовсе не чувствовалось. И вот, чтобы отдохнуть от неприятных физиономий, Уильям решил, что уж лучше он будет смотреть на этого молодого мужчину. Тем более тот тоже глядел доброжелательно.

– Сир'ес Мариэльд, – незнакомец вежливо обратился к графине, – вы выезжаете утром?

– Да, Лагот, ты что-то хотел? – мягко отозвалась графиня. Уильяму стало ясно, что этот вампир приближен к ней.

– Думал составить вам компанию до Гаиврара... – У Лагота был мягкий голос.

– Увы... Но мы поедем по Западному тракту Брасо-Дэнто, а далее через перевал Астерр. Однако в нашем доме, Лагот, тебе всегда рады. Приезжай.

– В таком случае явлюсь к вам через два месяца. – Лагот деликатно сложил указательный и средний пальцы вместе и приподнял, отставив другие пальцы в сторону. Похоже, это было жестом одобрения, потому что Мариэльд покровительственно кивнула.

Музыка продолжала скрашивать эту тихую заснеженную ночь. Однако никто не танцевал.

Старейшины беседовали в густой полутьме, сидя за столами, пили теплую кровь и любовались зимними видами из окон, от которых тянуло холодом. Привыкший к веселым человеческим пирам, Горрон порой выпускал тяжелые вздохи, показывая, как ему скучно. Южные старейшины из королевств вдоль Черной Найги, а именно граф Мелинай, Теорат вместе с Шауни, а также Ольстер Орхейс из Бофраита, вели с Мариэльд разговоры о политике и торговле. Как заметил Уильям, южные старейшины, как, впрочем, и северные, предпочитали общество своих соседей. Один только Райгар сидел в стороне от всех и общался лишь со своим подчиненным на тему торговых пошлин.

Время шло.

Уильям никого не знал. В политике и торговле он не разбирался, а потому сидел отстраненно и чувствовал себя одиноким. В конце концов, не найдя, чем занять себя, он потянулся к серебряному кувшину, налил крови и принялся наслаждаться ее мягким, точно бархатистым вкусом. В его голове пронеслись рваные воспоминания ее обладателя. И Уильям, желая отстраниться от пира, погрузился в них, узнавая о подвалах Молчаливого замка – еще более жутких, чем надземные коридоры.

Наконец он заметил, как поднялся и покинул зал Марко. То же чуть позднее сделали Райгар вместе с коннетаблем, который за весь ужин не посмел произнести ни слова в сторону Уильяма, а лишь бросал насмешливо-злобные взгляды.

Над Йефасой лежало снежное ночное марево, и, желая побыть в одиночестве, Уильям склонился к уху старой графини Лилле Адан.

– Позвольте мне уйти.

– Иди, – улыбнулась та, желая пообщаться с давними знакомыми.

Уильям поднялся. Тихо, да так, что на него никто не обратил внимания, он вышел из Красного зала. Лишь Асска проводила его глазами и обменялась взглядами с матерью,

которая сурово покачала головой. На ужине собрались все те, кто сыграл решающую роль в его судьбе, и Уилл так устал от этого всего, что едва не побежал на улицу, лишь бы никого не видеть.

Вышколенный слуга в черном платье, повязанном красным кушаком, открыл дверь. Уильям уже хотел было переступить порог как есть, в нарядном костюме, но ему любезно подали прогулочный плащ с мехом.

– Спасибо, – поблагодарил он растерянно и, накинув его на плечи, вышел в сад.

* * *

Дорожки, нетронутые следами сапог, петляли между голых деревьев и клумб, напоминающих ежей. Уильям нырнул на задворки ночного сада и тут же почувствовал, как его нарядные туфли зачерпнули снега. Впрочем, его это не остановило. Он шел и шел дальше по сугробам, пока не зашел за левую башню Молчаливого замка и не обнаружил за ней пристроенные к стене каменные беседки. Их змеей оплетала лоза с высохшей облупившейся древесиной.

Вокруг ни души... Зная, что останется один, Уилл скрылся в каменной ротонде и присел на холодную скамью. Затем вытряхнул снег из туфель, чувствуя, как холодят промокшие ноги, вздохнул и прислонился спиной к стене.

Сад спал, шапки снега укрывали чернеющие ветви. Сквозь неплотно прикрытые веки Уилл в усталом молчании следил за падающими хлопьями. Как тихо вокруг, как спокойно... Неужели он наконец-то может побыть один? Смахнув с волос снежинки, он достал из кошель, который прихватил из покоев, серебряный браслетик и провел по нему пальцами – вспоминал Линаю, которую, возможно, увидит вновь, вспоминал это теплое, солнечное детство. Еще некоторое время он перебирал крошечные звенья... Пока не спрятал браслет обратно. Затем прислонился к стене, закинул голову назад, вытянул ноги, положив руки на живот, и, спокойно выдыхая пар от мороза, закрыл глаза.

Он отдыхал. Отдыхал от всего, что свалилось на него, пытался исцелить душу покоем и одиночеством.

Но вот слева от беседки он заметил движение. Мелькнул фрагмент зеленого облачения и, исчезнув на миг, появился уже в проходе. Филипп стоял, глядел на Уильяма, заслоняя вид на уснувший сад. Уильям поначалу дернулся, но идти было некуда, поэтому он лишь вздохнул и отвел глаза от силуэта графа.

Филипп зашел внутрь, стряхнул снег со своих седых волос и присел рядом.

– Ну и что вы от меня хотите? – спросил Уильям спокойным, но усталым голосом. Он снова прикрыл веки, будто не желая ничего видеть.

– Просто поговорить... Я должен был все рассказать тебе еще до суда, как и советовал Горрон.

– О чем рассказать? – печально усмехнулся Уилл. – Что вы все время лгали, что с самого начала мне суждено было умереть?

– Бумагу, что зачитали в суде, я написал сразу после нашего приезда в Брасо-Дэнтто. Тогда я действительно хотел сделать это, но мое окончательное прошение было другим. Ты не услышал его из-за потери сознания.

К беседке подошла Йева. Зябко подергивая плечиками, она осталась снаружи и только

надвинула поглубже капюшон. Уильям приоткрыл глаза, увидел ее застывшее в тревожном ожидании личико и, смерив девушку равнодушным взглядом, словно она ничто, отвел глаза в сторону.

– Я попросил суд признать тебя законным наследником, как и полагается. После голосования тебя узаконили, – продолжил граф Тастемара. – Но Мариэльд использовала клятву кровью, и тебя буквально забрали из моих рук...

Уильям не отвечал, только глядел апатично, холодно, пряча дрожавшие руки под плащом. Йева наблюдала за ним, едва сдерживая слезы.

– Ты вправе не прощать меня, – сказал Филипп, который различил и боль, и ненависть, и ярость, которые тщательно скрывались. – Но я хочу предупредить, что Мариэльд де Лилле Адан – очень непростая женщина, которая сама себе на уме. Подозреваю, именно она подослала ко мне в замок тех наемников с Юга. Пожалуйста, будь осторожен... И не верь всему, что тебе говорят... Тебе может угрожать опасность.

– Мне все равно... Да пускай хоть осушит прямиком за воротами. Какая уже разница? Извините, граф, но я более не хочу знать ни вас, ни вашу лживую семью, как и не желаю слушать ваши попытки обелить себя. Прощайте! Надеюсь, судьба в дальнейшем уберезет меня от таких, как вы!

Уильям рывком поднялся со скамьи, усталый, и быстрым шагом пошел прочь – к выходу из каменной ротонды. Хромота усилилась. Сам того не замечая, он снова заволочил ногу. Мимо Йевы, которая прижалась к подпирающей колонне и глядела на него покрасневшими глазами, он прошел молча, только сжал до злой белизны губы.

Лилле Адан исчез за башней.

Филипп посмотрел ему вслед таким же усталым взглядом. Наконец звук шагов вдали истончился, пропал, в ротонде стало так тихо, будто там никого и не было. Последняя надежда на примирение угасла... Граф сосредоточенно уставился куда-то в точку на полу. Прижавшись к колонне у входа в беседку, расплакалась горькими слезами Йева, вытирая щеки рукавом.

* * *

Меж тем Уильям вернул плащ слуге. Поднявшись в покои, он прилег на кушетку, где ранее дремала старая графиня, и пролежал так до самого утра, отупело уставившись сквозь окно на зимний цветник. Один раз к нему заглянула служанка, но тут же пропала. А на рассвете дверь в большую спальню отворилась и в проеме появилась уже Мариэльд. За ней бежала та самая сероглазая прислужница.

Графиня грациозным шагом приблизилась к кушетке, присела на ее край. От этого Уильям натянул на свое поблекшее лицо вынужденную улыбку и попытался подняться, чтобы уступить место.

– Лежи... Мне хватит, – остановила его Мариэльд и, потрянув волосами, глянула на прислугу.

Та принялась расплетать тонкие косички на голове хозяйки и вынимать витиевато украшенные шпильки в виде цветов. Затем девушка взяла в руки гребень, чтобы расчесать длинные, до поясницы, серебристые волосы.

– Ты разговаривал с Филиппом? – вдруг поинтересовалась графиня.

– Да, – глухо ответил Уилл.

– И как все прошло?

– Никак... Все хорошо, госпожа...

Однако графиня не стала дразниться из-за слова «госпожа», а только улыбнулась сама себе. Пока покорная служанка занималась ее волосами, она положила свою тонкую, изящную руку на плечо Уильяма и пригладила, будто в заботе смахивая какие-то лишь ей видимые пылинки.

– Фийя, – она едва повернула голову, – сообщи всем остальным, пусть готовятся к отъезду. Через час я хочу покинуть замок!

Служанка поклонилась, выбежала из комнаты, едва не подпрыгивая от ретивости. Проводив ее взглядом, Мариэльд посмотрела на сына с любовью и спросила:

– Как думаешь, Юлиан? Что имеет высшую ценность для самых старых из нас?

Уильям нахмурился.

– Власть?

– Это тоже важно, да. Но не первостепенно и тем более не для всех. Отношения, сын мой, вот что важнее всего. Можно назвать это любовью, семьей, друзьями... Как угодно.

– Отношения? – спросил непонимающе Уильям. – Разве их недостаточно?

– Отнюдь. Мы лишены возможности иметь детей. А те дети, что рождаются от нас до нашего обращения, потом умирают на наших же руках от старости или войн. Чем дольше живешь, тем быстрее течет время... И даже сотня лет проносится, как один миг, – только успевай хоронить и хоронить... Поэтому мы так цепляемся друг за друга, поэтому Филипп, будучи очень одиноким, так хотел сделать бессмертным хотя бы одного ребенка, и поэтому я, как полоумная, смотрю на тебя с любовью и счастьем в глазах. Да-да, тебя до сих пор смущает, что незнакомая женщина называет чужого взрослого сына своим.

– Я не считаю вас полоумной, – смутился Уильям. – Вы много чего рассказали мне о себе.

– Все равно считаешь, я же вижу, – рассмеялась тихонько Мариэльд. – Ладно, нам нужно собираться. Земли Ноэля ждут нас. Но сначала Офурт.

Послышались тихие шаги, а затем и негромкий стук в дверь. В такой ранний предрассветный час, когда темнота отчаянно противится наступлению света, он зазвучал громким эхом.

– Войдите, – отозвалась Мариэльд.

В спальню, вежливо кланяясь, вошел Галфридус Жедрусек, управитель Молчаливого замка.

– Прошу извинить, сир'ес, – произнес он. – Но у меня большая просьба... Проверьте, не пропало ли что-нибудь у вас?

Следом за Галфридусом в покои вбежала еще одна взволнованная служанка Лилле Аданов и кинулась к сундуку, где принялась открывать шкапулки, сумки и со спешкой рыться в вещах, проверяя их сохранность. А управитель все это время терпеливо ждал.

– Здесь тоже ничего не пропало, тео, – со вздохом облегчения произнесла девушка.

Все взоры обратились к управителю.

– Хорошо... Это очень хорошо, – выдохнул тот.

– А что случилось? – подняла бровь графиня.

– Одна служанка, пока все были на ужине, обокрала своего господина, а также двух других старейшин. Потом она попыталась пройти через воротную калитку, где ее,

конечно же, задержали... Что было в ее пустой голове, не знаю. – Управитель брезгливо поморщился.

– Чья служанка?

Галфридус Жедрусек помялся, – видимо, сведения просили не разглашать, – но Мариэльд еще раз подняла вопросительно брови, уже выше. И он не рискнул отказывать второй после Летэ. Собравшись с духом, он коротко произнес:

– Графа Тастемара. Только прошу, не распространяйте! Такой позор, такой стыд на наши головы!

Услышав это, Уилл непонимающе нахмурился. Старенький управитель заторопился дальше по коридорам, чтобы попросить проверить всех остальных свои сундуки.

Когда за окном забрезжил рассвет, Уильям уже был готов к долгой дороге. На плечах его накидки, зашнурованной по груди черными завязками, снова был этот вышитый голубой с белым цветок. Он на него покосился, затем закинул за спину свою старую седельную сумку и вышел в коридор. Его безумно интересовало, что это за диковинное растение, но сейчас было не до расспросов.

Вскоре появилась Мариэльд. Ее сопровождали две служанки, один слуга, цирюльник и пара стражников, которые несли на себе сундуки и сумы, напоминая выючных ослов. Желая им помочь, Уильям подал руку, чтобы ему передали одну из сумок, но те лишь тупо помотали головами.

Глава 8. Западный тракт

Покидая Молчаливый замок, Уильям оглядывал его: эти две темные башни, соединенные друг с другом, раскинувшийся перед ними парк с цветником, который сейчас заботливо укрыл снег, а также напоминающие стылые мертвые глаза окна. Складывалось впечатление, что замок необитаем. Впрочем, вспоминая прислужников и ледяные взгляды старейшин, Уилл подумал, что, может, так оно и есть, может, в замке действительно никого нет.

Из главного входа показались Синистари и Марко. Им тоже передали коней, и, усевшись на них, они сухо попрощались, став первыми, кто покинул эти стены и устремился в родные края.

– Ну что же, мой сын. Давай поедем и мы, к новой жизни... – сказала графиня и взобралась на серую кобылу в яблочко.

Семейство Лилле Аданов неспешно выбралось за ворота. Передвигаясь по рыхлому снегу, отряд углубился в небольшой лесок с голыми деревьями. Ехали молча, не желая нарушать священную тишину рассвета.

Вскоре дубы расступились. Впереди неторопливо выросли окраины Йефасы. Минуя уже знакомой дорогой ее невысокие каменные стены, окружавшие город, путники добрались до перекрестка.

Там оказалось многолюдно.

Уильям увидел на лошадиных попонах до боли знакомые гербы. Его зоркие глаза вычленили самого высокого всадника – сэра Рэя. При виде капитана, который еще не заметил его, сердце Уилла кольнула тоска: он жалел, что больше не увидит этого, в общем-то, неплохого человека, верного и чистосердечного.

Сам Рэй с любопытством разглядывал забавно одетых людей, по виду чистых южан. А когда они приблизились, то в удивлении проморгался, отгоняя от себя последние следы похмелья.

– О-о-о, мои глаза! Я уж решил, что они подводят меня! – воскликнул он. – Уильям! Почему вас так странно обкорнали и одели?

– Я не возвращаюсь с вами в Брасо-Дэнто.

– Как?! Вы же говорили, что вернетесь.

– Уже нет, – произнес Уильям. А когда поравнялся с капитаном гвардии, то улыбнулся с оттенком печали. – Но я был рад знакомству с вами...

– А куда вы уезжаете? Погодите, где же наш граф? Мы договорились встретиться

с рассветом здесь, но его и близко не видно.

– Граф задержится из-за некоторых непредвиденных обстоятельств, – вмешалась холодным тоном в разговор Мариэльд. – Сын мой, нам пора отправляться. Поторопимся, нас ждут.

При этих словах у сэра Рэя вытянулась физиономия. Он взглянул на своего друга так, будто тот все время его обманывал, а история о рождении в деревне – ложь.

– Прощайте. Всего вам хорошего, – сказал ему Уильям и поехал прочь.

Капитан немного подумал, потом подстегнул Тарантона, который тут же радостно поскакал, заскучав за несколько дней в деннике. Поравнявшись с Уиллом, капитан протянул ему свою крепкую руку:

– Не знаю, что за чертовщина случилась в замке, но желаю вам счастья! Вы хороший... человек! Пусть вам на пути не попадется Граго! Прощайте!

После короткого прощания Лилле Аданы подъехали к другому отряду, расположившемуся за перекрестком. Отряд состоял из пяти всадников, четверо из которых были одеты точь-в-точь как слуги графини. Пятый казался явным иноземцем.

На иноземце было надето непримечательное коричневое платье с очень толстым табардом поверх – накидкой без сшитых боков. Однако лицо его, смуглое, оцелованное южным солнцем, неизбежно привлекало внимание. Нос с широкими крыльями, глаза навывкате глубоко-янтарного цвета, короткие, слегка вьющиеся волосы вместе с дежурной обаятельной улыбкой – все это выдавало в нем настоящего южанина, каких здесь не любили. На голове был накручен длинный шерстяной платок, плавно перетекающий в шарф.

Уильям не сразу сообразил, что это и есть тот самый Пацель, о котором говорила Мариэльд. И неудивительно, ведь незнакомец не был похож на целителя. Обликом он напоминал скорее купца: и располагающей к себе улыбкой, и ощупывающим, но теплым взглядом, и этой напускной беззащитной доброжелательностью ко всем вокруг. Чем-то он Уильяму напоминал герцога Донталя.

Поправив на плече простую, но пухлую сумку, Пацель двинулся им навстречу.

– Да осветит солнце ваш путь! – У лекаря был текучий, как мед, акцент. – Здравствуй, Мари! Давно мы с тобой не виделись.

– И тебе здравствуй, – кивнула с улыбкой Мариэльд. – Познакомься с моим любимым сыном Юлианом.

От такого представления Уильям смутился, но постарался не подать виду, ответив сдержанным кивком. Склонив голову набок, Пацель растянул губы в длинной улыбке. Он протянул руку. Мужчины обменялись рукопожатиями, ладонь южанина на ощупь была мягкой, ухоженной и словно не приспособленной для тяжелого труда.

А потом Уильям втянул носом воздух. Брови его удивленно поползли вверх, потому что Пацель оказался самым обычным человеком!

– Я очень рад, что Мари наконец-то обрела сына... Долгожданного и выстраданного, – продолжил южанин. – Меня зовут Пацель, Пацель из Детхая.

– Рад знакомству! – ответил Уильям, недоверчиво косясь. – Вы и правда целитель?

– И целитель тоже.

– Пацель, мы поедем через Север, – сообщила Мариэльд. – Я пообещала Юлиану, что ты поможешь его матери в Офурте встать на ноги.

На это Пацель только благодушно склонил голову, принимая высказанную волю за приказ. Мариэльд медленно повернула на север, а следом за ней тронулись в путь и все

остальные. Накинув капюшоны, все поехали по укрытому снегом тракту. Впереди скакала Мариэльд, наравне с ней Пацель по правую руку, по левую – Уильям, а сзади на некотором расстоянии держалась свита.

Сэр Рэй похлопывал Тарантона, который был готов пуститься за любимым хозяином в любой момент, и опасливо поглядывал на южанина в странных одеждах. А еще постоянно озирался в надежде увидеть Филиппа со своей семьей, который вот-вот, как казалось капитану, должен появиться на горизонте. Рыцарь хотел догнать Уильяма и обо всем расспросить, но господина все не было. Сэр Рэй и предположить не мог, что тот задержится в Молчаливом замке еще на пару дней.

* * *

Как заметил Уильям, отношения в отряде Мариэльд были совсем иными, нежели у графа Тастемара. Слуги побаивались своей хозяйки и преклонялись перед ней, ловя каждый взгляд, каждое слово, чтобы вовремя исполнить любой ее каприз. С опаской и глубочайшим уважением они поглядывали и на ее сына.

– Уважаемый Пацель, – спросил Уильям чуть погодя. – А вы точно сможете излечить зимнюю аспею?

– Думаешь, Мари тебя обманывает? – мягко улыбнулся целитель.

– Нет, что вы... Но я читал в книгах, во всех, что касались лекарского искусства, о том, что аспея не лечится.

– Южные лекари с этими книгами не согласятся, – усмехнулся целитель. – На Юге почти любая болезнь лечится золотом.

– Совсем любая? – искренне изумился Уильям.

– Разве что кроме смерти... Но и мертвых можно ненадолго... оживлять... скажем так. – По губам Пацеля змеей скользнула улыбка.

Лицо Уильяма вытянулось от этих слов, и он уставился в упор на едущего рядом южанина.

– Они как вендиго становятся? – спросил он с придыханием, вспоминая сказки.

– Нет. Вендиго – это миф, причем совершенно пустой в своем корне. После смерти человек не способен стать сам по себе плотоядным сгнившим трупом. Только если его тело нарочно проклянут... Но столько ресурсов тратить на мертвеца просто так... хм-хм... равносильно глупости, – сморщился Пацель.

– Просто при мне лечили раны и оживляли.

– И долго был мертв этот человек... вампир? Кто? – поинтересовался Пацель.

– Пару минут. И это был вампир.

– А, это совсем другая категория, юноша! Залечить раны и запустить сердце, если смерть произошла несколько минут назад, намного проще, чем заставить ходить и действовать истлевший труп. Потому что в трупе, который лежит совсем недолго, еще теплится душа, понимаешь? Да и зачем трупу питаться плотью, если он уже мертв и разлагается? Не думал об этом? – Лекарь насмешливо вздернул бровь, поплотнее закутался в теплый плащ, зашнуровав его черными завязками, и нахохлился.

– Нет... Извините...

– Ничего страшного. Любознательность – это хорошо, но только в меру.

– Юлиан, кажется, подумывал стать помощником лекаря по возвращении в Брасо-Дэнтто, – мягко заметила Мариэльд, следуя рядом. – Поэтому и интересуется вопросами целительства.

– А, хм, вот оно как... Я не рекомендую заниматься целительством вампирам.

– Но почему? – спросил Уильям.

– Слишком много тонкостей... Долго объяснять. Но если у тебя есть непреодолимое желание все-таки чем-то занять себя, не бесплодным умствованием, то можешь начать с изучения веномансии. В этой сфере вампиры объективно показывают себя лучше прочих, – деловито объяснил Пацель.

Похожие на заметенные сугробы всадники растянулись вереницей по тракту. Стены Йефасы остались далеко позади. Чуть погода отряд добрался до очередного распутия, где свернул не на северо-восток, а на северо-запад. Пока дорога вела на заснеженный Север, Уилл успел выяснить по коротким разговорам имена слуг. Сероглазую миловидную девчущку, которая заботилась о нем, звали Фийя. У нее были собранные в одну четыре тоненькие косички, круглое, как луна, лицо и забавный нос камешком. Ее сестру, с удивительно схожими чертами, такую же сероглазую, но, видимо, чуть постарше и слегка выше ростом, звали Ада.

Мужчину-слугу звали Къенс. Самый возрастной из всех, высокий, тощий до безобразия, он оставался странно молчаливым. Если сестры между собой хотя бы изредка переговаривались, то Къенс за день пути не произнес ни слова, только кивал или мотал головой, соглашаясь или нет со сказанным.

Цирюльник Пайот тоже оказался весьма молчаливым и к тому же напыщенным и тщеславным. Похоже, он искренне считал, что на голову выше обычных слуг, и от этого не снисходил до общения с ними.

Шесть сопровождавших воинов выглядели одинаково молодыми, в чем-то походили друг на друга. Будь они разного возраста, Уилл бы счел их за братьев. И так же, как и Къенс, эти вампиры были немногословны, пока не обнаружилось, что они разговаривают на неизвестном языке.

Уильям ехал, размышлял о своем будущем.

Спроси его неделю назад о планах, он бы с уверенностью, не моргнув глазом, заявил: он будет преданно служить графу Тастемара! Но сейчас все перевернулось с ног на голову. Жизнь преподала ему жестокий урок и насчет женщин, и насчет того, насколько обманчивыми бывают обещания. Для себя Уильям определил, что решит свою судьбу в Больших Вардах. Он был благодарен Мариэльд за спасение, но играть роль сына в этом театре абсурда не желал. Единственное, что его заставило отправиться в путь вместе с графиней Ноэля, – это ее обещание помочь матушке. Там, в Больших Вардах, он будет нежеланным гостем... Уилл это понимал и, вздрогнув от одного воспоминания о позорном столбе и публичном забивании камнями, решил, что не задержится дольше положенного. Если матушку все же вылечат, возможно, он отправится дальше с Мариэльд, передав матушке четыреста девяносто даренов – всю сумму за вычетом купленных ягод, выигранную в споре с сэром Рэем. Этих денег должно хватить на хороший дом в Больших Вардах. А если матушка Нанетта уже мертва или графиня его обманула, то у Уильяма была уверенность, что он покинет хозяйку Ноэля: с ней его не связывало ничего, помимо бумаги, подписанной Летэ. И тогда почти пятьсот даренов пойдут на покупку дорожного костюма, и Уильям уйдет с оставшейся суммой куда глаза глядят.

Время шло, вечерело. Мороз крепчал. Лошади хрустели копытами по покрытому корочкой снегу и выдыхали обволакивающий их морды пар. Отряд проехал мимо одного города, второго, потом третьего... Сэр Рэй оказался прав: вдоль Западного тракта городков и поселений действительно было как чертей в ельнике. В конце концов, переглянувшись друг с другом, Пацель и Мариэльд без слов свернули с тракта в сторону виднеющихся вдали огней – к городу Аарину на Брунге.

Кажется, здесь располагалось сразу несколько крупных постоянных дворов. Из одного из них показался мальчишка, напялив на бегу шубку из старых шкурок. Он бросился к прибывшим, оглядываясь по сторонам. Тут же из соседнего постоянного двора, расположенного через три дома, вышел длинноногий парень и, недовольно зыркнув на мальчишка, заспешил, чтобы опередить его. Соревнуясь в скорости, они вдвоем выросли будто бы из-под земли прямо перед конями.

– Господа! Господа! У нас теплые комнаты с каминами! – пискнул мальчик в шубке.

– Эй, это что! У нас тоже есть камин в нескольких комнатах. Да и спальни куда лучше, чем в этой «Белой деве».

– Все не лучше, – воспротивился ребенок.

– Лучше! Фу-у-у, обрыганная «Белая дева»! – И парень грубо толкнул мальчишку, отчего тот свалился в снег у края улицы и насупился.

Мариэльд повелительным кивком отправила молчаливого слугу Кьенса проверить. Тот спешился, пошел сначала на первый постоянный двор, куда его повел обрадованный мальчишка, стряхивающий снег. Затем вышел оттуда, покачал головой и отправился уже с парнем, который скрутил противнику дули и принялся громко рассказывать об удобствах своего «Вороного жеребца». Вскоре Кьенс вышел и из второго постоянного двора, морщась еще больше, и вернулся к приунывшему мальчонке.

Когда все устроились в «Белой деве», Пацель подманил к себе этого ребенка и вложил в его руку десять даренов.

– Эй, малец, – сказал целитель. – Купи мне в харчевне что-нибудь посвежее: мясо, две-три лепешки и пива. Принеси все в мою комнату, и я дам тебе еще пяток даренов. Да поторопись!

Мальчик в шубке закивал и с загоревшимися глазами кинулся к харчевне, что представляла собой отдельно стоящее здание. Впрочем, для начала нужно было поинтересоваться, куда собираются поселить этого господина, но об этом он благополучно забыл. Ведь у него сегодня выдался по-настоящему хороший день: их постоянный двор победил в схватке за платящего путника!

Старый управитель двора, радостный оттого, что люди остановились у них, а не в «Вороном жеребце», расселил их в соответствии с указами Кьенса, который наконец-то хоть что-то сказал за весь день пути.

– Проходите, проходите! – Он указал Уильяму рукой на добротную дубовую дверь.

Уильяму выделили отдельную комнатку, и он отчего-то с тоской вспомнил сэра Рэя, которого ему будет не хватать. У Мариэльд, подумал он, в отряде царили явно иные порядки. Ему не выдали меча, да и Пацель ехал без оружия, ему не позволяли ухаживать за своим конем, с тупой покорностью отобрали поводья. Слуги вообще держались подальше

от господ, будто отчаянно боялись их, к тому же разместились этажом ниже, чтобы не мозолить глаза.

Вздыхнув, Уилл положил седельную сумку, доставшуюся еще от Серебрушки, на кровать, разжег камин, уселся перед ним и просидел так до самой полуночи. Все-таки раны на шее и порой постанывающая нога давали о себе знать... Поэтому, поднявшись, он устало заполз под толстое стеганое одеяло и попытался прикрыть веки, пока за ставнями сыпался снег.

Неожиданно в дверь постучали.

Перед этим его чуткий слух уловил шелест платья, а также тихие шажочки. Уже различающий, что старая графиня ходит куда более чинно, не торопясь, он понял – это кто-то другой. На пороге была Фийя. Она смущенно улыбалась, уставившись своими большими, будто вечно изумленными, глазами в пол, и поджимала губки. На ней было серое платье без каких-либо украшений, с высоким и охватывающим горло воротником и широкими рукавами, отчего она напоминала ночную птицу, размахивающую крыльями.

– Можно входить, тео? – скромно поинтересовалась она, быстро подняла глазки и тут же опустила их в непонятном испуге.

Уилл нахмурился и отодвинулся, чтобы запустить служанку внутрь. Впрочем, став мнительным за последнее время, он изготавился к какой-нибудь подлой уловке.

– Что-то нужно? – настороженно спросил он.

Фийя в растерянности застыла посреди комнаты и принялась оглядываться, точно что-то потеряла.

– Тео Мариэльд сказать... что я теперь спать с вами, чтобы вы не скучать и... – она кое-как, с хрипотцой пролепетала слова на чужом для нее языке. – И греть вас в ледяной ночь.

И тут же робко потянулась к завязочкам на запястье платья. Не успел Уильям открыть рот, чтобы остановить ее, как платье уже упало на пол, и он с распахнутым ртом воззрился на небольшую грудь, округлые, крепкие бедра и такой же крепенький стан. Юная, совершенно нагая Фийя с той обольстительной улыбкой, когда дело уже сделано и поздно стесняться, взглянула на мужчину. Она запустила свою ручку в волосы, обхваченные лентой, и сняла ее. Густые темные локоны волнами рассыпались по ее покатым мягким плечикам.

Уильям еще некоторое время пялился на прелести, пока не замотал головой, понимая, к чему это.

– Погодите... Погодите! – наконец сказал он. – Это уже слишком... Нет!

Он подошел к служанке, поднял платье и накинул ей на плечи, мягко отталкивая. Та посмотрела непонимающе, и ее большие глаза стали еще больше, отчего она напомнила серую сову.

– Передайте госпоже, что это чересчур! – возмутился Уильям, с трудом оторвав взгляд.

– Я не понравится вам, да? – в ужасе прошептала Фийя, глаза ее миготали, наполнились слезами, и она затряслась. – Раз уж я вам не подходить, то, может, позвать моя сестру? У нее бедра больше, груди как яблоко...

– Да нет... Ямес... При чем здесь вы, – поднял в негодовании руки к небу Уильям. – Вы красивы... Но я не хочу, чтобы ко мне в кровать насильно клали женщину против ее воли! Где это видано, а? Пожалуйста, идите к себе!

– Не могу, – произнесла тихонько Фийя. – Хозяйка сказать, что я теперь спать только у вас.

– Что? Аргх... Хорошо... Ложитесь спать вон на ту кровать, – ткнул Уильям в соседнюю

лежанку, ближе к пылающему камину. – А завтра я поговорю с госпожой, хорошо?

– Как скажете, тео Юлиан.

Фийя в смятении запахнула платье, скрыв мягкие, трепетные прелести, и принялась завязывать черные шнурочки. Правда, сама она не сводила распахнутых глаз с сына хозяйки в надежде, что тот передумает. Затем она медленно подошла к кровати, не переставая оборачиваться, и спряталась под плотное одеяло. Фийя только моргала, продолжая следить за Уильямом, словно спрашивая, а точно ли дело не в ней? Может, он передумает? В конце концов глаза девушки закрылись, и она засопела.

Уже не в силах уснуть, Уильям с мрачным видом устроился в кресле и просидел так до утра, иногда поглядывая на спящую служанку. Он негодовал от действий Мариэльд де Лилле Адан и с нетерпением ждал рассвета, чтобы высказать все, что думает.

* * *

Наконец за окном забрезжил серый, унылый рассвет. Снежные хлопья продолжали засыпать город Аарин. Очнувшись, служанка распахнула свои до сих пор удивленные глаза, будто наблюдая мир впервые, огляделась и, увидев Уильяма, услужливо улыбнулась. Она выбралась из-под теплого огромного одеяла, платье ее от сна перекрутилось, и полная грудь выглядывала через приоткрывшийся запах.

Уильям не удержался, жадно посмотрел на нее, затем отвернулся к камину, в котором едва мерцали остывающие угли.

Опустив глаза, Фийя выпорхнула из комнаты.

Пока он одевался, возмущение в нем продолжало лишь нарастать. Нет, что уж там, оно даже вскипало, как на костре, грозя обернуться страшным пожаром! Собравшись, он твердым шагом покинул спальню, спустился по лестнице и принялся поджидать Мариэльд. Та долго не показывалась... Мимо прошли все слуги, воины и даже улыбающаяся Фийя, но ее все не было. Наконец он увидел Мариэльд де Лилле Адан в сопровождении Ады, которая, судя по всему, задержалась, чтобы заплести хозяйке косы. Различив гневный взгляд, женщина улыбнулась, затем подала служанке жест. Та быстренько исчезла.

Графиня Ноэльская подошла к сыну.

– Доброе утро, госпо... сир'ес Мариэльд! – произнес Уильям, в напряжении скрестив руки на груди. – Нужно кое-что обсудить!

Услышав, как он выкрутился, не назвав ее матерью, но и не произнеся вслух «госпожа», старая женщина весело вздернула бровь:

– Я тебя слушаю, мой любимый сын.

– То, что вы сделали, выходит за все пределы допустимого! – тихо, но настойчиво возмутился Уильям, чтобы никто другой не подслушал разговор. Глаза его сверкали, что молнии.

– Тебе не понравилась Фийя?

– Дело не в этом! Это же в корне неправильно – заставлять девушку спать со мной против ее воли, как какую-то грязную блудницу. И это при всей ее добродетельности! И вообще, я не просил вас подкладывать ко мне в постель кого бы то ни было! Пожалуйста, не делайте этого больше!

– Ну что же, как скажешь...

Молодой Лилле Адан серьезно кивнул.

– ...Только тогда Фийе придется ночевать в коридоре, – продолжила Мариэльд. Ее губы изогнулись в лукавой улыбке.

– Но почему?! – едва не воскликнул Уильям.

– Она же твоя служанка. Так что если ей не дозволено спать с тобой, то место ее либо в конюшне, либо под дверью, как собаке. Это мое последнее слово.

Мариэльд взглянула на него, продолжая благодушно улыбаться, точно ее совсем не тронуло сказанное. Облик графини был спокоен и мудр. Уильяму ответить оказалось нечем. Он некоторое время сверлил ее взглядом, потом перекинул сумку за плечо и, будучи уверенным в том, что покинет эту помешанную после Офурта, гордо удалился. Лицо у него стало пристыженно-раскрасневшимся, как у всех, кто совершенно не умеет ругаться и придумывает доводы для спора уже после самого спора.

Там, снаружи, у него попытались забрать сумку, чтобы понести. Однако он вцепился в нее, как в родную, считая, что борется за свою свободу.

Путники взобрались на коней и тронулись в путь в снежной завесе. За весь день Уилл не проронил ни слова, время от времени кидая хмурые взгляды то на Мариэльд, которая ласково улыбалась, то на Фийю, когда ее было видно из-за густо сыплющегося снега. Почему-то он не сомневался, что служанку вполне могут заставить спать на полу в коридоре, поэтому решил еще раз поговорить с графиней вечером на постоялом дворе. Ну а если та заупрямится, рассуждал он, придется положить Фийю на соседнюю постель.

К полудню отряд подъехал к реке. Снег покрывал все вокруг, ветер с северной свирепостью свистел между скал, задувая и наметая высокие сугробы, отчего невозможно было ничего рассмотреть даже вблизи. Однако Уильям сразу узнал Мертвую Рулку по ее грозному реву – и вздрогнул. Перед его глазами развернулись картины из прошлого, которое казалось таким далеким. Вторя мыслям, вновь заныла нога, напомнив о скачках наперегонки со смертью.

Это был другой мост, Западный; он нависал над рекой гораздо ниже, чем Восточный, но был шире, крепче.

Спешившись, отряд начал переходить его.

Пряча свой страх от посторонних глаз, Уильям погладил серого мерина. Мерин оказался не так ласков, как Серебрушка, мелковат, но все же послушно пошел за хозяином, пока его держали под уздцы.

Наконец все перебрались на другую сторону моста, в Солраг. Уильям глубоко выдохнул... Снова отчего-то вспомнился граф Филипп и его взгляд на берегу вместе со словами благодарности. О, как же мало порой стоят такие громкие слова, горестно подумал он! Ему казалось, что преподанный жизнью урок надежно усвоен, что никому и никогда больше он не доверится сполна, как бы ни хотелось. И пускай его еще молодая, встрепенувшаяся душа на самом деле требовала совершенно обратного... Кивнув себе, Уильям уселся верхом и сдвинул бока коня, чтобы догнать отряд. Ехать в компании одних вампиров было приятно: много времени сберегалось на завтраках, ужинах и отряд двигался бодро, скоро, несмотря на усиливающуюся вьюгу. Пацель кормился тем, что лежало в его мешках. Судя по всему, он прикупил достаточно еды еще в Йефасе: бока его седельных сумок раздуло до безобразия.

Это была вьюга, то кружащая, то спадающая, то следующим порывом обжигаящая до красноты лицо. Весь тракт замело. Кони устало всхрапывали, трясли головами, когда им в ноздри задувало снегом. Молчаливые путники подобрались к городку – Новому Тавинну. Небольшой, но опрятный, он встретил их, содрав по пять даренов с каждого, и распахнул двери пустующего в этот сезон постоянного двора. Он был в городе один, среднего размера, в два этажа, неказистый по сравнению с Корвунтом или даже прошлым Аарином на Брунге. Харчевня располагалась с ним по соседству, через дорогу, по которой сейчас носился унылый ветер.

Из дверей постоянного двора выбежал управитель, хватаясь за одежды. Бурча под нос: «Что за непогода... поди, демон Граго потрудился», он грубоватым жестом пригласил явных иноземцев пройти внутрь. Борющиеся с вьюгой конюхи, отплевываясь, увели лошадей. Спустя время Уильяма попросили пойти следом за управителем, чтобы показать комнату. Его расположили на верхнем этаже. Различив во тьме силуэт старой графини, он сразу заспешил к ней в конец коридора.

– Сир'ес Мариэльд! – Впервые за весь день Уилл что-то сказал. Он был преисполнен решимости. – Нам нужно поговорить насчет вашей служанки.

– Юлиан, сын, я тебе все уже сказала.

– Подождите, вы не понимаете, что...

– Если она не будет ночевать у тебя, то будет ночевать в коридоре.

Графиня тут же чинно удалилась к себе, хлопнула дверью. Оставшись в одиночестве, вновь побежденный таким простым способом, раздраженный Уильям развернулся и увидел поднимающуюся по лестнице Фийю. Она улыбалась и заправляла за ухо прядь, выскочившую из наспех заплетенной косы. Ну что же, придется класть ее на другую кровать, решил Уилл. Но стоило ему приоткрыть дверь, как обнаружилось: в спальне только одна широкая кровать, – и он сдержанно выругался.

– Тео Юлиан, я спать на полу...

Фийя принялась с тупой покорностью раскладывать одежду, чтобы устроиться на ней.

– Нет, ложитесь в кровать. На пол лягу я!

Служанка в смятении сгребла свои вещи в охапку, чтобы перебраться с ними на постель. Скинув сапоги, подобрав под себя ножки, чтобы согреть их, она продолжала смотреть на господина. И хлопала глазками, как ребенок. У нее и правда было простодушное, наивное и лишенное малейшей умной мысли личико. Глядя на него, невозможно было подумать, что в такой головушке способно задерживаться что-нибудь хоть на миг: и дурное, и мудрое. Она будто жила лишь своим нынешним настроением да пожеланиями господ.

Уилл постелил на полу, от которого поднимался холод, свой дорожный плащ, а поверх положил другой, нарядный, не догадываясь о его дороговизне. Из-под ставней тихо посвистывал ветер. Понимая, что на улице крепкий мороз и к середине ночи станет еще холоднее, несмотря на то что это второй этаж, Уилл с тоской поглядел на место, где ему придется прозябать.

Однако если бороться, то бороться до конца!

– Вам нужно что-нибудь подштопать, почистить? – услужливо поинтересовалась Фийя.

– Нет...

Вьюга рассвирепела.

Яростный ветер закручивался и бросался на ставни. Те хлопали, стонали и пропускали ледяные сквозняки, которые неприятно скользили по ногам. Не было никакого желания выходить на улицу, и путники радовались, что успели разместиться на постоялом дворе вовремя. Тем более что их, южан, эти северные холода страшили.

Спустившись по лестнице на первый этаж, Уильям постучал в первую дверь с деревянной табличкой с изображением замка и ключа – комнату управителя. Та отворилась. На пороге появился уже готовящийся ко сну полный мужчина в двух теплых платьях и шерстяных шоссах.

– Вам чего-то надобно, господин?

– Да, я бы хотел снять еще одну комнату, – произнес Уильям, нащупав в кошельке пару десятков даренов из сбережений сэра Рэя.

Управитель отчего-то уставился в пол своими уставшими старыми глазами и как-то неловко, в смущении произнес:

– А комнат-то нет...

– Как это нет? – поднял брови вампир.

– Так это ж... Та женщина с белоснежными волосами их все выкупила, – пробормотал пожилой мужчина.

– Хорошо, предположим, – едва сдерживаясь, произнес Уильям. – Хотя бы одеяла-то есть?

– Запретили выдавать, господин. Извините, – прошептал перепуганный управитель. – Та женщина сказала, что, если выдам кому-нибудь, кто попросит, поплачусь башкой. Это меня возмутило, но, знаете, выдавать одеяла я вам не стану! Извините!

* * *

Скрипнула дверь. Это Уильям в злости зашагал прочь из постоялого двора. Он попал на небольшое крытое крыльцо, куда не залетал ветер, но стоило ему только попробовать перейти улицу, как его едва не сбило с ног. Бушевала вьюга, снег хлестал в лицо и вздымался клубами. В ушах стоял протяжный вой. Борясь со стихией, Уильям с трудом продвигался в сторону харчевни – надеялся провести ночь там, за столами, спрятавшись где-нибудь в углу. Дойдя, он налег плечом на дверь, но та не поддавалась. В такую безумную погоду харчевня, оставшись без посетителей, закрылась раньше положенного.

Тогда он пошел на конюшню, дабы отлежаться на теплой соломе, вдыхая запахи лошадей. Однако постройка была закрыта на засов изнутри, а спящие конюхи не расслышали сквозь вой вьюги ни стука, ни громких попыток докричаться до них.

Уильяму с руганью пришлось вернуться на постоялый двор. С него осыпался большой сугроб, а снег чувствовался даже в шароварах. Южные одежды совершенно не годились для северных зим, подумалось ему... Из комнатушки опять выглянул управитель и непонимающе покосился на безумного постояльца, решившего прогуляться в такой вечер. Дрожа и отстукивая зубами дробь, Уильям поднялся в свою спальню, где в кровати под теплым одеялом уже лежала неспящая Фийя.

Стащив с себя побелевший плащ, он отряхнул его и постелил на каменный пол, улегся и завернулся в него. Пол дышал холодом, а по телу сильно тянуло от окна. И хотя Уилл,

будучи бессмертным, переносил всякую непогоду, будь то холод или зной, лучше, чем прочие, но даже он через пару минут начал страшно дрожать.

– Тео Юлиан, – обеспокоенно прошептала Фийя, выглядывая из-под огромного одеяла. – Может, вы лечь хотя бы сбоку?

– Нет. Спите! – уверенно ответил Уильям и прикрыл глаза, отвернувшись в другую сторону.

– Но... Я не могу спать. Вы так мерзнуть, даже зубы стучать. Ложитесь около меня, я подвинуться!

Уильям ничего не ответил.

Он подложил обе руки под ухо, глубоко выдохнул и попытался не чувствовать холод, обращаясь мыслями к тому, что некоторые старейшины десятилетиями дремлют в пещерах. Разве он не такой же? Разве не должна вампирская кровь согреть его ледяное и напоминающее труп тело? Однако он так привык, как бывший человек, спать по-человечески: в тепле, в комфорте, осознавая собственную хрупкость в этом большом мире. У него никак не получалось потеряться во снах... Очень быстро Уилл перестал чувствовать пальцы на ногах, однако, будучи уверенным, что ему, бессмертному, ничего не станется, мужественно терпел. Впрочем, скоро холод пополз еще выше, завладев поясницей, плечами и ногами, а дрожь стала сильнее.

Послышались тихие шлепки.

Фийя сползла с кровати и, поеживаясь от холода и подпрыгивая на ледяном каменном полу, будто обжигаясь, подошла ближе. Она достала из сумки одно из своих платьев, постелила его вниз и устроилась рядом с Уильямом – считай, легла на голый пол.

– Что вы делаете?! – спросил тот, обернувшись. – Вы же заболете!

– Да, но я не могу спать, когда тео страдать и дрожать на полу. Значит, я тоже буду дрожать, – тоненьким голосом произнесла девушка. Она тут же всхлипнула от холода.

– Вернитесь в постель!

– Нельзя. Если так, то идти вы, тео. А я останься здесь, внизу... у ваших ног.

Уильям со стоном встал с ледяного пола и подал служанке руку. Та поднялась, опершись на него.

– Хорошо, – сдержанно произнес он. – Ложитесь под одеяло у стены. Я лягу с краю.

Фийя пробежалась по комнате, поднимая босые ножки, подобно Вериателю на берегу, и с удовольствием прыгнула под теплое одеяло. Всем своим видом она показывала, что, дескать, зачем страдать, когда можно быть в тепле и счастье? Ее женская уловка сработала. Сжалившись, Уильям пошел у нее на поводу. Он расправил вторую половину одеяла и лег на нее сверху, пока служанка осталась лежать под одеялом. Отвернувшись от Фийи, он прикрыл глаза, вскоре забывшись сном, где ему виделись какие-то темные неясные тени.

Рассвет потерялся в воющей ветром пелене снега. Вьюга продолжала кружить, кидалась на ставни и трясла их, не в силах проломить. Снега намело столько, что поутру управитель не мог открыть дверь постоянного двора. О том, чтобы продолжать путь в таких условиях, и речи не шло. Мариэльд закрылась в своей спальне и приказала не беспокоить ее до следующего утра. Уильяму сообщила об этом ненадолго покинувшая спальню Фийя, а Фийе – ее сестра Ада.

– Ой, тео, я вам низ у плаща подшить... А то оторваться, – щебетала служанка, сидя под теплым одеялом.

– Подшейте, – вздохнул Уильям.

Они вдвоем лежали на большой кровати, не покидая ее: идти было некуда. В комнате обосновался тягучий полумрак, и, пригретые, слушающие нудный вой за окном, заложники вьюги теперь сами заскучали.

На Уилла накатили воспоминания о родном доме. Жива ли матушка? Обеспокоенный, что даже эти несколько дней вынужденной задержки могут стать роковыми, он казался хмурым, отстраненным и глядел на Фийю исподлобья.

Фийя, к слову, переползла через него, опустила ножки на пол – и вскрикнула от того, какой он был ледяной. Затем она забавно сморщилась и надела сапоги. Взяв из сумки, где также лежали пряжа и спицы, набор для шитья, она вернулась к теплой постели и с накинутым на плечи одеялом, будто королевской мантией, стала ловко работать иглой. Да еще высунула от старания язык, продемонстрировав остренькие клыки.

– Давно вы служите Мариэльд? – поинтересовался Уильям, понимая, что ему придется провести с ней взаперти целый день.

Фийя подняла от шитья прищуренные глазки, смущенно улыбнулась господину и принялась работать дальше.

– Всю жизнь, тео Юлиан.

– Как? – не понял тот и переспросил. – Вы родились в семье слуг Мариэльд?

– Нет... Ну, да... меня... то есть моя и Ады мать... Ее купить на рынок Детхай, в городе Зунгрун. Она уже быть беременна нами к тому момент, от перекупщик, о чем не знать.

– Что значит купили?

– Ну... – Фийя болтала быстро, однако слова на неродном для нее языке подбирала плохо. – На невольничий рынок нашу маму купить тео Мариэльд. Моя мать – хороший, умелый швея.

– Так вы рабыня?! – изумился Уильям.

Теперь-то он сообразил, почему Фийя не смогла отказать своей госпоже в требовании удовлетворить похоть ее сына.

– Ну, не совсем так, – мягко улыбнулась она.

– А как же тогда?

– В Ноэль нет такой слово, как «рабство». В Детхай, например, если человек или вампир становится раб... То он остаться им на всю жизнь. Раб всю жизнь. Понимать, да, тео? А вот в Ноэль раз в эм... десять лет мы можем сменить хозяин. Либо покинуть хозяин и стать свободный. Мы не раб. Мы айоры!

– Но почему вы тогда служите Мариэльд? – Уильям следил за ловкими пальчиками девушки, которая почти закончила работу. – Если могли уйти?

– А зачем, тео Юлиан? – пожала плечами Фийя. – Служить такая старейшина – это честь. Каждый вампир мечтать об этом, я уверена. И... – Тут она неожиданно перешла на шепот: – Хотя ваша мать порой очень грозный и ей тяжело угодить, мы ее все равно очень любить. Как и вас теперь, ее сына.

– Я не ее сын. И меня зовут Уильям, не Юлиан, запомните это, будьте добры.

– Нет... Раз тео Мариэльд сказать, что вы ее сын и наш тео, значит, вы ее сын! Другого и быть не мочь!

Наконец айорка закончила шить и, снова перебравшись через Уилла, отнесла его плащ на шатающийся от старости стул.

– Тео? Что значит «тео»?

– Это значит «хозяйка» или «хозяин». Когда мы прибыть в Ноэль, вам нужно быть

подучить язык. А хотите, я могу научить вас наши слова? Чтобы вы уже говорить чуть-чуть до наш Ноэль?

– Возможно, я покину вас раньше, – отвел глаза Уильям и уставился в стену.

– Но как? Почему, тео? Вы покинуть свою мать?

– Говорю вам еще раз: я не ее сын! У меня есть своя матушка, родная, понимаете?

Которая растила меня, кормила и заботилась обо мне всегда. И она сейчас болеет, а может, ее уже прибрал демон Граго, однако раз я могу поехать к ней, то я должен! Но о госпоже Лилле Адан я не знаю ровным счетом ничего. Как я могу доверять ей, когда я ей никто, всего лишь документ, чтобы она там ни говорила?

– Так вы узнать ее со временем... – поразилась Фийя. Ее грудь часто вздымалась от переживания. – Да, вы узнать ее, у вас же впереди долгий век, тео, вы же тоже старейшина! Не уходите от нас. Тео Мариэльд – хорошая женщина, поверить мне!

Обеспокоенная девушка бросила шитье, на коленях подползла по одеялу к молчащему Уильяму, взяла его руки в свои и посмотрела с мольбой, будто ребенок.

– Вы же одиноки, ведь так? Вам некуда ходить?

– Некуда... – шепотом, словно сам себе, отозвался Уилл.

– Вы же быть человек раньше, но сейчас вы, как мы, – продолжила она подрагивающим голосом. – Значит, ваша матушка тоже человек? Вам же быть плохо на Севере, сделать себе хуже и страдать, потому что северяне злые, очень злые, темные, как хвойный лес. А у нас не так, тео, совсем не так в Ноэль!

Недослушав, он высвободил свои руки из рук Фийи и поднялся с кровати, затем направился прочь из комнаты. Служанка так и осталась глядеть ему в затылок, пока дверь не захлопнулась.

* * *

Уильям немного послонялся по пустующим коридорам, подобно высокой мрачной тени, которая сама может напугать кого угодно, пока в конце концов не пошел к Пацелю. Он желал поговорить о веномансии и узнать о Юге побольше. Да и в целом он чувствовал себя скованно рядом с рабыней, готовой отдаться ему по одной просьбе.

Помня дверь, куда определили целителя, вампир постучал в нее. Тишина... Однако где же еще быть уважаемому целителю, как не у себя? Учítывая, как неистово стонет снаружи вьюга, обратившись уже метелью, как снаружи все занесло сугробами, не могло быть и мысли, что Пацелю просто захотелось прогуляться. А может, он спит? Но нет, припав к двери ухом, он ничего не услышал.

Дернув плечами, Уильям нехотя вернулся в комнатку, ничего не понимая.

– Вы быстро, – улыбнулась смущенно Фийя.

– Да, – пробормотал озадаченно он. – Пацеля у себя не оказалось.

– А-а-а, это обычное дело, тео! – махнула рукой айорка, хихикнув. – Он же маготворец.

Он постоянно то исчезать, то появляться из ниоткуда, когда ему в голову взбредет.

Как же он сразу не догадался?! Маг! Ведь не зря Пацель так понимающе рассуждал о воскрешенных мертвецах, а также о том, что его навыки пригождаются в различных областях. Вот оно что, значит! Оказывается, Мариэльд де Лилле Адан собирается вылечить матушку Нанетту южной магией!

– Вы никогда не видите магов, тео? – спросила Фийя.

– Одного доводилось, конечно... – пробормотал Уилл. – Ну а так лишь из сказок узнавал, да и представлял их иначе. Высокими такими, с белоснежной курчавой бородой, в какой-нибудь мантии, разукрашенной таинственными, чудными символами. И чтобы заклинания бурчали под нос, а порой превращали в вурдалаков или чертей, если северянин их обнаружит и попытается помешать. Но точно не такими, как Пацель...

– Ой, ну это вы, конечно, сказать! – хихикнула Фийя. – Ни один из тех магов, что бывать у нашей тео, не похож на высокого и с белой бородой.

– А у вас они вообще есть?

– В Ноэле? – хлопнула глазками Фийя.

– Да, именно в Ноэле, – уточнил Уильям.

– Ну, у нас их немного, наверное... Живут какие-то у маяка Голубой Коготь, в круглом доме, но я точно не знаю. А к нашей тео приезжать далекие маги, которые много-много говорить с хозяйка о больших делах, а она их внимательно слушать и кивать.

– Не понимаю вас, разве Ноэль все-таки находится не на Севере? Почему вы так спокойно говорите о магах, которых у нас побаиваются?

– Ой, что вы, – сказала девушка довольным голосом. – Ноэль, может, и на Севере, но мы называть себя только южанами!

– Фийя, а расскажите о Ноэле, пожалуйста.

– Это я могу. – Айорка прилегла на бок, отчего ее распущенные волосы разметались по подушке. Она подперла голову ручкой, оскалилась остренькими зубками. – Но я могу говорить много, тео! Меня за это постоянно ругать моя сестра Ада.

– Ничего страшного, я это переживу.

– Ну хорошо. Наш Ноэль – он прекрасный! Наши земли, насколько я знаю, единственные соединяться и с Югом, и с Севером. Наши земли долгие годы входят в какое-то северное королевство, которое называется... – Фийя задумалась.

– Альбаос, – подсказал Уильям.

Он уже убедился, что девушка безграмотна.

– Да-да! А на Юге от нас быть Детхай, из которого и прибыл почтенный Пацель. Мою маму как раз приобрести на его невольничий рынок, именно там. Рядышком с нами, кажется, Гаиврар. Он горный такой, и попасть в него можно через перевал, за которым следят злые воины. Но у тео Мариэльд хорошие отношения с Гаиврар, поэтому она лишь показать свой перстень – и нас с почетом пропустить. Да и вообще нас везде пропускать, пока мы ехали сюда! Летом у нас много свежих ветров с моря, а зимой не так холодно, как здесь. Ну, так говорить все люди... Хотя и у нас иногда бывать очень холодно. – Девушка устала подпирать голову и села, обхватила колени. – А еще наш Ноэль называть везде землей голубой олеандр – этот цветочек пахнуть сладко-пресладко! Всю весну, лето и осень он цветет, усыпать Ноэль голубыми цветами. Это так красиво, тео Юлиан! Я любить в месяц Осте сидеть на высокий холм, около особняк, и любоваться оттуда море и... – Она забывала слова и путала окончания. – И весь, подобно одеялом, холм укрываться голубыми олеандрами. Ада, правда, ругать на меня, называть лентяйка и бездельница, но она просто не понимать! Вам понравится, тео, вы полюбить Ноэль всем своим большим сердцем!

– А какое оно, море? Как большое озеро? – спросил Уильям, никогда ранее не видевший его.

– Оно... Ну, оно больше озера... синенькое такое, иногда голубенькое, а когда

из ноздрей дюжа дуть страшный ветер, то становится черное. Оно лежать до самой... вон туда... – помялась девушка, не зная, как объяснить. – До самой полосочки, там далеко...

– Горизонт, – снова подсказал Уилл.

– Да, спасибо, – раскраснелась Фийя. – В общем, во время хорошей погоды море – ярко-синий и сиять в лучах солнца, как сапфир в перстень тео Мариэльд, а во время непогоды становится угрюмым и мрачным. Не зря же наши цвета, тео Юлиан, – это голубой, бледно-васильковый, синий, серый и белый. Это цвет олеандр и моря!

Вдруг сильнейший порыв ветра ударил в ставни. Они с грохотом распахнулись. Ржавый крючок, державший их, переломился от старости пополам и отлетел куда-то в угол. В комнату ворвалась вьюга и принялась настойчиво наносить сугробы, обдавать все и всех ледяными порывами ветра.

Спрыгнув с кровати, Уильям с трудом закрыл ставни, отплевываясь от летящих в лицо снежинок. Нужно было чем-нибудь скрепить створки, и он оглянулся, но под рукой не нашлось ничего подходящего.

– Дайте что-нибудь! – воскликнул он.

Фийя подскочила и растерянно, как всякая женщина, не способная принять решение без мужчины, замерла посреди комнаты. И захлопала глазками.

– Не стойте! Дайте!

– Что дать-то?..

– Спицы. Одну достаньте! Я видел их у вас! – обернулся Уилл.

– Да-да, сейчас... – Девушка кинулась доставать ее из сумки.

Вскоре распахнутые ставни были побеждены. Бронзовую спицу вставили вместо вылетевшего ржавого крючка, скрутили ее колечком, и Уилл обернулся, чтобы выдохнуть. За этот короткий миг метель успела обелить все снегом, и пришлось вытряхивать его из одеял, убирать следы зимы с сумок и табуретов, пока ничего не промокло. Внутри вновь обосновался приятный глазу полумрак.

– Как бы нам здесь не проторчать несколько дней, – произнес наконец Уилл. – Столько времени потеряем...

– А вы куда-то спешить? – спросила айорка.

– Моя родная матушка в Офурте. Она больна зимней аспеей. И я читал, хотя, впрочем, и замечал, что чем холоднее зима, тем сильнее болезнь. Я переживаю, мы не успеем.

– Ох, это очень плохо, – прошептала Фийя. – Но я надеяться, что дюжи проявят снисходительность. – И она тут же стыдливо добавила: – Хотя это прозвучать грубо, тео Юлиан, но я с утра, наоборот, подумать, что подольше бы продлилась эта северная метель. И чтобы засыпать все по крышу. И чтобы мы подольше быть вдвоем. Мне хотелось показать вам, что я не так плоха, как показаться ночью. Теперь я, конечно, понимать – это дурные мысли. И мне стыдно.

С раздумявшимся от вьюги лицом она стояла, потупив взгляд. Фийя не имела ни тонких черт лица, ни узкой талии, ни таинственной глубины глаз и уж тем более особой грации, присущей той же дочери графа Тастемара. Нет, ни в коем случае ее нельзя было назвать утонченной красавицей. Относительно многих других она и вовсе казалась блеклой. Однако в силу юности, которая зачастую одаривает даже блеклость отблеском красоты, меркнувшей спустя пару-тройку лет, она была привлекательна.

И главное, что, испробовав утонченную красоту, которая оказалась предательской, Уильяму понравилось это отсутствие глубины в глазах Фийи, этих теней, в которых прячутся

затаенные злые мысли. Напротив, все ее помыслы как бы лежали на поверхности, протяни руку – и вот они, понятные, открытые и преданные.

Поэтому, когда айорка опустила свою головку с разметавшимися по плечам волосами, он обреченно вздохнул, а затем выругался про себя. Похоже, Мариэльд победила... Уже стало казаться, что и вьюгу наслала тоже она, хотя, конечно, Уильям понимал, что это глупости.

Фийя тотчас почувствовала этот задержавшийся на ней долгий взгляд, в котором был уже совсем непростой интерес касаясь Ноэля. Она едва улыбнулась, стесняясь. Когда его пальцы расшнуровывали льняные завязочки, чтобы потом, избавившись от верхнего платья, снять и нижнее, айорка стояла и сжимала пальчики – пол был ледяным. Но она терпела. Впрочем, скоро ее уже положили под теплое одеяло, где ее скромность сменилась юной беззаботной смелостью.

– Ну вот... Все-таки я вам понравиться, – через время прошептала согревшаяся Фийя, закинув свою ножку на мужское бедро.

– Сразу понравились, как только увидел, – вздохнул Уилл. – Просто мне пришлось не по душе поступок госпожи Лилле Адан.

– Разве она не сделать нам хорошо? Нам обоим сейчас хорошо и тепло, тео. – И она простодушно улыбнулась, обнажив остренькие зубки. – Тео, вы просить меня рассказать про Ноэль.

– Да. Если хочешь, расскажи еще что-нибудь.

– Я просто хотела сама попросить... Может, лучше вы рассказать о себе?

– Нечего рассказывать, – нахмурился Уильям, поглаживая мягкую ногу айорки.

– Ну ладно, нет так нет. Извинить.

* * *

Пока вьюга буйствовала за окном, Уилл и Фийя провели весь день в постели, без одежды, согревая друг друга. Фийя развлекала их обоих рассказами о своем детстве, об отношениях с сестрой, о матери, что умерла, когда девочкам было по десять лет. О самом Ноэле она говорила мало, просто не понимая, как описать то место, где выросла. Для нее он был, похоже, столь обыденным и понятным, что она не могла отделить какие-то отличающие его от других земель черты. Просто дома все вокруг было куда теплее, красивее, голубее, а море-то какое бескрайнее, до самого горизонта! Она постоянно путала слова на северной речи, но, когда ее исправляли, Фийя соглашалась, чтобы тут же забыть и продолжить все путать.

Уильям слушал ее истории вполуха.

Мыслями же он пребывал то в прошлом, то в будущем – в Больших Вардах. И вместе с тем не был нигде одновременно... Мысли его не имели четкой формы. Уилла будто покачивало на волнах сознания, пока его шею обвивали нежные ручки. И пусть снаружи стонала метель, заметая все снегом, но под одеялом, благодаря сплетению молодых тел, было жарко. Эти ни к чему не обязывающие разговоры утешали душу. Ненадолго забывалось все плохое, и так случилось, что все больше он думал о том, каков же этот привлекательный морской Ноэль, а не вспоминал страшный суд. Таково было действие ласки и мягкого, податливого тела, и Фийя начинала напоминать ему в чем-то Линайю.

Уже скоро она так задорно разболталась, что выкладывала все подряд, без разбору: какой неприятный этот молчаливый Къенс, как противно зыркает на ее сестру, а как сама сестра задрала нос, когда ее обучили грамоте, чтобы читать вслух хозяйке! Еще у них в Ноэле перед отъездом цветы поели какие-то бабочки, и Фийя гоняла их тряпками на протяжении всего дня и кричала, чтобы не портили сад хозяйке. И Уильям невольно подумал, что в глазах графа Филиппа он, возможно, выглядел примерно таким же наивным олухом.

– Фийя, а сколько тебе лет? – обратился он к служанке на «ты», после того как она сама попросила его об этом.

– Вроде семнадцать. А что?

– Я думал, около тридцати или сорока, – удивился Уильям. – Странно, я не понимаю, что у вампиров с возрастом.

– Ах, так это! Мы сначала расти, как обычный человек, в общем-то... Ну, кроме клыков. А дальше цвести, словно цветочек, долго-долго лет и потом начинать медленно стареть. Но тут кому как повезти. Вон, моя сестра Ада выглядит старше, а мы с ней близняшки! Хотя мама говорить, что Ада походить на отца, ну, того мерзкого работорговца, который маму взять перед продажей на рынке, – деловито произнесла Фийя, уткнувшись носиком в мужскую шею.

Уилл вздохнул и прикрыл глаза, поглаживая выглядывающее из-под одеяла округлое плечико. Рассказ, а также краткая передышка напомнили ему о жажде, и он пригладил изнутри клыки, ощущая их губительную остроту. Если так подумать, то за все время у него не было никаких проблем с кровью: Филипп фон де Тастемара давал ему и кров, и еду. Но как живет тем, у кого нет под боком темницы, набитой смертниками? Он понимал умом, что их жизнь не столь проста.

– Фийя...

– Да, тео Юлиан.

– А где берут кровь вампиры? Неужели выслеживают и нападают на своих же односельчан?

Айорка мотнула головой, насколько могла в состоянии лежа.

– Лучше нападать на путников, а не односельчан. Как рассказывать мама, многие из нас пытаются жить в большой город около большой тракт, чтобы проезжать много путников. Понимать зачем, да? И вампиры узнавать тропки, подходы и укромные места, чтобы подготовиться. Иногда нападать и на односельчан, но это опасно... Разве только тех, кто надолго куда-то уходит. Или кто что-то подозревать. И утаскивать их в кусты, чтобы задушить! А если дома ждать семья, то могут подвесить человека вниз голова, делать надрезы и дать стечь кровь в какой-нибудь сосуд. А есть еще и такие вампиры, которые всю жизнь бродить по земле, не оставаться надолго на одном месте, чтобы местные не прознать и не обидеть. От деревни к деревне. Снимать комнаты на постоянный двор, убивать и пить. Потом уходить. Мама и про таких говорить...

Уильям поморщился, представив себе все эти тяготы и злоключения. Видимо, думал он, живут такие вампиры относительно недолго.

– Ну, это на Севере так, – закончила Фийя. – Дедушка мамы жить где-то там... на Севере, в общем.

– А на Юге?

– На Юге каждый вампир должен записать в книгу, их следить очень строго. Всех следить. Ну, мне так говорить Марей, он из Детхая. И тогда уже утаскивать в кусты

не получиться – найти и убить за преступление! Поэтому вампир работать и покупать либо негодий раб на съедение, либо просто кровь.

– Понятно... Нелегко вам живется. Немногим лучше, чем нам, – он осекся, – то есть людям.

– Да, тео Юлиан. Поэтому служить такой могущественной старейшина, у которой нет отказа в крови, – это самое лучшее, что может случиться с вампир. И мы все ценить и любить вашу мать за то, что она нам дать! Я за весь день сделать пару стежков на ваш плащ, а кто-то другой на Юге работать до кровавая мозоль, чтобы получить гораздо меньше. – Эта мысль пришла к Фийе неожиданно, отчего ее личико омрачилось. Бровки сошлись воедино. Однако, тут же изгнав эти мысли из своей светлой головки, она снова заулыбалась.

– А на Юге есть старейшины? – неожиданно поинтересовался Уильям.

– Я думать, что если на Север есть, то, значит, и на Юге есть! – Тут Фийя поняла, что заболталась. – Ну, наверное... Я на самом деле не знать, тео Юлиан. Вы у госпожи узнать, она все ведать. Она наимудрейшая, как черепаха, и величественная!

* * *

Ближе к вечеру, когда сквозь ставни стала просачиваться ночь, одетая в белую пелену, Уильям выбрался из-под нагретого одеяла. Он снова попробовал достучаться до Пацеля, но того опять не оказалось на месте. Тогда, поглаживая изнутри ломящие клыки, он выглянул на улицу – там до сих пор бесновалась вьюга. Городок превратился в безжизненного грима. Демоническими глазами-фонарями свет постоянного двора едва пробивался сквозь тьму. Уилл со вздохом прошел по узкому коридору, остановился у комнаты Мариэльд и занес уже было руку для стука, но потом вспомнил: Фийя говорила, что хозяйка просила ее не беспокоить. Тогда он убрал руку.

– Входи, – послышался тихий голос изнутри.

Уильям приоткрыл дверь. Комната была такой же, как и у него, разве что в углу стоял стол без стула, а в другом – два кресла, одно из которых, видимо, было отодвинуто от стола. И вот в этом кресле, закинув нога на ногу, в светло-сером платье из очень мягкой ткани, с накинутым на плечи пуховым платком, сидела Мариэльд. На ее плечах лежали две светло-серебристые косы, сплетенные из множества других. Она держала в руках книгу, но смотрела на сына и мягко улыбалась.

– Доброй ночи, сир'ес. – Отвесив поклон почтения, Уилл вошел внутрь и замер.

– Присаживайся. – Графиня изящным жестом указала на соседнее кресло, где буквально недавно сидела Ада, читая хозяйке вслух.

Сев неподалеку, Уильям нахмурился и сделался молчаливым.

– Как тебе Фийя? Милая девушка, правда?

– Я все равно считаю, что вы поступили не очень правильно, сир'ес. Но что произошло, то произошло...

– Чудесно, что у тебя все хорошо сложилось с этой девушкой. Ты для нее будешь крепостью от невзгод, в которой она спрячется, а сама она, наивная и глупенькая, всегда будет рядом, ни к чему не обязывая и не обманывая.

– Я как раз пришел поговорить касаясь обмана... – Его взгляд потемнел, он поднял

голову и встретился глазами с Мариэльд. – Когда я говорил с графом, он упомянул, что именно вы замешаны в том нападении в замке Брасо-Дэнтто. Это правда?

– Да, правда.

Уильям взглянул на нее исподлобья.

– Но зачем вы это сделали? – спросил он глухим голосом, в котором чувствовалась нанесенная ему недавно рана.

– Когда я почувствовала, что Гиффард погиб, то начала выяснять, как же это произошло. Он был мне давним любовником, хорошим другом и собеседником. Нас связывало слишком многое, чтобы я позабыла о нем и бросила его дар на произвол судьбы, тем более что в тот момент он направлялся ко мне в гости. А когда Летэ сообщил мне, что дар попал к бывшему человеку из Офурта, совсем еще юноше, я заинтересовалась. Но чтобы принять решение, мне нужно было все разузнать до суда, поэтому через друзей на Юге я связалась с одной гильдией, которая способна выполнить... скажем так, любую прихоть.

Уильям глядел на графиню в изумлении, а та продолжала говорить так спокойно, словно речь шла о чем-то обыденном – вроде обсуждения погоды.

– Их задачей было проникнуть в замок Брасо-Дэнтто, выведать твоё расположение, взять необходимые для магического обряда памяти элементы и уйти, никого не ранив, – закончила Мариэльд.

– Но они воткнули кинжал в горло графу!

– Да, – невозмутимым тоном ответила графиня. – Однако они знали, кто он, и лишь задержали его, чтобы выполнить задачу.

– То есть это все ради того, чтобы решить – усыновлять меня или нет?

– Конечно. Мне понравилось то, что я увидела. Все твои костюмы были пошиты заранее, швеи лишь подготовили их после суда. Фийю я тоже взяла из Ноэля специально для тебя. Как, впрочем, и моего друга Пацеля, который как раз гостил у меня, чтобы он излечил твою человеческую мать.

Уильям был искренне поражен. Он не знал, что сказать, ибо полагал: Мариэльд, как и ранее граф Тастемара, либо пойдет на обман, либо ничего не ответит на заданный вопрос. Но такое! Такая откровенность! Столько сил и денег потратить на обычного юношу, чтобы восполнить пустую чашу жизни?

– Это же сколько сил, средств и времени... Только лишь ради... Услуги наемников наверняка стоили до одури золота, – произнес Уилл, вспоминая, что то же самое заметил некогда Филипп.

– Гораздо больше золота, чем ты можешь себе представить, – рассмеялась тихо графиня. – Ты все еще не веришь мне и помышляешь уйти?

Уильям некоторое время подумал, не отвечая, а потом спросил заново, продолжая пристально глядеть на женщину:

– Получается, вы меня опять обманули.

– Почему же?

– Пока я не спросил вас об этом происшествии с наемниками, вы мне ничего не собирались рассказывать. Хотя ранее клялись, что будете честны.

– Это не обман, Юлиан. – По ее губам скользнула полная задора улыбка.

– И что же это как не обман?

– Если бы я сказала тебе все сразу, когда ты еще не отошел от суда, то как бы ты это воспринял? Смог бы ясно обдумать? Или погрузился бы дальше во тьму ужаса?

Мне пришлось выждать и открыть тебе лишь часть истории с умыслом, что до остального ты дойдешь сам.

– Госпо... Сир'ес Мариэльд! Но как я могу быть уверенным, что вы не утаили что-нибудь еще?

– Выпей кровь Фийи, – повела плечами под шалью Мариэльд. – И ты увидишь все, что происходило за пару десятилетий до этого дня в Ноэле.

– Кого... Фийи... Фийи?! Да что вы такое говорите? – Уильям ужаснулся от одной только мысли.

– Ты же мнемоник. И ты, наверное, удивишься, но многие женщины испытывают удовольствие, когда во время близости их могут болезненно укусить. – Мариэльд довольно расхохоталась от обескураженного вида собеседника. – И Фийя из их числа! Несмотря на внешнюю наивность!

Сначала побледневшее, а затем густо покрасневшее от стыда лицо Уильяма и правда выглядело презабавно. И пока он раздумывал о применимости своих способностей, в дверь постучали. Перед Лилле Аданами предстал Кьенс. Он согнул спину в поклоне и раболепно посмотрел на хозяев.

– Тео Мариэльд, я все сделать, как вы просить. Раз тео Юлиан здесь, приносить сюда? – спросил он крайне тихим голосом, прислушиваясь.

– Да, – графиня кивнула.

Буквально через минуту айор вместе с одним из воинов, припорошенные снегом, закутанные в плотные плащи, внесли на руках двух человек. Эти двое, молодые мужчина и женщина, пребывали в какой-то странной дреме, словно их опоили. Под их закрытыми веками непрерывно двигались глаза, будто сон был пугающий, насланный и, возможно, последний.

Понимая, зачем их внесли, Уильям сжал пальцами подлокотники и воззрился на незнакомцев, которых уложили к ногам господ.

Слуги тихо удалились из комнаты.

– Их выкрали? – ошарашенно спросил он.

– Выкрали, – улыбнулась Мариэльд и наклонилась.

Не вставая из кресла, она подтянула мужчину к себе с такой легкостью, точно ее сухонькие маленькие руки могли справиться и с огромным рыцарским конем. Положив голову спящего к себе за плечо, старая графиня откинула за спину свободной рукой серебристые косы и, сверкнув клыками, вцепилась в горло. Надо сказать, что на столе горел большой светильник, который отбрасывал на стены, кровать, кресла и все вокруг свой желто-теплый рассеянный свет. Именно поэтому происходящее виделось особенно четко. Жизни здесь лишали не холодно, в тени, а скорее чувственно, с каким-то медленным упоением, прикрыв глаза от света.

Одна коса упала на грудь уже отдавшему свою дань мертвецу. Графиня убрала ее неторопливым движением, не желая отвлекаться.

Чуть погодя она отодвинулась от него и указала на лежавшую на полу девушку.

– Она скоро очнется... Поторопись...

После этих слов Мариэльд де Лилле Адан продолжила с наслаждением грызть шею, порой прерываясь, чтобы облизнуть губы.

Держась за подлокотники кресла, Юлиан наклонился вперед и взгляделся в спящую. Светильник позади отбрасывал от него зловещую тень. Сначала тюремные заключенные,

думал он, затем приговоренные к смерти бунтари, блудницы, а теперь кто? Кто же теперь?.. Настал, значит, черед невинных людей, которые никому не причинили даже неудобств? Что же дальше?.. Ему предстоит стать воплощением смерти, что является в дом, не постучавшись?

Перед ним была совсем молодая со спокойным лицом девушка, чьи волосы выбились из-под чепца и легли веером. Рассматривая ее, Юлиан тяжело и глубоко вздыхал. Он пытался нащупать в себе остатки того, что зовется человечностью. Совесть ли это? Жалость? Что же именно он должен отыскать в своей уже потемневшей, израненной душе, чтобы не делать этого... При нем девушка испустила долгий вздох – ей не нравился сон – и повернула голову набок. Трепетная белая шейка открылась взору. Наблюдая ее, вампир остался прикованным к своему креслу. Однако на его лице запечатлелась совсем не борьба за жизнь, как того следовало ожидать... Нет, он уже чувствовал, что изменил человеческому роду, поэтому чуть позже протянул длинные руки, уложил спящую тихую девушку к себе на колени. Приобнимая ее, поглядел долгим взглядом. Пока не покорился ломоте в зубах...

Он отбирал жизнь через кровь так же неспешно, как и графиня, и продолжал раздумывать о том, что тропа его судьбы сошла с городского тракта в темные, лишенные толики света чащобы.

– И быстро вы, госпожа, свыклись с тем, что стали демоном?..

Уложив девушку бережно на пол, будто извиняясь за содеянное, Уильям принялся вытирать губы.

Графиня пересела поудобнее и оперлась на подлокотник кресла. На ее губах застыла улыбка.

– Не так быстро, как хотелось бы, но все же привыкла, Юлиан. Что такое, Юлиан? – Она всмотрелась в лицо сына и кивнула. – У тебя от этого имени перестал дергаться глаз. Привык, значит.

– Нет, просто...

Он не успел договорить. Из коридора донеслись быстро приближающиеся шаги.

– Ну и где она расположилась? – послышался удивительно знакомый голос.

Графиня Мариэльд повела плечами, чтобы разровнять шерстяную пушистую шаль, и усмехнулась. Ей уже было известно, кто сейчас с привычным бесстыдством ворвется в ее покои. Через мгновение раздался настойчивый стук.

Мариэльд разрешила войти.

Дверь приоткрылась. На пороге возник облаченный в предлинный плащ, с острыми сугробами на плечах, герцог Горрон де Донталь. Он обвел взглядом присутствующих и замершие у их ног тела – и поднял брови. Пока полусонный управитель, стоящий в коридоре, ничего не заметил, он спешно захлопнул за собой дверь и начал отряхиваться.

– Приветствую! – Герцог осветил все вокруг своей обаятельной улыбкой. – Этот человек заявил мне, что ты выкупила все комнаты.

– Да, выкупила, – ответила графиня.

– Не буду считать чужое золото и спрашивать зачем, но нам теперь негде поселиться. – Он развел руками.

– Я тебя поняла, Горрон. Выбирай любую незанятую. С тобой что, прибыл Белый Ворон?

– Нет, увы, из-за этой пустоголовой служанки ему придется остаться в Молчаливом замке на несколько дней, если не недель, – заявил герцог и различил в глазах Уильяма хоть

и затаенное, но все же облегчение.

– Почему так долго?

– Проступок служанки вскрыл нечто куда более существенное. Сегодня ночью должен состояться еще один суд, связанный с нашим Филиппом. Летэ разве не говорил тебе?

– Только интересовался, можем ли мы с Юлианом остаться в замке еще на некоторое время, – сказала графиня, покачав головой. – Я ответила, что нет, и он более ко мне не обращался.

Между тем Горрон скинул с себя плащ, под которым был надет теплый дорожный костюм, и теперь искал место, чтобы присесть. Только он было направился к кровати, как Уильям попытался подняться. Однако Горрон отказался и поблагодарил его кивком головы.

– Кьенс! – прикрикнула старая графиня.

Спустя миг слуга был в комнате, получил приказ и возвратился с креслом так быстро, будто и не уходил. А когда он вынес следом и иссушенную семью портных – по одному, чтобы легче было избавиться, – герцог заметил с толикой зависти:

– Надо же, как вышколены ваши айоры...

– Так что произошло в замке, господин Донताल? – не выдержал Уилл.

Горрон лениво развалился в кресле.

– А произошло следующее: служанка Эметта, о которой мы вскользь знаем из памяти Уильяма... простите, Юлиана... так вот, она оказалась весьма злопамятной особой. Узнав, что ее любовник так и не обзаведется властью, которой она страстно желала, эта особа решила покинуть его. Однако покинуть не с пустыми руками. Во время ужина она обокрала Филиппа, его детей, затем заглянула в соседние спальни барона Теората, герцогини Амелотты и Лагота. Причем, перед тем как обокрасть, она под благовидными предложениями обходила их и выведывала у здешних слуг, кто будет на ужине. Затем, ближе к рассвету, Эметта попыталась покинуть замок через калитку – и была поймана.

– И только из-за этого вся суматоха? Простая проворовавшаяся служанка? – Мариэльд подняла бровь с сарказмом и переглянулась с сыном.

– Если бы... Слушайте дальше! При ней, помимо обычных драгоценностей, были обнаружены различные бумаги: доверенности, закладные и прочее – в общем, все то, что она выгребла из сумок старейшин, посчитав, что это имеет ценность. И среди бумаг была найдена записка, а в ней слова обряда передачи дара на северном языке. С расстановкой всех ударений, с указанием растянутости звуков – все как полагается!

Уильям нахмурился, не понимая, что здесь может быть такого особенного. Впрочем, Горрон де Донताल взглянул на него и все растолковал:

– Старейшинам такая транскрипция ни к чему, потому что мы и так изучаем письменный Хор'Аф до принятия дара. Это я для вас, Юлиан, объясняю. Вам только предстоит его изучить. Но зачем это служанке? А-а-а, поняли... Отлично! В общем, безграмотная Эметта посчитала эту бумагу ценной и прихватила с собой. В Молчаливом замке служат отнюдь не дубоумы, поэтому Галфридус Жедрусек сразу сообразил, что к чему, и передал бумагу господину. Летэ находкой, конечно же, очень заинтересовался и потребовал допросить служанку в присутствии Филиппа. Та, понимая, чем ей это все грозит, выдала владельца.

– И кто же он? – спросила Мариэльд.

– Сын Филиппа! – печально улыбнулся Горрон. – Бедняга Филипп... Его сына привели

на допрос, и Леонард поначалу врал, причем врал очень нахально и бессовестно. Нужно ли тебе рассказывать, Мариэльд, как наш Летэ не любит, когда ему лгут, ибо считает ложь неуважением?

– Я представляю.

– В конце концов... Ох, да что там в конце концов... Сразу же как Летэ поговорил с ним с пристрастием, Леонард признался, что к нему после суда подошел Райгар Хейм Вайр и поделился собственной легендой об обретении Офурта. Затем Леонард, узнав о своем отправлении с Теоратом к порогу Юга, посчитал, что от него хотят избавиться, и направился к Райгару, где и получил указания по ксимену и обряду. Добросердечный Райгар даже удосужился показать образец завещания!

Уильям побледнел от этих слов.

– А что такое ксимен?

– Один из ингредиентов Гейонеша. Из-за него вы были слабы на суде. Но в напитке его концентрация ничтожна, а вот если иссушить человека, которого до этого поили отваром из ксимена, то старейшина некоторое время не сможет даже пальцем пошевелить, – объяснил Горрон, а затем продолжил: – Далее Летэ попросил меня как самого доверенного мнемоника прочесть память Леонарда. Ну... я вам скажу, что в голове у него обнаружился свой мир, куда более разросшийся, чем я полагал. Все годы он тешил себя грезами. И как у всякого, кто не способен добиться чего-то в жизни, грезы стали занимать большую часть его пустых, но обширных мыслей. Он не был поэтом, воспевающим красоты мира. Прежде всего он оставался рабом тщеславия... Все эти баллады и поэмы бередили его. Все чужие подвиги он переносил на свой образ, мечтал, смаковал, считая, что начнет свое путешествие только после обретения бессмертия. Только после этого... – поморщился Горрон де Донताल. – Может, он бы жил и жил, не имея даже грез, но попал не туда, куда следовало. Всему свое место! Впрочем, я увлекся... На основании увиденного мной Летэ вызвал на допрос Райгара, который убедительно заявил, что отпрыск Филиппа, дескать, сам интересовался подобным обрядом, а он – цитата – «будучи очень сердечным, помог ему».

– Похоже, Райгар доплел свои интриги, считая себя самым умным. – Глаза Мариэльд блеснули недобрым огнем.

– О да! А ведь тогда Гиффард и Филипп не смогли добиться Гейонеша, чтобы доказать вину Райгара. Но сейчас, пока все старейшины, за исключением нас с вами, в сборе, а Марко и Синистари вернулись, суд все-таки состоится. И к Райгару применят обряд памяти. На нем, я уверен, полетят головы и Леонарда, и хозяина Офурта!

– У Райгара есть наследники?

– Нет, он собирался жить еще долго-предолго, а своим прихвостням доверял мало, – покачал головой Горрон. – Но пострадавшей стороной выступает Филипп. Если бы не это невероятное везение и не глупость Эметты, Леонард уехал бы в Брасо-Дэнто. Да, его собирались изгнать в родной город, но кто знает... Может, он успел бы по научению Райгара отравить графа ксименом, а затем, убив его и подделав бумаги, отослал бы липовое завещание в Йефасу. – И герцог печально улыбнулся, объясняя все скорее Уильяму, нежели графине. Она и так все прекрасно понимала. – Как некогда поступил и Райгар... Для самого Райгара это лишь явная месть.

– Разве никто не заподозрил бы странное, если бы такое произошло? – удивился Уильям.

– Скорее нет, чем да... – Горрон пристально посмотрел на него. – После обряда памяти Филипп просил совет оставить вам, Юлиан, жизнь и позволить взять над вами опеку. Однако когда вас передали в другие руки, у него было очень подавленное, уставшее состояние. Некоторые из нас полагали, что он еще в Йефасе напишет завещание на кого-нибудь из детей.

– Горрон, ты покинул Молчаливый замок только для того, чтобы рассказать это? – с раздражением все поняла графиня.

– Да! – расплылся в безобидно-довольной улыбке герцог. – Я оформил бумагу, которая позволит учесть мой голос на суде, и поспешил вслед за вами.

– Но зачем? – смутился Уильям. Он уже не знал, куда деться от испытующего взгляда голубых глаз герцога.

– Чтобы вы, не успев заостенеть в своей обиде, могли если не простить нашего Филиппа, то хотя бы встать на путь прощения. Да, будем честны, он упертый баран! Слишком долго продолжал гнуть свою линию, нанеся этим обиду. Однако в его защиту скажу, что он тоже, вопреки себе, привязался к вам и полюбил, причем полюбил как ученика, преемника Гиффарда и сына. Но пусть ему уже не быть близким вам, Юлиан, прошу, не принимайте его за далекого врага! Ваши мысли будут повелевать вашей жизнью, понимаете? – порывисто и с чувством произнес Горрон.

– Извините, господин Донताल, но я не желаю более говорить об этом... – Уильям сжал губы.

И правда, размышлял герцог, наблюдая этот взгляд, в котором поселилась так быстро пустившая корни жестокость – спутница горестей и обид, – еще рано говорить об этом. Ему пока не дано спокойно рассудить случившееся. Для этого нужна мудрость, а он только начинает ее искать.

Но все же в этих потемневших глазах появился свет сомнения. Крохотный свет. Может, Горрон просто спутал его с отражением большой лампы на столе?

– Юлиан, быть может, вы взглянете на суд моими глазами и решите для себя что-нибудь? Я научу вас ловить в памяти нужный момент, подскажу, – предложил герцог.

– Горрон... – раздался ровный – слишком ровный, чтобы не таить в себе опасности, – голос графини Лилле Адан.

Однако, решив рискнуть многим, Горрон де Донताल уже успел протянуть руку с закатанным рукавом. Успел же? Если на его предложение согласятся, то Мариэльд де Лилле Адан не посмеет помешать своему сыну из правил приличия.

В глазах Уильяма едва вспыхнуло сомнение, то самое, которое так вождельно выискивал Горрон. Ему нужно было лишь кивнуть, и все бы открылось! Он бы узнал о настоящих событиях на суде, а не выставленных в отражении кривых зеркал! Но, тут же потухнув, сомнение сменилось сначала болезненной неприязнью, а потом и вовсе явной ненавистью – и он качнул головой.

Риск не оправдал себя.

Герцог Донताल понял, что еще слишком рано, а может, уже поздно, и в смятении убрал руку. На него продолжала глядеть с застывшим, как у мраморной статуи, лицом и с такой же великодушно-натянутой улыбкой графиня Лилле Адан. Ее вид ничего не сказал Уильяму, но знавший эту женщину уже полторы тысячи лет Горрон понял, что едва не пересек черту.

– В общем, я сказал все, что требовалось. – Тяжело выдохнув, герцог поднялся из кресла. – Доброй ночи всем. И прошу этих же всех подумать о возможных последствиях

нынешнего выбора, так как выбора без последствий не бывает!

С этими словами он оставил присутствующих, выйдя из комнаты. Там его поджидали уставшие после дороги слуги.

– Сир'ес Мариэльд, я тоже, пожалуй, пойду, – произнес Уильям и двинулся следом.

– Подожди! – Ее голос был тихим, но в меру властным.

Уильям остановился, не понимая, чего от него хотят. Повелительным жестом графиня потребовала склонить перед ней голову, и он уже было решил, что ему собираются что-то шепнуть на ухо. Но вместо этого довольная Мариэльд неожиданно обняла его своими старыми руками за шею и погладила по смоляным волосам, как некогда это любила делать матушка Нанетта. Так продолжалось пару мгновений, довольно долгих для того, чтобы Уилл покрылся пунцом.

– Доброй ночи, сын, – прошептала она.

– И вам, сир'ес... И вам, – пробормотал он, смутившись, и вернулся к себе.

На дворе стояла густая, одетая в серое ночь. Вьюга еще стонала, но уже куда слабее, теряя свои силы. Уильям зашел в комнату с ледяным полом, отметив про себя, что его, похоже, нарочно поселили в углу здания. Раздевшись, он забрался под одеяло. Там, посередине кровати, свернувшись клубочком, спала нагая, беззащитная Фийя. Она по-детски причмокивала губами. Уильям приобнял ее, зарылся в растрепавшиеся длинные волосы и провалился в дремоту.

Йефаса, эта же ночь

Как порой всего лишь одно непримечательное обстоятельство способно разрушить даже великие дела, так и одна маленькая служанка обернулась погибелью для куда более могущественных господ. Они стояли рядом друг с другом, вдвоем, поддерживаемые по бокам слугами, а скорее даже стражей. На обоих были черные грубые одежды – такие же, какие выдали Уильяму во время суда. Леонард трясся, как больной, периодически похныкивал и переводил взор с отца на Летэ и обратно. В отличие от графского сына, Райгар Хейм Вайр стоял спокойно, смиренно, хотя и обзиревал все вокруг насмешливым взглядом, пожевывая полную губу.

Всем своим видом Райгар как бы заявлял: «Да, я проиграл. Но будут еще и другие, куда ловчее меня! Козни зародились вместе с этим миром, с ним они и умрут!» Глотка его была разорвана, однако не в клочья, как ранее у Уильяма. Все-таки он был одним из них, старейшиной.

Именно поэтому все кусали его осторожно, а пили мало.

Леонарда тоже заливали ручьи крови, капающие с рубахи и его тонких пальцев на пол. В пещере было мерзло, но вспотевшие рыжие кудри облепляли худое скуластое лицо. «Он будет таким же участником суда, раз захотел примкнуть к бессмертным, – заявлял гневно Летэ. – Но чтобы он не умер от потери крови, я доверю решать его судьбу старейшим». Старейшими были Теорат Черный, Шауни де Бекк, Амелотта и Марко. Вкусил воспоминания предателя и сам Филипп.

Сидя со строгим, но бледным лицом, в окружении подобных себе, граф Тастемара размышлял о том, как порой бывает, что жизнь определяет кого-то не туда, куда ему надобно. Как порой, подав кому-то руку помощи, ты принуждаешь его встать на дорогу, что приведет к тьме. О, конечно, это слабое оправдание предательству... Да и можно ли оправдывать предательство, которое само всегда стремится найти себе обоснование? Никто из нас никогда не назовет себя предателем. Только преданным, обманутым, лишенным надежды, уставшим или покинутым.

Однако слишком много потерь случилось у графа в последнее время – двое сыновей, – и это было лишь продолжением прошлых смертей, тянувшихся сквозь века. Он не мог не задумываться над тем, как его собственные руки ковали судьбу всех его детей. Впрочем, со стороны его взгляд казался безучастным.

Между тем Леонард не сводил с него неверящего взгляда, точно до конца не понимая,

почему он стоит здесь, на суде. И почему не в качестве преемника, а как участник заговора?

– Отец! – Рука Лео лежала на горле, пытаясь остановить кровь, которая капала уже с локтя. – То был обманчивый порыв! Я бы ни за что не посмел воспользоваться тем, что мне насильно вложили в руку! Прости меня, пощади. Умоляю, отец! Я уйду прочь и никогда не появлюсь в Солраге!

– Умолкни, – произнес глава совета.

Затем он бесчувственным голосом обратился ко всем остальным:

– Итак, всем вам довелось увидеть воспоминания Райгара Хейм Вайра, обвиняемого в покушении на жизнь Филиппа фон де Тастемара, а также в убийстве Саббаса фон де Артеруса и его наследника Мараули. Некоторые из вас смогли впитать память и приспешника заговора, Леонарда. Сначала нам предстоит вынести решение по Райгару. Предполагаю, решение будет единогласным. Но мы не отступим от законов, нами же прописанных, поэтому даю всем время подумать как следует.

И Летэ оперся широкой волосатой рукой о каменный стол. Затем обвел величественным взглядом полную мрака пещеру, а также всех присутствующих, призывая начать процесс принятия решения. В продолжение этого старейшины точно так же величественно закивали, соглашаясь. Пока все раздумывали и Летэ крутил любимый старинный рубиновый браслет, в пещерном зале воцарилось молчание.

Райгар склонил большую голову к груди, хмуро глядя на свои босые ноги. Леонарда порой схватывал очередной приступ страха, и тогда он издавал то ли плач, то ли стон, а порой и испуганно дергался. Впрочем, его сразу зажимали, как тисками, прислужники – и он ненадолго возвращался в этот бранный мир. На его лице застыло страдание. А где-то в углу, в небольшом озерце, тихо капала по тонкому льду вода, силясь разломать его.

– Проголосуем, – чуть погодя закончил молчание глава клана. Он опустил руку на стол, и его рубиновый браслет оглушающе звякнул во тьме. – Начнем. Кто считает, что Райгар виновен и его дар требуется передать более достойному?

Все бессмертные переглянулись.

Первой поднялась рука Филиппа фон де Тастемара, глаза которого горели ледяным огнем отмщения. Зыркнув на него из-под кустистых бровей, Райгар оскалился в раздраженной улыбке. Вторым взметнул руку ярл Барден, прозванный Тихим.

– Таким не место среди нас! – басом проревел он, и пещерные стены отозвались дрожью.

В конце концов все единогласно проголосовали за казнь. Все без исключения.

Графа Офурта ненадолго покинула его угрюмая выдержка, а ноги подкосились; слуги поддержали его под руки. Из разжеванной толстой нижней губы засочилась кровь.

Что же, Райгар Хейм Вайр был беспринципным вампиром, одиночкой и негодяем, но дураком никогда. И он понимал, что его жадная попытка разрешить затяжную вражду стоила ему всего. Это был первый порыв жадности за долгое время – после стольких-то лет осторожности и немногословия. Но из-за бестолковой девки, которую уже казнили, все обернулось против.

– Раз так, нам осталось проголосовать по второму участнику суда. А уже после приступим к вопросу о преемственности дара Саббаса, – подытожил глава.

– Отец! – вновь издал истошный вопль Леонард. – Не дай им убить меня! Я готов отправиться в изгнание... Куда скажете! Да хоть на край света. Но прошу, пощадите!

Его надрывные, слишком громкие для столь беззвучного места вопли прокатились

по всей пещере. Некоторые старейшины поморщились, с сочувствием взглянули на графа, на долю которого выпал уже второй суд.

Граф Тастемара остался глух к просьбам.

– Имей уважение к этим стенам. – Летэ поглядел на вампира с неудовольствием. – Мы исполнили твое желание встать среди бессмертных... Так подчиняйся нашим законам!

Лео ненадолго притих.

– Итак, – продолжил глава. – Кто считает, что этот соучастник заговора должен умереть?

Никто больше не переглядывался. Ценность жизни Лео среди этих глухих стен была ничтожной, поэтому все друг за другом подняли руки. Леонард дрожал, глядя на это спокойно-выверенное голосование, и его глаза становились тем шире, чем большее количество рук устремлялось к потолку.

Последней рукой, неожиданно для него, оказалась рука Филиппа...

– Что?! – воскликнул пораженно Лео.

– Замолкни, – глухо сказал глава, наблюдая за руками.

– Отец... да как ты... посмел...

– Замолкни, – повторил глава.

– Ты меня, меня, своего нареченного сына, променял на тупого дубоума из Вардцев! Нарушил собственную клятву, о которой твердил мне на протяжении многих лет! Свою же клятву! Позволил тому дубоуму уйти живым... А меня, сына, предал!

На него посмотрели все разом, будто впервые заметив.

– Так зачем ты врал? – продолжал Лео, и его голос прокатывался эхом. – Зачем звал меня сыном?! Почему?! И ты называешь себя принципиальным, вампиром чести и блюстителем традиций! Да чтоб ты... Да чтоб вы все, и этот ублюдочный рыбак... Сдохните!!! – Не выдержав, Леонард громко разрыдался, закрыв лицо ладонями. – Ненавижу!!!

Глава клана перевел взгляд в центр, на рыдающую фигуру, готовый в немой ярости подняться, как вдруг в пещере раздался вопль.

Все повскакивали с мест и уставились в угол пещерного зала, откуда и донесся этот истошный вой. Вопль повторился... А к нему, вторя, присоединился второй. Тонкий лед, которым было затянато небольшое подземное озеро, вдруг что-то с силой пробило изнутри. Оглушительно затрещало, будто лед был толстым, прочным. Вода в озере забурлила, поднялась страшным ледяным столбом, обдавшем все вокруг брызгами, – и оттуда выпрыгнуло что-то иссиня-черное, сливающееся с пугающей темнотой пещеры.

Воздух наполнился зловонным дыханием.

Загорелись фонарями два глаза, а за ними – еще два, такие же яркие и преисполненные злобы. Два извивающихся, блестящих в свете единственной лампы тела, пахнувших озерной тиной и лесом, с мокрыми шлепками поволоклись по направлению к столу.

Это была Вериятель и совсем юная кельпи, чуть поменьше. Они снова завывали так, что кровь застыла в жилах всех присутствующих.

Старейшины повыбегали из-за каменного стола, началась толкотня по направлению к выходу. На юбку герцогини Амелотты кто-то наступил, оборвав ее. С лиц многих в паническом ужасе послетало все высокомерие. В конце концов стало ясно, куда именно ползут две кельпи. И многие застыли. Ослабший под действием Гейонеша Райгар, пошатываясь, только и смог, что налечь боком на стол, чтобы не упасть. Леонард тоже

понял, что ползут к нему, и попытался с воплем убежать, перепрыгнул через стол, изогнувшись истощенным телом, и неуклюже заковылял прочь.

Оставляя за собой черную булькающую слизь, две кельпи свирепо, негодуяюще взвыли, не собираясь упускать добычу, и грузно заторопились. В их движениях не было ни грации, ни легкости. А глаза... Глаза горели нестерпимым злым огнем!

Все произошло за один миг.

Вериятель, оттолкнувшись передними копытами от стола, прыгнула на спину удирающему вампиру, повалила его, вцепилась зубами в плечо и рванула на себя. Хрустнуло. Рука с ключицей исчезла в челюстях демоницы, как в бездонной черной яме. Смрад из пасти нестерпимо отдавал гнильем. В исступлении Леонард закричал, когда его придавили к каменному полу, и попытался подняться. Но на него будто гора навалилась. А потом вторая демоница, поменьше, тоже блеснула белоснежными зубищами и отхватила часть бедра. Утробное рычание, стоны боли и ломающиеся с треском кости – все страшно перемешалось в явлении демонической смерти, жуткой, долетевшей эхом вплоть до самого коридора.

И вот уже мертвое и изувеченное тело с прогрызенным лицом, отчего тяжело было признать того самого Леонарда, – отчасти напоминающее труп, каким его выплюнула свирепая Мертвая Рулкия, – лежало на полу. Две кельпи продолжали рвать, терзать, глотать его с хрустом в каком-то довольном упоении.

Позже, когда уже ничего не напоминало об этом несчастном и убогом поэте, коим он себя мнил, демоницы замерли. Очертания их подернулись. И одна из лошадей поднялась в темноте, сгорбилась, а затем вытянулась. Ее тело побелело, обрело человеческий вид – и на притихший совет своими синими глазками воззрилась Вериятелюшка... Воззрилась... И не по-человечески, жутко, довольно расхохоталась. Вслед за ней поднялась вторая кельпи. С бледным лицом, густо облепленным кровью, в черном платьишке до пят, с длинными смоляными волосами, с высоким лбом и какими-то преисполненными невинности глазами. В ней отчетливо узнавались черты Уильяма. Сомнений в его причастности к ее рождению больше не оставалось.

Повторив за матерью и расхохотавшись, хотя, впрочем, этот смех больше напоминал лошадиное ржание, вторая демоница схватила останки Леонарда за шиворот. Оставляя за собой сплошной кровавый след, она поволокла его к проходу между половинками столов. За ней, шлепая по лужам, пустилась вприпляску размахивающая руками Вериятель. Впрочем, она все равно поглядывала на замерших старейшин, беспокоясь о своем чаде... С хохотом две демоницы в придачу с мертвецом пропали в озере. Вода забурлила, побагровела, пока через какое-то время гладь не разровнялась.

– Кельпи дали жизнь, кельпи ее и забрали, став палачами нарушившему договор, – медленно произнес Летэ, застывшим взглядом уставившись на густо залитый кровью и слизью стол.

Он подошел ближе, потрогал дурнопахнущую субстанцию пальцами и прикоснулся к ней кончиком длинного языка.

– Стоит полагать, – подал голос барон Теорат Черный, – что, проголосуй мы на суде Юлиана иначе, кровью залили бы весь зал для совещаний от пола до потолка. Нашей кровью...

– А как действуют эти договоры? – осторожно уточнил кто-то из бессмертных, самых молодых. – Ведь после того как их души прибрала к своим рукам демоница, оба стали весьма

странными: и Леонард, и Юлиан... Безумие Леонарда обострилось... А Юлиан, разве он не странен даже для бывшего человека?

– Этого никто не знает, – ответил барон. – Но советую вблизи воды взвешивать каждое слово о нашем молодом Юлиане, дабы ненароком не обидеть его честь. Вода все услышит и за его честь воздаст сполна.

В совете раздались смешки.

Все принялись терпеливо ожидать, пока призванные напуганные слуги наведут чистоту. Пришлось принести яркую лампу, которую водрузили на стол, чтобы она осветила пещеру. Кто-то из старейшин, особо любопытный, растирал между пальцами подвижную слизь, наблюдая, как она ползет по ним. Та и правда была необычной, воплощая в себе живую воду с темным отпечатком демонизма.

Спустя время Райгара Хейм Вайра вновь завели в центр, и он встал, оглядывая всех мутным, уставшим взглядом, придерживаемый слугами. Гейонеш начинал слипать ему глаза... Свет был болезненным...

Филипп сидел за столом. Сцепив пальцы под подбородком, он молча наблюдал за уже спокойными водами озера, размышляя, почему не отомстили ему, но покарали нареченного сына, причем сполна. Не было ли это безумие насланным? Не в том ли таился злой умысел кельпи?

– Возвращаемся к суду, – произнес деловито Летэ, придирчиво оглядывая скамью, на которую собирался присесть. – Решение о смерти соучастника заговора было приведено в исполнение, хотя и не нами. Теперь стоит решить последний вопрос по поводу передачи дара Саббаса фон де Артеруса. У тебя ведь нет преемников, да, Райгар?

– Нет, – коротко и хмуро ответил тот.

– А что же Бартлет и Тиддос?

– Тупоголовые болваны, достойные питаться только животной падалью, – сплюнул на уже вычищенный пол Райгар. – Даже если я назову кого-нибудь, – он с трудом ухмыльнулся, – какая, к черту, разница, потому что мой дар все равно отойдет Филиппу!

– Таковы правила – узнать твое мнение, – ответил глухо Летэ.

Ослабший Райгар снова усмехнулся толстыми губами, на которых запеклась кровь.

– Мы имеем все голоса за то, чтобы предать старейшину Райгара Хейм Вайра забвению. В том числе голос Горрона, который перед отъездом оформил сопутствующую бумагу. Если сейчас не найдутся желающие доказать в суде свое право на сей дар, я посчитаю это единогласным решением о передаче дара пострадавшей стороне – Филиппу фон де Тастемара.

Летэ замолчал и уставился на присутствующих тяжелым, будто прибывающим к полу взором.

Собравшиеся тоже молчали. Подобно главе, Филипп пристально всмотрелся в окружавших его старейшин, однако, наоборот, выискивая не тех, кто воспротивится, а с надеждой, что таковых не будет. После суда над рыбаком он ждал чего угодно, только не счастливого исхода. Слишком сложным выдался последний год. Это сомнение, эта мнительность – они ложились на его лицо морщинами, выставляя волнение напоказ против воли.

– Ну что, кто-нибудь желает что-то сказать? У кого-нибудь есть какие-то веские доводы против передачи дара Филиппу фон де Тастемара, преемнику Ройса фон де Тастемара? – настойчиво, с нажимом, спросил Летэ.

И снова тишина. Тишина, однако, благодатная. Старейшины качнули головами. И хотя почти у каждого был тот, кого бы они желали наградить бессмертием, чтобы лишить участи сгинуть в жерновах времени, все понимали: они никем не приходится Райгару. Райгар имел славу вампира нелюдимого, мнительного, видящего, как и всякий подлец, в каждом прежде всего ответную подлость. Именно поэтому за неимением друзей приоритет в любом случае был у графа Тастемара как у пострадавшей стороны.

– Принято, – удовлетворительно кивнул Летэ. – Что ж, Филипп. Ты свое все-таки получил.

– Подождите! – вдруг вмешалась герцогиня Амелотта.

И Филипп, будто зверь, на заливке которого в предчувствии опасности вздыбилась шерсть, пристально посмотрел на герцогиню.

– Что такое, Амелотта? – спросил Летэ.

– Я хотела бы уяснить статус Офурта, – заявила деловито Амелотта. – Мои земли ведут бурную торговлю с этим графством, сообщаясь через Имрийю. Собственно, после смерти Райгара кому-то придется заняться управлением Офурта. И мне нужно знать, кто это будет? Будет ли этим заниматься его дочь Йева, или они бросят все на волю наместника из Крелиоса?

– Йева станет графиней Офуртской, – ответил с выдохом граф Тастемара.

– Думаешь, эта девочка справится с мужскими обязанностями? – съязвила Амелотта. – Знаю я, что происходит у тебя в землях, Филипп! Война... Война у тебя назревает! У тебя из-за этого совсем не будет времени заниматься Офуртом!

– Туда вместе с Йевой отправится и Горрон де Донताल. Я с ним все обсудил. Он готов взяться за мою дочь, чтобы помочь ей с управлением, а также с устранением проблем, которые неизбежно возникнут. Благодаря ее власти над вурдалачьим племенем мы сделаем тракты более безопасными, чем сейчас.

– Ладно, Горрону я доверяю, – согласилась старая герцогиня, придерживая в руках оторванную юбку.

– Не бабский дар, конечно... Совсем не бабский, – сморщился Барден Тихий. – Но лучшего преемника не отыскать.

– Раз все решено, приведите девушку! – приказал одному из прислужников глава Летэ.

Вскинув голову, Райгар проводил быстро убегающего слугу долгим прискорбным взглядом и вновь опустил ее. Так и стоял он, проникаясь мыслями всех предыдущих жертв судов, что последним их видением становятся... их ноги... О да, последнее, что они видят, имея возможность ненадолго поразмыслить в ожидании смерти, – это собственные ноги... Ноги, которые привели их сюда, шлепая по лужам крови, перешагивая горы трупов, чтобы заполучить свое желанное бессмертие, относить его, как нарядное платье, и, сделавшись нищим, сбросить здесь, оголив кости и череп.

Так и стоял граф, отдавшись одурманенным Гейонешем размышлениям, пока вдалеке не услышал шаги приближающейся смерти. Шажки были тихими, пугливыми, как у лани. Можно сказать, трепетными... Они спустились по пещерной лестнице, выдолбленной руками древних мастеров, прошли через весь зал. Яркий светильник выхватил из тьмы тоненький силуэт. Это была Йева. Она испуганно озиралась, выискивая глазами родного брата. На ней было черное шерстяное платье с серебряной брошью в виде раскинувшего крылья ворона, а волосы лежали на плече пламенеющей в свете лампы рыжей косой. На голове ее переливался золотом обруч. Не обнаружив в пещерном зале и следов Леонарда,

она остановилась и дрожащим, непонимающим взглядом воззрилась на отца.

Тот вскочил по-молодецки со скамьи, чувствуя после всего произошедшего прилив сил. Ему показалось, что в пещере стало светлее не от лампы, а от вида дочери. Он с нежностью подал ей руку и завел в центр стола. Йева улыбнулась ему, любяще, но вместе с тем продолжая выискивать брата, и последовала за ним, шелестя подолом юбки. Около Райгара Хейм Вайра она встала, как и он, с опущенной головой. Но если она сделала это от смущения, боязни перед грядущим, то Райгар стоял в ощущении близости прискорбной, пустой смерти, которая оставит ему только прошлое.

Летэ и Филипп встали по бокам от него, чтобы он не причинил вреда девушке.

Пара слуг приблизилась к Йеве.

Рука главы клана видоизменилась, пальцы его удлинились до огрубевших когтей. Коготь коснулся шеи приговоренного, прорезал крепкую, толстую кожу. Затем он точно так же сделал надрез на лебединой шейке Йевы. В пещерном зале зазвучала страшная, тяжелая речь Хор'Аф, всегда знаменующая как рождение нового старейшины, так и забвение прошлого. Стоило Райгару Хейм Вайру почувствовать в себе неприятное течение крови, которая устремилась наружу, как он поддался порыву страха. Попытался противиться. Однако Филипп не позволил, удержал его в стальных объятьях. Из раны показался ручеек крови и неожиданно начал стекать не вниз, а вверх, извиваясь, точно змея водит головой, высунувшись из своей норы. Глава клана продолжил напевать слова обряда – умело выманивал, делая это уже тысячи лет. Наконец кровь устремилась к почти вплотную прижатой шее Йевы. Ощутив касание, та вздрогнула.

– А теперь пей! – приказал Летэ.

Вампирша блеснула клыками и, обвив шею Райгара, припала к ней поначалу в какой-то пугливой боязни, но с каждым мигом со все крепнущей уверенностью. Пока над ней наговаривали слова, она все пила и пила. Кровь была непривычно горяча, жгла пламенем. Под ней дергался приговоренный, которого держали со всех сторон, но Йева продолжала свое дело, естественным понимая: останавливаться ни в коем случае нельзя. Райгар издал стон не своим голосом, пока его осушали, будто бокал со старым прекрасным вином.

– Не останавливайся, – поощрил Летэ.

Вампирша послушалась и продолжила вытягивать всю кровь, до последней капли, пока бывший хозяин Офурта бледнел, глаза его закатывались в усталой бесчувственности, а кожа стягивалась и сохла. Наконец почти сухое тело безжизненно упало на пол. Не было больше Райгара Хейм Вайра...

Его преемница почувствовала все нарастающее странное ощущение приятной слабости, причем слабости обжигающей, и, пошатнувшись, повалилась на пол. Ее успел подхватить радостный отец. Прижав дочь к себе, Филипп понес ее из темных залов совета, тем более что единственный светильник, точно знаменующий жизнь Райгара, погас. И хотя по телу Филиппа прокатывались волны боли от смерти Райгара, как, впрочем, и по всем старейшинам, которых связывало родство, но от этой боли он ощущал только облегчение... И счастье – впервые за долгое время.

* * *

Западный тракт Солрага, постоялый двор

Пробудился Уильям, когда его, от макушки до пят, пронзило будто сотней и тысячей свирепых игл. В глухом крике он заметался под одеялом. Перед ним встал колышущийся образ Райгара. Рухнув нагим на ледяной пол, он прижал колени к груди и часто задышал, не понимая, что происходит. Ошеломленная Фийя распахнула вечно удивленные глаза и непонимающе уставилась на своего господина, страдающего по непонятным причинам.

– Что с вами, тео? – спросила она спросонья.

– Не знаю... что это... – прошептал тот, хватаясь за бешено колотящееся сердце. – Какое ужасное чувство...

По его телу катился градинами пот, пока он продолжал корчиться в муках. С трудом натянув шаровары, рубаху и сапоги на босу ногу, Уилл вывалился в темный коридор. Подойдя к двери графини, держась за сердце, он решительно постучал. Ему нужны были ответы!

Из своих покоев также выглянул наспех одетый герцог, в одних шерстяных чулках и нижней рубахе. Изобразив на лице страдание, он приблизился.

– Входите, – раздался женский голос.

Двое мужчин вошли в комнату, где Мариэльд, с распущенными седыми волосами и в мягком спальном платье, сидела в кресле. Ее старые морщинистые руки едва дрожали, не в силах подавить боль, пока графиня куталась в свою пушистую шаль.

– Что это? – прошептал Уильям.

– Это, мой любимый сын, смерть Райгара.

– Как я и предполагал, суд проголосовал за казнь! – с чувством провозгласил Горрон хриплым голосом. – Иначе и быть не могло! Но, Мариэльд, скажи, кого же выбрали?

– погоди. Я беседую с Летэ, там случилось что-то весьма занимательное, – прошептала графиня и прикрыла глаза.

Все принялись дожидаться.

– Господин Донталь, что значит «беседует с Летэ»? – Уилл присел на кровать, чтобы не рухнуть. Его еще шатало, а перед глазами вместо Райгара теперь порхали разноцветные мацурки.

– Старейшины, которые присутствовали тысячу лет назад на обряде родства, имеют более крепкую связь друг с другом, нежели их преемники, – ответил герцог, примостившись рядом. – Чем больше преемников, тем слабее связь. Хотя были и такие, которые, родившись позже, могли не только слышать Летэ, но и обращаться к нему самостоятельно. Таким был, например, Гиффард...

– Получается, что когда Гиффард погиб, то все почувствовали то же самое? Такую же боль?

– Да, так и было.

Вдвоем они обратили взгляд на умолкнувшую Мариэльд. Та сидела, сложив руки на животе, закинув ногу на ногу, с прикрытыми глазами и умиротворенным, спокойным лицом, быстро оправившись после болезненного припадка. У Уильяма уже не в первый раз возникало ощущение, что эта открытая мягкость скрывает под собой многовековую твердыню. В конце концов хозяйка Ноэля открыла свои большие глаза, и на ее губах заплясала веселая улыбка.

– Ох, Юлиан, тебя опять на суде вспоминали.

– В каком смысле?

– Говорят, что из подземного озера после объявления приговора выпрыгнула твоя

Вероятно, да не одна, а с молодой кобылой. Разорвав Леонарда на части, они скрылись в воде, – произнесла Мариэльд. – Причем, как утверждает Летэ, вторая, в облике юной девушки, удивительно походила на тебя лицом.

Горрон расхохотался, громко и чисто, и потер ладони. Ему явно нравился такой поворот.

– Так кто получил дар, Мариэльд? Йева?! – поинтересовался он.

– Да, она самая. Йева фон де Артерус, следующая графиня Офурта.

– Слава Единому! – воскликнул громко Горрон.

– Горрон, такому богу не поклоняются уже множество веков, – улыбнулась графиня.

– Да плевать, разные имена – да лицо одно! – небрежно махнул рукой герцог.

Он не заметил, как в глазах графини что-то на миг вспыхнуло. – Я все же рад, что Филипп получил свое! Пусть он и круторогий упрямец, но все-таки мой ближайший и, к слову, единственный родственник! А ведь если бы не вы, Юлиан, то все было бы иначе.

– Почему это? – удивился тот.

– Если бы Леонард сгинул тогда в бурной реке, а вас в любом случае приняла в свой род Мариэльд, то никакого заговора не было бы... – вновь потер ладони Горрон. – И тогда Райгар не попытался бы отомстить, воспользовавшись обиженным Леонардом, а того не обокрала бы не менее обиженная служанка. Именно ваш благородный поступок позволил Филиппу получить все, чего он желал, но о чем и помыслить не мог. Или вы не рады этому?

– Я не желаю зла графу, – смутился Уилл.

– Я искренне рад, что у вас в сердце лишь обида, но не зло... Значит, со временем...

– Горрон! – Мариэльд перебила его.

– Ах да, прости меня... – Герцог послал ей виноватую улыбку. – Что с меня взять, если я говорю часто то, что думаю, а думаю о том, что не следовало бы говорить вслух?

Не собираясь слушать неприятные нравоучения, Уильям поднялся и покинул покои графини. Его рука лежала на груди, чувствуя затухающие в сердце боли. Только там они и остались. В конце коридора его поджидала босая и подпрыгивающая от холода Фийя, которая очень обеспокоилась.

Горрон вышел следом за ним и, перед тем как зайти к себе, ненадолго задержался в коридоре. Ему хотелось повнимательнее рассмотреть эту девицу.

Похоже, Мариэльд ни с кем не собирается делить своего сына и ревностно привязывает его к себе, не гнушаясь подкладывать в постель любовниц, причем подкладывая куда более умело, чем это получилось у графа. Хитроумная она женщина, размышлял про себя герцог, и очень подкованная в интригах. В противовес немногословности Филиппа она берет своей открытостью. В противовес такой же молчаливой Йеве подает совершенно поверхностную, глупую рабыню, которая явно выбалтывает все тайны, которые вовсе и не тайны.

Однако как же она убедила Уильяма-Юлиана поехать вместе с ней, чтобы за время пути успеть привязать его к себе? К каким доводам прибегла? Ведь он последовал за ней не по собственному желанию, а вопреки ему.

Ну ничего, он, Горрон, еще повоюет со всем этим, он также попечется о примирении с Филиппом, как ему подсказывала душа. Ему ли не знать, что обиды не зарастают, а только покрываются струпом, который срывается при любой возможности, а под ним обнаруживаются гной, кровь и мертвые соки? С этим однозначно что-то нужно делать. Но сначала придется помочь Йеве, как герцог и пообещал перед своим отъездом.

С рассветом метель улеглась, и на улице стало удивительно тихо и спокойно. Постояльцы со скрипом отворили заметенную сугробом дверь и, прищурившись от слепящего света, принялись пробираться по глубокому белоснежному ковру к конюшне. То тут, то там виднелись следы покинувших свои дома жителей, но самих жителей не было. Только цепочки их следов тянулись за холм, к реке, а также к синеющей вдали роше, куда они отправились за дровами и зимними ягодами.

Последним из постоялого двора вышел Пацель. Он зябко кутался, и, не будь он смуглым, лицо его вмиг сделалось бы пунцовым. Горрон с удивлением осмотрел эту необычную южную персону, принялся и вскинул брови – человек.

Предугадав вопрос, уже готовый соскочить с длинного языка герцога, Мариэльд сообщила:

– Зовут его Пацелем. Он сопровождает меня от моих земель. А родом он из Детхая. – Она повернула лицо к лекарю и сказала: – А это Горрон де... уже просто Горрон.

– Да светит вам ярко солнце, – доброжелательно растянул губы Пацель.

И выставил раскрытую ладонь.

– Рад с вами познакомиться, – ответил герцог.

– Мари, ты не говорила о том, что к нам присоединятся другие попутчики, – простодушно обратился к графине Пацель.

– А я и не предполагала, что Горрон решит поскакать вслед за нами, – ответила та. – Но он с нами лишь до моста на Драрге, а дальше ему придется повернуть на восточную дорогу. Так что путешествие наше будет недолгим.

Глаза у сопровождающих герцога вытаращились от такой фамильярности в адрес старейшины. Удивился этому даже сам Горрон, повидавший уже, казалось бы, слишком многое, чтобы удивляться.

– Впервые вижу лекарей из Детхая, – протянул он. – И часто вы так сопровождаете различных особ в поездках?

– Нет, вовсе нет, – закивал дружелюбно и часто Пацель, поправляя сумку на боку. – Просто Мари попросила меня помочь вылечить одну женщину в Офурте. Я согласился.

– Ах, вот, значит, почему вы здесь... – Горрон тут же догадался, чем заманили Уильяма. – Вот только, насколько я знаю, обычным целительством зимняя аспея не лечится. И на моем веку никто и никогда ее не излечивал, а только лишь сдерживал, зачастую безуспешно.

– Обычным, безусловно, не лечится, – лукаво улыбнулся Пацель.

Горрон де Донताल еще раз внимательно присмотрелся к этому странному попутчику. Никаких украшений и опознавательных знаков, обычная одежда самых невзрачных цветов, а лицо было самым типичным южным лицом, не наделенным ничем выразительным. Разве что казалось оно добродушным, открытым, однако герцог знал пределы такой открытости.

Решив, что разговор закончен, лекарь достал из боковой сумки старинную книгу и принялся читать. Ее название не смог разобрать даже герцог, который озадаченно склонил голову набок.

К своему удивлению, Уильям заметил, что прислуга Горрона почему-то весьма неприязненно восприняла лекаря из Детхая. Всю дорогу, двигаясь слегка позади, слуги буравили его спину полными подозрений взглядами. Посреди дня мимо их отряда промчался, дыша паром, гонец, следовавший куда-то на Дальний Север по приказу важной персоны. Но даже он, явно торопясь, заметил бронзово-смуглую кожу и натянул поводья. Глаза его сделались круглыми, точно он увидел самого демона Граго во плоти! В смятении, осенив себя Ямесовой чертой, он отправился дальше.

А Пацель только взглянул на него, потом на едущих позади – и вздохнул. Вздох его казался то ли обреченным, то ли с примесью раздражения. Уже вскорости, двигаясь бок о бок с Уиллом, он пожаловался, дескать, всю дорогу его мучают и испытывают такие невежественные взгляды. Уильяму отчего-то вспомнилось плохое отношение к нему же односельчан, и он потеплел к этому чудаковатому магу, почувствовав какое-то несчастное родство, что ли... Однако на вопрос, не возникло ли у него проблем по пути в Йефасу, маг отчего-то отделался только ухмылкой.

* * *

К вечеру представилась возможность убедиться в том, что Пацель вполне может за себя постоять. Даже несмотря на всю свою неуклюжую беспомощность.

Ненадолго поднялась метель, стала резать лицо, и всем пришлось заехать в ближайшее поселение. Балготт прятался за низенькими деревянными стенами, будто страхась всего мира, а рядом с ним текла скованная льдами река.

Как только путники ступили на эти не привыкшие к чужакам улицы, к ним высыпал из домов весь простой люд. Все бесстыдно тарасились. Возгласы касаемо шаровар, а также чрезмерного богатства одежд долетали до ушей путников. Но больше всех привлек внимание смуглолицый южанин, закутанный в чудаковатый шерстяной шарф. Некоторые дети, как и их родители, тыкали в него пальцами:

– Смотрите, демон с Юга! Темный демон!

Никогда ранее им не доводилось видеть кожу цвета сосновой коры, янтарно-яркие глаза.

– Спаси нас Ямес! – пугались они.

У оградки таверны путники спешили, передали своих лошадей конюхам и пошли было вслед за управителем, который боязливо зыркал на Пацеля, как вдруг неподалеку послышался окрик. Это из-за угла высунулась голова одного дерзкого мальчишки.

– Эй, кудлатый, не нужен ты тутова!

Голова засунулась обратно, за хлев, побаиваясь последствий. Последствий, однако, не было. Пацель даже не посмотрел в сторону оскорбившего его. Близоруко уткнувшись своим широким носом в книгу, он продолжал перелистывать страницы.

Вокруг набирала силу метель.

– Тебя что, дерьмом демонье обмазало? Фу, какая жуткая морда! – Голова показалась уже из-за другого угла, поближе. Мальчишка, казалось, наглел, пользуясь непогодой.

И в этот раз никто не отреагировал. Слугам Мариэльд не было дела до обиды незнакомого им человека, который всю дорогу ехал как бы сам по себе. Они снимали сумы и тащили их на себе внутрь. Прислуга Горрона, наоборот, наблюдала за происходящим

со злорадством, питая к южанину ничем не объяснимую неприязнь. Сам Горрон тоже не ввязывался. И только один Уильям, нахмурившись, сделал уже было шаг к дерзившему поселянину, чтобы потрясти того за шкуру, но его взяла под локоть старая графиня.

– Сын, Пацель позаботится о себе сам...

Южный лекарь продолжал забавно читать на ходу, несмотря на сыплющийся снег, и едва не споткнулся о кочку, пока шел к светящемуся проему таверны.

Со стороны детворы донесся дружный довольный гогот. Если Зостру ра'Шаса, когда он появился в Вардах, побаивались из-за величественного вида, то вид Пацеля вызывал скорее смех. А как известно, смех порождает бесстрашие... Бесстрашие, в свою очередь, обернулось тем, что в целителя под прикрытием метели неожиданно прилетел из-за угла один снежок. Шлепнувшись о плащ, он осыпался и оставил белый след. Пацель растерянно проморгался, поглядел вниз, на след, и, вытянув в недоумении лицо, снова уткнулся в книгу.

И тогда на него обрушился уже шквал снежков, сопровождаемый оскорблениями и хохотом, сплетенными со стоном ветра. Его совершенно перестали бояться! Снежной завесой пользовались как прикрытием, пока родители нарочно не вмешивались, сами питая неприязнь. А главный мальчишка – тот самый зачинщик – и вовсе откопал в сугробе камень, завел руку, размахнулся и швырнул в южанина.

Но камень до цели не долетел. Он неожиданно завис в воздухе, так и не коснувшись земли, как, впрочем, и почти все снежки, брошенные детьми. Обреченно вздохнув, Пацель обернулся в ярком свете проема таверны и со зловещим хлопком закрыл книгу. Он перевел взгляд на камень, поднимающийся все выше и выше, пока тот не оказался на уровне его глаз. Тогда, засунув книгу под мышку, маг соединил большой и указательный пальцы в круг и резко выкинул вперед указательный палец.

В тот же миг и камень, и снежки, словно выпущенные из лука, понеслись назад – в сторону своих хозяев.

Все дети попадали на спины и принялись с визгом отплевываться, однако самый главный из них, тот, который кинул единственный камень, так и остался лежать, не шевелясь. Вокруг него странно побагровел снег. Первое время никто не понимал, что на их глазах свершилось маготворство, к тому же обзор скрыл снегопад. Все хлопали глазами... А потом поняли, и вокруг поднялся тревожный гул, как в улье. К мальчику кинулась замотанная в тряпье женщина, – скорее всего, его мать, – и, обнаружив сына мертвым, истерично завизжала. Во лбу ее дитяти застрял камень.

Снег сгустился, облепил все вокруг.

– Позовите вождя! Гиппа! – завопили в толпе.

– Где Гипп? – кричали женщины.

– Демон! Это демон с Юга!

Горрон уставился на Пацеля, но тот лишь добродушно улыбнулся и повел плечами. Из одного дома выскочил худощавый старичок с лысой головой, на которую тот спешно надевал пышную меховую шапку. Подбежав к мертвому мальчику, он оглядел пробитую голову, пока над его ухом истошно рыдала мать.

– Он колдун! Демон Граго! – вопила женщина, прижимая к себе своего Генри, под которым уже растеклась лужа крови. – Убил! Он убил моего мальчика!

– Что делается, люди добрые?!

– Покарать! Во имя Ямеса!

Чтобы во всем удостовериться, над Генри склонились несколько поселян с суровыми

лицами, но испуганными глазами. Так они и нависали... А потом в глазах старика вспыхнула лютая злоба. Из домов уже выходили с вилами, розгами и луками. Лысый вождь побагровел, резво развернулся и пошел к магу, сжав губы, точно желая выплюнуть из них то ли проклятие, то ли призыв к нападению...

Горрон забеспокоился. В тревоге пребывал и Уильям.

А Пацель стоял и улыбался, пока шаги вождя становились все медленнее и медленнее. Наконец тот приблизился почти вплотную, замер и покачнулся, как пьяный. Постоял. Помолчал, вращая глазами. Затем вдруг развернулся и обратился к людям охрипшим голосом:

– Сама, Курода, виновата! – перекричал он метель. Снег залетал ему в рот, но он отчего-то не отплевывался. – Лучше нужно было воспитывать своего сына, безмозглая ты баба!

По губам маготворца вновь скользнула улыбка, и он, развернувшись, скрылся в льющемся из постоянного двора свете. Метель залетела за ним следом, хлопнула дверь. Мрак стал плотнее.

– Расходитесь, чего уставились?! – продолжал кричать вождь, пока сам не поплелся обратно домой.

В удивлении Горрон посмотрел вслед Пацелю, а потом на Мариэльд. Но та, лишь безучастно пожав плечами и полностью принимая сторону своего друга, взяла оторопевшего сына под руку и повела к постоянному двору. Перед ней услужливо открыли захлопнувшуюся ранее дверь. Перепуганные поселяне разошлись по своим хибарам. Все в округе притихло. На улице осталась лишь несчастная мать, рыдающая над телом сына, и ее стенания продолжались до самой ночи... Метель рыдала вместе с ней.

К счастью, поселение было совсем неказистым. А случись подобное где-нибудь в городе, путников бы ждали неприятности... Однако все странно разрешилось, совсем без последствий.

Пацель затаился в своей убогой комнатке, которую ему выделили, и снова пропал. Сколько бы Уильям ни ходил возле его двери, желая поговорить, так и не услышал ни дыхания, ни скрипа кровати, ни биения сердца. Горрон тоже не покидал свою спальню вместе со слугами. Лишь после полуночи, когда метель особо разбушевалась, они ненадолго покинули постоянный двор и вернулись уже с придушенными жителями. А затем еще раз покинули спальню, чтобы избавиться от остатков ночного пиршества.

* * *

Утром, выпутавшись из объятий Фийи, Уильям оделся и подготовил сумки. Проснувшись, служанка обнаружила, что всю работу за нее уже сделали, и смутилась. Однако она помогла своему господину расчесать волосы и поправила серебряные украшения. Совсем скоро она весело защебетала, как птичка. И щебетала, пока они вышли в пустой коридор, пока шли по безлюдному первому этажу таверны, пока выводили из денников вычищенных сытых лошадей. Ни одна живая душа не встретила их на протяжении всего времени, пока они собирались в путь. Это тревожило Уильяма, хотя, впрочем, он понимал, в чем крылась причина.

Уже когда они отъехали от будто вымершего поселения, над которым сгустились снежные облака, Уильям догнал Пацеля. Тот со скупающим видом оглядывался по сторонам,

взирая на заснеженные равнины, тянущиеся до самого горизонта.

Окружение было унылым, серым, безжизненным.

– Уважаемый Пацель, – обратился Уилл.

Тот вскинул голову.

– Вы тогда упомянули про веномансию...

– Все-таки заинтересовался? – ухмыльнулся маг. – Это искусство ядов.

– Всего-навсего? – удивился Уилл.

– Ох-ох, всего-навсего... Услышь тебя мой друг, мастер ядов Гор'Ахаг, он бы от такого невежества черкнул твое имя в свиток, а к вечеру уже вычеркнул бы, – ответил Пацель. Его глаза блеснули лукавым огнем. – Опытные веномансеры на Юге пользуются не меньшим почетом, нежели маги. А в разговоре о целительстве я порекомендовал тебе заняться этим ремеслом, потому что с обостренными чувствами бессмертных, с умением пережить любой яд можно быстро постичь его. Не боюсь смерти от случайной передозировки, вдыхания ядовитых паров и... кхм... прочих гадких неприятностей.

– А как веномансия используется? Чтобы травить кого-то?

– Нет. У нее широкий спектр действия.

– Это какой?..

Уилл мало что понимал в сказанном.

– Например, многие лекарства изготавливаются на основе ядов. Тот же голубой олеандр, которым обшит твой костюм, помогает против сердечных болей. Сильфия – для омоложения, хотя в больших дозах, наоборот, вызывает желудочные колики из-за горечи. А еще у южных правителей личная охрана сведуща в веномансии, дабы вовремя определить яд и подобрать противоядие, чтобы их не повесили, – деловито произнес Пацель.

– А разве нельзя просто вылечить магией?

– Чтобы лечить магией, нужно разобраться, что лечить, – улыбнулся наивным суждениям Пацель. – Предположим, перед тобой лежит умирающий человек. Представил, да?

– Я вас не понимаю... Отчего он умирает?

– Вот видишь! Ты не знаешь, отчего он умирает. Например, после обильного вкушения яств у человека онемели конечности, его рвет, начались судороги. На что указывают эти симптомы? Что ты предпримешь?

– Не знаю, – смутился Уильям.

– Скорее всего, это будет отравление мышьяком, столь популярное на Юге, и тебе потребуется противоядие. Но вдруг это не мышьяк? Чтобы быть уверенным, что противоядие или заклинание мага поможет, нужно определить причину. И сделать это быстро! Поэтому тебе, вампиру, который может через вкус крови определить вид яда и распознать его, будет намного проще.

– Спасибо, теперь я все понял... А долго обучаются этой самой веномансии?

– Всего лишь всю жизнь, юноша! – ответил маг и почесал короткую бороду. Затем закутался еще плотнее в накидку, стряхнув с шарфа налипший снег. – Мастера веномансии вечно соревнуются друг с другом в скорости создания новых ядов, а затем и противоядий к ним. Но если приложить умственные усилия, то можно стать почти что королевским веномансером за... предположим, полсотни лет.

– Как же долго... – разочарованно выдохнул Уильям.

Едущие немного позади Мариэльд и Горрон разом переглянулись, и последний с трудом

сдержался, чтобы громко не расхохотаться. Сам маг только сдержанно поджал губы, поглядывая на простодушного мужчину, который пока не осознавал всей ценности своей вечной жизни.

– Юлиан. – Графиня подъехала ближе. – Если у тебя будет желание, то я могу попросить Пацеля пригласить в Ноэль какого-нибудь веномансера. В дополнение к основному обучению, разумеется. – Она с любовью взглянула на сына.

– Какому основному обучению? – очень живо поинтересовался Уильям, посмотрев через плечо.

– Философия, эстетика, риторика и политика, несколько языков, в том числе письменный Хор’Аф, дабы уметь составлять на нем письма и документы. А также аельский язык, он же наш ноэльский, и рassiандский, на котором говорит весь Срединный Юг. О-о-о, я вижу жадный блеск в твоих глазах! В довесок тебе потребуется научиться хорошо сидеть в седле и фехтовать. Будешь помогать мне в управлении, поначалу немного. А затем, когда освоишься, возьмешь на себя половину моих забот.

– Вы все так точно распланировали... – мрачным тоном подытожил Уилл, сдержав свой порыв жажды знаний. – Как вы можете быть уверенной в том, что я не покину вас в Вардах?

– Просто уверена, – с улыбкой сказала графиня.

– А вы что, подумываете уйти, Юлиан? – спросил Горрон и пристально взглянул на того.

– Не знаю... Думал... – в сомнении ответил тот. – Слишком многое произошло за последнее время. Я уже не знаю, чего ожидать за тем деревцем, а вы меня спрашиваете о том, что будет дальше... Столько всего поменялось. Столько необычных встреч, которые перевернули все мое представление о мире, о людях и демонах. Что ждет впереди? Я сам не ведаю...

Тракт извивался по снежным полям, где, точно разбросанное пшено, виднелись крошечные деревни. Иногда путники проезжали поселения побольше, и подле них Уильям замечал странные деревянные сооружения с несколькими серыми крыльями. Кое-где на крыльях виднелись заплатки. Он видел такие сооружения и раньше – при отъезде из Брасо-Дэнта, – но тогда постеснялся спросить, что же это такое. Все его мысли тогда занимал суд. Теперь же он непонимающе уставился на них, силясь понять их назначение. Ему объяснили, что это ветряные мельницы. Уильям еще долго поражался их размерам.

Герцог в воодушевлении принялся рассказывать, как богаты на самом деле земли Солрага, как тучны его нивы и тяжелы ветки садов. Сколько железа добывается в недрах горы Брасо! А как это железо ценится на том же Юге! И что, мол, отчеты, которые приходят в замок, не отражают и части того, что есть на самом деле. Стоило упомянуть самого хозяина земель, как Уилл сразу растерял всякое желание продолжать разговор. И умолк. Только кивал.

В беседу вступила Мариэльд де Лилле Адан.

– Филипп, конечно, хороший управленец, – сказала она, – и Глеоф, захватив эти земли, поблагодарит его...

На этот раз разговор пресекался уже со стороны герцога. Он принялся хмуриться, понимая, что все дышит войной в сторону Солрага: как южный сосед, так и северный.

– Но Филипп не будет нарушать старые договоренности, – с сожалением согласился Горрон. – Даже я уже похоронил свой Крелиос, я – его отец... Но он упрямо не думает о союзнестве с Глеофом, пока Крелиос не падет окончательно.

Мариэльд не ответила. Но привыкший к бурной деятельности и принципиально не выносящий молчания Горрон де Донталь снова обратился к ней, раз Уильям избегал всякого разговора:

– Мариэльд, а как обстоят дела в твоём графстве?

– Отчего это ты заинтересовался моим Ноэлем? Неужели вложил большую часть своего золота в Цветочный банкирский дом?

– Так и есть – половину, – улыбнулся Горрон, совершенно не удивившись её пронизательности. – Я уверен, у тебя все в порядке, мирно, сытно, но на всякий случай уточняю...

– У меня все в порядке, – повторила с насмешкой Мариэльд и перебросила косы на другое плечо.

– А с Детхаем как складываются отношения? – не унимался герцог.

– Хорошо.

– Его аристократия, надеюсь, еще не смотрит в вашу сторону? Южное соседство опасное, алчное, жадное до бессмертия и дополнительного мешка золота.

– Можешь сам узнать это у верховного мага Детхая. Он справа от тебя.

Тут-то Горрон с куда большим интересом уставился на Пацеля, на которого указала шелковая перчатка графини. В задумчивости, пригладив гладковыбритый подбородок, он принялся беззастенчиво поедать мага глазами. Тот, в свою очередь, позволял рассматривать себя с насмешливым видом.

В конце концов герцог заметил:

– Вы очень молоды для верховного мага.

– Вы тоже в свое время были очень молоды для короля, Элрон Солнечный.

– Откуда вам это известно? – спросил Горрон. Голос его был спокойным, зато глаза разгорелись жгучим любопытством.

– Если вы не знаете о Юге, это не значит, что Юг ничего не знает о вас.

– Мариэльд?..

– Пацель прав. – Графиня пожала худыми плечами, сделав вид, что любитя расстилающимися полями.

– Мари, мы минуем мост на Драурге завтра, да? – Пацель достал из сумы книгу и принялся читать, показывая, что не горит желанием продолжать эту беседу.

– Да, – отозвалась графиня. – Завтра пополудни мы повернем на северо-запад. А вот Горрон отправится в Брасо-Дэнто, на север, если ты к этому клонишь.

– Хорошо, спасибо, моя дорогая.

На это Горрон де Донталь терпеливо улыбнулся и Мариэльд, и Пацелю, и, наверное, всем вокруг. Понимая, что ему здесь никто не рад и Уильям все более становится Юлианом, он ушел в глубокие думы, как со всем этим поступить. Лишь изредка он косился на мага.

* * *

Чем севернее продвигались всадники, тем глубже укрывался маг Пацель под своим шарфом. Когда они подъехали к мосту на Драурге, наружу торчали лишь его янтарные глаза и ширококрылый нос, а сам он продолжал трястись, как в лихорадке. От потешного вида мерзнувшего южанина слуги Горрона неприязненно усмехались, но, похоже, сам объект

насмешек это нисколько не трогало.

– Вам бы еще сверху один плащ, а то совсем замерзли! – Уильям порывался снять с себя накидку, но ему ответили отказом.

– Не стоит. Спасибо, юноша... Хотя... От твоих перчаток с обрезанными пальцами я бы не отказался. В них куда удобнее читать, а чтение – единственная моя отрада здесь, в этих снегах.

Стуча зубами, Пацель поблагодарил за протянутые перчатки.

Заночевал отряд в приличном городке, чтобы переждать вновь нарастающую метель и отдохнуть в тепле и уюте. Замотанный со всех сторон маг на этот раз не привлек никакого внимания к своему лицу, которого просто-напросто не было видно, и все прошло спокойно.

Утром путники продолжили путь в полном молчании. Порой Горрон пытался вывести Уильяма на разговор, но тот всячески сторонился его, глядел из-под бровей. Ясно было, что сердце у него сейчас тяжелое, а душа и того неподъемнее, темнее, поэтому в конце концов от него отстали. Отовсюду наступали то поля, то безжизненные равнины. Глазу если и было за что зацепиться, так за особо выступавшую ввысь кочку. Таков Западный Солраг! Ровный, как блюдо, и только одна унылая одинокая дорога тянется по нему, ползет, точно ведет в бесконечность.

К полудню большая дорога распалась на несколько поменьше. Они подъехали к тому самому перепутью, к реке Драург. Если миновать мост, то попадешь в Брасо-Дэнто, а вот уходящая влево тропа вела вдоль покрытой толстым льдом реки на северо-запад, в Офурт.

– Был рад увидеться с вами, Лилле Аданы. – Горрон остановил коня, затем добавил: – А вам, Юлиан, я от всей души желаю лишь всего хорошего! Пусть у вас все сложится и появится время на спокойное обдумывание произошедшего. А там пройдут годы... И может, появится трезвый взгляд на все. Мы обязательно с вами встретимся на Сирриаре, а там, думаю, и пообщаемся сполна.

– Спасибо и вам, господин Донताल. – Уильям протянул руку герцогу. – Я был рад знакомству с вами и тоже надеюсь увидеться. А что, кстати, за Сирриар?

– Сирриар – это праздник полутора тысяч лет с момента основания клана Сир'Ес.

– Значит, соберутся все... – протянул Уильям.

– Да. Абсолютно все старейшины – от молодых до древних, от самых нелюдимых до самых языкатых, от беститульных до королей... пусть даже бывших.

– Прощай, – склонила голову графиня.

– И тебе всего хорошего, Мариэльд.

Помахав удаляющимся Лилле Аданам, Горрон де Донताल проехал деревянный невысокий мостик и, периодически оглядываясь на укутанную фигуру мага, направился на северо-восток, в Брасо-Дэнто. За ними поспешили трое безмолвных слуг.

Страшный суд продолжал являться в воспоминаниях, но сердце Уилла уже болело не так сильно, а душа, кажется, искренне желала вырваться на свет из черного самозаточения. Этот подлец Филипп упорно изгонялся из памяти. Его же дочь... Йева... Ах, Йева... Уильям умом понимал, что девушка, может, и хотела сказать правду, но, верная отцу, не смела. Однако простить ее не смог. В остром желании забыть все связанное с семейством Тастемара он поворачивал ход мыслей не в прошлое, а в будущее – на Офурт, хотя, надо заметить, порой проще повернуть реку вспять.

Они сидели по ночам с Мариэльд в кресле, и она поглаживала его руку, постоянно напоминая о просьбе называть ее матерью. Однако Уилл лишь виновато качал головой.

Впрочем, всегда преисполненный мягкости взгляд, готовность честно отвечать на любой вопрос стали тушить в нем подозрительность, как вода тушит костер. Графиня часто рассказывала о своей давней-предавней жизни. Прикрыв глаза, она предавалась воспоминаниям о детях и внуках, о родной деревне, о верованиях, а Уильям неожиданно для себя проявлялся в этих беседах. О близком для них Офурте они говорили много и подолгу. Как же отличались эти земли от тех, что были полторы тысячи лет назад! Неужели на месте Больших и Малых Вардцев могли находиться не горы, а ковыльные степи?

Маг Пацель тоже стал удостаивать его долгими беседами после исчезновения Горрона. Обо всем, что касалось обыденных дел, они разговаривали мало, так как создавалось впечатление, что магу обыденное уже опостылело. К тому же он вечно мерз... В любой момент он мог резко замолкнуть, нахохлившись под плащом или уткнувшись носом в книгу. Но едва речь заходила о науках, его янтарные глаза вспыхивали кострами! И Пацель пускался в затяжные рассуждения о каком-нибудь необычном яде или о вычисляемом движении небесных тел. Какие это небесные тела, удивлялся Уилл? Сам-то он считал, что звезды всего лишь неподвижные светлячки, прибитые к небу гвоздиками. Нет, терпеливо утверждал маг и пытался объяснить, отчего Уильяму становилось стыдно от собственной безграмотности, ведь он не понимал ровным счетом ничего, и потому интерес к познанию мира в нем все рос и рос.

Служанка Фийя теперь всегда спала с ним, даже если кроватей в комнате было несколько. Холодными ночами, пока за окном падал снег, она согревала поцелуями, ласковыми прикосновениями и своим мягким юным телом. Любви между ней и Уильямом не было и быть не могло, а вот доверие зародилось быстро. Да и как можно было не доверять этой рабыне, когда глаза ее говорили всю правду, глядели зеркалами, напоминающими

неглубокое, но раскинувшееся вширь озерцо? И когда требовалось, они делались еще шире, как бы прося заглянуть в них получше, чтобы обнаружить ответ.

С рассветом, накинув на спину одеяло, Фийя прижималась к спине Уильяма своим мягким телом, прочесывала его черную шевелюру, ловко вплетая в волосы украшения с выбитым узором. Ее господин пытался противиться, утверждал, что только женщинам надобно ухаживать за собой, чтобы ублажать мужской взор, – и никак иначе... Да и зачем ему все эти украшения, если он поверх наденет шаперон? Служанка качала головой. Подняв пальчик, она с важным видом заявляла:

– Все знатные мужчины Ноэля ухаживать за собой, а вы теперь самый знатный. И я ухаживать за вами!

* * *

Дни все продолжали сливаться в один. От восхода до заката вокруг простирались седые унылые степи, где лишь ветряные мельницы у поселений рассекали своими лопастями хмурое небо.

Лилле Аданы все ехали, ехали и ехали.

А потом этот простор враз сменился густым ельником, мрачным, пугающим синеющей чернотой, которая разевала свою пасть, скалилась буреломами, сломанными деревьями и корягами.

Воспоминания нахлынули горной рычащей рекой, завертели. С дрожью Уильям вспоминал все произошедшее с ним. Укус Гиффарда. Дом бабушки Удды. Перепуганное личико Линайи. А потом погоня, позорный столб, побиение камнями и злобные выкрики односельчан...

Растеряв все свое хладнокровие, он сделался мрачным, отчужденным. Разве односельчане были не правы? Он что, не убивал невинных? Не вкушал их крови? Он уже переступил эту тонкую черту, отделяющую его от человека, и черта вдруг мигом распахнулась в непреодолимую огромную пропасть. Теперь он в тревоге глядел через плечо, понимая: пути назад, через пропасть, нет... Но Мариэльд, точно читая мысли, всегда в тот момент, когда воспоминания особо остро терзали его душу, приходила ему на помощь своими разговорами. И он был благодарен ей за понимание и заботу. Порой даже казалось: а не могли ли они быть связаны узами родства? Он пытался узнать у старой графини об этом – вдруг кто-нибудь из ее офуртской семьи выжил, – но в ответ получал лишь таинственную мягкую улыбку.

Привыкнув к новому имени, он начал ассоциировать себя именно с ним. Уильям из Малых Вардцев медленно, но мучительно погибал, растворялся в сознании вампира. А на смену ему приходил некий Юлиан де Лилле Адан из Ноэля – черноволосый статный аристократ, который хотел жить, хотел познавать окружающий его мир, демонов, людей и саму жизнь. Чем увлеченнее рассказывал о науках Пацель, тем ярче горели глаза его собеседника, перенимая факел познания.

Проезжая мимо рек и озер, Юлиан с любовью вспоминал свою милую Вериятелюшку. Зимой она всегда являлась к нему реже. И вот, взглядываясь в припорошенные снегом замерзшие глади вод, он задавался вопросом: а придется ли ей по душе море? Разве они не смогут быть вместе куда дольше в тех землях, где лед не обременяет оковами все вокруг?

Мало-помалу глухой, темный ельник, где было тихо, как в могиле, сменился высокими, стройными соснами, под которыми обосновался пышный свет. Тут живо, по-родному шумел ветерок, и сердце Юлиана кольнула тоска. Он всматривался во все вокруг. Даже воздух здесь, подле его старого дома, был совсем иным... Все эти запахи, звуки, образы теперь чувствовались особенно ярко, объемно, возвращали его к приятным воспоминаниям детства.

Над их головами раскинулась небесная лазурь. Наконец пейзажи стали удивительно знакомыми. Юлиан понял, что они подъезжают к Большим Вардам. Тут в нем вновь поднялся дух того самого рыбака Уильяма, на долю которого выпало слишком много злосчастий, и руки его задрожали. Он вцепился в поводья до белизны костяшек, прикрыл веки.

– Сын, – обратилась к нему Мариэльд.

– А? – Он открыл глаза.

– Ты больше не один. С тобой весь Ноэль. Никто теперь не посмеет волочь тебя за лошадиным хвостом и уж тем более заковывать в кандалы. Перестань считать, будто с того дня не прошло много времени и ты остался таким же! – Хозяйка Ноэля вздернула брови.

– Да, вы правы...

Деревья расступились перед ними. Путники попали в округлую долину, похожую на глубокую миску с ровным дном, в которой расплескалось поселение Большие Варды. От поселения ввысь, в горы, вилась тропка в Малые Вардцы, ныне погребенная под глубокими сугробами без единого человеческого следа.

Где-то слева стучали топоры – это люди рубили сосну для растопки очагов. Справа, подле деревянных ворот, чернел торчавший из сугроба остов старого храма. А неподалеку от него был врыт каменный лик Ямеса, нахмуривший брови, тяжело глядевший на всех проезжающих, будто напоминая, что больше десяти лет назад здесь погибли отец, учитель и друг того, кто когда-то носил имя Уильям.

Дышащие паром лошади миновали ворота.

Не выдержав, Юлиан поднял глаза, но, конечно же, травницы Удды на столбе посреди площади уже не было... Все же он вздрогнул... Его продолжала закручивать река воспоминаний, оббивать о выступы. Пока над ним качался несуществующий гниющий мертвец с черными глазницами, что выклевали вороны, в дырявом мешковатом платье, из домов уже показывались женщины с детьми. Хлопали двери и ставни. Высыпавшая наружу ребятня паялилась на приезжих. Юлиан видел, что в их глазенках испуг смешивается с любопытством. Они не признавали Уильяма среди других путников, среди этих сероголубых одежд, изящных лошадей и дорогих украшений из серебра.

А вот он помнил их всех с рождения.

В Больших Вардах все осталось прежним. Прошел почти год, как он покинул это место, но с тех пор ничего не изменилось. Разве что заметно подросли малые дети да где-то перекрасили ставни или поменяли дощечки лестницы. Юлиан спрыгнул наземь, взял коня под уздцы и обратился к сильно вытянувшемуся Элиоту, стоящему на краю площади.

– Элиот... – Голос его был тихим.

Тот вытаращился на чужеземца, который почему-то окликнул его по имени.

И услужливо подбежал к нему. Конь рядом с незнакомцем был тонконогим, ретивым, а сбруя так ярко мерцала разными камнями, что юноша не сдержал восторженного вздоха. И сразу он представил себя на нем верхом, пронзающим копьем какого-нибудь огнедышащего дракона! Когда он вдоволь намечтался, то обратил внимание, что лицо худощавого аристократа ему смутно знакомо, а голос – и того более, будто слышал его уже множество раз. Вот только где приходилось-то?

– Скажи, где сейчас живут матушка с Маликом? – спросил Юлиан, видя, что его не узнают.

– Матушка, господин?.. Мал-лик... – И тут до мальчика дошло, кто стоит перед ним. Он застыл с распахнутым ртом.

– Да, где они живут?

– Там, там, в доме умершего вдовца Уннота, – трясущейся рукой показал Элиот и побежал к остальным.

– Это же Уильям... – вдруг заметил один из жителей.

– Уильям!.. Точно он!

Из домов выходили еще люди.

– Демон вернулся! Зовите вождя!

– Отродье Граго!.. Лю-ю-юди-и, вождя!

На лицах жителей появилась угрожающая темнота. В чужеземце многие начинали признавать рыбака Уильяма, пугались и тыкали в него пальцами. Поднялся заунывный вой поселянок. Во дворах залаяли собаки, точно почуявшие демонов. Заплакали малые дети, которых потащили по домам, чтобы уберечь от проклятия.

Некоторые жители глядели недоверчиво, потирали глаза кулаками, таким уж невозможным им казалось все происходящее, а другие и вовсе побежали разнести вести.

– Вернулся демон! – разлеталось повсюду.

– Демо-о-он! Упаси нас Ямес!

– Веди нас к больной женщине, сын мой! – властно приказала Мариэльд, так и не покинув седла.

Чувствуя, как колотится его сердце, Юлиан быстрым шагом повел ноэльцев по глухой улочке, где некогда жила бабушка Удда. Остановился он около соседнего покосившегося глиняного дома. Позади был разбит огородик, и о нем явно забыли еще летом: холм прошлогодней листвы, лопата и грабли лежали брошенными на присыпанной снегом земле. Все здесь гнило в сырости, неухоженности. Покосившуюся на петлях дверь кто-то, видимо, отремонтировал перед самыми холодами, но сделал это неумело: в щели продолжали задувать стлтые зимние ветра.

У господина принял поводья молчаливый Къенс.

Пацель неуклюже спустился со своей пухлой кобылки и поправил такую же пухлую сумку, затем подал руку старой графине, чьи серебристые косы упали на спину, едва она скинула капюшон.

Юлиан постучал в дверь.

– Ну что опять?! Скоро отдам! – послышался знакомый ворчливый голос. Дверь отворилась.

Не сразу у Юлиана получилось узнать своего старшего брата. Малик сильно исхудал, глаза его потускнели, как озера во время дождя, а от носа к углам рта протянулись две глубокие борозды. Это были отметины жизни, сопровождаемой только лишениями

и страданиями. Рубаха на нем тоже была изношенной, старой и висела потным мешком.

Зато Малик младшего братца вспомнил сразу же. Как не вспомнить того, из-за кого, по его мнению, они теперь живут в безобразной лачуге, с трудом сводя концы с концами? С выпученными глазами он еще некоторое время туго соображал, уж не грим ли перед ним. Уверившись, что нет, он тотчас подался назад и схватился за дверь.

От неожиданного гостя хотели запереться, но тот успел подставить высокий сапог в узкую щель.

– Ты... – пролепетал севшим голосом брат.

– Я... Я здесь, чтобы помочь, – торопливо ответил Юлиан. – Впусти меня!

Малик поглядел через плечо младшего брата. За тем стоял отряд, по-иноземному одетый и, главное, вооруженный копьями, которые сверкали наконечниками. При огромном желании послать посетителя к чертям Малик не мог этого сделать. Ему только и оставалось, что беспомощно пригладить свои поредевшие сальные волосы, уронить голову и впустить всех.

Пригнувшись, Юлиан, Пацель и Мариэльд переступили порог и оказались в крохотной комнатке. Тут не было ни единого оконца. Посередине комнаты, на земляном полу, пылал обложенный камнями очаг. Вокруг него были три лежанки, а ближе к стене стояли кривоногий столик, два заваливающиеся стула и подвешенная к потолку колыбель, которая едва покачивалась из стороны в сторону. В целом все здесь было беспросветно нищим, жалким, лишенным малейшей надежды на то, что этот мрак разойдется и солнце одарит своей благодатью.

Колыбель закачалась еще сильнее, и изнутри донесся детский плач.

Со стула поднялась похожая на тень Шароша, сгорбилась над люлькой, чтобы убаюкать требующего внимания ребенка и вновь приняться за работу. На собравшихся у двери господ она вперилась устало, да и то не сразу. Неподвижные маленькие глаза принялись в каком-то продолжительном оцепении разглядывать шаровары, выющийся по одеждам голубой цветок, аристократические лица, кольца, броши... Все это было из какого-то другого мира. Незнакомого ей... Богатого...

Но все-таки и к ней пришло понимание, кто стоит у порога. Тогда Шароша горестно вскрикнула, выхватила из колыбели уже заснувшего сына и прижала его к груди, выдав свой страх за его маленькую жизнь. Сын громко заорал. А мать отошла к стене и уставилась на того, кого считала чудовищем.

Юлиан покачал головой сам себе. Разве прижимала бы она сейчас к себе кого-нибудь, не спаси он ее тогда от вурдалаков? Как, однако, коротка на добро человеческая память, думалось ему, и как крепко она впитывает все злое.

Он посмотрел на перепуганную женщину, ее покрытые огрубелыми мозолями руки. А потом увидел гору прутьев позади, у стены, и понял: они с мужем занимаются изготовлением корзин. Труд тяжелый, изнуряющий. Только им, видимо, и спасались, чтобы не помереть с голода.

Свою матушку он обнаружил за пламенем очага, на лежанке, приподнятой над землей подстеленными ветками и прелой соломой. Ее укрыли толстым дырявым льняником, и она лежала неподвижно. Потому Юлиан и не заметил ее с порога. Вид матери испугал его... Похоже, Нанетту сильно лихорадило. С полураскрытых губ срывались то болезненные нестерпимые стоны, то шепот, и порой она как-то судорожно вздыхала, не приходя в сознание. Висок ее блестел бисеринами пота.

Обеспокоенный Юлиан коснулся родного лица, бледного, худого, но почему-то одутловатого. Стоило ему отдернуть одеяло, как вверх взметнулись гнилостные, спертые запахи и под старой рубахой обнаружили пролежни размером с кулак. Видимо, лежала так, едва живая, в полузабвении, пожилая матушка уже довольно давно.

– Малик, почему ты не занимался ей?! – схватился за голову Юлиан, видя, что матушка готова отдать Ямесу душу.

– Занимался... пока были дарены... – пробубнил Малик и опустил глаза в стыдливом признании, посмотрел на свои мозолистые руки. – Но тяжело мне прокормить три рта, понимаешь? Тяжело! Не успеваю я следить за ней!

– Отойдите, все отойдите, – мягко вмешался Пацель, скидывая с плеча сумку.

Юлиан послушно уступил место магу.

Тот размотал свой шерстяной шарф, снял перчатки, накидку, пока не остался в одном шерстяном табарде поверх рубахи. Встав на колени, он потрогал тыльной стороной ладони лоб Нанетты, взял ее почти безжизненную руку в свою, помял пальцами, прислушался к сдавленному дыханию.

– Вовремя успели. Еще неделя-две – и умерла бы, – улыбнулся он.

Из сумки маг извлек похожий на сапожное шило нож, которым сделал прорезь в рубахе. Потом тут же приставил его острием к правой груди женщины, надавил – и нож погрузился по самую рукоять. Маг принялся бормотать под нос что-то то протяжно-переливчатое, как песня, то грубое, точно брань.

Заклинание на Хор'Афе, догадался Юлиан.

Между тем Шароша издала полубезумный вопль. Дитя на ее руках тоже завопило. Прижавшийся спиной к комнатной стене Малик только и глядел с распахнутым ртом, как на его глазах «убивают» родную мать. Юлиану тоже было не по себе, но невозмутимое спокойствие мага придавало ему уверенности, что все разрешится благополучно. Что-то ему подсказывало, что маг, при всей его внешней неказистости, не зря звался верховным.

– Дайте посудину! Поглубже! – приказал Пацель.

Малик продолжал стоять, не шевелясь. Пришлось его младшему брату со вздохом самому взять со стола глиняную миску и передать в настойчиво протянутую руку целителя. Тот, склонившись над матушкой, поставил миску подле проделанной узкой раны. И начал водить пальцами, как бы закруживая воздух вверх. Эти движения напомнили Юлиану выманивание воды из мертвеца на берегу.

Чуть погода наружу и правда показалась белая дурнопахнущая жидкость и, принявшись переползать через края посуды, стала плюхаться туда. Длилось это весьма долго. Комнату окутал удушливый запах, пока все присутствующие замороженно наблюдали за целебной магией.

Наконец вся гнойная жидкость покинула легкие, а вслед за ней, извиваясь, вдруг показалась белоснежная лента длиной с палец.

– Что? Червь?! – воскликнул Юлиан, не веря собственным глазам.

– Червь, он самый, – ухмыльнулся Пацель.

– Но, эм, как он там...

– Летом спит, а зимой пробуждается, чтобы, пожрав хозяина, отложить в нем яйца, которые будут зреть до следующего лета.

Насильно волоча свое тело к миске, извиваясь то в одну, то в другую сторону, белесый червь пытался вернуться туда, где обитал долгие годы. Но магия была сильнее. И вот он уже в беспомощности скрутился посреди жидкости. Пацель поднес пальцы к посудине и шепнул: «*Раихаасдурм*». Все ее содержимое вспыхнуло зловещим пламенем, а сам он сухо заметил:

– Миску не пользоваться для еды, выбросить.

Приложив к груди старой женщины руки, он прикрыл свои ярко-янтарные глаза, доселе отражающие пламя очага. Его веки задрожали, пока губы нашептывали тихое заклинание, куда более спокойное. Пробитая рана на груди стала затягиваться, как и пролежни на боку, – и все пропало, будто и не было ничего. В облегчении матушка Нанетта сделала глубокий вдох, но так и не пробудилась.

– Почему зимняя аспея так называется, знаешь? – улыбнулся Пацель, убирая руки от груди.

– Не знаю, – ответил шепотом Юлиан.

Он встал на колени рядом с матерью.

– Аспея образовано от «аспид». Аспидами называли мелких летающих змей, тех, что жили в этих землях еще до Слияния, но вскоре исчезли. Теперь так стали звать этих разносящих яйца посредством кашля червей. Многие просвещенные южные целители уже давно ведают про паразитов и способы их размножения, ибо эти яйца видимы, пока недоумки на Севере лечатся травками. – Тон мага был пренебрежительным.

– Так матушке теперь ничего не угрожает?

– Проскачет, как молодая кобыла, еще лет тридцать.

– Спасибо вам, Пацель! – с благодарностью в глазах шепнул Юлиан, точно боясь разбудить родную матушку раньше положенного.

– Говори спасибо Мариэльд. Я проделал такой большой путь только ради нее. Все это делается только ради нее, а не ради тебя. – Маг вскинул брови, отряхнул колени и поднялся с земляного пола. – Поселянка очнется уже завтра.

Казалось, все плохое осталось позади. Нанетта погрузилась в исцеляющий сон с дыханием без хрипов, а ее грудь равномерно опускалась и поднималась. Перед глазами Юлиана, который залюбовался этим, тут же встало далекое-предалекое детство, такое, где мать озаряет все бытие ребенка, каждый вздох, каждый день своим ласковым солнцем. У него защищало глаза.

Юлиан с нежностью сжал руку Нанетты, потом поднял счастливые покрасневшие глаза. У двери, в тени, стояла с благодушной улыбкой Мариэльд. Встав с колен, он подошел к графине, склонился и приобнял ее, сухонькую и маленькую, но выполнившую такое большое и сердечное обещание.

– Не знаю, как вас отблагодарить...

– Знаешь... Знаешь, что я хочу от тебя услышать, – произнесла Мариэльд вполголоса и погладила его по черным волосам.

После недолгой паузы, смутившись, он все-таки произнес:

– Матушка...

– Да-да! – рассмеялась Мариэльд.

Пока они говорили, Пацель приблизился к Шароше, вслушался в ее дыхание, деловито постучал пальцами по ее груди, пока та от ужаса боялась даже дернуться. А затем послушал

и ее притихшее голубоглазое дитя. С удовлетворенным видом он отошел. Наконец уже на Малике, приложив к тому ухо, едва шевеля пальцами, словно настраивая слух, маг кивнул сам себе.

– Здесь еще один паразит. Давно кашляешь? – сухо поинтересовался Пацель.

– С этой зимы, – прохрипел поселянин.

– Понятно...

– Вы тоже меня будете это... ножом тыкать? Не надо!

– Нет, я делал это для отвода гнойной жидкости, скопившейся за долгие годы... А из тебя достаточно просто извлечь червя. Впрочем, тебе этого все равно не понять.

Как только маг повел рукой, Малик вытянулся струной, схлопнул по бокам руки и задеревенел, выпучив глаза. От страха он засипел – его полностью обездвигили.

– Дай ту же миску, пожалуйста, Юлиан. – Маг требовательно протянул руку.

Миску тут же передали. В знак благодарности Пацель кивнул и, держа одной рукой посудину, другой стал водить у носа поселянина. Раздался хрип. Малик закашлялся, принялся давиться, но на его мучения не обращали никакого внимания. Так и продолжал Пацель творить свою южную, основанную на Хор'Афе магию, пока из правой ноздри вдруг не высунулся... белый кончик.

Шароша вскрикнула. Юлиан брезгливо поморщился.

Поменьше первого, но такой же омерзительно-скользкий белый червь плюхнулся в подставленную миску. Маг сжег его, как и предыдущего. Перепуганный Малик шархнулся на гору прутьев, едва не завалив ее; схватился за нос и горло руками, ощупывая все, точно боялся, что его заколдовали.

– Спа... спасибо... – только и выдавил он.

Пацель опалил свой узкий нож соскочившим с пальцев пламенем и спрятал его в сумку. Вскинув ее на плечо, он взял со стула шарф и вновь причудливо намотал его. Затем набросил на плечи плащ, не зашнуровывая, – и вышел к ждущим снаружи слугам.

– Мы можем пока остаться? – спросил Юлиан.

– Конечно, – кивнула Мариэльд. – Я хочу, чтобы ты увидел эту женщину, что была тебе матерью до обращения, в полном здравии и попрощался с ней.

– Малик, я вернусь завтра, – бросил через плечо вампир.

– Спасибо... – в смятении пробормотал брат.

Пригнув голову, чтобы не удариться макушкой о дверной проем, Юлиан пошел следом за графией Ноэля. У него в душе расцвело ненадолго счастье, поэтому он поневоле держал на губах улыбку. Вслед ему посмотрел Малик и тихо, но как-то радостно вздохнул.

– Уважаемый Пацель, – негромко поинтересовался Юлиан, когда они брели по глубокому снегу.

– Да?

– Получается, зимняя аспея заразна?

– Да, – сухо кивнул маг.

Юлиан смутился, но все-таки спросил:

– А... Кхм... А во мне нет такого паразита?

– Если и был, то умер!.. – Маг из Детхая отчего-то очень развеселился. – Но если сомневаешься, в Ноэле я могу тебя препарировать этим самым ножом – и взглянешь сам!

В сопровождении Пацеля, спешившихся слуг и стражи Лилле Аданы направились к площади. Там собиралась шумная толпа. Но Юлиан смотрел на собирающихся уже куда

спокойнее, зная, что матушка Нанетта здорова. А это самое главное.

* * *

Этим солнечным зимним днем жители Вардов стояли на площади. Их было почти под сотню. Многие побросали ежедневные дела, вернулись из сосняка поблизости, пришли с реки, из домов, оторвались от подсчета монет, чтобы взглянуть на вернувшегося демона. Все понимали, что чужеземцы в меньшинстве, а потому ропот становится ожесточеннее, увереннее и грубее. Из домов продолжали возвращаться мужчины со всем тем, что попало под руку; у некоторых лесорубов в руках блестели металлом топоры.

В сторону бывшего рыбака понеслись проклятия. Досталось злых слов и Пацелю, чья смуглая кожа не давала северянам покоя.

Ноэльцы остановились у добротного постоялого двора, расположенного подле харчевни с одной стороны и дома купца – с другой. Желая отдохнуть, они ждали конюхов, чтобы те увели лошадей в денники. Гостей никто не принимал и, похоже, даже не собирался, пока в конце концов из постоялого двора тяжелым шагом не вышел сам хозяин. Следом за купцом Осгодом засеменял и вождь Эхор, в шерстяном платье с накинутым сверху плащом, отороченным мехом.

– Приветствовать вас, – произнес слуга Къенс. В голосе его звучал сильный южный акцент. – Почему ваши слуги до сих пор не приняли лошадей, не выделить нам комната?

– Приветствую! – сказал басом Осгод, затем ухмыльнулся в бороду. – Для вас, господа, комнат нет.

– Как это нет? – не поверил Къенс. – В такой зима все постоялые дворы пустовать. Везде, где мы проезжать, они пустовать... Не сезон.

– А вот так. Хотите отдохнуть? Так езжайте, господа, в направлении Офурта, а здесь вас не примут.

До слуха Юлиана донесся скрип. Он поднял голову и увидел, как створки одного из окон дома на последнем, третьем, этаже распахнулись. Оттуда высунулась милая головка Линайи, ее длинная черная коса выпала за подоконник. Не веря своим глазкам, Лина устала на своего возлюбленного, что заметил и ее отец. Осгод отвлекся от перепалки, недовольно зыркнул на дочь, заставив ту ненадолго спрятаться.

– Мы под покровительством Ямеса! – вдруг послышалось с другой стороны.

Из толпы вышел служитель бога, до того худой, что даже сквозь балахон можно было пересчитать его ребра. Обойдя прибывших чужеземцев, он встал рядом с купцом Осгодом. И за весь этот недолгий путь глаза его, похожие на маленькие тлеющие угли, не оторвались от лица Юлиана, в сторону которого он вытянул трясущуюся от злобы руку и крикнул:

– Тебя, безбожник, этот город не примет! Не смей топтать нашу площадь и глядеть на наших матерей, жен и детей, которые набожно чисты! О, тебе не прибрать их души, приспешник Граго, своим злым черным глазом... Прочь, уходи прочь! И забирай с собой свой иноземный сброд!

Толпа отозвалась грозным роптанием.

– Я не сделал вам никакого зла! – крикнул Юлиан, чувствуя, как страх душит его. – Мы переночуем здесь и покинем Варды, когда я увижу мать живой и здоровой.

– Нет, ты уедешь сейчас! Вон! Вон! – заверещал жрец.

– Я сказал вам, что останусь до завтра!

– Забыла спросить тебя, когда нам уезжать, человек, – произнесла гневно Мариэльд, делая шаг вперед.

– Подожди, Мари... – ласково улыбнулся Пацель.

Маг поправил свои широкие рукава и с доброжелательной улыбкой вышел вперед всех, обратившись к стоящим напротив хозяевам городка:

– Вы, кажется, забываете, что у вас нет никаких распоряжений хозяина этих земель против нас. И мы имеем полное право остановиться, где вздумается, оплатив услуги серебром.

– Хозяин этих земель сам Ямес! – завопил жрец, которого вид южанина распалил еще пуще. – Потому не позволим демоническому отродью, да еще якшающемуся с поборниками Юга, быть в нашем городе! Вон отсюда! Или сами выпроводим вас!

– Ямеса? А кто это? – вдруг спросил Пацель, весело поднимая брови. – Это, стало быть, какой-то могущественный маг?

Жрец мигом оторопел, а чуть погодя его лицо налилось столь едкой желчью, что, казалось, его хватит сердечный приступ. Вокруг уже не просто зароптали, а стали призывать к расправе, забряцали тем, что было в руках: топорами, розгами, вилами. Такое-то богохульство, да в священных Северных землях! К тому же богохульство явно нарочное, от южанина!

– Ямес – это бог! – воскликнул служитель. – Наш великий, великодушный Ямес создал этот мир, посеял в нем зерна жизни и послал четырех посланников: Аарда, Саммама, Лионору и Граго, – дабы следить за всходами добра и людским благом! И все они следят, кроме Граго, этого отступника, пустившего скверну и породившего все злое!

– Ах, вон оно что, – наигранно произнес Пацель. – Всего-навсего выдуманый божок, коих было тысячи и будет еще с тысячу.

– Да как ты смеешь, южное отребье! – едва не бросился с кулаками на мага жрец. – Ямес покарает тебя за такие слова! Испепелит! Изничтожит, дабы не топтал ты обитель чести и благопристойности!

– Пусть карает, я жду, – ухмыльнулся Пацель.

Вокруг все стихло, да так, что стало слышно лающую за углом собаку. Деревня погрузилась в молчание. Перепуганный люд озирался по сторонам, ожидая кары своего божественного господина, о котором им толковали с самого рождения. И правда, не должен ли покарать Ямес за такое-то? Однако небо так и не гроыхнуло, стерев смуглого богохульника в порошок, а земля так и не разверзлась под его ногами, чтобы поглотить.

Пацель стоял и улыбался.

– Где же Ямес? – поглядывая с любопытством в небо, поинтересовался он.

Кровь отлила от лица жреца. Он также посмотрел вокруг себя, растерялся, не зная, что ответить. Ни разу все его прения не доходили до столь очевидного вопроса, а где же, собственно говоря, кара божья?

– Где он, хозяин этих земель? Где ваш великий бог, который породил этот мир и посеял в нем зерна жизни? Где, я спрашиваю?!

Все молчали растерявшись.

– Видишь ли, глупый человечек, – продолжил маг, и в голосе его зазвучало странное, темное величие, – твой Ямес, такой, каким вы себе его представляете, живет лишь в ваших деревянных головах... А вот мы, демоны, стоящие перед тобой, абсолютно реальны. В этом

мире никогда не было богов, запомни! Ибо еще до них здесь обосновались демоны. Демоны, которые, возможно, и были полубожествлены вами, но таковыми не являлись... Мне кажется, куда разумнее пытаться договориться с нами, чье существование доказано, чем пытаться взывать к тому, кто не сможет спасти тебя от гибели!

Все вокруг вмиг сделалось темно-серым, сумрачным, и город оказался укрыт чьей-то огромной тенью. Над Вардами точно сомкнулись грозовые тучи. Как и жители, Юлиан вскинул голову, но небо было таким же ясно-голубым, без единого облака. Что же случилось?

Побелевший люд окончательно притих. Все уже пугливо глядели на стоявшего перед ними чужеземца, странного, не верящего в бога, улыбчивого, но вместе с тем отчего-то зловещего.

Продолжая улыбаться, Пацель спросил:

– Ну и какой твой ответ, человек?

– Ямес, защити нас! – воскликнул жрец в испуге.

– Ну что же, – пожал как-то разочарованно плечами маг, – тогда молись своему Ямесу!

Ноги жреца с хрустом подогнулись, и сам он неожиданно оказался на коленях. От него отпрыгнули, как от прокаженного, купец Осгод вместе с вождем Эхором. Воздев руки к небу, он согнулся пополам в поклоне.

– О, спаси нас, Ямес, молю! – снова воскликнул жрец. – Прошу!

В иступленной молитве он склонился к земле... и вдруг силой ударился об нее лбом... Окружающий люд содрогнулся. Опять подняв руки, жрец снова ударился. Над деревней зашумел злой ветер, пронесся между домами; где-то в доме истошно завопил оставленный ребенок. Сумрак почернел. Стоило несчастному вернуться на колени, как все увидели его перекошенное в ужасе лицо – из рассеченного лба струилась кровь.

Служитель разрыдался, подобно ребенку.

– Ямес, где же ты... Спаси меня от присутствия демонов! Сохрани меня от них! Всю жизнь я молился тебе, ни разу не... – Раздался хруст. – Ни разу я не согрешил, не обмолвился злым словом в сторону чистых душ... – Опять хруст. – О, за что мне это?! За что?

Жрец продолжал разбивать свое лицо о землю и плакал. Никакие божественные силы так и не вмешались, чтобы помочь ему. Между тем Пацель ходил вокруг, наклонялся, заглядывал ему в глаза с понимающе-злой улыбкой. Будто все это страсть как его забавляло!

Вместе с ним на унижение жреца тарачился и простой люд. Напасть ли на колдуна? Ударить ли в спину, пока он приплясывает, как дворцовый шут? А страшно-то... Страшно! Все переживали прежде всего за свою жизнь, дрожали, как овцы, которые видят, что волк терзает и уносит одну из них от отары. Но сделать ничего не могли, ибо у волка клыки и когти.

– А Ямеса все нет... – наконец развел руками маг. – Что же делать? Может, нужно больше молящихся?

После этих слов все поселяне на площади поневоле упали на колени следом за стонущим жрецом. Что тут началось... Вопли! Крики! Люди разом взмолились, но взмолились они не Ямесу, как предполагалось, а могучему колдуну, причем сделали это пуще, громче и искреннее, чем в храмах. Сам колдун, сверкая глазами, в которых точно бесновался нечистый огонь, издевательски хохотал.

Побледневший Юлиан следил за ним, но его за локоть держала Мариэльд, поглаживая

и успокаивая.

– Ну что, готовы молиться Ямесу?! – с чувством, приплясывая и вскидывая ноги из-под платья, спросил Пацель у жителей Вардов.

– Пощадите! Прощу! – захрипел вождь Эхор. Его руки, как и руки прочих, разом взметнулись вверх.

А потом, также разом, поселяне устремились лицом к грязной, истоптанной земле, однако нелепо остановились над ней за миг до удара. Мольбы стали горячее, жалостливее. Даже по щекам многих мужей потекли слезы, что уж говорить обо всех остальных.

– О чем вы там говорили? О пощаде? – спросил маг.

– Остановитесь! – пробасил Осгод. – Тут женщины, дети, старики!

– Ну, женщины, дети, старики... Что с того? Почему я должен щадить их всех, если вы не способны пощадить даже одного из своих, а? За что не терплю Север, так это за вашу косность, которую тяжело пробить. Ну-ну, я вас слушаю... – улыбнулся Пацель и, подобрав подол, склонился над бородатым купцом.

– Мы... будем рады предоставить вам кров и еду, – произнес перепуганный Осгод, дрожа.

– Мне по душе ваше здравомыслие! – доброжелательно протянул маг из Детхая, затем потер ладони. – Будьте добры, мне комнатку потеплее, с камином. И не забудьте принести курицу, хлеб и пиво. От всех этих дел с божками так разыгрывается аппетит!

– Как прикажете, господин.

Линайя, белая как снег, убедилась, что с отцом все хорошо, и посмотрела своими синими глазками на Юлиана, потом на странную женщину с белоснежными волосами и на страшного колдуна с Юга. И захлопнула ставни. И хотя люд быстро расходился по домам, жрец так и продолжал разбивать свою окровавленную голову о землю... Бился и бился... Но уже не молился.

* * *

Насмерть перепуганные работники, поднявшись из грязи, приняли лошадей и увели их в конюшни, чтобы покормить. Вместе с графиней Юлиан направился за управителем, рука которого все тянулась осенить себя знаменем Ямеса, но замирала на середине и опускалась.

Уже в комнате Юлиан пропустил Фийю и хмуро огляделся, вспоминая, как чистил здесь камин. Он и подумать не мог, что так все обернется... Ну что же, жизнь порой и правда поразительна...

– Тео, вы здесь вырасти? – спросила айорка. Она раскладывала из сумки вещи.

– Да...

– А эти злые люди – ваш бывший сосед и родственник? – удивилась она.

– Да, – снова кивнул Юлиан.

– Ясно... – И Фийя едва покраснела. – А вы отправляться с нами в Ноэль?

– Да, Фийя, и еще раз да!

– Ах, я так счастлива, тео, – облегченно выдохнула служанка и расплылась в блаженной улыбке.

Между тем Юлиан прислушался.

Снаружи доносились шлепки, точно били мокрой тряпкой, и он подошел к окну, открыл

ставни и выглянул. Внутрь влетел морозный воздух. Солнце разогнало полумрак. Перевесившись через подоконник торца здания, вампир увидел, что служитель действительно до сих пор бьет поклоны Ямесу своей разможенной до мяса головой. Остальные жители Вардов быстренько разбежались по домам, чтобы не мозолить глаза страшному колдуну. Пацель явно был по-злему ироничен.

Вслед за своим господином высунулась и Фийя, посмотрела на мертвеца и улыбнулась.

– Вот негодяй, получить свое! – довольно заявила она. – Как он посметь что-то вам кричать?

– Но заслуживает ли он такой смерти?..

– Заслуживать, заслуживать... Он же злодей!

Даже сюда, до окна, долетал манящий аромат крови. С жадностью Юлиан потянул его носом, прикрыл веки. Ненасытность давала о себе знать. Его клыки были белоснежно остры, ломили, и он уже привычно пригладил их языком, чтобы успокоить.

– Я бы тоже испить крови, тео, – прощепетала Фийя, заметив едва потемневший взгляд. – Мы в последний раз пить в Молчаливом замке, в подвал, куда нас отводить слуги.

– Только не здесь.

– Но почему же?

Впрочем, ей не ответили.

Служитель остановился и остался неподвижно лежать до рассвета... По небу ползли пригнанные с севера тучи. Чуть погодя посыпал мелкий, но частый снег. Бедолагу начало стремительно заметать – и вот он уже стал напоминать скорее простой сугроб, нежели символ ужасной божественной кары.

Пока не наступила ночь, Юлиан решил закончить еще одно дело и достал из седельной сумки выигранный у капитана тугой кошель. Звякнув им и повесив его на пояс, вампир покинул комнату, первый этаж, а затем и постоянный двор, пока не растворился в снежной завесе, как призрак.

Сумерки уже обволокли Большие Варды.

Посматривая на белоснежный сугроб, под которым лежал служитель, Юлиан миновал его и качнул сам себе головой. Он пересек небольшую округлую площадь, поскрипывая сапогами из телячьей кожи, постучал в дверь дома. Дверь открыла жена вождя и, увидев лицо посетителя, едва не рухнула в обморок.

– Я хотел бы увидеть вождя Эхора, – ровным голосом сказал Юлиан.

– Он у купца Осгода...

Чтобы не пугать бедную поселянку больше положенного, Юлиан развернулся и зашагал прочь. Вслед ему глядели с ужасом, выплевывая с губ молитвы Ямесу. Кажется, думалось вампиру, он уже смирился с тем, что в глазах прочих он демон...

Чтобы не торчать посреди площади пугалом, Юлиан пошел в сторону дома Осгода. Это был крепкий, кондовый дом, и стоял он подле постоянного двора; четыре его окна выходили на двор. Отсчитав их, Юлиан понял, что его разместили ниже комнаты Лины. Потом поднялся по ступеням, постучал. Стоило жене Осгода увидеть бывшего рыбака, как ее лицо растянулось в такой же гримасе ужаса, как у жены Эхора, а сама она точно так же отшатнулась назад. Разве что, стоит отдать ей должное, догадалась придержать молитвы при себе.

Разрешения Юлиан спрашивать не стал – оно и так будет дано из страха, – переступил порог, прошел к гостиной, откуда доносились голоса.

В доме было уже темно, но он ясно различал обстановку. А ведь в детстве, когда ему пару раз выпала возможность побывать в этих комнатах, он проходил их не иначе как с распахнутым ртом! Ему казалось, что господин Осгод едва ли не богатейший человек в мире, что его скамьи с резными ножками, кровати из темного и светлого дерева, цветастые занавески на окнах, сундуки с настоящими железными замками свидетельствуют о почти королевском достатке! Что же, улыбался Юлиан, обычные деревянные скамьи, кресла, столы и сундуки, простенький камин... Вот и весь скромный достаток...

Голоса стали громче, отчетливее, и Юлиан попытался придать своему виду уверенное спокойствие.

Посреди гостиной, за столом с зажженными свечами, сидел на скамье купец Осгод в своем теплом спальном платье, а напротив – вождь Эхор. В углу, в креслах, сидели Линайя и Генри. Генри поглаживал большой живот своей жены, а та, навалившись на подлокотник и подперев кулачком щеку, смотрела куда-то вдаль, точно не замечала ничего. Юлиана она, впрочем, заметила сразу же. У нее перехватило дыхание, и девушка сначала побледнела, а потом покраснела.

– Приветствую, – произнес Юлиан.

Мужчины разом дрогнули, как будто к ним вошла сама смерть. Едва не опрокинув скамью, на которой сидел, Эхор подскочил, а господин Осгод так и не шелохнулся, лишь нахмурился.

– И тебе здравствуй, – сказал басом Осгод. – Или к тебе уже надо как к вашему сиятельству? И челом бить? – Перед ним была большая опорожненная кружка, пахнувшая пивом. Капли стекали по его окладистой бороде с небольшой проседью.

– Меня мало волнует, как вы ко мне обратитесь. Пусть даже как к его сиятельству. Все равно мне известно, что вы скажете, когда я повернусь к вам спиной... А пока надо обсудить одно дело... – ответил Юлиан и, повесив плащ на вешалку, присел за край стола.

– Чего надобно?

Юлиан чувствовал, что они боятся его куда больше, чем он их, поэтому воспрял духом. Голос его окреп.

– Я приехал помочь своей матери. Ее вылечили от болезни, но в таких условиях ей больше жить нельзя. Поэтому я собираюсь приобрести тот стоящий у мастерской сапожника дом, что вы с вождем выставляли на продажу по весне. За двести пятьдесят даренов... Я увидел, что он до сих пор не продан.

Нежеланного гостя, а также его перстень с мерцающим синевой сапфиром, чудные одежды, короткие волосы и украшения в них купец Осгод окинул взглядом исподлобья. Затем отодвинул кружку и отер черную бороду. Ему едва кивнул вождь Эхор.

– Да, он до сих пор продается. И как бы мы ни хотели тебе отказать, но, видимо, сделать этого не сможем. – Купец грохнул локтями по столу, укладывая их.

– Хорошо, тогда давайте оформим бумаги.

– Ну давай, – ответил купец.

Эхор, который чувствовал себя не очень уютно рядом с бывшим рыбаком, а ныне каким-то графом Ноэля, привстал и принялся отряхивать колени и зад.

– Осгод, дружище, пойду-ка я к своей женушке. Переживает, поди ж. Как бы чего не... Думаю, справитесь без меня... – промолвил тихонько он.

– Справлюсь, – ответил купец.

– Пап, я с тобой! – подскочил на ноги Генри. – Сладкая моя, Линушка, пойдем домой.

Пора спать!

– Я побуду с отцом, – качнула головой Лина.

Хлопнула дверь. Вождь и его сын позорно скрылись. В комнате стало слишком тихо, и две свечи на столе, догорая, роняли на все окружающее слабый рассеянный свет. Впрочем, вампиру виделось все: и одутловатость лица купца Осгода, и то, как резко он постарел за год, и трепетный взгляд Лины.

С трудом поднявшись из-за стола, купец подошел к сундуку, со скрипом откинул крышку и отыскал там бумагу, чернильницу и перо. Он вернулся, сел за стол, чуть ближе к вампиру, и принялся писать купчую. Дышал он шумно, тяжело, точно заработавшийся конь, и, прислушавшись к его сердцу, Юлиан заметил, как прерывисто оно стучит. Тогда он послушал сердце его дочери и понял, что купец, вероятно, болен.

Вскоре ему передали купчую. Юлиан проверил каждую букву, потом снял с пояса тяжелый кошель с заветными даренами, раскрыл... и сообразил, что забыл заранее достать оттуда серебряный браслетик.

Осгод тяжело выдохнул.

– А врала, что потеряла, – поглядев на браслет, нахмурился он и принялся ощипывать писчее перо своими большими пальцами. – Хорошо, хоть насчет девственности не соврала...

Юлиан не выдержал:

– Я собирался прийти к вам тогда, после дня Аарда, чтобы просить руки вашей дочери!

Однако купец своего гостя ответом не удостоил, только поглядел из-под сведенных бровей, как перед ним раскладывали стопки даренов, по десять монет в каждой. Он принялся пересчитывать их, скрупулезно перекладывая в более аккуратные и подогнанные друг к другу стопки. Затем, приняв подписанную купчую, Осгод недовольно зыркнул на сточенное перо, снова поднялся и зашагал к сундуку. Оттуда он достал нож, очинил им гусиное белоснежное перо. Его дыхание было таким же надрывным, тяжелым. Закончив работу, он расписался и передал один экземпляр покупателю.

– Спасибо, – сказал Юлиан.

Купец продолжал упорно не замечать его присутствия, как какую-то тень, что рассеется, стоит лишь солнцу подняться из-за остроконечных горных вершин. Нахмуренный Юлиан, понимая, что ему не рады и пора уходить, подошел к Лине и вложил украшение в ее ладошку.

– И тебе спасибо, – шепнул он. – За все... И прости меня.

Черноволосая Лина приняла браслет, прижала его к сердцу и смогла только кивнуть, побаиваясь родного отца. В ее глазках ненадолго воссияла светом первая и, возможно, самая большая любовь всей ее жизни, и она едва не расплакалась, прикусив губу.

Посмотрев на ее обремененный живот, Юлиан вернулся к краю стола и дождался, когда чернила подсохнут, чтобы скатать документ. Про себя он отметил, что девушка теперь пахнет для него иначе. С полгода назад она пахла нежностью, чистотой и фиалками, которые так любила вплетать в косы. Но, потянув носом подле нее, он почувствовал только, как заломило от жажды клыки. Теперь для него Лина стала человеком, не более... Им уже не суждено идти по одной тропе, тем более его тропа вьется под темными елями, в ночи и безмолвии... Накинув на плечи плащ, Юлиан у порога гостиной обернулся, посмотрел на девушку в последний раз, а губы его изогнулись в грустной улыбке. Он вышел из дома под густо падающий снег.

На постоялом дворе его ожидала Фийя.

Нежная и покорная, она, завидев в глазах хозяина вожделенный огонь, догадалась, чего тому хочется. Поднявшись с кровати, она распахнула серое платье из мягкой ткани. Оно упало к ее ногам, и айорка протянула ручки, улыбнулась своими остренькими, как у дикой кошки, клыками. Поцеловав ее в сладкие губы, Юлиан вдохнул ее запах... Запах женщины...

* * *

Поутру, выбравшись из-под пышного одеяла, Юлиан оделся и подошел к окну. Он распахнул ставни и всмотрелся в площадь. Бедного служителя уже убрали, по крайней мере на прежнем месте его не было. Снег сильно припорошил Большие Варды. Утро было одетым в ослепительно-белое. Улыбающаяся от своего простого счастья айорка закуталась в одеяло, приблизилась к Юлиану и прильнула сзади. На это он развернулся и поцеловал ее.

Где-то наверху скрипнула ставня. Юлиан поднял глаза, и ему показалось, что то были ставни окна Лины. Показалось ли. Впрочем, вздохнув, он поспешил покинуть свою комнату и постучал в дверь к Мариэльд.

Графиню он застал сидящей на краю кровати, пока Ада заплетала ее длинные серебристые волосы во множество кос, украшая их. На старой женщине было серое теплое платье с высоким воротом.

Юлиан склонил голову в знак уважения.

– Доброе утро, мой любимый сын.

– И вам... матушка...

– Когда мы уедем отсюда?

– Сначала я хочу навестить родных, – ответил Юлиан. – Если матушка уже очнулась, я готов отправиться с вами сразу после того, как удостоверюсь, что она в полном здравии и ясном уме.

– Как? Не хочешь задержаться? – И графиня лукаво вскинула бровь.

– Нет, меня здесь, в старой жизни, больше ничего не удерживает... Я хочу увидеть морской Ноэль и, кажется, уже готов полюбить его.

– Тогда поспеши! – улыбнулась Мариэльд. – Я прикажу Кьенсу собраться, чтобы мы могли тотчас тронуться в далекий путь.

Юлиан покинул комнату, чувствуя, как быстр и легок его шаг. Ноги сами по себе понесли его через площадь, по глухому проулочку, мимо жителей, которые шарахались в стороны, – к покосившейся лачуге. По пути он краем глаза видел, как все белым-бело вокруг. И от этого ему сделалось на душе светло, точно пышным, высоким снегом укрыло не только голую землю, но и его душевные раны. Правда же, что зима, ясная, ледяная, порой одаряет возвышенным чувством внутренней чистоты? Разве же морозный воздух не изгоняет ненадолго застоявшийся внутри темный дух, освобождая место для мечтаний и порывов?

Малик открыл ему дверь.

– Это Уильям? – послышался откуда-то изнутри до боли знакомый и любимый голос.

С дрожащей улыбкой Юлиан переступил порог, пригнувшись. У очага стояла Нанетта: с ровной спиной, помолодевшая на десяток лет. Ее добрые красивые глаза, которые достались и младшему сыну, были устремлены к вошедшему. В них блестели слезы. Стоило Юлиану увидеть ее, как он сразу понял, что тогда, на площади, матушке было гораздо хуже,

чем ему самому, что она продолжала любить его вплоть до той поры, пока не забылась в болезни.

– Сынок! – воскликнула Нанетта, кинулась к нему и обняла. – Малик мне все рассказал. Спасибо тебе, мой мальчик, спасибо!

– Я рад, что ты выздоровела... – Он любя погладил ее по спине, и глаза его предательски покраснели. – Как ты себя чувствуешь, мама?

– Прекрасно! Ах, я никогда себя так не чувствовала. Столько сил, в молодости столько не было... – Нанетта, увидев глаза сына, тоже разрыдалась. – Что же с тобой случилось, Уильям? Как с тобой поступили те люди, что увезли тебя? Где ты был весь этот год?

– Много чего, мама, случилось... – сквозь слезы произнес Юлиан. В этот момент он вновь стал Уильямом, рыбаком из Вардцев, пусть и ненадолго. Он все еще продолжал обнимать родную матушку, не в силах отойти. – Но сейчас, когда я убедился, что с тобой и с Маликом все хорошо, мне пора отправляться дальше, в Ноэль.

– Ох, да защитит тебя Ямес, сыночек. – Нанетта плакала. – Я тебя так люблю, и неважно, кем ты стал. Совершенно неважно... Пусть тебя бережет судьба и на пути попадаются лишь хорошие люди! И прошу тебя, сам... сам, главное, оставайся человеком!

Наконец, нехотя разорвав объятия, Юлиан поцеловал матушку в лоб и сказал Малику:

– Брат, я купил у господина Осгода тот добротный дом у мастерской. Люди вряд ли осмелятся упрекнуть тебя в чем-то после произошедшего... Но если что, говори, мол, я припугнул тебя и обещал вернуться позже. Говори, что ты против моего присутствия. В общем, думаю, разберешься...

И он передал купчую пораженному старшему брату. Тот покрутил ее, но, не умея читать, поверил на слово и кивнул.

– А это на покупку мебели, одежды и прочего, – добавил Юлиан и показал кошель с оставшимися монетами. – Там двести сорок даренов. Вам должно хватить надолго. Только не вздумай пропить!

– Не пью уже полгода! – проворчал Малик и жадно протянул руки.

– Сынок, как нам отблагодарить тебя? – еще пуще разрыдалась сердобольная Нанетта и прикрыла локтем лицо, чтобы вытереть слезы.

– Запомнить меня человеком...

За дверью раздалось конское ржание, и Юлиан понял, что его время пришло.

– Мне пора! – произнес он чистым голосом.

– Погоди... Хоть поддержи на руках племянника. Его назвали Бэлином, в честь дедушки! – воскликнула матушка и махнула рукой, подзвав к себе невестку.

Шароша поглядела недоверчиво, отупело, но приблизилась, ибо не смела противиться главной в доме женщине. С подозрением она передала агукающее дитя их гостю. Юлиан принял его осторожно, посмотрел в еще мало что выражающие выпученные глазенки и, немного подержав малыша, у которого с губы потянулась нить слюны, вернул. Он не знал, что с ним делать. Смятенный, он вновь обнял матушку Нанетту, пожал руку брату, кивнул Шароше и вышел на улицу, смахивая слезы счастья.

Кьенс держал за поводья его серого коня, и, вскочив в седло, Юлиан в последний раз посмотрел на стоявшую на пороге семью, что дышала в ладони, чтобы согреться на морозе, – и улыбнулся им.

– Ну что же... – Мариэльд де Лилле Адан с любовью посмотрела на сына. – Пора к новому дому, в Ноэль.

– Да, матушка, пора, – счастливо вздохнул вампир.

Отряд медленно выбрался на площадь, направился к бревенчатым воротам и покинул Большие Варды. Тракт был заметен снегом. Кони продавливали его и шли, дыша паром. Вскоре городок стал крошечной точкой, пока не исчез за сосновыми высокими стволами, как и прошлая человеческая жизнь рыбака Уильяма, а ныне – Юлиана де Лилле Адана.

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*

Ответственный редактор *Ирина Данэльян*

Литературный редактор *Елена Гурьева*

Креативный директор *Яна Паламарчук*

Арт-директор *ALES*

Иллюстрации блока *DRAUJANA*

Иллюстрация обложки *бильвизз*

Дизайн форзацев *Анна Коноваленко*

Корректор *Елена Сухова*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

mann-ivanov-ferber.ru